

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 3

Биографическое и автобиографическое

Москва

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 **Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 3: Биографическое и автобиографическое. – М.: ЦСПИМ, 2016. – 400 с.**

ISBN 978-5-906001-46-7

В 9-ти томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторова обсуждаются результаты его историко-наукведческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубинных биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З. Докторова, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторова о Б.А. Грушине и В.А. Ядове, ярких представителях первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторова.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

Оглавление

Предисловие	5
РАЗДЕЛ 1. ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	9
Владими Ядов. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я»	10
Б. А. Грушин: Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения	22
Игорь Кон: Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году	61
О Юрии Леваде. Жизнь в поисках «настоящей правды»	79
Скала Алексева	102
Валерий Голофаст: Независимый ум	125
Яков Капелюш: Эмпирическая социология в стране начиналась с таких людей	148
Г.С. Батыгин и формирование четвертого поколения советских/российских социологов	159
РАЗДЕЛ 2. РАЗГОВОРЫ ЧЕРЕЗ ОКЕАН С ВЛАДИМИРОМ ЯДОВЫМ И БОРИСОМ ФИРСОВЫМ	173
Работа над биографией – это общение с тем, о ком пишешь	174
О поколениях отечественных социологов на протяжении полувека	206
Почти 40 лет спустя (Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х)	247
Правилom является разномыслие	278

РАЗДЕЛ 3. ОПЫТ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	305
Докторов Б.З.: «Я живу в двуедином мире...» (<i>Интервью Н.Я. Мазлумяновой</i>)	306
Докторов Б.З.: Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь ... (<i>Интервью Б.М. Фирсову</i>).	344
Докторов Б.З.: Шесть тысяч дней другой жизни.	380

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изложенное в двух первых томах позволяет сформулировать следующие утверждения. Во-первых, с конца 1990-х усилиями ряда ученых сделано немало в направлении анализа проблематики, возникающей при изучении прошлого отечественной социологии. Теперь эта область научных изысканий, очевидно, не является «белым пятном». Во-вторых, за прошедшие полтора десятилетия создан значительный по объему и значимый по содержанию архив биографической информации. Это: мемуары, сборники воспоминаний о действующих и недавно умерших социологах, монографии, в которые их авторы включили рассказы о своей жизни, и свыше сотни биографических интервью с социологами разных поколений. Таким образом, будущие историки советской/российской социологии, а также специалисты, разрабатывающие предметную и методологическую тематику, смогут строить свои рассуждения, гипотезы и экскурсы в свою исследовательскую область на хорошем эмпирическом основании.

Но среди различных направлений историко-наукovedческих поисков есть совсем мало разработанная область – это создание биографий ученых, активно участвовавших и участвующих в становлении и развитии нашей науки. Причин такого положения масса, они имеют разную природу, и только специальные разработки помогут определить их значимость и средства преодоления этого «застоя». Но три причины мне представляется важным указать здесь.

Биографический анализ следует трактовать как одну из форм отношения общества к человеку. Если государство, социальные институты, общество как носитель социокультурных установок и традиций недостаточно высоко ценят личность, не приветствуют ее устремлений к творчеству в избранной профессии, не содержат действенных социальных лифтов, то в стране не

может возникнуть уважительное отношение к людям и жизненным путям, пройденным ими. В СССР в течение многих десятилетий подчеркивалась роль народных масс, производственных коллективов, реже – региональных образований, но были нарушены семейные и родовые связи, принижалась роль индивида, личности. Зачастую и сама жизнь человека ничего не стоила. Изменение типов связей между людьми может в ближайшие годы изменить и отношение научных сообществ (не только социологов) к своим коллегам. И это создаст более благоприятный климат для развития биографических исследований.

Другая причина: молодость современной советской/российской социологии. Сначала должна была состояться сама наука, должны были появиться в ней лидеры, оформиться научные коллективы и возникнуть необходимая для функционирования науки инфраструктура. Только после этого, уже в начале нового столетия обозначилась потребность в анализе деятельности советских/российских социологов с целью написания их научных биографий. К настоящему времени все необходимые предпосылки для проведения биографических исследований, фокусированных на жизни и творчестве отечественных социологов, имеются.

Еще одна причина: неразработанность методологии биографических поисков и анализа жизненных путей, траекторий, судеб советских/российских социологов. А ведь это комплекс проблем:

- *информационных* – как искать и где архивировать необходимые материалы?
- *историко-социологических* – каким образом «размещать» жизнь и творчество ученого в соответствующем социальном времени и в пространстве развития отечественной социологии?
- *этико-аксиологических* – на основании каких критериев оценивать сделанное ученым и его общественную, гражданскую позицию?
- *собственно литературных* – какой стиль, язык наиболее отвечает биографическим исследованиям, или в каком жанре это все следует писать?

Раздел 1 настоящего тома назван «Опыт биографического анализа». В нем собраны мои статьи о творчестве и жизни ряда социологов четырех поколений. Выбор именно этих ученых для «написания их портретов» обусловлен одним обстоятельством: мне близко их творчество и многое понятно в их поведении. К тому же, в опоре на объективные науковедческие критерии можно утверждать, что этими людьми сделано немало для развития российской социологии.

Замечу, что эти материалы написаны в разных жанрах и то-

нальностях. Очерк о Борисе Андреевиче Грушине – начало моего биографического проекта, и в тот момент я не представлял, что вхожу в новое для себя исследовательское пространство, не понимал, какие трудности возникнут на моем пути и как их придется преодолевать. Тогда Грушин был жив, реализовывал свои многолетние задумки и строил планы на будущее. С одной стороны, этот факт позитивно воздействовал на мою работу, ибо – в принципе – я всегда мог посоветоваться с ним, с другой – в определенном смысле осложнял процесс написания его биографии. Ведь я понимал, что вскоре текст будет прочитан Грушиным, и его оценка сделанного не могла быть для меня безразличной. Позже нечто схожее в рациональном плане и в эмоциональном отношении я ощущал при работе над статьями об Андрее Николаевиче Алексееве и Владимире Александровиче Ядове. Но к тому моменту я накопил некий опыт биографа, и, в частности, научился отвлекаться от мысли о том, что вскоре с результатами моего труда будут знакомиться ученые, творчество которых я анализирую.

До того, когда я начал изучать прошлое советской/российской социологии, я несколько лет исследовал историю возникновения и развития опросов общественного мнения в США и опубликовал серию статей об аналитиках, стоявших у истоков современной опросной технологии. Писать о них было сложно, поскольку приходилось погружаться в неизвестную мне культурную, политическую, научную, нравственную атмосферу Америки конца XIX – первой половины XX веков. Однако в той работе я чувствовал себя свободным, так как меня не сдерживал опыт личного общения с этими людьми. По отношению к ним и к среде, в которой они действовали и в которой я рассматривал их жизнь и деятельность, я был «человеком со стороны», почти инопланетянином.

Иное ощущение я испытывал, когда писал об умерших социологах, которых я знал, с которыми сотрудничал, с которыми меня связывали многолетние неформальные отношения. Это статьи о Геннадии Семеновиче Батыгине, Валерии Борисовиче Голофасте, Якове Самуиловиче Капелюше, Игоре Семеновиче Коне и Юрии Александровиче Леваде. Конечно, в процессе работы концентрируешься на теме, материале, собственных воспоминаниях и не думаешь о том, что этих людей нет. Но полностью освободиться от этого чувства невозможно.. и часто возникают непростые коллизии, выход из которых приходится искать самому.

Раздел 2 объединяет четыре долгие откровенные беседы с Владимиром Александровичем Ядовым и Борисом Максимовичем Фирсовым, учеными и личностями, наиболее повлиявшими на характер моих научных интересов. «Разговоры через

океан» раскрывают процесс формирования многих концепций и нравственных установок настоящего историко-социологического проекта. Этот раздел не просто занимает промежуточное положение между «биографическим» и «автобиографическим» главками. Названные четыре «электронные беседы» показывают, насколько в жизни исследователей переплетены, в какой мере неразделимы «производственное» и «внепроизводственное», или, скажем, личное.

В очерке о Леваде отмечается, что в его работах последних десяти лет жизни обнаруживается латентная и нетривиальная автобиографичность. Но это не уникальное явление. В той или иной мере оно присутствует и прочитывается в исследованиях современных российских социологов, которые не просто стремятся к описанию наблюдаемого ими, но ориентированы на выявление всего многообразия факторов, детерминирующих фиксируемые ими тенденции и закономерности. Доперестроечная социология и ее дискурс в силу существования многих писанных и неписанных политико-идеологических нормативов и доминирования в обществе и в науке коллективного над индивидуальным, во многом носили «внеличностный» характер, и потому историкам науки будет сложно судить о ценностном мире ученых по их публикациям. Следовательно, усложняется и решение многих историко-научоведческих исследований. Мне кажется, что в предлагаемых «надокеанических» диалогах очерчиваются методологические принципы поиска биографического в тематике и логике собственно профессиональной деятельности социологов. Замечу лишь, что «биографичность» текстов обычно усиливается с возрастом ученого, что вполне естественно.

В Раздел 3 включены материалы, объясняющие, как я шел к разработке историко-биографической тематике и что удерживает меня в ней свыше десяти лет. Сначала идут два интервью, в которых я выступаю как респондент. В первом я рассказываю о прожитом Наталии Яковлевне Мазлумяновой, которую я тогда не знал лично, во втором – Б.М. Фирсову, в беседе с которым мы еще раз прошли по некоторым дорогам, по которым ходили вместе три десятилетия. Завершает Раздел 3 короткое автобиографическое эссе о моей американской жизни.

Конечно, готова все эти материалы для настоящего издания, я испытывал желание немного доработать тексты, развить высказанные в них положения и выводы, добавить новый материал. Но, как и при работе над первыми томами, я старался удерживаться от подобного вмешательства в написанное ранее. Ибо знаю, насколько велик соблазн улучшить портрет тех, о ком писал. И тем более – автопортрет.

Опыт биографического анализа

Ядов Владимир Александрович (рожд. 1929 г.) – советский / российский социолог, доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии. Им положено начало изучению в СССР / России проблем труда, сформулирована диспозиционная теория личности, написан первый учебник по эмпирическим методам социологии и внесен крупный вклад в подготовку социологических кадров в стране.

В.А. Ядовым опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: Человек и его работа.

Социологическое исследование / Под. ред. А.Г. Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М., 1967; Ядов В.А. Методология и процедура социологического исследования. Тарту, 1968; Социально-психологический портрет инженера ред. В.А.Ядова. М., 1977; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л., 1979; Социология в России / Под редакцией В.А. Ядова. 2-е изд. М., 1998; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2007.

Материалы о жизни и творчестве В.А. Ядова: Vivat, Ядов! / Сост. Е.Н.Данилова, Л.А.Козлова, П.М.Козырева и др. К 80-летию юбилею. М., 2009.

Владимир Ядов. ПРАВОФЛАНГОВЫЙ, ИЛИ СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАЧИНАЕТСЯ С БУКВЫ «Я»¹

Владимир Александрович Ядов – один из зачинателей современного этапа российской социологии, аналитик, стоящий у истоков ряда направлений отечественной науки, автору книг, давно признанных классикой советской социологии, учителю значительной части работающих в стране социологов, создателю ленинградской социологической школы, человеку, много лет возглавлявшему головной академический социологический институт в Москве, одному из лидеров профессионального сообщества российских социологов и ученому, во многом определившему отношение международной общественности к российской социальной науке, редактору регулярных социологических изданий и многих книг, члену различных

¹ Докторов Б. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я». 2009 <<http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>>.

экспертных советов и многое другое. Уверен, что творчество Ядова станет предметом целенаправленного анализа теоретиков социологии, специалистов в области прикладных исследований, историков и методологов науки, культурологов. Ядов – это не только ученый и учитель, это – личность, которой присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим дух шестидесятничества.

Эти краткие заметки о сделанном и прожитом Ядовым базируются не только на моем многолетнем опыте дружеского общения с ним, но и на рассказанном им о себе в серии наших продолжительных электронных бесед, состоявшихся в последние годы.

В начале весны 1968 года при мне известный ленинградский психолог Евгений Сергеевич Кузьмин (1923–1993) сказал: «Советская социология начинается с буквы “Я”». И по тому, как это было произнесено, я теперь могу утверждать, что то была не спонтанно родившаяся фраза, а итог рассуждений ученого, знавшего логику и процесс развития в СССР смежной с социологией науки – социальной психологии.

Тогда я понял только то, что буква «я» – не местоимение, и несколько позже осознал, что утверждение Кузьмина относилось к Владимиру Александровичу Ядову, фамилия и лицо которого незадолго до того момента нашли друг друга в моем сознании. В 1966–67 годах я не раз слышал от ленинградских психологов фамилию Ядов и многократно видел в НИИ комплексных социальных исследований стоящего в коридоре у слегка приоткрытых в комнату дверей курящего человека с продолговатым лицом, немного напоминающим молодого Бориса Пастернака. Наверное, я у кого-то спросил об этом человеке, столь необычным образом участвующем в семинарах, проходивших в комнате за дверями. Мне сказали, что это руководитель социологической лаборатории Ядов. Познакомились мы в 1968 году, четыре десятилетия назад.

Отчужденные Кузьминым слова уже давно перестали восприниматься мною как метафора, они – правда, и я пытаюсь разгадать, как это он, всего пятью годами старше Ядова, смог столь емко и точно определить место и роль Ядова в постхрущевской российской социологии. Тогда Ядову не было и сорока лет и невозможно было сказать, что будет им сделано в следующие годы. Вывод один: как ученый, изучавший механизмы зарождения науки, Кузьмин понимал, что сделанное Ядовым уже к тому времени – фундаментально, навсегда; как социальный психолог он мог оценить редкостный тип личности Ядова, увидеть его харизму и обнаружить в нем уни-

кального лидера; наконец, как человек цельный, переживший раскулачивание и в 18 лет ставший на фронте инвалидом, он распознал сильный гражданский потенциал Ядова.

После окончания философского факультета ЛГУ Ядова рекомендовали в аспирантуру, но сразу приступить к обучению не получилось. В 1952 году его исключили из партии, обвинив в том, что он при вступлении в КПСС «не написал правду», скрыл, что его отец в 1928 г. состоял в зинovieвской оппозиции. На парткомиссии он объяснял, что отец никогда ему об этом не рассказывал, а когда на втором курсе он вступал в партию, его отец был не только давно восстановлен в партии, но преподавал в вузе историю КПСС. Этого никто не слушал: с интервалом в десять минут их с отцом из партии исключили. Об аспирантуре можно было забыть, и он пошел работать на завод, став учеником слесаря-лекальщика. Вскоре цеховая парторганизация поручила ему вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию его они знали. По воспоминаниям Ядова, он тогда «был совершенным хунвейбином и с радостью подал заявление». Пока дела шли по инстанциям, умер Сталин. И все завершилось как в кино: вместе с отцом его исключали, вместе в один день их восстановили в партии. После этого путь в аспирантуру был открыт.

Этот эпизод в жизни Ядова оказался крайне ценным, в частности, случившееся повлияло на определение тематики его первых серьезных социологических исследований.

Я не стремлюсь к охвату всего, сделанного Ядовым к концу 1960-х, но отмечу три достижения, казущиеся мне важнейшими и во многом определившими направление и дух развития нашей науки.

Начну с того, что им и его коллегой и единомышленником, ныне – известным российским социологом Андреем Григорьевичем Здравомысловым – было проведено крупное социологическое исследование отношения рабочих к труду и издана книга «Человек и его работа» (1967 г.), сразу признанная классикой, переведенной на многие языки и переизданной почти через сорок лет. Исследование показало, что труд – в отличие от заверений партийных идеологов – не превращался в первую жизненную потребность. После одного ядовского доклада член ЦК КПСС академик Митин сказал: «Цифры – это хорошо. Но нам нужны правильные цифры, которые подтверждают нашу теорию!». А этого не было. Книга дала мощный импульс социологическому изучению труда и стимулировала возникновение в стране сети заводских социологических лабораторий.

В 1968 году, по словам Ядова, «родилась в Тарту sereneкая, в мягкой обложке» книга «Методология и процедуры социологических исследований». Несколько лет назад Ядов рассказывал мне: «Живу в маленькой гостинице “Park”, на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: «Когда Вам принести кофе в номер?» Полный отпад... Утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника». Советской социологии редкостно повезло в том, что первый учебник делался на основе лекций, читавшихся в Эстонии. Там не было столь жесткого идеологического прессы, как в русских регионах Союза.

С Эстонией связано еще одно, к сожалению, стремительно уходящее в неизвестность событие, которого не было бы без Ядова. Имеются в виду семинары на хуторе в Кяэрику, состоявшиеся в 1967–1969 годах, на них участники говорили то, что думали, а думали как шестидесятники. Невозможно сегодня рассматривать историю российских социологических исследований общественного мнения и массовой информации, более широко – культуры, не обращаясь к материалам тех самых либеральных социологических форумов.

Вот история из жизни Ядова, относящаяся к периоду изучения отношения рабочих к труду и хорошо иллюстрирующая, как в 60-х советские социологи осваивали международный опыт. В ней фигурирует известный американский ученый Фредерик Херцберг (Herzberg Frederick, 1923–2000) – исследователь динамики удовлетворенности работой американцев. Его книги стали известны Ядову и его коллегам, и они отправили ему письмо «на деревню дедушке» с предложением о сотрудничестве. Через некоторое время Херцберг приехал в Ленинград и согласился провести общенациональный опрос молодых американских рабочих по методике ленинградских социологов без единой поправки. Он выполнил свое обещание..., но переслать сырые данные не мог, цензура не пропускала рулоны с цифирью. Так сложилось, что вскоре Ядов оправился на конференцию в Вену, там к нему подошел какой-то человек и сказал: «Я привез пакет от профессора Херцберга». Возвращается Ядов в Ленинград, а на перроне его уже ждет человек из «органов» и говорит: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Звонит Ядов сотрудникам, и они всю ночь переписывают статистику с тех рулонов. Все не успели переписать, а «бондяга» явился поутру, и забрал материалы.

Так в дальнейших публикациях анализ материалов опроса Херцберга был неполным.

Среди университетских преподавателей Ядова, с которыми он продолжал общаться уже став самостоятельным ученым, были два выдающихся психолога Борис Герасимович Ананьев (1907–1972) и Владимир Николаевич Мясищев (1893–1973). В процессе интервью Ядов вспоминал об одной беседе с Ананьевым, в те годы развивавшем междисциплинарный подход к человеку и личности. Однажды он говорил об индивидуальной неповторимости личности и формуле Маркса «личность есть ансамбль *всех* социальных отношений». Ядов через многие годы счит важным отметить: «...Маркса он знал, видимо, в оригинале, потому что в русских переводах «всех» было изъято, а вместо «ансамбль» писали – «совокупность»». Общение с Ананьевым подтолкнуло Ядова к исследованию проблем личности. Мясищев был не только теоретиком, но и опытным психотерапевтом, в свое время – ярким сторонником коллективной рефлексологии Бехтерева. Умирал Мясищев как подлинный ученый, диктовал свои ощущения до последнего вздоха.

Ядов известен не только как социолог, им внесен ценный вклад в развитие социальной психологии и психологии личности. Речь идет о созданной им в 70-х годах диспозиционной теории, упорядочивающей установки личности в некую иерархию. Высший уровень — ценностные ориентации, низший — ситуативные установки. Соответственно, высшие уровни регулируют поведение в долговременной перспективе и в какой-то мере контролируют низшие установки, отвечающие за поведенческие акты в конкретных ситуациях. Ядов указывает, что междисциплинарный (сегодня можно сказать – полипарадигмальный) подход Ананьева к познанию человека и теория социальных отношений личности Мясищева имели огромное влияние на разработку диспозиционной концепции. Так случилось, что Ядов не смог продолжить начатые исследования, и сегодня, насколько мне известно, никто не развивает сделанное им и группой его коллег в 70-х годах. Вместе с тем думается, что и социологи, и психологи через какое-то время обратятся к тем построениям и найдут возможность не только для размещения сделанного четыре десятилетия назад в контексте современных теорий личности, но и углубить найденные тогда выводы.

А сейчас приведу фрагменты рассказа Ядова о том, как «изобреталась» диспозиционная теория...

Я очень интересовался «эффектом ЛаПьера», суть которого в том, что attitudes не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голо-

совать?». Респондент отвечает, но что из этого следует? На моем «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришел в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактика...).

Метафора, уверяют психологи, – пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку [БД: жена Ядова – Людмила Николаевна Лесохина (1928–1992)]. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил оставшийся коньяк, а утром позвонил Леше Семенову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию. Лешка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. <...> Очень заметный вклад внес Володя Магун [БД: Владимир Самуилович Магун – психолог и социолог], он – неповторим. <...> Часами спорим с Володей. Он – кремень. Мне надоедает, и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В.А., почему вы со мной согласились? Я считаю, надо еще поговорить».

К концу 60-х годов Ядовым были заложены основы ряда направлений в развитии советской социологии, и многие, задумывавшиеся о профессиональной работе в этой сфере, впервые получили возможность реализовать свой замысел, используя его учебник. Период, начинающийся в 70-х иходящий до наших дней, оказался в жизни Ядова богатым на дела и достижения. Не занимаясь перечислением, укажу лишь направления сделанного Ядовым. В значительной мере благодаря ему в сложные постперестроечные годы был удержан от развала головной академический институт в Москве и создан ленинградский филиал этого института, открылось множество социологических факультетов и кафедр, начала разрабатываться методология изучения трансформирующейся социальной среды. Несколько лет назад я спрашивал Ядова о том, сколько человек под его руководством защитило кандидатские диссертации. Цифры не помню, но или около ста, или более ста. Ядов – суперзвезда многих формальных и неформальных сетей общения российских социологов. Признание отечественной социологии на Западе в значительной степени базируется на высоком международном авторитете Ядова. Его интерес к новому неисчерпаем, и при этом он не выпускает из поля зрения те области, направления развития социологии, которые он когда-либо разрабатывал. Отсюда – его феерическая компетентность и огромное влияние

на ключевые аспекты жизни всего российского сообщества социологов.

Ядов родился в 1929 году, через 12 лет после Октябрьской революции, и – так получается – через каждые двенадцать лет в истории страны происходили крутые переломы, формировавшие и его жизненную траекторию. Когда ему было 12 лет, началась война; в 1953 году – умер Сталин. В 1964-65 годах началась эра Брежнева, через 12 лет перешедшая в период, иногда называемый «культом, без личности». 1989 год – «пик» перестройки, первые свободные выборы народных депутатов СССР. Наконец, 2001 год – возводятся строительные леса для построения вертикали власти и конструирования суверенной демократии.

Это – вехи, размечающие жизнь всех родившихся в конце 20-х и доживших до нашего времени. А вот «частности» из жизни Ядова; это ответ на мое замечание: «Да, твое поколение сильное, оно многое видело и переживало...».

Нам очень повезло. Столько исторических событий за 70 лет! Голод на Украине связан у меня с няней Грушей, которую папа подобрал возле булочной, где она нищенствовала. Ей было лет 16, расписывалась крестиком. Так и оставалась безграмотной <...> После войны получила комнату этажом выше. С ее комнатой связано интересное событие. Позвонил из Москвы Рой Медведев [БД: Рой Александрович Медведев, писатель, политик, правозащитник] – мы дружны со студенчества – и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. В Грунину комнату и поселили. Она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, что она приносит. Уже теперь Рой сказал, что это был Солженицын.

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. <...> В середине июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус, и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит.

Я сам занялся социологией труда во многом потому, что в период исключенности из партии работал токарем-лекальщиком. Но все же, я думаю, что именно война заметнее повлияла на социологов «первого призыва». Сужу по себе. После восьмого класса я поступил в летную спецшколу, откуда

ушел как непригодный к полетам из-за чего-то там в вестибулярном аппарате. А еще испанская война, мальчишки росли будущими солдатами в боях за справедливое дело. Думаю, что одним из импульсов в сторону новой науки было подсознательное чувство ответственности перед павшими: нельзя укрываться в окопе, когда можно что-то сделать и потому, «ребята, пошли в атаку на махровых налетчиков!»

Расскажу о самой защите [БД: докторской диссертации], это было в 1967 году. На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева [БД: профессор Галина Михайловна Андреева] мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

При подготовке книги «Человек и его работа» издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Коли Лапина [БД: профессор Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации «Человек и его работа в СССР и после». Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура ее изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу».

Шота Надирашвили, [БД: директор института психологии им. Д. Узнадзе], которого я полагаю своим другом, говорил: «Установка – это личность». Однажды мы с Верой Водзинской [БД: социолог Вера Васильевна Водзинская, умерла около двадцати лет назад], участвовали в конференции в Тбилиси. Надирашвили не имел к ней отношения. Мы решили его навестить и приехали неожиданно. В доме не было ничего, чем не стыдно накормить гостя. Через полчаса был накрыт роскошный стол: соседи все обеспечили. За столом семья и двое-трое друзей хозяина. В ходе разговора я спрашиваю: Шота, что все-таки есть ганцхоба (по-грузински установка

личности – «ганцхоба»), какие пропорции бессознательного и осознанного? Хозяин говорит (вообрази грузинский акцент): «Мэри, принеси еще вина». Приносит: «Теперь, Володя, сделай из этой бумажки воронку и заткни пальцем внизу. Друзья, отлейте из ваших бокалов немножечко нашему дорогому гостю. Отними палец и выпей. Можешь сказать какие пропорции в этом восхитительном напитке? И я не могу сказать. Ганцхоба – это ганцхоба.

Путч Янаева и других «героев», как многие их именуют нынче, застал нас на эстонском хуторе. Люка отговаривает ехать в Москву, говорит, что эта революция уже «не наша». <...> Я звоню в институт, чтобы использовали типографию для размножения листовок. Тем временем к Таллину подходит танковая колонна из Ленинграда. Прибежал сосед Энн Вахемаа и предлагает спрятать нас у него на чердаке. Говорит: «Чердак большой, лес рядом». Танки командующий Ленокругом повернул назад, народ бросал цветы танкистам. <...> Нынешние суждения о путчистах представляются мне кощунственными. Вижу на телеэкране эстонского ТВ танки. Если бы они одолели, мы имели бы войну с тремя балтийскими государствами, страшнее Чечни, и не исключено – с введением миротворцев ЕС. Узники Бутырки не должны сидеть в Думе.

В общем, жизнь моего поколения перенасыщена историей отечества. Не говорю уж о том, что не мог себе вообразить, что доживу до нового тысячелетия. Я пережил не только Люку, но по возрасту и обоих родителей. Поэтому вполне справедливой полагаю встречу с ними в загробном царстве, в каковое, увы, не верю. Да и тоскливо должно быть современному человеку в раю: созерцать Господа и наслаждаться красотами Эдема. Это рабы мечтали об освобождении от непосильного труда. Игорь Кон [ВД: профессор Игорь Семенович Кон] сказал однажды: почему бы не изучать образ смерти, не только образ жизни? Он прав. Образ смерти столь же важен для понимания культуры и человека, как и образ жизни.

Я причисляю себя к российским патриотам прозападной ориентации, то есть приверженцам либерализма, демократии (социал-демократии в политических терминах), и потому надо сделать поправку на неизбежную предвзятость моих рассуждений. Вполне допускаю, что приобщение многих социологов к православию искренне, хотя по своему советскому воспитанию понять это не способен. Я извлек из своего университетского образования, что религия и наука – полярны, а из работ классиков социологии выучил, что это особый социальный институт, играющий важную роль в стабилизации социокультурной системы. Раскол в среде

отечественных социологов вполне объясним постсоветской ситуацией в обществе, утратившем ценностные ориентиры, но, думаю, что наша профессиональная и гражданская миссия состоит в том, чтобы оставаться в пределах взаимоправительной полемики-дискурса, участники которого артикулируют свою позицию, но не стремятся навязать ее оппоненту.

Личность Ядова, его гражданские идеалы наиболее активно формировались во время политической оттепели. Он оказался внутренне готовым к тому, чтобы стать шестидесятником, и стал им. В годы застоя власть крепко испытывала прочность его идеалов: редко – пряниками и обильно – кнутом, но ничего не получилось. Он остался самим собою. Шестидесятнический потенциал Ядова был востребован в начале перестройки, он был назначен директором Института социологии РАН в Москве. В 2000 году он оставил этот пост, но и в самые последние годы Ядов страстно защищает российскую социологию от попыток внести в нее «особые» идеологемы и развивать ее вне контекста мейнстрима.

В годы перестройки и ослабления идеологического пресса отношение к марксизму как философской базе всех социальных наук в СССР, в том числе – социологии, стало меняться. Безусловно, оставались те, кто не хотел или не мог взглянуть более широко на марксизм и остался на позициях истмата. Многие из тех, кто прежде называл себя научными коммунистами, кто работал в идеологических отделах КПСС и ВЛКСМ, быстро «переквалифицировались» в социологов и политологов и при этом мгновенно «открестились» от своей преданности марксизму-ленинизму. Ядов много раньше других заметил, что прежние дискуссии о предмете социологии, прежде всего, сводились к тому, в какой мере та или иная новая концепция противоречит марксистской философии, но они не допускали расширения собственно научной и мировоззренческой платформы советских исследователей общества. Он стал одним из тех серьезных ученых, кто начал искать новые теоретические основы российской социологии, отстаивая принципы полипарадигмальности. Если совсем кратко, то речь идет о построении системы взаимосвязанных теорий, идей, позволяющих создавать обоснованное и достоверное знание о социальном мире. Естественно, что полипарадигмальный подход базируется на использовании многих теорий, и марксизм – одно из величайших достижений социальной мысли, занимает в нем достойное место.

В один из моментов нашего разговора «за жизнь» я спросил Ядова, не чувствовали ли социологи первого поколения своей

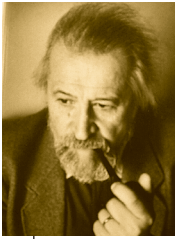
скованности в силу того, что им приходилось работать лишь в рамках марксизма. Ядов ответил: «определенно был марксистом, и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории», в которой Маркс стоит рядом с Вебером. И пояснил, что он и группа его единомышленников была теми марксистами, которых позже назовут шестидеятниками.

А затем вспомнил о семинаре, на котором «архитектор перестройки» Александр Николаевич Яковлев говорил о социальных теориях XIX века, которые, по его мнению, войдут в следующее столетие. При этом он долго «выругивал» (Ядов использовал лексикон своей внучки) Маркса. Начались вопросы. Друг Ядова, социолог Леонид Абрамович Гордон (1930–2001) встает и с места говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарем ЦК по идеологии. Что вы все-таки находите ценного у Маркса?» Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда Ядов рассказал эту историю Владимиру Эммануиловичу Шляпентоху, тот моментально среагировал: «Вот тебе пример “кассетного мышления” – одну кассету вынул, другую вставил».

Изучение творческой и личной биографии Ядова – кратчайший и эффективнейший путь к исследованию траектории пятидесятилетнего развития постхрущевской российской социологии. Через его жизнь можно проследить первые шаги советской социологии, осознание ею своей самостоятельности и начало борьбы пионеров науки за признание этой самостоятельности идеологическими и властными структурами СССР. Можно увидеть, как советские социологи овладевали правилами программирования теоретико-эмпирических исследований, новыми математическими методами и вычислительной техникой. Оказывается возможным узнать, какие сложности приходилось преодолевать ученым, чтобы информировать общество о получаемых результатах, какой хитрый язык для этого приходилось использовать, как трудно было преодолеть внешнюю цензуру, и как тяжело было побороть свои собственные страхи. Ядов – один из центральных элементов всей системы профессионального общения советских/российских социологов, и рассматривая коммуникационные цепочки, входящие в этот «центр» и выходящие из него, можно войти в творческие лаборатории многих ведущих социологов страны.

Ядов – не только ученый и гражданин. Наряду с этим существует Ядов как феномен профессионального общения. Он всегда в ожидании нового, в настрое на узнавание, он всегда

щедр на советы и консультации тем, кого он давно знает, и кто пришел к нему впервые. У него самоуважение много сделавшего свободного человека. Ему уникальным образом удается совместить глубочайшее погружение в проблемные области науки с откликом на текущие события жизни. Ядов – интеллеktуал, но в нем есть нечто от земных платоновских героев, понимающих мир нутром. С таким талантом можно лишь родиться. Но одновременно этот природный дар дополнен традициями шестидесятничества и глубоко пропитан духом петербургско-ленинградской культуры.

Грушин Борис Андреевич (1929-2007) – советский / российский социолог, доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии. Им положено начало изучению в СССР / России общественного мнения и внесен крупный вклад в подготовку социологических кадров в стране.

Б.А. Грушиным опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: *Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений.* М., 1967; *Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования.* / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. М., 1980;

Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987; *Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева».* М., 2001; *Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1.* М., 2003; *Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 2.* М., 2006.

Материалы о жизни и творчестве Б.А. Грушина: Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М., 2010; *Открывая Грушина. Том 2 /* Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М., 2011.

Б. А. ГРУШИН. ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛИТИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ²

Бесконечно благодарен Борису Андреевичу Грушину за множество дружеских встреч, каждая из которых памятна и помогла мне лучше понять прошлое и настоящее исследований общественного мнения в России.

Все мы вышли из «грушинской шинели»

2 августа 2004 года Борису Андреевичу Грушину исполнилось 75 лет. Я поздравил его и сказал все добрые и сердечные слова, которые приятно высказать глубоко уважаемому человеку в дни его юбилея.

Настоящая статья – не юбилейная: ни по цели, ни по содержанию,

² Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2004. №4. С. 2–13.

ни по стилю; она – биографическая. Но и биографичность ее особая: из множества событий в жизни Грушина отобрано и представлено лишь то, что, с нашей точки зрения, необходимо для решения главной задачи – анализа и характеристики сделанного ученым за более, чем четыре десятилетия научной деятельности. Биография Грушина, при всей ее уникальности и одновременно типичности для определенной группы интеллектуалов-шестидесятников, в данном случае не является самостоятельным объектом нашего изучения, и потому многое из того, что было в его жизни (и, несомненно, привлекло бы внимание читателя), здесь не отражено вовсе или обозначено лишь пунктирно.

Грушин входит в узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Суть творчества Грушина и уникальность его вклада в социологию заключается в триединстве его деятельности.

Во-первых, Грушин – философ и методолог социологии, значительно углубившей понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы массового сознания и многих других форм мышления и поведения масс. Кроме того, им существенно развиты общие принципы построения социологических теорий среднего уровня. Во-вторых, Грушин – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. В-третьих, Грушин – один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимающихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жестких» и «мягких» приемов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, измеряющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушиным введен в научный обиход огромный массив информации об общественном мнении и других фракциях, состояниях массового сознания.

В последние годы в его новом проекте «Четыре жизни России» [1] Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый прием «бережной» интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удастся сохранить дух прошлого, т.е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течении последующих десятилетий. Другими словами,

в опубликованных материалах Грушин предстает не только «летописцем» событий 30–40-летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности.

В последние годы крайне робко, но все же начинается изучение того, что делалось и что сделано в последние сорок лет прошедшего столетия советскими учеными в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках. Не приходится сомневаться в том, что даже по самым жестким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко; его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями ученых России и других стран.

Грушин первым стал изучать общественное мнение в СССР, и в сферу его анализа оказались включенными практически все аспекты, грани этой области познания: от фундаментальных теоретико-методологических проблем, до организационных аспектов крупных многокомпонентных исследовательских проектов. Можно утверждать, что и интерпретация природы общественного мнения, принятая многими российскими исследователями, и используемые отечественными поллстерами измерительные приемы генетически связаны с тем, что сделано Грушиным.

Особая тема – Грушин как журналист, и здесь его опыт и вклад многоаспектен и весом. Прежде всего, он ввел в советскую, а затем в российскую журналистику и в повседневный мир миллионов людей сам феномен общественного мнения и дал возможность населению узнать, что оно думает о событиях общенационального и глобального масштаба. Вспоминая начало 60-х и обозначая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), первой в СССР профессиональной организации по изучению общественного мнения, Грушин пишет: «Под этим лежал и отчетливо выраженный *гражданский интерес*, связанный с намерением Института «приучить» общество к изучению общественного мнения как к определенной - политической и информационной *норме публичной жизни страны*». Таким образом, сегодняшняя российская практика публикации итогов опросов общественного мнения, хотя многие принципиальные аспекты ее критикуются, отвергаются Грушиным, восходит, вытекает из его понимания важности симбиоза журналистики и опросов общественного мнения.

Во-вторых, результатом огромного и многострадального «Таганрогского проекта», выполнявшегося под руководством Грушина, является теоретически фундированная и эмпири-

чески обоснованная модель процесса функционирования средств массовой информации в советский период. Любые будущие серьезные исследования масс-коммуникативной реальности в России будут учитывать логические конструкции «Таганрогского проекта», а обнаруживаемые механизмы формирования массового сознания будут сопоставляться с тем, что было обнаружено в Таганроге на рубеже 60-70 годов прошлого века.

В-третьих, Грушин сам является профессиональным журналистом, многие годы работавшим в прессе, на радио и телевидении. Он был ведущим сотрудником и членом редколлегий журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. В годы перестройки он был одним из наиболее заметных политических обозревателей, выступления которого отличались логичностью конструкций, полемичностью, часто – резкостью высказываемых суждений, и афористичностью. Происходившее в стране в поздне-перестроечные и ранне-ельцинские годы Грушин обозначил терминами, которые и сегодня помнятся многими. Говоря о принципиальных, цивилизационных сдвигах, затрагивавших основы общества и природу сознания россиян, он использовал понятие «социотрясение». На Радио «Свобода» Грушин вел передачу, в которой рассматривались многие логически трудно объяснимые, он говорил – «шизофренические» – процессы, происходившие в России. Передача называлась «Общество имени Кафки Корчагина».

Еще один важнейший компонент творческой и гражданской деятельности Грушина – подготовка кадров. Среди его прямых учеников – множество ведущих российских философов, социологов, журналистов и политологов. Еще многое будет написано о Грушине - Учителе, но об отношении Грушина к его ученикам многое говорит такой «тихий» факт: первая часть второй книги его «четырёхкнижия» посвящен его рано умершим младшим по возрасту коллегам: Виктору Нейгольдбергу, Якову Капелюшу, Вадиму Сазонову и Григорию Токаровскому. Они названы первопроходцами в изучении общественного мнения в СССР.

Перечисленное – лишь обозначение сделанного Грушиным. Это по-настоящему много. Действительно, практически все изучающие общественное мнение в России и в бывших советских странах, являются прямыми или опосредованными учениками, последователями Грушина. Одни знают и ценят это обстоятельство, другие – видимо, и не подозревают. Одни – читали и перечитывают книги Грушина и в своей деятельности стараются следовать его научным и этическим

канонам, другие, стремясь подходить к делу профессионально, возможно не знают о том, что многое в российской культуре функционирования и изучения общественного мнения несет в себе следы научной и общественной активности Грушина. Одни - действуют в манере и стиле, с которыми бы согласился Грушин, другие, подверглись бы его резкой критике. Такова объективность, и это следует принимать и учитывать.

Обозревая современную ему литературную среду, Ф.М. Достоевский писал: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». Российское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Один из «диастанкуров»

Грушин родился в Москве в 1947 году, и после окончания школы поступил на философский факультет Московского университета. В то время он «..был одержим проблемами морали и шел туда, чтобы улучшить свое поколение». Возможно, что со временем он стал бы «нормальным» философом, который разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям автора множества работ по философии познания Иосафа Семеновича Ладенко (1933–1996), формировавшегося в московской школе методологов, «Однажды в кабинет Генералиссимуса, работавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов... Вождь предьявил им «Учебник логики» для гимназий Г.Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения ее советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание – обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях» [2]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства».

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «московский логический кружок» (МЛК). Кружок возник в начале 50-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Основателями, ядром МЛК были четыре человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, в философскую культуру и в нравственный климат советского общества. О каждом из них написано много, потому ограничимся лишь самой краткой справкой.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (р. 1922 г.), которого, вспоминает в одном из его интервью Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в знаменитом ИФЛИ, был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете, он учился на механико-математическом. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 году Зиновьев был выслан из СССР, в Россию он вернулся в июне 1999 года.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994), москвич, в 1946 году поступивший в Московский университет. Проучившись три года на физическом факультете, он, отказавшись заниматься атомной тематикой, в 1949-м – перевелся на философский, который закончил с отличием в 1953 году. В течении многих лет круг его научных интересов включал в себя структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления, психологические и педагогические методы исследований мышления.

В 1968 году Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительства в защиту правозащитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали: исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Результат оказался весьма неожиданным: доклады и лекции Щедровицкого стали расходиться по стране во множестве магнитофонных записей, так было с песнями Владимира Высоцкого и монологами Михаила Жванецкого.

Через несколько месяцев он нашел новую работу и сконцентрировался на изучении проблем семиотики и теории понимания, исследовал особенности проектного, планирующего и программирующего мышления, занимался анализом перспектив развития методологического мышления и методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название организационно-деятельностные игры.

Младшим в этой четверке и позже всех примкнувшим к ней был Мераб Кюстантиневич Мамардашвили (1930–1990), при-

знаваемый в наше время одним из ведущих философов второй половины 20 века. Он был мыслителем от рождения. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал о нем: «Для меня самым главным в нем было то, что этот человек был как бы задан один раз и навсегда в готовом виде. Это меня потрясло больше всего... Если я когда-либо встречал так называемого нонконформиста, то это был, прежде всего, Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 году, ...когда у нас начала складываться... группа людей, которая чувствовала всю несурозность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внес какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990-м» [3].

При жизни были изданы три небольшие книги Мамардашвили, остальное: его лекции о Декарте, Канте, Прусте, работы по истории античной и современной философии, многочисленные доклады – увидели свет после его смерти.

Недавно Грушин вспоминал: «Действительно, наша четверка являла собой беспримерный образец мужской дружбы. Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров» [4]. Незадолго до смерти Мамардашвили сказал: «...Это было завязкой дружеских связей, связей заговорщиков личностного бытия интеллектуальной, идеально-содержательной дружбы, т.е. явления, которое исключалось существующим обществом. Если дружба случалась, то уже сама по себе она становилась разрушительной оппозицией по отношению к тогдашнему обществу» [5].

Сами участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – «реалистическим», ... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, т.е. партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они называли подобных «художников» диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя

аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [5].

В одном из своих интервью Грушин кратко охарактеризовал поиски диастанкурами своего видения мира и философии. «До появления «диалектических станковистов», – сказал он, – логика делилась на диалектическую и формальную. Диалектическая была просто болтовней, потому что формулы «отрицание отрицания», «единство и борьба противоположностей» к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. ...(БД: у нас) речь шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае.... Мы же стремились раскрыть приемы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. ...Мы назвали эту логику генетически-содержательной, – содержательной в том смысле, что мы пытались раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные» [4].

Мамардашвили отмечал, что их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который им не надо было выдумывать, он был дан и рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, говорил Мамардашвили», – это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс» [5].

Кружковцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал для сделавшего этот выбор превращение в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестеренки. Они отыскивали свою тематику в пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть свое отличие от идеологизированных трактовок марксовской диалектики. Мамардашвили отмечал: «Мы не были ревизионистами Маркса, мы не были идиотами, но и марксистами оказались только в том смысле, в котором я говорил: у нас был «текст нищих», и из этого что-то выросло, при этом, никаких обязанностей перед марксизмом, как теорией и течением, как социально-политической теорией и течением социализма, у нас абсолютно ничего общего не было».

С темой собственных исследований Грушин определился рано, это было изучение логики «Капитала». В 1952 году он завершил обучение с дипломной работой «Проблема логического и исторического в «Капитале» Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нем вычленялись определенные, универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках Ладенко писал о диссертации Грушина: «его интересы не ограничивались анализом «Капитала»; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического Б. Грушин выходил за границы того, что было в «Капитале», и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления» [2].

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки в Ученом Совете, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году он защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов, и в них участвовало 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь – в ВАКе. Все завершилось только в 1958 году. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [6].

Всему начало: Институт общественного мнения «Комсомольской правды»

После провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диагностуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. После массы неудач случайно в 1956 году он был принят в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды.

В трехлетней давности интервью, проведенном журналисткой, писателем и драматургом О. Кучкиной, связанной с «Комсомолкой» и знакомой с Грушиным с начала 60-х годов, им обрисована творческая и гражданская среда, в которой он оказался в начале своей карьеры. Эти зарисовки крайне важны для понимания того, как и почему именно в той «команде» смогли родиться первые в СССР опросы общественного мнения.

Отсчет времени, считает Грушин, следует вести со второй половины 50-х, когда «Комсомолку» возглавлял Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущевской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. Грушин пришел в редакцию, когда Аджубей уже работал в «Известиях», но в «Комсомолке» сохранялся его стиль, дух: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. Грушин отмечает: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Многие шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками.... Они создали климат честности» [7].

Первые три года в газете были тяжелыми для Грушина от сознания, что он предал любимое дело. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы в логику, но к 1960-му году постепенно произошла смена его научного интереса: от изучения научного сознания он перешел к анализу сознания массового.

Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей – не только моих, но и тогдашнего главного редактора «Комсомолки» Ю.П. Воронова, ее будущего главного редактора Б.Д. Панкова и моего зама В.В. Чикина» [8, с. 208]. Поскольку сам Грушин отмечает коллективность выработки идеи проведения опросов общественного мнения в СССР, следует привести хотя бы краткие сведения о названных им людях.

Они все были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет. Старшим был журналист, партийный работник, поэт Юрий Петрович Воронов (1929–1993). Он пришел в «Комсомолку» в 1954 году уже опытным газетчиком, ряд лет был заместителем Аджубея и успешно вел газету до середины 60-х годов. Лениградец, блокадник, он представлял лучшую, граждански наиболее зрелую часть того поколения, о котором он сам написал: «Им в 43-ем выдали медали и только в 45-ом паспорта». В годы перестройки он был заведующим отделом культуры ЦК КПСС и недолго – главным редактором «Литературной газеты».

Интересна и многогранна жизнь Бориса Дмитриевича Панкина (р. 1931), журналиста и дипломата. Закончив в 1953 году факультета журналистики МГУ, он два десятилетия работал в «Комсомолке». В начале 80-х он становится дипломатом. С 1982 по 1990 годы Панкин был послом Швеции, а с 1990 по август 1991 года – в Чехословакии. Панкин оказался единственным советским послом, открыто осудившим в 1991 году путч и создание ГКЧП. Когда все улеглось, М. Горбачев назначил Панкина министром иностранных дел Советского Союза, таким образом, ему суждено было стать последним министром иностранных дел СССР. Уже много лет Панкин живет в Швеции, продолжает журналистскую деятельность и опубликовал ряд исторических и литературоведческих книг.

Валентин Васильевич Чикин (р. 1932) не только участвовал в обсуждении идеи опросов общественного мнения, но принимал участие в их организации; он, отмечает Грушин, был «первый и долгое время единственный, кроме руководителя, сотрудник Института). Чикин окончил факультет журналистики МГУ и, по его словам, десантировался на 6-й этаж (БД: расположение редакции «Комсомолки» в здании «Известий») в 1956-м, еще студентом..., а ушел в 1971-м с поста первого зама главного редактора. С 1971 года деятельность Чикина связана с газетой «Советская Россия», с 1986 года он возглавляет редакцию газеты. 22 августа 1991 года «Советская Россия» была закрыта за поддержку действий ГКЧП, но в сентябре 1991 ее выпуск возобновился, и Чикин снова стал ее главным редактором. Чикин – член Коммунистической партии России и по ее спискам неоднократно избирался в Государственную Думу.

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10 – 14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американ-

ский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала в себя три главных вопроса:

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну (Да, нет)
2. На чем основана Ваша уверенность?
3. Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?

Было еще пять вопросов, направленных на получение информации о респондентах; три – базовых: пол, возраст и род занятий и два специальных, релевантных тематике опроса: о характере участия в Великой Отечественной войне и о мере понесенных утрат. Для каждого из участников опроса сохранялась информация о месте жительства и о типе населенного пункта (крупный, средний, малый город или село).

Процедура отбора респондентов производилась на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки. Было решено провести опрос в тех районах страны, население которых «ближе всего столкнулось с бедствиями» войны. Это задало географию опроса: населенные пункты, расположенные на 30-ом, Пулковском меридиане. Здесь располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, в годы войны там велись активные боевые действия, и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками.

В выборку было включено десять населенных пунктов: самый северный – город Никель на Кольском полуострове и самый южный – военный городок близ Тирасполя. В каждом населенном пункте опрашивалось по 100 человек, и организаторы опроса контролировали состав выборки по пяти параметрам: место жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст. Погрешности планирования выборки и перекосы в выборке, допускаясь при ее реализации, естественно не позволяли рассматривать то первое в Союзе исследование как репрезентативное. Но авторы этого и не утверждали, в их интерпретации не шла речь о мнении населения страны.

19 мая 1960 газета сообщила о создании Института и начале изучения общественного мнения: «Сегодня «Комсомольская правда» открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение

даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путем социологических обследований и опроса широких слоев населения одновременно в различных географических районах страны» [1, Жизнь 1-я, с. 47-48].

В этом же выпуске под заголовком «Удастся ли человечеству предотвратить войну? - Да! - Отвечает 30-й меридиан» публиковались материалы первого опроса.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [8, с. 209.].

Второй опрос был проведен в августе-сентябре того же года: изучалось отношение населения к динамике уровня жизни в СССР. Сегодня подобная тема представляется социальным исследователям естественной и важной для понимания хода социальных преобразований проходящих в стране. Но в начале 60-х она вызывала, повидимому, столь же естественное недоумение со стороны экономистов. Трудно было осознать, что статистика социальных изменений и общественное мнение по поводу динамики уровня жизни – это разные грани социальной действительности.

На волне успеха в январе-марте 1961 года был проведен третий зондаж мнений, привлекший к себе внимание в стране и за рубежом. Это был прессовый опрос, вопросы публиковались в газете. На третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый – более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока – двадцать дней – их было более 19 тысяч. Безусловно, многое в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что Вы думаете о своем поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать свое мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

В первом томе своего «четырёхкнижия» Грушин отмечает, что публикация анкеты в газете вызвала множество комментариев за границей. Запад высказывал удивление тем, что

советской молодежи дали возможность высказаться о своей жизни. Вот некоторые примеры: «Молодежная газета России «Комсомольская правда» напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, – опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастным поколением» (Daily Telegraph, 9 января 1961); «...Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако ...приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертностью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и «идиотским» подражанием западной манере одеваться» (New York Herald Tribune, 28–29 января 1961) [1, Жизнь 1-я, с. 49-50].

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет и за это время было проведено 27 опросов: одно – международное и 20 – всесоюзных. Имеет смысл указать три группы причин прекращения деятельности Института. Начнем с организационных причин, но они не были главными. Далее, с изменением социального и политического климата в стране – «оттепель» ушла в прошлое и наступило время Брежнева – стала заметной напряженность между журналистами и исследователями общественного мнения. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной», поскольку, – пишет Грушин, – «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией». Так, если в течении 1960–1964 годов (эпоха Хрущева) было опубликовано 58 материалов по итогам опросов, то с октября 1964 года по декабрь 1967 года – всего 29 [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 16.].

Но наиболее весомая причина заключалась в усиливавшейся напряженности между наукой и властью. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам, даже мало-мальски отклонявшимся от императивов набравшего силу социального мифотворчества. Начинали проявляться признаки эпохи застоя.

По словам Грушина, «с исследованием «Комсомолыцы о комсомоле» случился форменный скандал». Объективное положение вещей в молодежной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось в преддверии

XV съезда ВЛКСМ. Обнаружился высочайший уровень разочарованности в комсомоле, неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом и собственного участия в делах этой организации.

Крупными неприятностями для «Комсомолки» и для исследователей обернулся опрос о выборности на производстве, проведенный в апреле 1967 года Яковом Самойловичем Капелюшем под руководством Грушина. Недовольство высших партийных идеологов вызвала публикация в газете факта активной поддержки населением идеи выборности руководства. Через два года результаты этого исследования удалось опубликовать, но тираж брошюры долго задерживался для распространения, и в конце концов его почти полностью уничтожили (автор настоящей статьи – один из немногих, у кого хранится экземпляр этой редкой книги) [9].

Институт был обречен, и в декабре 1967 года он был закрыт.

Три книги – три главных направления исследований Грушина

Помимо того, что результаты опросов регулярно представлялись на страницах «Комсомолки», они с момента рождения ИОМ публиковались в научных журналах и в изданиях, обращенных к широкой читательской аудитории. В частности, три первые книги Грушина, в которых он предстает аналитиком общественного мнения [10], увидели свет одновременно с его монографией по логике мышления. В начале второй половины 60-х по материалам ряда опросов Грушиным были опубликованы еще две небольшие книги о свободном времени [11]. Таким образом, в социологическом сообществе уже долгие годы неразрывно сосуществуют два представления о Грушине: как о философе и как о социологе – исследователе общественного мнения. Наиболее зримо эта отличительная черта творчества Грушина видна в трех его книгах, охватывающих двадцать лет после закрытия ИОМ «КП».

Методология исследований общественного мнения

Итогом направленной теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная Грушиным в январе 1967 года. В 1969 году, после закрытия ИОМ Грушиным была подготовлена рукопись книги «Советское общество в опросах об-

публичного мнения». В течение последующего десятилетия она многократно дорабатывалась и предлагалась различным издательствам, но всеми была отвергнута. И все же сегодня у нас есть документ, достаточно полно характеризующий два процесса. Первый процесс – это развитие собственно грушинских подходов к природе общественного мнения и к методам его познания. Второй, становление исследований общественного мнения в СССР. Речь идет о книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений», сделанной на базе его диссертации [12].

Можно говорить о существовании примерно вековой истории философско-политических, общеметодологических и теоретико-эмпирических исследований общественного мнения в дореволюционной России, в СССР и в новой России. Но эта история не изучена и не описана. Нет историографии, отсутствует систематическая библиография, нет хотя бы кратких биографических очерков об исследователях, разрабатывавших эту тематику. Одним из примеров, подтверждающих сказанное, является относительно недавнее «открытие» книги правоведа и социолога Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) об общественном мнении и политических партиях, изданной в 1906 году [13].

А вот еще один недавно обнаруженный мною сюжет для исторических поисков. Оказывается, что классическое историко-политическое исследование лорда Джеймса Брайса (1838–1922), обосновавшее подготовленность Америки к регулярным опросам общественного мнения и ставшего теоретической базой деятельности Джорджа Гэллапа (1901–1984), было переведено на русский язык в конце 19 века, всего через три года после его выхода в Англии [14]. Книга осталась незамеченной даже после того, как в декабре в 1910 года Брайс стал член-корреспондентом Российской Императорской Академии Наук. По сути, не была она известна и советским ученым.

Проведенные мною много лет назад историко-методологические изыскания позволяют утверждать, что ИОМ «КП» и книга Грушина «Мнения о мире...» положили начало современному этапу изучения общественного мнения в СССР. Не буду уходить в далекое прошлое, обозначу лишь главные различия между тем, что писалось советскими философами и социологами в 1950-е – 1970-е годы по общественному мнению, и тем, что изложено в «Мнения о мире...».

Традиционно проблематика общественного мнения изучалась в рамках истматовских концепций общественного сознания с акцентом на классовую сущность природы массового отражения действительности. Само сознание трактовалось как производная бытия и не допускалось, что бытие может быть

проявлением сознания. Из этих утверждений, как правило, следовали тривиальные, крайне идеологизированные выводы о различии морфологии и функций общественного мнения при социализме и капитализме. В частности, утверждалось наличие практически абсолютной однородности общественного мнения в СССР: «...Оценки и суждения по коренным вопросам социально-политической жизни совпадают у всех трудящихся страны. Подобного быть не может в капиталистическом обществе, где классовая борьба проявляется и в столкновении мнений угнетаемых и угнетателей» [15, с.4]. Кроме того, во всех этих работах, даже в наиболее серьезных, вся проблематика анализа сводилось к стремлению описать общее строение общественного мнения, обозначить его функции в социалистическом обществе и государстве, рассмотреть приемы, пути его формирования. Цитируя В.И. Ленина и директивные документы КПСС, отмечалось, что государство, Коммунистическая партия, властные структуры, руководители трудовых коллективов должны знать и учитывать в своей деятельности интересы и чаяния простого народа, трудящихся. Однако во всех этих работах практически ничего не говорилось о том, каким должно быть научное изучение общественного мнения. В частности, на протяжении многих лет опросы, приемы анкетирования трактовались прежде всего как буржуазные методы.

«Мнения о мире..» – это первая и долгие годы – единственная отечественная книга о том, как изучать общественное мнение. Значительный теоретико-методологический материал о морфологии и функционировании общественного мнения, изложенный в ней, при всей его важности и новизне не носит характера общефилософских построений. Это, скорее, расширенное методологическое введение, детальное объяснение того, что и почему надо изучать при измерении общественного мнения. Именно такова логика созданных Грушиным теоретических конструктов, такова его аргументация, включающая в себя анализ материалов опросов ИОМ «КП». Эта книга могла стать нормальным учебником по изучению общественного мнения, но она стала учебником лишь для немногих. Книга на несколько десятилетий опередила время; во второй половине 60-х власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

Два обстоятельства, касающихся содержания и пафоса «Мнения о мире..», выделим особо.

Во-первых, в этой книге Грушин конституировал место исследований общественного мнения в системе наук. Дискуссия о природе общественного мнения могла вестись и фактически велась в рамках философии, научного коммунизма, соци-

альной психологии, журнализма и ряда смежных научных направлений. В принципе, в недрах этих наук можно было пытаться искать и место исследования общественного мнения. Грушин вписал всю эту проблематику, начиная от ее теоретико-методологических пластов и кончая методико-инструментальной тематикой, в социологию. По сути, им были заложены основы социологии общественного мнения, и, что удивительно это кардинальное решение Грушина является одним из немногих, принятых научным сообществом без особых дебатов.

Во-вторых, безусловно, никто кроме профессионального логика, «поварившегося» в спорах диалектиков, не мог написать книгу об общественном мнении так, как ее написал Грушин. Нередко по ходу чтения возникает ощущение, что объект анализа рассмотрен до конца, исчерпан. И вдруг на следующей странице обнаруживается, что до конца далеко, что объект делим далее и что еще существует множество его граней, которые пребывали в тени.

Методология изучения массовой информации

Не остыв от перипетий, связанных с закрытием ИОМ, защитой докторской диссертации и завершением работы над «Мнения о мире..», Грушин начинает изучение новой темы. Сегодня ее точное название: «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» могут воспроизвести лишь очень немногие, но трудно представить профессиональных социологов, не читавших или ничего не слышавших о «Таганрогском проекте». Он известен в силу его целевых и содержательных параметров, его объема и арсенала использованных методов, его результатов и его судьбы.

В 1967 году все начиналось благополучно: Таганрогский проект инициировался знающими и прогрессивно мыслящими людьми, занимавшими высокие посты в отделе пропаганды ЦК КПСС. Фактически отдел возглавлялся Александром Николаевичем Яковлевым (р. 1923), историком-американистом и опытным партийным функционером. Через два десятка лет его назовут «архитектором перестройки» и «отцом гласности». Его заместителем был Георгий Лукич Смирнов (1922–1999), философ, разрабатывавший проблемы исторического материализма, позже работавший директором Института философии АН СССР и в конце 80-х избранный академиком АН СССР. Ближе всего к исследователям был консультант отдела Леон Аршакович Оников (1924–2000), о котором российские соци-

ологи первого поколения хранят наилучшие воспоминания. Время было непростым, и многое в том, что проект состоялся, определялось не только тем, что именно Оников делал, но нередко тем, чего он с риском для его карьеры не делал [16]. В начале нового столетия Грушин, удивляясь тому, что несмотря на крамольность – по тем временам – ряда теоретических посылок программы задуманного исследования, она получила полную легитимность. И главную причину этого он видит в неортодоксальности сознания и в гражданской смелости Г.Л. Смирнова и Л.А. Оникова

Включение Грушина в проект Отдела пропаганды ЦК КПСС было для него неожиданным, но работа по нему стала одной из важнейших вех в его деятельности. Конечно, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что только ученый творческих масштабов и целеустремленности Грушина, такой же уверенности в правоте и необходимости своего дела, мог взвалить на себя, ввязаться в такой проект. Но история показывает, что это именно так.

Исследование продолжалось более семи лет, оно завершилось в 1974 году, и прошло еще шесть лет до выхода книги, представлявшей концепцию проекта и его методологию, краткое описание инструментария и теоретико-эмпирические выводы по ряду изучавшихся направлений [17]. В целом сделанное можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, была предложена теория среднего уровня, или модельное описание, основных механизмов функционирования средства массовой информации и формирования общественного мнения в среднем городе в стране с однопартийной системой, жесткой идеологией и плановой экономикой; страной – многие десятилетия манифестировавшей демократический характер своего развития, социальную направленность внутренней политики и миролюбивость, интернационализм в международных делах. Отличительными чертами этой модели являются: многомерность, или многопараметричность, телескопичность и многофункциональность. Многофункциональность модели открывает возможность, по крайней мере – потенциальную, для ее использования при решении большого числа теоретических проблем и прикладных задач. Телескопичность – позволяет сохранять основные структурные и функциональные свойства модели при анализе разного уровня информационных систем. Что касается многомерности, то она порождает стереоскопичность изображения предмета исследования.

Построение каркаса теории среднего уровня это, прежде всего, достижение Грушина-логика, диастанкура. Прямое, честное следование общефилософским, общесистемным или

кибернетическим принципам логического конструирования сложных систем фактически налогало запрет на создание «слишком» простого описания массовых информационных процессов.

Но «чистый» философ, методолог мог бы остановиться на построении общей схемы, или знаковой модели, массовых информационных процессов. Для социолога, исследователя общественного мнения, журналиста – это было лишь началом. Следствием многомерности модели и фокусировки проекта на четырех принципиально различающихся объектах: органы власти и тексты власти, население и тексты населения (в действительности, с учетом всех уровней детализации программы, исследовалось свыше 250 объектов) – стала сложнейшая схема организации сбора данных и огромное количество методик.

Даже сухая статистика проекта, проведенного в Таганроге, и сейчас впечатляет своими масштабами: 76 связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа. В проекте было 85 полевых документов общим объемом почти 60 печатных листов. Склонный к тщательному учету работы, Грушин подсчитал, что в текстах анкет и интервью, в схемах наблюдений, в контент-аналитических методиках было 2325 закрытых вопросов, 386 – полужакрытых, 783 – открытых. Таким образом, и это второе принципиальное значение Таганрогского проекта – исследование оказалось мощнейшей лабораторией и одновременно фабрикой конструирования социологического измерительного инструментария.

Кроме того, если говорить об СССР, то в проекте были заложены основы индустриальной технологии сбора социологической информации, которая, по сути, оказалась востребованной лишь через двадцать лет. Кроме того Таганрогский проект стал своеобразной школой, университетом по подготовке высокопрофессиональных исследователей в области изучения общественного мнения и массовой информации. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация по философии и филологии [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 41]. По оценке Грушина, общее количество выполненных под его руководством кандидатских исследований – не менее 30.

Третье, в рассматриваемой книге Грушиным и его сотрудниками приведено подробное социологическое описание информационной реальности первой половины эпохи Брежнева.

Тот факт, что прошло уже тридцать лет после завершения исследований в Таганроге, несколько затрудняет понимание содержания книги социологами входящих поколений, но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение. Это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность, «Атлантиду». Нет той страны, в которой проводилось исследование, и нет того общества. Нет того главного автора (КПСС), ведущего издателя и всемогущего распространителя массовых информационных сообщений, который детерминировал и направлял развитие информационных процессов и формирование общественного мнения. Ушла в прошлое вся система идеологической работы в трудовых коллективах, в которой участвовали тысячи партийных, комсомольских и профсоюзных активистов, а также общественников. Прозошли кардинальные изменения в технологии деятельности и в содержании телевидения, радио и прессы, произошли серьезные изменения в их социальной функции. Само отношение людей к массовым текстам, сообщениям, стало иным. Но социологическая фотография прошлого будет крайне полезной всем будущим исследователям.

Морфология и феноменология массового сознания

Пытаясь одним словом определить первую из рассмотренных в этом параграфе книг Грушина – «Мнения о мире...», ее можно назвать «научной». «Массовая информация...» – это работа «техническая», или «технологическая». Третья книга «Массовое сознание» [18] – «поэтическая»; в том смысле, что поэзия – это философия, выраженная в особой художественной форме. Книга – в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивается эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в цитировании поэтических строк и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» [7], и не могла быть рационально-холодной.

При написании этой статьи я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Когда я лишь сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «такая зелененькая», я еще раз подтвердил, что все в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано, и насколько глубокого он погружен в его «четыре книжки», эта его реакция была

неожиданной. Но теперь, думается, я могу полнее оценить значение этой «зеленьской» книжки и лучше понять истоки ее «поэтичности».

Далеко не каждому исследователю дано запомнить время и причину, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей ведущее место в его творчестве, а значит – в его жизни. Еще реже человеку удается удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое им в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был зов. Грушин обрек себя на трудное счастье: в тот единственный миг он оказался готовым к опознанию неизвестно откуда пришедшего – изнутри или извне? – сигнала и фиксации его в своем сознании. Вот как начинается его книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР. Просматривал – в какой уже раз – очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не «в общем целом», а, что называется, «слово в слово»! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции... Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства – людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [18, с. 19–20]. На следующей странице книги есть абзац, несущий в себе объяснение всего, что было сделано и делается сейчас Грушиным, и что выплеснулось в его молниеносной реакции в приведенном выше нашем телефонном разговоре. Абзац начинается со слов: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой...».

Через треть века после начала продумывания Таганрогского проекта Грушин вспоминает (всюду выделения Б.А.Грушина): «занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием еще одну задачу – на обещавшем быть гигантским по объему эмпирическом материале доказать **факт существования** в тогдашнем советском обществе **этого типа общественного сознания** и по возможности продвигаться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функ-

ционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей проекта, но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» [Четыре жизни России... Жизнь 2-я, часть 1, с. 4–45].

Книга «Массовое сознание» – это первая работа, целиком посвященная анализу сущности этого феномена, посему в ней приводится и широкий историко-политический анализ темы, и ее философские корни, и собственно предлагаемая автором концепция содержания и функционирования массового сознания. В нашу задачу не входит всестороннее обсуждение этой книги; сейчас нам представляется целесообразным сконцентрировать внимание лишь на трактовке Грушиным природы общественного мнения и на его движении к этой трактовке. Грушин не объявлял в качестве самостоятельной цели своего исследования углубление, поиск каких-либо нюансов, новых атрибутов в данной им ранее дефиниции общественного мнения, но объективно именно это стало одним из финальных итогов его работы. Речь идет, естественно, не о хронологии концептуальных поисков Грушина, но о логике развития его теоретических построений.

В «Мнения о мире..» Грушин определил общественное мнение «как *сознание масс, массовое сознание*, или если угодно, как *состояние массового сознания*» и далее следовало уточнение: общественное мнение это «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». В целом это определение было расширительным, ибо отождествляло общественное мнение и массовое сознание и описательным, точнее – иллюстративным. После того, как внутри общественного сознания мысленно удавалось сломать перегородки, в «руинах» трудно было увидеть общественное мнение.

Изучая литературу тех лет, легко заметить, что одними это определение критиковалось, другими – игнорировалось, но то были преимущественно социальные исследователи, далекие от собственно измерения общественного мнения. Для тех немногих, кто занимался теоретико-эмпирическими исследованиями, определение Грушина было ценным своей конструктивностью, ибо приведенное описательное определение дополнялось набором функций общественного мнения, критериями, на основании которых можно было говорить об объекте общественного мнения, и признаками субъекта общественного мнения. По сути, становилась ясной последовательность ло-

гических и инструментальных операций, необходимых для измерения общественного мнения.

Мощнейшим фактором поддержки, или глубокой валидации этого определения были теоретико-эмпирические результаты Грушина. Он первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. Было показано, что многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», обладала та модификация общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Хотя это противоречило принципиальным политико-идеологическим утверждениям того времени, но, согласно опросам ИОМ, в общественном мнении были перемешаны отголоски многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что уже в первой половине 60-х советское общественное мнение не было одномерным, стабильным, гомогенным, одноцветным, гармоничным и т.д.

Также из грушинского определения общественного мнения вытекала абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Потому вопрос о технологии исследования общественного мнения превращался из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно, в сущностный.

Вскоре Грушиным была обнаружена ошибочность отождествления общественного мнения и массового сознания, и он остроумно, уточнил предложенную им дефиницию. Это удалось сделать в опоре на весьма продуктивную концепцию множественности массового сознания, существующего, действующего в том или ином обществе. При такой интерпретации массового сознания общественному мнению была отведена более узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в его отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Зондажи, опросы общественного мнения ловят, фиксируют эти краткосрочные точки сгущения массового сознания [18, с. 248–260].

In pivo veritas

Хотя в заголовке этого раздела статьи указаны три книги Грушина, нельзя ничего не сказать еще об одной его работе – «In pivo veritas», в которой он проявил себя одновременно и как исследователь массового сознания, и как истинный лю-

битель и уникальный значок пива и пивной культуры [19]. Живя несколько лет в Праге, Грушин сделал карту города, на которую нанес все пивные. Отсутствие места не позволяет передать содержание и красочность его рассказов о поиске пивных, о том, как он их посещал и по какой методике изучал. В целях реализации своего замысла, Грушин специально выучил чешский язык.

Все задуманное было с честью выполнено. Грушин посетил свыше семисот пивных, испробовал огромное число различных сортов пива, с успехом участвовал в соревнованиях, выявлявших тех, кто больше выпьет, и собрал богатейшую коллекцию сентенций, афоризмов, высказываний о пиве. Книга – это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и гимн пиву.

ВЦИОМ и ВР

Первой организационной «единицей», созданной Грушиным для изучения общественного мнения был ИМО «КП». В 1969 году, через два года после закрытия ИМО, им был организован Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Несколько месяцев предложения Грушина о создании Центра не рассматривались руководящими инстанциями, и все решил в сущности единолично академик Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993), возглавлявший ИКСИ и одновременно бывший вице-президентом АН СССР. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

Теоретические исследования Центра группировались вокруг «Таганрогского проекта, начатого в краткий период работы Грушина в Институте философии АН СССР. Вместе с тем впервые в СССР Центр взялся за проектирование и создание организационной структуры для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Ставилась задача не только зондирования мнений населения страны, но также жителей отдельных регионов.

В начале 1970 года Центр разослал более сотни Информационных писем в министерства, ведомства, научные институты, творческие и общественные организации, редакции газет и так далее с предложением о сотрудничестве. В частности выяснялась готовность этих организаций оплатить проведение опросов по интересующей их проблематике. Пришло более 40 писем,

содержавших заявки на 102 исследования; в половине заявок выражалось согласие на полную или частичную оплату работ. Оказывается, три десятилетия назад в СССР существовал латентный заказ на изучение общественного мнения, и в принципе могли быть найдены способы финансирования опросов.

К важнейшим методическим достижениям Центра относится создание первых всесоюзных выборок населения; это был сделано Сергеем Валериановичем Чесноковым (р. 1943). Двухступенчатые районированные выборки, охватывали 27 регионов страны, все типы поселений и репрезентировали население по полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному положению. В опоре на эту общую модель можно было строить выборки различного объема.

Весной 1971 года Центром был проведен первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, – из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [1, Жизнь 2-ая, часть 1, с. 38].

ИОМ создавался редакцией «КП» на свой страх и риск, но западные специалисты, да и некоторые люди в СССР рассматривали его как детище ЦК КПСС или даже КГБ. Через несколько месяцев после открытия Института Грушин сумел дойти до всемогущего в те годы Секретаря ЦК КПСС по идеологии Леонида Федоровича Ильичева (1906–1990) и объяснить ему необходимость создания государственного Института общественного мнения. Ничего из этого не вышло. В середине 60-х Грушин пытался создать службу изучения общественного мнения при газете «Правда», но здесь ничего и не могло получиться: главный идеолог брежневской эпохи Михаил Андреевич Суслов (1902 – 1982) однозначно видел в проведении опросов лишь вредное влияние Запада: «Не нужное нам это дело! Пусть они там, у себя этим занимаются».

Несколько лет назад, в моей первой попытке охарактеризовать траекторию становление исследований общественного мнения в СССР-России, я ввел понятие «линии Грушина» как стержня, магистрали, задающей принципиальные особенности зарождения и развития этого политического и аналитического процесса [20]. Конечно же, «линия» – это образ, совсем не то, что определяется этим термином в геометрии, тем не менее, оправданно говорить о «точках», образующих эту «линию».

Первая точка – ИОМ «КП», вторая, лежащая близко к ней, это ЦИОМ ИКСИ. На значительном удалении от них

расположена третья точка – это Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам, известный миллионам россиян и специалистам всего мира как ВЦИОМ. День рождения ВЦИОМ – 7 декабря 1987 года.

Пришло время, когда, наконец, был услышан голос Грушина о том, что надо прислушиваться к «гласу» народа. В апреле 1987 года было принято политическое решение ЦК КПСС и Совмина СССР об организации ВЦИОМ, а через несколько месяцев он был создан в рамках тогдашних ВЦСПС и Госкомтруда СССР. По предложению Грушина и его настойчивым рекомендациям первым директором ВЦИОМ стала академик Татьяна Ивановна Заславская (р. 1927) – один из «прорабов перестройки», имевшая огромный научный и моральный авторитет не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом.

И рождение ВЦИОМ, и формирование технологии его деятельности во многом определяются личной ролью и исследовательским багажом Грушина. Через десять лет после открытия ВЦИОМ Т. Заславская отметила, что у нее не было собственного опыта изучения общественного мнения – сфера ее научных интересов охватывала, прежде всего, экономическую социологию и социологию села. Потому, когда ей предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась на это, «но при обязательном условии – чтобы заместителем был Борис Грушин». Он проработал во ВЦИОМе недолго, всего два года, но, по словам Т. Заславской, «сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения» [21, с. 9].

Теоретические и инструментальные разработки Грушина и его многолетний опыт организации опросов общественного мнения, ряд общих социально-политических обстоятельств позволили ВЦИОМ сразу стать флагманом исследований общественного мнения в СССР. Можно утверждать, что преобладающая часть профессионально работающих в России аналитических структур по изучению общественного мнения и исследованиям рынка являются или «дочерними» организациями ВЦИОМ, или просто активно используют его методологический и методический опыт.

Многие годы организацию возглавлял Юрий Александрович Левада, взгляды которого на роль общественного мнения в стране во многом совпадали с пониманием Грушина. Их жизненные траектории пересеклись более полувека назад. Левада, закончивший философский факультет МГУ в 1952

году, не принадлежал к Московскому логическому кружку, но был в добрых отношениях с диастанкурами. Много позже он сказал в одном из интервью: «Я в этом кругу не состоял, хотя с его участниками был хорошо и по-доброму знаком. Это было очень интересное явление, о нем по праву говорят как о самом интересном философском явлении советского времени» [22].

В конце 60-х в Академии общественных наук при ЦК КПСС рассматривалась ситуация в советской социологии. Резкой критике, проще – разному была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. В обсуждении выступил Грушин, поддержавший Леваду и сказавший: «Время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек». В отношении сидевших в президиуме, он добавил: «Мертвые хватают живых». Как отмечает Грушин, вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады». Автором этого утверждения был Федор Васильевич Константинов (1901–1991), философ-академик и крупный партийный функционер [8, с. 214].

Организация, созданная полтора десятилетия назад Грушиным и Заславской, и сейчас занимает лидирующее положение в изучении российского общественного мнения. Но «эхо» событий, на протяжении многих лет делавших невозможным создание общенациональной системы изучения общественного мнения в доперестроечные годы, отозвалось в начале осени 2003 года. Тогда ВЦИОМ был поставлен перед необходимостью сменить свое историческое имя. Благодаря усилиям Левады, его безупречному научному авторитету и четкой гражданской позиции, в процессе очень непростых преобразований ему удалось сохранить полностью аналитическую команду ВЦИОМ и сеть по сбору данных: теперь эта организация называется «Левада-Центром».

Оставив позицию заместителя директора ВЦИОМ в 1989, Грушин тогда же создал первую в стране частную независимую службу изучения общественного мнения «Vox Populi» («VP»); это – четвертая точка на «линии Грушина». Под руководством Грушина эта организация просуществовала десять лет и ею было выполнено множество социально-политических исследований. Наиболее известным проектом был ежемесячный экспертный опрос «100 наиболее влиятельных (ведущих) политиков России», проводившихся для «Независимой газеты». Итоги опроса регулярно публиковались на страницах газеты и имели значительное политическое влияние.

Параллели и перпендикуляры

«Линия Грушина» – это не только траектория, обозначенная важными вехами деятельности Грушина; «линия» задает его судьбу и задается его судьбой. Продолжая эту «геометрическую» терминологию, хотелось бы сопоставить вклад Грушина в изучение общественного мнения с тем, что делалось Джорджем Гэллапом и другими отцами американских опросов общественного мнения: Арчибальдом Кроссли (1896–1985) и Элмо Роупером (1900–1971). «Параллели», это то, что роднит, объединяет, сближает творческие биографии Грушина и американских пионеров изучения общественного мнения, наоборот, «перпендикуляры» – нечто, кардинально нестыкуемое в генезисе их деятельности и в самой деятельности.

Для подобного сравнительного анализа есть объективные и субъективные обстоятельства. Проводимое мною уже ряд лет исследование процессов возникновения практики опросов и опросной технологии в Америке позволило подойти к формулированию некоторых историко-научоведческих закономерностей, и сопоставительное изучение (Америка и СССР) – можно трактовать как движение к определению меры универсальности наших выводов. Говоря о субъективном аспекте темы, имеется в виду используемое журналистами сравнение: «Грушин – это русский Гэллап».

В текстах Грушина не раз упоминается дружеское двустипшие известного историка философии и поэта Эриха Юрьевича Соловьева (р. 1934), написавшего в начале 60-х о первых грушинских опросах: он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Вообще говоря, аналогично, можно было бы удивиться и тому, что люди занимались философией в стране, где не было философии, но высказанное Соловьевым интересно нам в ином отношении. И Грушин, и журналисты, цитирующие это двустипшие, обычно и не без оснований акцентируют смысл второй строки, хотя опросы Грушина в 60-х годах, и в частности его же современный углубленный анализ собранных тогда материалов показывают, что более четырех десятилетий назад в СССР все же существовали элементы общественного мнения. Страна не была совсем безгласной.

Но первая строка Соловьева совсем не комментируется, принимается как данность, как факт. В действительности же, опросов в СССР, думается, не должно было быть «по определению», они противоречили существовавшей политической, экономической и социокультурной среде, для них не было

исторических предпосылок. Безусловно, прав Левада, в конце прошлого века сказав о сделанном Грушиным: «Эту отрасль науки он выдумал, придумал – создал собственными руками, своей головой, собственным энузиазмом» [23]. Точнее трудно сказать.

В Америке середины 30-х задача проведения выборочных опросов общественного мнения, что называется, висела в воздухе. Не случайно в 1936 году одновременно три опытных исследователя рынка Гэллап, Кросли и Роупер успешно зондировали электоральные установки и верно предсказали переизбрание Ф. Рузвельта на второй срок. Их опросы, открывая эру современных технологий изучения общественного мнения и создавая новую политическую культуру в стране, вместе с тем завершили длительный, более чем столетний этап проведения в Америке соломенных электоральных опросов. К тому же, эти аналитики опирались на, в значительной степени созданный и ими самими, богатый опыт изучения потребительских установок, эффективности рекламы и поведения радиоаудитории. Указанный опыт включал в себя построение репрезентативных общенациональных выборок, конструирование измерительных шкал, подготовку интервьюеров, организацию полевых исследований.

Еще более существенным представляется то, что и новые для 30-х годов выборочные опросы общественного мнения, и все ненаучные методы сбора информации о сознании и поведении электората и потребителя, которые использовались в Америке, начиная со второй половины 19 века, были прямым следствием, продолжением политической и экономической системы страны. Государству, обществу, населению, отдельным социальным структурам практически всегда, с момента зарождения американской политико-экономической системы, необходимо было знать интересы и установки потребителей, учитывать электоральные намерения избирателей. В конце 19 века Д. Брайс на основе его многокритериального историко-политического анализа показал, что система власти в Америке и население готовы к проведению референдумов. Лишь незнание выборочных методов не позволило ему говорить об опросах общественного мнения.

Ничего из выше сказанного в принципе не было ни в российской дореволюционной истории, ни после. В СССР вместо выборов – голосование, вместо свободного экономического рынка – централизованная система экономики. Правительство страны и КПСС утверждали, что они все знали о населении, формировали в необходимом направлении его потребности и интересы, думали о его настоящем и будущем и т.д.

Американская и советская системы, если иметь в виду их базис и основополагающие надстроечные конструкции, были оппозиционны, или «перпендикулярны» друг другу. В свете сказанного в СССР не могли появиться опросы общественного мнения. Наоборот, естественными были запретительные реакции Ильичева, Константинова и Сулова, их слова и деятельность отвечали геометрии и физике советского политического пространства. Такое поведение было нормальным, спасительным для системы, оно охраняло ее от распада.

Опросы Грушина возникли вопреки логике социального устройства советского общества, и этот факт можно объяснить лишь некоей социальной мутацией, мощным сбоем внутри социополитической системы страны, неожиданным, противоестественным скачком с разрешенной законами социума траектории движения на закрытую орбиту. В биологии подобные революционные мутации объясняются воздействием мощных флуктуаций в радиационной, магнитной, тепловой и в прочих средах обитания биологического организма. Они провоцируют нарушение сложившегося генного механизма и порождают новые генотипические и фенотипические структуры, образы.

Что сыграло роль политических «флуктуаций», нарушивших баланс существовавшей в послевоенном советском обществе социальной среды и породивших возникновение опросов общественного мнения? Вопрос непростой, и ответ на него требует специального исторического изучения, но в любом случае к таким «флуктуациям» относится Постановление ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе» и в частности указанная выше ночная встреча Сталина с московской профессурой.

В той встрече многое кажется сегодня непонятным. В частности, интерес Сталина к работе Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), выдающегося русского психолога, создателя и первого директора первого в России Психологического института в Москве. Дело в том, что Челпанов – был одним из университетских профессоров, которого не удалось «поставить на рельсы марксизма». Учебник по логике, привлечший внимание Сталина, был издан в 1917 году [24] и является единственной книгой Челпанова, переиздаваемой и в наше время.

Распоряжения вождя исполнялись мгновенно. В начале 1947 года Министерство просвещения провело в городе Химки под Москвой полугодовые курсы по подготовке вузовских преподавателей логики, и в том же году были созданы кафедры логики на философских факультетах Московского и Ленинградского университетов.

Образование Московского логического кружка – это тоже из разряда флуктуаций. Прежде всего, появление диастанкуров надо рассматривать как возникновение, проявление одной из маловероятных – почти невероятных – редких форм (мутаций) социокультурной рефлексии событий, происходивших в СССР в первые послевоенные годы, и уже затем как прямое следствие начинавшегося изменения в подготовке советских философов. Другими словами, историчность появления диастанкуров – что стало первым шагом на пути к возникновению опросов в СССР в 1960-е годы – видится нам в случайности, которая могла проявиться на рубеже 40-х – 50-х, и которая реализовалась.

Конечно, приведенное объяснение парадоксально, но эта алогичность созидательна, и потому в принципе объяснение такого рода не является уникальным в истории науки, более широко – в истории изобретений. Мы же приводим такое объяснение еще и потому, что оно содержится в воспоминаниях Мамардашвили о возникновении Московского логического кружка. Отправным для Мамардашвили (он говорил это в 1990 году) было признание существования пропасти в развитии культуры страны, имелось в виду «1917 год и все, что за ним последовало». Признавая отсутствие прошлого, он одновременно отмечал бессмысленность ностальгирования и попыток восстановить прошлое: «Ну, нет его и быть не может, это все исчезло физически». И далее, он говорил, что новое может возникнуть, произрасти лишь в «человеческом материале, какой есть». Так, по мнению, Мамардашвили и появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...». Да и сам Грушин отвечая пару лет назад на вопрос журналистки О.Кучкиной: «Я помню тебя молодым безумцем с горящими глазами – сейчас ты седой безумец, а огонь в глазах прежний. Я говорю: безумец – с восхищением перед бешеной энергией и глубоким погружением в свое дело. Как ты настроился на эту дорогу и по ней прошел – для меня феномен человеческий. Попробуй, объясни его», ответил: «Трудно, хотя я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом».

В целом, ничего в явном виде не подталкивало Грушина к проведению опросов общественного мнения в годы его обучения в МГУ: ни дискуссии диастанкуров, ни лекции по истории и философии, ни сама окружавшая его реальность. Импульсом к изучению общественного мнения стала его журналистская

практика. В одной из наших телефонных бесед на мой вопрос о том, как же все началось, он сказал, что газета искала новые формы работы, был придуман социально-экономический очерк, нашли семью рабочего Андрианова и рассказали о ее жизни на целом развороте, проводили дискуссии; и в этом бульоне возникла идея опросов.

Итак, рождение опросов в СССР в 1960 году стало следствием двух равновесных обстоятельств. Первое, одна из ведущих и либеральных по тем временам газет смогла разглядеть в опросах – сначала, читателей, потом – населения в страны – новую форму общения с аудиторией, выявления ее отношения к происходившим в стране и мире событиям. Второе обстоятельство: в редакции газеты оказался человек, никогда ранее не проводивший опросы, но в личном и профессиональном отношениях оказавшийся готовым к подобной деятельности. Важно не то, кто первым высказал ту новую, неожиданную, малопонятную, еретическую идею, а то, что она возникла в пересечении интересов газеты и профессионального ученого, субъективно и объективно подготовленного к проведению опросов. Глубокое знание Грушиным научной методологии, понимание им общих механизмов функционирования общества, многолетние теоретические междисциплинарные изыскания, владение математикой, знание основ психологии – оказались прекрасной базой для начала его новой деятельности.

Работая в «Комсомольской правде» и освоив многое в журналистике, Грушин оставался аналитиком, исследователем. В. Чикин был соавтором программ и полевых документов около десяти первых опросов ИОМ, руководил полевыми работами, активно участвовал в обработке информации, вместе с Грушиным опубликовал несколько первых в стране книг по материалам опросов, но это все осталось лишь фактом его журналистской биографии. У него не возникло ни интереса к природе общественного мнения, ни отчетливого понимания научных опросов как инструмента журналистики. Наоборот, Грушин, открыв в опросах «Комсомольской правды» возможность заглянуть в общественное мнение, оставил практическую журналистику и сделал познание массового сознания и общественного мнения своей профессией, судьбой. Было много событий в его жизни, когда он мог отойти от разработки этой тематики, внешние обстоятельства не раз подталкивали его к этому, но что-то внутренне не позволило ему так поступить.

Одна из интересных «параллелей» обнаруживается при сопоставлении некоторых сторон деятельности, настроя редак-

ционной команды и даже биографий лидеров «Комсомольской правды» и американского журнала *Fortune*, сыгравших ключевую роль в возникновении опросов общественного мнения в своих странах.

Fortune был создан в 1930 году Хенри Люсом (Henry Robinson Luce, 1898–1967), по воспоминаниям знавших его людей и оценкам американских политологов и культурологов, гениальным журналистом. Одна из ведущих ролей в приобретении *Fortune* всеамериканской популярности принадлежала Ралфу Ингерсолу (Ralph Mcallister Ingersoll 1900–1969), журналисту, писателю, издателю и выдающемуся редактору. Социально-экономические воззрения Ингерсола характеризовались не просто либерализмом, но и приверженностью к социализму. В конце 1930-х около года он примыкал к одной из организаций американской коммунистической партии. Многие в политике *Fortune* определялись Арчибальдом МакЛейшем (Archibald MacLeish, 1892–1982), сильной личностью, получившей юридическое образование в Йеле и Гарварде. В 1920-х он жил в Париже, примкнув к группе молодых американских писателей и поэтов. В 1932 году МакЛейш получил первую Пулитцеровскую премию за поэму «Конкистодор», а в 50-х годах – еще две. В 1939–1944 годах он был Главным библиотекарем Библиотеки Конгресса, иногда его называли рузвельтовским министром культуры.

Представляется, что по видению и пониманию социальной проблематики своих стран, по их роли в развитии журналистики, по общей энергетике Люс и Аджубей были профессионалами и личностями сопоставимого масштаба. Аналогично, высокая «параллельность» траекторий жизней обнаруживается при анализе литературных интересов, характера государственной и общественной деятельности Ингерсола и МакЛейша, с одной стороны, и Воронова, Панкина и Чикина, с другой. Речь может идти и об общности поколенческого опыта редакций двух изданий. Американцы в ранней юности пережили Первую мировую войну и несколько позже – Великую депрессию, команда «Комсомолки» – Вторую мировую.

В 1935 году в процессе дружеского общения Ингерсола с Ричардсоном Вудом (Richardson King Wood, 1903–1976), журналистом, сотрудничавшим с *Fortune*, и одним из совладельцев компании по исследованию рынка *Cherington, Roper and Wood*, возникла идея создания аналитической службы *Fortune*. Исходно ее основное назначение заключалось в изучении рынка, но вскоре службе было поручено проведение опросов общественного мнения. Возглавил службу Роупер. Публикации результатов первого опроса – июль 1935 года –

была предпослана большая редакционная статья озаглавленная «Новая техника журнализма». Это произошло ровно за четверть столетия до рождения ИОМ «КП».

Опросы общественного мнения Кроссли также возникли при финансовой поддержке прессы. К середине 30-х он был признанным лидером в изучении американской радио-аудитории, и херстовский прессовый концерн *King Features Syndicate* обратился к нему с предложением об изучении электоральных установок.

Роупер и Кроссли приобрели журналистский опыт в процессе проведения опросов общественного мнения и сотрудничества с газетами и радио. Гэллап – на протяжении всей его жизни теснейшим образом был связан с журналистикой: в школе и в университете, в его первых, еще студенческих опросах и в его преподавательской деятельности. В докторском исследовании по психологии он разработал метод опроса для изучения читательских интересов, первый по-настоящему крупный научный успех пришел к нему, благодаря исследованию, в котором были заинтересованы редакторы ряда ведущих американских журналов. Задуманная им система общенациональных опросов общественного мнения финансировалась крупным газетным синдикатом, среди его многолетних друзей были люди, представлявшие элиту журналистского мира. Его колонки с результатами опросов публиковались в сотнях газет, опросы – изменили журналистику, в первую очередь – политическую.

Сказанное доказывает, что, несмотря на кардинальные различия в американской и советской политической и социально-экономической системах, в обеих странах опросы общественного мнения возникли в сотрудничестве прессы и социальной науки (изучение рынка – одна из них) при финансировании прессой.

Существует, точнее сказать, недолго просуществовала еще одна принципиальная «параллельность» в советской и американской историях опросов. ИОМ «КП» лишь условно можно было назвать институтом. По сути руководители газеты и Грушин нашли ту же форму организации системы опросов, которая была введена *Fortune* и которая стала распространенной в Америке в начале 40-х. Эта форма называется – полл (*poll*). При такой системе организации опросы проводятся от имени создавшего их средства массовой информации (СМИ), а результаты обычно являются собственностью этих информационных источников. Исследователи свободны во многих составляющих своей деятельности, но общая направленность тематики опросов и содержание многих из них определяются интересами соответствующих СМИ.

Первый полл «Комсомольской правды», скорее всего, оказался и последним в СССР и России. Никто не последовал примеру «Комсомолки». В постперестроечные годы возникли общенациональные и региональные центры изучения общественного мнения, однако по своим организационно-финансовым признакам они не являются поллами. СМИ регулярно распространяют результаты опросов, иногда по их заказам проводятся направленные зондажи мнений, но все это далеко от поллов, от той модели, которая была опробована ИОМ «КП» более сорока лет назад. Полл – это одна из функций СМИ, которая в России ими еще не освоена.

Было бы ошибочным утверждать, что деятельность Гэллапа, Кроссли и Роупера протекала исключительно в дружественной среде. Им приходилось многие годы доказывать необходимость изучения мнений населения, отстаивать свои позиции в Конгрессе, отвечать на злые и несправедливые публикации в прессе, доказывать свою независимость и так далее. Вместе с тем морально-политическая атмосфера в американском обществе была в целом благоприятной для изучения общественного мнения, и потому технология измерения мнений быстро совершенствовалась, а результаты опросов уже в начале сороковых стали одним из важных источников информации для президентов страны и политиков всех уровней.

Методы Гэллапа, Кроссли и Роупера были отрицанием соломенных опросов. При разработке вопросов интервью они опирались не только на приемы измерения установок, использовавшиеся в маркетинговых исследованиях, но и на огромный опыт психологических исследований личности. Уже в середине 30-х годов обработка информации проводилась с помощью счетно-перфорационных машин.

Грушин все начинал с нуля. Первые опросы ИОМ «КП», если иметь в виду их выборку, были соломенными, использованные приемы выборки качественно отличались от тех, что в 60-е годы использовались в Америке. Вопросы, задававшиеся респондентам, более напоминали журналистские интервью, чем социологические. Обработка осуществлялась вручную. Фактически индивидуальный сорокалетний опыт Грушина – от ИОМ «КП» до VP – вместил в себя все то, что в американской истории опросов сменяло друг друга с начала 20 века. Но все это было пройдено им очень быстро. Отчасти потому, что уже начав свои опросы, он глубоко изучил опыт собственно гэллаповских опросов и их европейских модификаций.

Грушина и Гэллапа – лично они никогда не встречались – сближает то, что каждый стремился сделать все возможное

для проникновения опросов общественного мнения в политическую, социальную, культурную ткань общества.

Гэллап проводил опросы в течение полувека и постоянно задумывался о природе общественного мнения, но к трактовке возникавших теоретических проблем он подходил как психолог, аналитик политических процессов и как журналист. Это было обусловлено его образованием, традициями, восходившими в частности к Брайсу и Уолтеру Липпману (Walter Lippmann, 1889–1974), а также более общими особенностями развития американской науки. Исторически так сложилось, что мышление, в частности его массовые формы, изучалось и продолжает изучаться в Америке, прежде всего, психологами и антропологами.

Грушин – первый философ, логик, обратившийся к исследованию общественного мнения в опоре на результаты собственных опросов. Потому очень скоро в его анализе он отошел от собственно задач журналистики, в целом – описательных, фокус его научной деятельности сместился к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования, а сама деятельность приобрела социологическую направленность. Опросы общественного мнения, сохранившие свое прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию исследования массового сознания. И потому, творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Гэллапом, но и с научным наследием Пауля Лазарсфельда (Paul Lazarsfeld, 1901–1976), Самуэля Стауффера (Samuel Stouffer, 1900–1960) и нашего современника Ирвинга Креспи (Irving Crespi, 1926–2004).

Гэллап, нам приходилось писать об этом, создал опиниометрику и ввел опросы общественного мнения в американскую и мировую политику. Грушин ввел опросы общественного мнения в политическую культуру СССР, России и сделал изучение общественного мнения предметом и объектом социологического познания.

* * *

При работе над статьей я постоянно обращался к первым публикациям нового грандиозного проекта Грушина «Четыре жизни России», в котором автором задумано рассмотреть массовое сознание россиян во времена Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Об этой работе Грушина уже написано немало, и мне тоже есть что сказать. Но я воздержусь, дождусь завершения проекта. Тогда же напишу о Наталии Георгиевне Карцевой, жене Бориса Андреевича; словами признания в любви к которой начинается первый том этой эпопеи.

16 лет назад на XIX Всесоюзной конференции КПСС с критикой горбачевского руководства выступил Борис Ельцин. Ответил ему Егор Лигачев, и тогда родилась фраза, ставшая безумно популярной в те годы: «Борис, ты не прав!»

Некоторое время после случившегося Борис Андреевич Грушин носил на груди большой жетон. На нем были написаны слова, которыми хотелось бы завершить статью: «Борис, ты прав!».

Литература

1. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественно-го мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». Москва: Прогресс-Традиция. 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1. Москва: Прогресс-Традиция. 2003.
2. Ладенко И.О. Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. №3.
3. Сенокосов Ю.П. Мераб Мамардашвили (1930–1990) <<http://www.mamardashvili.ru/index.php?biography.htm>>.
4. Грушин Б.А.: «Мы все время вели войны за свой предмет». RELGA, 2004, 11 мая <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-<www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>>.
5. Начало всегда исторично, то есть случайно. (Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года) // Вопросы методологии. 1991. №1.
6. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. Москва: Высшая школа, 1961.
7. Кучкина О. В России кипит неслыханный бульон. Комсомольская правда, 2001, 15 февраля.
8. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованности. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999.
9. Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве. Москва: Институт конкретных социальных исследований АН СССР. 1969.
10. Грушин Б., Чикин В. Во имя счастья человеческого. Москва; «Правда», 1960. Грушин Б., Чикин В. Лицо поколения. Москва: Правда, 1961; Грушин Б., Чикин В. Исповедь поколения. Москва: Молодая гвардия. 1962.
11. Грушин Б. Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. Москва: Правда, 1966; Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. Москва: Мысль. 1966.
12. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Москва: Изд-во политической литературы. 1967.
13. Хвостов В.М. Общественное мнение и политические партии. Москва, Изд-во И.Д.Сытина. 1906.
14. Брайс Д. Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В.Н.Неведомского. Москва: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1889. Ч.1. Национальное правительство; Ч.2. Правительства Штатов. Поли-

- тические партии. 1890; Ч.3. Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни. 1890.
15. *Игитханян М.Х.* Сила общественного мнения. Москва: 1962.
  16. *Оников Л.А.* «Я выполнял свой человеческий и партийный долг». В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999, с. 229–235.
  17. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А.Оникова. Москва: Изд-во политической литературы. 1980.
  18. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. Москва: Политиздат. 1987.
  19. *Grušin B.* In pivo veritas. Praga: 1986.
  20. *Докторов Б.З.* Вместо заключения. Власть и общественное мнение. В кн.: *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. Москва: Фонд «Общественное мнение». 2002, с. 349-361.
  21. *Заславская Т.И.* К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33).
  22. *Левада Ю.* «Одна Москва, одни деньги, один телевизор». Независимая газета, 11 мая 2000 <http://kuchaknig.ru/show_book.php?book=113758>.
  23. *Левада Ю.А.* Общая газета, 5–11 августа, 1999.
  24. *Челпанов Г.И.* Учебник логики: (для гимназии и самообразования). Москва: Думнов и бр. Сагаевы, 1917.

Кон Игорь Семенович (1928-2011) – советский/российский социолог, доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии, им внесен крупный вклад в развитие философии, культурологии и сексологии. Его с полным правом называют популяризатором науки и просветителем.

И.С.Коном опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: *Кон И.С. Позитивизм в социологии. Критический очерк.* Л., 1964; *Кон И.С. Социология личности.* М., 1967; *История буржуазной социологии XIX – начала XX вв.* Отв. редактор И.С.Кон М., 1979; *Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк.* М., 1980; *Кон И. С. В поисках себя. Личность и её самосознание.* М., 1984; *Кон И.С. Введение в сексологию.* М., 1988; *Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке.* М., 1997; *Кон И. С. Мужское тело в истории культуры.* М., 2003; *Кон И.С. 80 лет одиночества.* М., 2008; *Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире.* М., 2009; *Кон И.С. Мальчик – отец мужчины.* М., 2009.

**ИГОРЬ КОН:
“Я ЧУВСТВУЮ
СЕБЯ ВЕЛИКИМ
ЧЕЛОВЕКОМ,
КОТОРЫЙ
ПРОСТО ЗАБЫЛ
УМЕРЕТЬ В 1989
ГОДУ”
(Из переписки
с И.С. Коном)**

В начале 1968 года меня познакомил с Игорем Семеновичем Коном (1928–2011) мой давний приятель-физик, слушавший его знаменитые лекции по психологии личности. Тогда я окончил аспирантуру математико-механического факультета ЛГУ, имел опыт обработки результатов психологических исследований и всю жизнь искал работу. Кон пригласил меня на семинар в руководимый им сектор, на котором обсуждалась программа проекта В.А. Ядова по ценностным ориентациям. Так стремительно начала раскручиваться траектория моего профессионального определения, через несколько недель я «стал социологом». Потом были встречи с Коном в Ленинграде, а после моего отъезда в Америку я пару раз заходил к нему домой на ул. Вавилова.

1 мая 2011 года я оказался в Москве. Планируя поездку, я думал встретиться с Коном или

хотя бы позвонить ему. Но задуманная встреча оказалась прощанием.

Недолгая траурная церемония проходила недалеко от дома, в котором жил Кон, на той же улице Вавилова. В своем завещании Кон просил не устраивать поминок, но все же после кремации человек 30-35, знавших его в течение многих лет, собрались в кафе, чтобы поделиться воспоминаниями о нем...

Коном сделано очень много для развития ряда наук о человеке и обществе, и можно не сомневаться в том, что его работы еще многие годы будут изучаться социологами и историками, педагогами и культурологами. Отношение к Кону как ученому и личности уже стало своеобразным тестом на порядочность и широту кругозора говорящих о нем. Но в целом, судьба его наследия будет определяться тем, в какой мере российское научное сообщество и общество в целом готовы прислушаться к тому, что им было написано, и к принятию той системы ценностей, значимость которой он отстаивал в течение нескольких десятилетий.

Настоящий биографический очерк дополняет, развивает ранее опубликованные заметки [1, 2] и сделан в пока что редком, не освоенном в отечественной историко-биографической литературе жанре – эпистолярном. Думаю, что знакомство с содержанием и стилем писем Кона поможет лучше понять его отношение к своему делу и его внутренний мир. Замечу, корреспондентом он был замечательным, он ценил возможности электронной почты и умел пользоваться ими.

В моем архиве первое письмо от Кона датировано 29 декабря 2004 года, но, скорее всего, переписка началась несколькими месяцами раньше. В то время я начинал изучать историю современной российской социологии и обращение к Кону за помощью было естественным.

28 апреля 2005 года, заканчивая большое интервью с Ядовым, я попросил Кона прокомментировать ядовскую фразу: «Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...»¹. Я спросил Кона, почему он предложил окунуться в социологию Ядову, ведь рядом были не менее опытные молодые философы. Через несколько дней я получил письмо от Кона о том, что он потерял часть почты из-за спама, и 11 мая я переправил ему мое письмо повторно. Он сразу откликнулся очень обстоятельным рассказом о том, как все было, и эта часть его письма была опубликована как дополнение к беседе с Ядовым². Информация, которую сообщил Кон, весьма значима для понимания некоторых деталей «второго рождения» социологии в СССР, поэтому прежде всего я приведу сказанное им.

И.С.Кон, 11 мая 2005 года

Ядов не совсем точно излагает это дело. Книга Гуда и Хатта³ лично для меня никакого значения не имела. Я вообще никогда специально не интересовался методами, да и самую книгу я сразу же по ее получении отдал ребятам, они вернули мне через много месяцев.

Что социология – эмпирическая наука, я знал давно. В книге «Позитивизм в социологии» (1964)⁴ и предшествующих ей статьях, печатавшихся с 1962 г., я фактически написал историю социологии как науки, всех классиков социологии я так или иначе читал и излагал. Самого меня интересовала прежде всего историческая социология. Но на меня произвела сильное впечатление статья Пруденского⁵ в «Коммунисте» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию в СССР я считал абсолютно невозможной) и посоветовал Володе этим заняться, потому что считал его очень способным человеком, хотя наши отношения начались со стычки. Однако он в это время был еще «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще эмпирия кажется ему мелковатой.

Я не спорил. Но я твердо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас все равно появится, и потому заранее заказал через книжный отдел АН учебник, который считал лучшим. Как доктор наук, я имел право ежегодно выписывать себе за свои деньги несколько иностранных книг. Валюты, конечно, было мало, а цены казались очень высокими. Но я пользовался не только собственным лимитом, но и использовал еще лимит Тугаринова⁶, Резникова⁷, Попова⁸ и еще кого-то (профессора-философы иностранных книг не читали, а деньги я платил свои).

Тем временем Рожин⁹ пробил создание социологической лаборатории, Ядов стал ее заведующим и это изменило его интересы. И как раз к открытию их лаборатории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же, не читая, отдал ее ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев¹⁰. Они немедленно начали ее осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт. Моя заслуга лишь в том, что я раньше других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал ее тем, кому она была реально нужна. Позже то же самое было с социальной психологией. Я купил учебник Креча и Крачфилда¹¹ (лучшего учебника ни по одному предмету я в жизни не видел), освоил его сам, выучил по нему Диму Шалина¹², заказал (в это время нас уже снабжали

книгами американцы) второй экземпляр для Ядова, после чего мы с ним ни с одним мальчишкой всерьез не разговаривали, пока он не проработает эту книгу. Потому наши ребята и были грамотнее других молодых социологов, которые учебников толком не читали, а искали интересующие их сюжеты по предметному указателю, не понимая, что они не всегда адекватны.

Был в этом письме и ответ Кона на другой мой вопрос, относящийся к середине 60-х годов, когда Б.Д. Парыгин¹³ завершал работу над своей докторской диссертацией¹⁴ по обособлению статуса социальной психологии. Я ссылаясь на наш давний разговор с Коном, в котором он говорил о том, что он и Ядов помогали Парыгину в завершении его диссертации, и спрашивал: «Не пора ли поведать эту историю?» Эта часть письма Кона ранее не публиковалась:

Мне самому не хочется этим заниматься. Хотя к своему юбилею Парыгин опубликовал в журнале «Очень» комичную статью, где рассказывает, как его травили за то, что он был «лидером международного ревизионизма»¹⁵. У Ядова есть этот журнал, попросите его сканировать эту статью, это сказка. У меня нет секретарской помощи, поэтому сам я это сделать не могу.

Парыгину помогал не я, а только Володя, причем начиная с кандидатской. У него была тема «Ленин об общественных настроениях»¹⁶. Я лично ничего против него не имел, но когда работа дошла до обсуждения на кафедре, я сказал, что монтировать концепцию из обрывков вырванных из контекста ленинских цитат нельзя. Его руководитель А.Г. Ковалев¹⁷ с этим согласился, и диссертация Парыгина повисла. После этого Ядов помог ему написать приличный текст, после чего Парыгин быстро пошел в гору, отплатив за это Ядову целой серией подлостей. Особенно после того, как Ядов взял его к себе в ИСЭП¹⁸. Лично мне он ничего плохого не делал, просто не было возможностей. Попросите у Ядова этот его текст, честное слово, он уникален.

В моем письме от 28 апреля была и третья тема: я сообщил Кону, что получил и в ближайшее время прочитаю главу из его книги «Сексуальная культура в России» (2-е издание)¹⁹. В сопровождавшем главу письме Кон писал: «Это самый смелый поступок в моей жизни». Мой комментарий был таким: «Конечно, в России надо иметь мужество, чтобы написать в заголовке серьезной книги “сексуальная”, и надо обладать мужеством, чтобы в заголовке книги было слово “культура”. Два этих слова – двойное мужество».

Теперь приведу замечание Кона:

Борис, в этом названии нет ни малейшей смелости. Такую книгу я уже издавал. Смелость в том, что я публично выступаю против поповщины, которая стала у нас официальной государственной идеологией, и почти никто не смеет против нее выступать. Причем это не политический привесок, а концепция. Но чтобы это понять, Вам пришлось бы прочитать всю книгу, и особенно историческую часть. Мне кажется, у нас никто не читал даже Ключевского.

Комментарии:

- ¹ Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. №3. С. 2–11; Часть 2. 2005. №4. С. 2–10.
- ² Дополнение И.С. Кона // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. №3. С. 11.
- ³ Goode W.J., Hutt P.K. *Methods in Social Research*. New York: McGraw-Hill, 1952.
- ⁴ Кон И.С. Позитивизм в социологии. Исторические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ. 1964.
- ⁵ Пруденский Герман Александрович (1904–1967), экономист.
- ⁶ Тугаринов Василий Петрович (1898–1978), философ.
- ⁷ Резников Лазарь Осипович (1905–1970), философ.
- ⁸ Попов Александр Иванович (1899–1973), философ.
- ⁹ Рожин Василий Павлович (1908–1986), философ.
- ¹⁰ Беляев Эдуард Викторович, в то время – аспирант И.С. Кона, профессор Колумбийского Университета, США.
- ¹¹ *Krech D., Crutchfield R.S. Elements of Psychology*. New York: 1958
- ¹² Шалин Дмитрий Николаевич, студент и аспирант И.С. Кона, профессор социологии Университета штата Невада, США.
- ¹³ Парыгин Борис Дмитриевич, доктор философских наук, профессор
- ¹⁴ Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. (Вопросы истории, методологии и истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени д-ра философ. наук. Л.: ЛГУ. 1967.
- ¹⁵ Интервью с Б. Д. Парыгиным // *Очень (Петербург)*. 2005. № 4, январь <<http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/parugin.html>>.
- ¹⁶ *Парыгин Б.Д. В.И. Ленин о формировании настроения масс*. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата философ. наук. Л.: ЛГУ. 1961.
- ¹⁷ Ковалев Александр Григорьевич (1913–2004).
- ¹⁸ Институт социально-экономических проблем АН СССР, Петербург (Ленинград)
- ¹⁹ Кон И.С. *Сексуальная культура в России: клубничка на березке*. 2-е изд. М.: Айрис Пресс, 2005.

Вскоре моя переписка с Коном стала регулярной. К сожалению, не все его и свои послания я сохранил, но и сейчас в специальном файле моего электронного почтового ящика находится свыше 450 единиц хранения: это письма Кона мне

и мои ему. Конечно, содержание переписки, прежде всего, «производственное», но одновременно затрагивались и другие темы. Публикуемые ниже письма Кона отражают некоторые грани его отношения к своей работе и к процессу изучения недавнего прошлого нашей социологии.

Многое в переписке носило доверительный, конфиденциальный характер и по ряду соображений, не требующих особого разъяснения, не может быть – во всяком случае сейчас – опубликовано. Поэтому в приводимых текстах я счел возможным убрать некоторые фрагменты. Очевидно, что в личных письмах одновременно затрагиваются разные темы, в силу этого их сложно классифицировать по содержанию; проще упорядочить их хронологически.

Кон И.С. 29 декабря 2004 года

Дорогой Борис,

Счастливого Нового года и всего самого лучшего!

Насчет личных материалов я совершенно согласен, но у меня много текущей работы. Только что вышла новая «Сексология»¹ и сдается в печать новая «Клубничка»², которая очень не понравится РПЦ. Впрочем, либералам и демократам тоже – я прямо сказал, что я о них думаю (см. приложение).

На этом я с проблемами сексуальности окончательно покончил. Как только пройдет затяжная сезонная депрессия, начну писать книгу «Мальчик – отец мужчины»³. Не исключено, что напишу статью о том, как в России уже построили полицейское государство, но пока не решил.

Жму руку

И.К.

Комментарии:

² Кон И. С. Сексология. М.: Академия. 2004.

³ Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009.

И.С. Кон, 6 сентября 2005 года

Дорогой Борис,

получил книгу, прочитал главу о Грушине¹ – просто замечательно написано! Поздравляю! Цитаты о дружбе при случае использую. Жаль, что не знал их, когда переиздавал свою «Дружбу»². Другой возможности, боюсь, не будет.

Июль провел в Канаде, получил свою Золотую медаль.

Здесь маразм быстро крепчает.

Вот уже месяц не могу обновить свой сайт, телефон вебмастера не отвечает. То ли у них долгие каникулы, то

ли сайт незаметно прикрыли, никого не известив. Сегодня начал размещать важнейшую информацию (о Монреальской декларации) на *Gau.ru* и на харьковском гендерном сайте. Посмотрим, что будет дальше. В принципе можно все разместить на *гей.ру*, но обычный читатель туда не пойдет, а я пишу не только и не столько для геев. Мой сайт, как и работу, никто не финансировал.

<...>А потом целиком переключусь на книгу «Мальчик – отец мужчины», которая мне гораздо интереснее политики. Жму руку.

ИК

Комментарии:

- ¹ Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.
- ² Кон И. С. Дружба — 4-е издание, доп.. СПб.: Питер, 2005.

И.С. Кон, 10 января 2007 года

<...> На мой взгляд, каждый человек имеет право на субъективность своих воспоминаний, которые могут противоречить друг другу и тем не менее публиковаться под одной обложкой. Например, прочитав сборник памяти Бовина¹, я с удивлением узнал, что Арбатов² и Бурлацкий³ всегда были врагами. Ну, и что? Я им не судья.

<...> Я специально просмотрел свои статьи в «Философском словаре» и не нашел в них ничего сервильного.

А если говорить о статье «Социология», то она была написана вопреки Руткевичу⁴, который даже послал в БСЭ официальное письмо с требованием не печатать Кона, но там его проигнорировали. Покойный Ланда⁵ гордился тем, что Руткевичу за все время его директорства БСЭ заказала одну-единственную статью – «Руткевич М.Н.».

Для меня это была лишняя обуза, но советские друзья-социологи давили на меня, что нельзя отдавать врагу позиции, даже если время плохое. А <...>, выросшему в атмосфере свободного самовыражения, естественно, непонятно, что статья в советской энциклопедии не может быть только выражением собственного мнения автора...

<...> В своем тексте я старался вспоминать положительное и избегать негативных личных оценок. Конечно, это самоцензура. Но это лучше, чем бросать тень на покойников и сводить старые личные счеты, которые давно уже никого не интересуют. Несколько лет назад нас с Левадой⁶ поразили

враждебно-завистливые строки Ю.Н. Давыдова⁷, но нам даже в голову не пришло вступить с ним в спор.

Мало ли что старикам мерещится?

А главное, в чем я не согласен со Шляпом⁸, это критерий оценки. Значение советской социологии определяется не тем, насколько она соответствовала или не соответствовала американским критериям научности (которые с тех пор радикально изменились), а тем, как эта работа воспринималась и какие последствия имела здесь. Идеи были важнее методов. Впрочем, обсуждать это неинтересно.

Жму руку

Игорь

PS. Вот, занялся с утра неделом и потерял рабочий день.

Комментарии:

- ¹ Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004), политический обозреватель.
- ² Арбатов Георгий Аркадьевич, историк, политолог.
- ³ Бурлацкий Федор Михайлович, социолог, политолог.
- ⁴ Ланда Наум Моисеевич (1928–1998), один из ответственных редакторов «Большой Советской Энциклопедии».
- ⁵ Руткевич Михаил Николаевич (1917–2009), философ, социолог.
- ⁶ Левада Юрий Александрович (1930–2006), социолог.
- ⁷ Давыдов Юрий Николаевич (1929–2007), социолог
- ⁸ Шляпентох Владимир Эммануилович

И.С. Кон, 20 января 2007 года

<...> Эти мемуары в дальнейшем действительно пригодятся, но не ретроспективным сведением личных счетов, а рассказом о том, как шла работа, почему был фунт лиха, бытовыми деталями, интеллектуальными интересами. В свое время абсолютно о каждом говорили, что он стукач. Что из этого было правдой, можно будет узнать в архивах КГБ. Но обвинять людей только по слухам неправильно. Я где-то рассказывал, как меня учил терпимости М.И. Мишин¹, просидевший 20 лет.

<...> На мой взгляд, неудачная статья² не может быть основой оценки автора в целом. Мало ли что мы говорим под влиянием настроения; интервью в этом смысле жанр опасный <...> Но у него есть хорошие книги, и по-человечески он многим людям делал добро. Хотя ученые могут порой вести себя, как на базаре, научное сообщество не должно уподобляться коммунальной кухне. Впрочем, такое бывает не только у нас. Старики народ обидчивый.

Жму руку

Игорь

Комментарий:

¹ М.И. Мишин – доцент ЛГУ.

² Здесь И.С. Кон защищает одного из социологов от критики другого; каждого из них он знал десятки лет.

И.С. Кон, 20 января 2007 года

<...> Борис¹ – человек совершенно исключительный по порядочности и надежности. Так было всегда. <...>

Я вчера звонил Ядову, он чувствует себя много лучше, чем до больницы.

21–26 января я буду в Стокгольме (объяснять шведам, почему Россия вымрет от СПИДа, несмотря на их бескорыстную помощь), а потом стабильно дома.

...> Просто старых коллег и бывших друзей, даже если они не считают тебя самым великим ученым, нельзя ставить на одну доску с подонками².

Впрочем, вряд ли кто будет внимательно читать его интервью. Старики не читают по возрасту, а молодым это вообще не интересно.

Подумаешь, что кто кому когда-то сказал... Плохо только, если какой-то вьюнош поверит, что нужна была смелость для цитирования Ларошфуко и т. п.

С этим ни у кого проблем не возникало. Это так же, как рассказывают, будто в советское время был запрещен русский романс, на который у меня были абонементы в Филармонию. Люди просто не понимают разницы между 1930-ми и 1970-ми.

Жму руку

ИК

Комментарий:

¹ Фирсов Борис Максимович, почётный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор.

² И.С.Кон продолжает развивать суждение, высказанное в предыдущем письме, см. сноску 2.

И.С. Кон, 26 февраля 2007 года

Боря, на моем сайте этого листа нет¹, он новый. Автобио на нем тоже нет.

Почему-то не могу собраться вывесить, а хотел дать даже с фотографиями, кои приготовил. Что-то меня тормозит, думаю: а кому это все нужно, ведь даже на книги рецензий

не бывает? Иногда мне и сайт хочется закрыть, хотя там много новых публикаций, которые больше напечатать негде. Но такое чувство, что в Швеции меня читают больше, чем дома.

Недавно встречался, по их просьбе, с представителями международных антиспидовских организаций и фонда Гейтса². Все они были крайне почтительны, даже представители Минздрава и Минобра рассказывали, как они учились по моим книгам. Но учебника «Сексология» (2004) никто не читал, хотя он есть в продаже, и это единственная современная книга по этим сюжетам в России. Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 г., а все, сделанное после этого срока, никому уже не нужно, все сами с вами. <...>

Комментарии:

- ¹ «...на моем сайте этого листа нет» – речь идет о полном листе публикаций И.С. Кона.
- ² Фонд Гейтса – Bill & Melinda Gates Foundation.

И.С. Кон, 21 мая 2007 года-

Я в этом¹ слабо разбираюсь. Мне кажется, что люди шли к этому разными путями. Одни искали информацию о каких-то текущих процессах, другие (Лазарсфельд) больше интересовались методологией, а у Левады просто не было других источников. Кстати, в ФОМовском журнале мне нравятся методологические статьи Rogozina². Вы его знаете? А вот попытки обсуждать широкие проблемы только на основе опросов не всегда убедительны. Что же до техники, то все наши центры склонны недооценивать а) то, что многие ответы просто стереотипны и б) наличие response set.

*Жму руку
ИК*

Комментарии:

- ¹ Ответ И.С. Кона на мое сообщение о том, что для журнала «Социальная реальность», который выпускался Фондом «Общественное мнение», я пишу, как исследователи приходили к изучению общественного мнения, в частности, Ю.А. Левада.
- ² Rogozin Дмитрий Михайлович, – сотрудник Института социологии РАН, Москва.

И.С. Кон, 7 декабря 2007 года

<...> Я сдал в издательство «Мужчины в меняющемся мире»¹ и до января собираюсь кончить «80 лет одиночества»². Вспоминать можно бесконечно, поэтому я поставил себе жесткие временные рамки. К тому же у меня есть чувство, что нужно спешить, книга может и не выйти, она довольно жесткая.

Май собираюсь провести в Штатах.

Жму руку

Игорь

Комментарии:

¹ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время. 2009.

² Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время. 2008

И.С. Кон, 3 марта 2008 года

... Я на этой неделе буду править верстку «80 лет одиночества» (Фирсов прислал полезные замечания, Вы ничего не написали). Потом возьмемся с редакторшей за «Мужчину». «Мальчика»¹ (похоже, что это будет моя лучшая книга) буду кончать, если сумею, летом, по возвращении из Вашингтона, где собираюсь провести май.

Комментарии:

² Кон И. С. Мальчик — отец мужчины — М.: Время. 2009.

И.С. Кон, 3 марта 2008 года

Я его шапошно знал¹, ничего хорошего никогда не слышал. Чтобы писать о нем, нужно поднять философскую дискуссию 1948 г. В чем-то он был скорее продуктом и жертвой, чем инициатором. В Минск он попал, помнится, после скандала с борделем балерин в Минкультуре, писать книгу «Моя половая жизнь в искусстве». В общем, над этой темой надо много работать, а никакого интеллектуального содержания в его книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал. О минском периоде его жизни, вероятно, помнит Вяч. Сем.².. Я бы такой шантрапой заниматься не стал.

Вот Францев³ — фигура яркая, и многие его помнят.

<...>Хотя сам я в детстве даже в церкви прислуживал⁴, запах ладана мне до сих пор приятен. Впрочем, чем бы дитя ни тешилось.

*Жму руку
ИК*

Комментарии:

- ¹ «Я его шапошно знал»: Александров Георгий Федорович (1908–1961), партийный деятель, философ.
- ² Вяч. Сем. – Степин Вячеслав Семенович, российский и белорусский философ и организатор науки.
- ³ Францев Юрий (Георгий) Павлович (1903–1969), партийный деятель, философ, дипломат.
- ⁴ «Хотя сам я в детстве даже в церкви прислуживал» – воспоминание И.С.Кона в связи с моим сообщением о том, как было воспринято многими прихожанами ближайшего к нам собора объединения Русской и Зарубежной православных церквей.

И.С. Кон, 8 марта 2008 года

О прагматике дисциплинарных границ

Иногда они устанавливаются по формуле «мухи отдельно, котлеты отдельно».

Когда был введен курс научного коммунизма, никто из прличных и умных людей не принимал его [БД: курс] всерьез, все понимали, что это будет всего лишь комментирование очередных исторических партийных решений.

А я его искренне приветствовал, потому это позволило мне убрать из своего курса истмата почти всю партийную тягомотину и вообще советские реалии – «об этом вам расскажут в курсе научного коммунизма» – и превратить свой курс в более или менее нормальную общую социологию.

При этом я поступал благородно по отношению к коллегам. Поскольку мой курс читался раньше, мне ничего не стоило бы снять все теоретические сливки, оставив на их долю снятое молоко пропаганды, от которой студентов и без них тошнило. Я этого не делал, и коллеги это ценили.

И.С. Кон, 12 марта 2008 года

Подумаем после выхода книги¹. Думаю, что против публикации таких фрагментов издатель возражать не будет, я его спрошу. Он, как и я, заинтересован в продаже книги, а ее ценность, если она таковую имеет, состоит не в этих кусках, а в целом.

Анализировать подобную книгу можно под разными углами зрения:

- 1) воспоминания о советском прошлом, насколько они достоверны,
- 2) пример формирования личности и ее научных интересов, как абсолютно разнородные интересы ретроспективно оказываются взаимосвязанными,
- 3) связь характера научной деятельности и типа личности, и как это рефлексивируется,
- 4) противоречия саморефлексии: человек говорит об одиночестве и невостребованности, а сам все время находится в центре общественного внимания и не такого уж враждебного; что это – эгоцентризм, завышенный уровень притязаний или что-то более сложное; говорит о склонности уходить из стрессовых ситуаций, а сам постоянно конфликтует и даже заведомо безнадежных дел не бросает,
- 5) невозможность объективной истины о субъекте, одна и та же биография может быть одинаково обоснованно выстроена как а) трагедия талантливого человека, которому объективные условия не позволили реализоваться, б) история посредственности, которая именно благодаря отсталой среде максимально реализует свои умеренные способности и добивается реальных успехов, в) история успешного карьериста, который в любых условиях остается на плаву, г) история формирования морального сознания, когда признание вины за старые компромиссы не позволяет делать новые.

Но любой из этих ракурсов достаточно сложен. Серьезных рецензий я не предвижу.

Больше всего будет просто нападок, хотя главный материал для них опубликован много лет назад, шантрапа ничего не читала, а теперь будет возможность.

Успехов!

Игорь

Комментарий

¹ Это письмо написано И.С. Коном в ответ на мой вопрос о возможности размещения в сети фрагментов его мемуаров «80 лет одиночества».

И.С. Кон, 27 марта 2008 года

...Но вопросов я не задавал. Эта тема вообще интимная, а тут еще еврейский вопрос: вроде бы я знаю чужую опасную тайну, цените, что я ее не разглашаю.

У меня это общее правило, элемент моего личного морального кодекса и сценария маскулинности. Без крайней необходимости я не задаю людям интимных или неловких вопросов и не обсуждаю их проблем с третьими лицами. Не помню, чтобы мама меня этому учила (больше никто моим эмоциональным воспитанием не занимался). Видимо, это уважение к чужому внутреннему миру – врожденное, как часть собственной закрытости. Исключения составляли мальчишки, которые делились своими проблемами, их надо было расспрашивать. Но просто из любопытства я в чужие души не залезал, бестактные люди вызывают у меня антипатию.

Надо ли об этом писать – тоже не знаю. Никаких препятствий этического порядка сегодня нет. Но нужно исследование. <...> Вероятно, могли бы что-то сказать ленинградские дети (кажется, у него была дочь) и другие родственники МА¹, но как их разыскать? Вряд ли у Вас есть такие возможности.

Чтобы хотя бы предположительно оценить степень возможного влияния на ребенка, надо представить себе всю систему его детских отношений с матерью, отчимом и родным отцом. Нужна большая исследовательская работа. А только ради установления еврейских корней – не уверен, что игра стоит свеч.

Еврейские справочники, где человечество делится на евреев и антисемитов, как и аналогичные геевские издания, я никогда всерьез не воспринимал.

Комментарий

¹ Коган Моисей Александрович (1907–1983), историк, отец Юрия Александровича Левады.

И.С. Кож, 31 декабря 2008 года

Дорогой Боря!

Счастливого Нового года, здоровья и бодрости духа. <...>

Я сейчас слегка простужен, поэтому Новый год встречу по свердловскому времени, а потом лягу спать.

А 10 января отошлю издателю «Мальчика».

Жму руку

ИК

И.С. Кож, 25 июля 2009 года

Хорошее письмо¹. США действительно самая легкая страна для адаптации, но это ясно только в сравнении и предполагает наличие соответствующего характера, включая отсутствие завышенных притязаний.

Игорь

Сейчас кончаю подготовку 3-го издания «Клубнички». Грустная получается картина...

Комментарий:

- ¹ Это – реакция И.С.Кона на мое небольшое эссе о вживании русских эмигрантов в американскую действительность.

И.С. Кон, 25 июля 2009 г.

[БД: Вопрос к последней фразе приведенного выше письма: «В чем особая грусть?»]

Для меня сексуальные сюжеты – модель более общих процессов. И ретроспективно совершенно ясно, что реальных шансов стать нормальной страной у России не было.

И.С. Кон, 5 августа, 2009 г.

<...> «Мальчик» очень многих людей затронет за живое и, вероятно, вызовет полемику, хотя книга слишком велика для серьезного разбора. А там есть, что обсуждать, и не только на политическом и педагогическом уровне.

Впрочем, там многое, причем вовсе не мое, для нашего читателя насколько неожиданно, что может отодвинуть мои собственные мысли на задний план, и на это не следует обижаться. Если блюдо вкусно, нужно его есть, а потом уже анализировать рецепты приготовления.

Ваша идея анализа мемуаров с точки зрения того, как социологам не давали работать, интересна. Но надо помнить, что всем другим обществоведам мешали ничуть не меньше. Просто социологию подавали как новую и очень многообещающую науку, какой она на самом деле не была, и свои страдания мы сильно преувеличивали. Многие не состоявшиеся исследования, если бы их не сорвали, ничего интересного родить при при каком раскладе не могли. Просто человек, которого сожгли за идею, навсегда остается мучеником, даже если его [БД: идея] была, по серьезному счету, тривиальной.

В этой связи Вам может быть интересно проглядеть некоторые новые статьи по истории советской медиевистики, в том же журнале. Я это все достаточно хорошо помню и тем не менее открываю в них много нового. Там не было никакой крамолы, а проработки были не слабее, чем у нас.

И насчет мемуаров. Люди, которые в любых условиях что-то делали, предпочитают обсуждать результаты своей работы, а о препятствиях говорят между прочим. А эгоцентрики и те, у кого ничего не вышло, выстраивают историю своей

жизни как сплошную историю обид, преследований и оскорблений. Мы вообще склонны лучше помнить обиды, причиненные нам, чем те, которые причинили мы. Это надо помнить при составлении мартирологов. <...>

И.С. Кон, 14 августа 2009 года

<...> А я скоро кончу подготовку 3-го издания «Клубнички». Последний раздел пришлось переписать, в свете уже осуществленной контрреволюции.

Не особенно трудно, смешно, но противно. Продолжать эту тему я явно не буду.

Лучше сделать новый, облегченный вариант «Дружбы».

В этом гадюшнике, как при застое, любая нормальная книга автоматически становится подрывной.

Игорь

И.С. Кон, 29 декабря 2009 года

<...> У Столовича¹ прекрасная память, к тому же он хранил все бумажки, Я, наоборот, ничего не хранил. Ни личных писем, ни документов. У меня нет даже собственных диссертаций и отзывов официальных оппонентов. Правда, память пока хорошая, но иногда бывает жалко, что что-то не сохранилось. Хотя я вряд ли стал бы это перечитывать, а после меня это уж точно никому не потребуется.

Что-то я простудился, а в понедельник у нас будет –20.

Игорь

Комментарий:

¹ Столович Леонид Наумович, доктор философских наук, профессор Тартуского университета, Эстония.

И.С. Кон, 10 ноября 2009 года

Хочу похвастаться неожиданной рецензией, которую случайно нашел в Интернете.

Сначала я принял ее за шутку, но эта папа-школа и автор письма реально существуют и мне этого текста никто не присылал. Выходит, кто-то книги все-таки читает.

И.С.Кон, 6 января 2010 года

<...> Сухумский сборник надо смотреть обязательно, чтобы не было «ленинградоцентризма». Советская социология зародилась практически одновременно в нескольких местах и могла иметь разные идейные истоки. Что-то об этом может помнить Шкаратан¹. И, разумеется, Шляп².

Мы все эгоцентрики, истина открывается лишь при сопоставлении.

Игорь

Комментарий:

¹ Шкаратан Овсей Ирмович, социолог, профессор Высшей школы экономики, Москва.

² Шляп – В.Э. Шляпентох.

И.С. Кон, 19 февраля 2010 года

<...> Применительно к нашим наукам нужна не столько оценка объективных результатов, сколько понимание того, что и почему делалось и как это влияло на общество. <...> Наше поколение было весьма и разнообразно социально-активным.

«Мальчик – отец мужчины», несмотря на чудовищный по нынешним временам объем, неожиданно имеет шумный успех. Таких рецензий я никогда не читал. Тираж уже распродан, осталась только электронная версия <...>.

И.С. Кон, 10 декабря 2010 года

Боря,

это очень интересный замысел¹, но сугубо некоммерческий. Никто другой этого делать не станет.

Советская социология в научном плане ничего нового не создала, поэтому ее отцы-основатели представляют ограниченный интерес для потомков. <...> Но это интересный феномен советской культуры.

Однако ситуация была разной в разных городах и социальных средах.

Ну, не мог я понимать литературные процессы так, как мальчики из профессорских семей. Моя мама приобщила меня к хорошей литературе, но Ахматову и Пастернака она не читала.

С другой стороны, на меня не было дома такого давления в партийном духе, какое было в семьях старых партийцев.

То-есть три автономных фактора: 1) поколение, 2) семья и 3) круг общения в студенческие годы.

Для понимания старших очень полезно сегодняшнее интервью Л. Алексеевой на Полит.ру².

Чтобы понять атмосферу философского ф-та, когда там учил Ядов и др., надо прочитать мемуары Столовича. Кто из его однокурсников, которые в дальнейшем стали порядочными людьми, писал на него доносы, он Вам не расскажет (да

это и не нужно), но общий климат станет яснее. Можно ему написать, сославшись на меня <...>. Особый ракурс – евреи. С одной стороны, антисемитизм делает их более чувствительными к социальным противоречиям. С другой стороны, там было больше партийных родителей, что способствовало активизму и одновременно побуждало что-то скрывать и быть ортодоксальнее, чем необходимо.

Короче, биографический подход – оптимальный. У Вас это получится.

Комментарии:

- ¹ Ответ И.С. Кона на план задуманной мною книги по истории пост-хрущевской советской/российской социологии.
- ² Беседа с руководителем Московской Хельсинкской группы Л.М. Алексеевой: «Мне повезло находиться в то время и в том месте, где зародилось правозащитное движение». Часть 1. <<http://polit.ru/analytics/2009/12/09/pravoz.html>>.

Игорь Семенович Кон был человеком, отдавшим всю свою жизнь научным исследованиям. Поэтому можно утверждать, что главное из волновавшего его как ученого, гражданина и личность присутствует в его многочисленных книгах и статьях. Многое о себе и людях, дорогих ему, было рассказано им в его мемуарах «80 лет одиночества». Приведенные фрагменты его писем – материал еще более личностный, чем названная книга воспоминаний. Отбирая их из множества сохраняемых мною писем, я старался быть максимально внимательным к текстам Кона. Ибо в них – не только факты из его жизни, размышления о прожитом и виденном. Но и трудно передаваемая словами, но очень характерная для Кона искренность общения.

Литература

1. Докторов Б., Столович Л. Игорь Кон. Из переписки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3. С. 45-51.
2. Докторов Б. Игорь Кон: «Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году» // Троицкий вариант. 2011, 7 июня. №11 (80). С. 4. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/kon_doktorov_11.pdf>.

Левада Юрий Александрович (1930-2006) – советский / российский социолог, доктор философских наук, один из основателей современной российской социологии. На протяжении многих лет он исследовал природу общественного сознания, а с конца 1980-х занял ведущее положение в области изучения общественного мнения населения России. Им прочитан один из первых в стране курсов лекций по социологии, сыгравших заметную роль в истории становления отечественной социологии.

Ю.А. Левадой опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: *Левада Ю.А. Современное христианство и социальный прогресс.* М., 1962; *Левада Ю.А. Социальная природа религии.* М., 1965; *Левада Ю.А. Лекции по социологии.* М., 1969; *Есть мнение /*Общ. ред. Ю. А. Левада. М., 1990; *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х /* Отв. ред. Ю.А. Левада. М., 1993; *Левада Ю.А. Статьи по социологии.* М., 1993; *Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000.* М., 2000; *Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки.* 2000–2005. М., 2006.

Материалы о жизни и творчестве Ю.А. Левады: Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т.В.Левада. М., 2010; Памяти Юрия Александровича Левады / Сост. Т.В. Левада. М., 2011.

О ЮРИИ ЛЕВАДЕ. ЖИЗНЬ В ПОИСКАХ «НАСТОЯЩЕЙ ПРАВДЫ»³

Благодарю многих коллег и друзей Ю.А. Левады и людей, не знавших его лично, за помощь в этой работе.

Жизнь состоялась

Как только российская социология начнет понимать себя и осознавать свою силу, она серьезно займется изучением наследия и биографий тех, кто ее создавал, и кто ее возрождал, с чьей деятельностью связаны важнейшие события в ее современной истории. Справедливо и обратное: без систематического исследования деятельности тех, кто в постхрущевские годы формировал теорию и методологию советской социологии, кто зафиксировал образ жизни, особенности

³ Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.

массового сознания и характеристики многочисленных форм поведения населения СССР/России, отечественная социология не сможет по-настоящему понять и реально оценить себя.

Можно утверждать, что любой претендующий на полный исторический, политический, социально-культурный анализ процессов, происходивших в СССР во второй половине прошлого века и в России в начале наступившего столетия, всегда в значительной степени будет базироваться на результатах исследований общественного мнения, проводившихся Юрием Александровичем Левадой (1930–2006). Вместе с тем, очевидно, что стремление историков науки к познанию экологии среды, в которой происходило становление советской социологии, неминуемо подведет их к изучению его жизненного пути.

Важной особенностью творчества Левады, наиболее заметно проявляющейся в его статьях и выступлениях последних десяти лет его жизни, является их латентная и нетривиальная автобиографичность. В них нет мемуарности, но в их предметной наполненности – анализе его наблюдений за динамикой сознания россиян – присутствует и его гражданская позиция, и его «я», т.е. размышления о прожитых им годах. Суммируя все происходившее с «человеком советским» или в «человеке советском», Левада одновременно пытался осмыслить свой жизненный путь. Потому аналитики, для которых главную ценность представляют социологические выводы Левады, неминуемо увидят в них Леваду – гражданина и личность, а историки социологии смогут подойти к пониманию жизни и творчества Левады лишь в том случае, если усилят его научное наследие. Пока можно лишь одно сказать: его жизнь состоялась. Когда он стал заниматься социологией, у него было представление, что он и его коллеги должны поставить перед обществом зеркало, чтобы оно в него смотрелось. Всю жизнь он старался это делать [1] и очень многое ему удалось выполнить.

Из сказанного следует два вывода. Первый – творчество Левады и его биография непременно будут предметом специальных историко-научно-исследовательских исследований. Второй – сейчас почти невозможно обстоятельно писать о сделанном им. Необходима дистанция для обзора жизненного пути и творчества Левады, и нужно время для освобождения от ощущения его харизмы, некоторые грани которой обозначены сорок лет знавшим его Алексеем Левинсоном. Он говорит о «феномене L» [2].

Однако это не означает, что изучение наследия Левады должно быть отнесено в будущее; это было бы крайне нежелательным и для создания его творческой биографии, и для написания истории современной российской социологии.

Время не имеет обратного хода, и потому то, что относительно легко сделать сейчас, через несколько лет может оказаться неосуществимым. Потому надо стремиться активно изучать судьбы и творчество тех, кто во второй половине XX века и в первые годы наступившего столетия внес заметный вклад в становление российской социологии и, в частности, в исследование общественного мнения [3]. Это будут «оперативные материалы»: очерки, воспоминания, фотографии, другого рода документы о людях, чей жизненный путь уже завершился, но чье наследие живо и останется значимым для будущих аналитиков общественного мнения. Уверен, что в этом «Зале славы» должно быть место и для портрета Ю.А. Левады.

Дважды шестидесятник

Для нескольких поколений российских социологов, аналитиков общественного мнения, исследователей культуры Юрий Александрович Левада был и будет оставаться эталонным поведением обществоведа в сложных политико-нравственных коллизиях. На его смерть отозвались виднейшие политики страны, ведущие исследователи российского общества, демократически ориентированные средства массовой информации России, ряд западных информационных каналов. Соболезнования прислали президент Владимир Путин, вице-премьер Дмитрий Медведев, а также первый президент Советского Союза Михаил Горбачев [4].

Если кратко сформулировать причину подобного внимания к явно не публичной, не пафосной личности, к ученому, полтора десятилетия вынужденно молчавшему, то она проста: огромный дефицит людей, верящих в существование, говоря словами Левады, «настоящей правды», постоянно ищущих ее и стремящихся говорить ее. Многим такая вера и такое поведение кажутся наивным, немодным, опасным и бесполезным. Однако в моменты просветления общественного и личного сознания оказывается, что именно этого «устаревшего» товара всегда и всем недостает.

Леваду можно назвать «дважды» шестидесятником. В 1960-е, подобно многим интеллектуалам, он воспринял идеалы хрущевской «оттепели» и сделал их базой, гражданским императивом своих научных изысканий. В середине 1980-х он, поколебавшись, – ведь мысль всегда пессимистична, – принял дух перестройки. В интервью, данном Левадой за два месяца до его смерти, он вспоминал: «Я помню, как обсуждали пришествие Горбачева. Я ему сначала не верил совершенно. Считал,

что это очередной Черненко. Но потом исправился» [5].

Обладая мужеством все додумывать до конца, он, скорее всего, никогда не считал, что «иного не дано», но одновременно в течение последних двух десятилетий не допускал мысли о рестаурации милой сегодня многим в России имперскости. Даже внутри социологического сообщества, в котором представители старших поколений обоснованно относят себя к шестидесятникам, не все сохранили в себе политические ценности и интеллектуальные устремления того времени. Левада – сохранил. В печально-траурные дни профессор А.Г. Здравомыслов, знавший его четыре десятилетия, писал: «Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в молодости...» [6].

Молодой блестящий ученый

Юрий Левада был человеком закрытым: о себе говорить не любил, воспоминаний не публиковал, но все же из его разрозненных публикаций и скупых в биографическом отношении воспоминаний его друзей и коллег вырисовывается общая траектория его жизни.

Родился он в Виннице; его мать была журналисткой, отец Александр Степанович Косяк-Левада – известным украинским литератором. Он участвовал в Великой отечественной войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов.

Бабушка Левады была полькой, принадлежащей к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже это дало возможность Леваде читать по-польски газеты, политическую и социологическую литературу, слушать радио «Свобода», которое не глушили.

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить. «Историю социологии, – говорил Левада осенью 2006 года, – кроме польских источников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу» [5].

Украинский язык он всегда помнил, интересовался Украиной и часто там бывал. По воспоминаниям украинского социолога Владимира Паниотто, в 2004 году Левада участвовал в проведении экзит-поллов, а на пресс-конференции по его результатам неожиданно для всех присутствовавших заговорил на украинском [7]. Возможно, еще в юности он начал изучать и другие языки, во всяком случае, в зрелые годы он читал социологическую литературу и говорил на ряде европейских языков.

О детстве Левады очень мало известно, потому приведу кажущийся мне интересным факт. В годы войны, значит, ему было не менее десяти лет, Левада жил с семьей в Тюмени. В 2001 году я рассказал ему о конференции в Тюмени, и он заметил, что если бы знал о ней раньше, может быть бы и поехал, не был в том городе после эвакуации. И вспомнил, как однажды его мать пришла домой и сказала тихо: «Юра, к нам в город приехал Ленин». Прежде всего он подумал о «живом Ленине». Вообще в те годы очень немногие знали о том, что тело Ильича находилось в Тюмени.

Интерес к философии у Левады возник в старших классах школы; начал читать и понравилось. У деда со стороны матери – профессора медицины и фармакологии – книжные полки закрывали все стены. Была лесенка, на которой было уютно сидеть и углубляться в философские дебри. В 1947 году с наивной надеждой на существование места, где должны говорить «настоящую правду» [8], Левада поступил на философский факультет Московского университета. В начале 2000-х годов, вспоминая факультет, он говорил: «Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал». Со студенческим окружением ему повезло: «В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей — ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было» [9]. В цитированной выше статье А. Левинсон отмечает феноменальность студенческой когорты тех лет [2]. Одновременно с Левадой, чуть раньше или позже, учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Эрик Юдин, Георгий Шедровицкий. На одном курсе с Левадой училась и Раиса Титаренко, будущая жена Михаила Горбачева. Горбачев пишет в своих воспоминаниях: «...все чаще стал я посещать комнату общежития, где жила Рая, познакомился и с ее подругами и их друзьями – Мерабом Мамардашвили и Юрием Левадой (первый позднее стал известным философом, второй – столь же известным социологом). Собеседники они были интересные...» [10, с. 69].

Вспоминая студенческие годы, Николай Иванович Лапин отмечает: «С Юрием Левадой, просто Юрой, я познакомился

в 1949 г., когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и проницательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически» [11].

Чистая философия Леваду тогда не интересовала, это пришло позже, его влекло к социально-политической проблематике, к вопросам социальных изменений. Социологии в те годы не обучали, он слышал о ней совсем немного, никакой специальной литературы у него не было.

Университет Левада закончил в 1952 году, в конце обучения его заинтересовал Китай. По его воспоминаниям, он «наполовину выучил язык», написал диплом, а в 1955 году и кандидатскую диссертацию по китайской революции [12]. В том же году он начал работать в Институте китаеведения, поехал в Китай, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же удалось сделать. Потом отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 году Левада перешел в Институт философии АН СССР и начал заниматься социологией религии, темой, имеющей многовековые традиции в мировой культуре и обществоведении, но абсолютно новой для того времени в СССР. Уверен, при раскрытии этой темы Леваде приходилось сдерживать себя и при стремлении к высокому уровню философским обобщениям, и при спуске в глубины массового сознания. Исследования завершились книгой «Социальная природа религии» (1965 год), не потерявшей свое значение и в наше время. Им был сформулирован ряд общих подходов к социологическому исследованию культуры, показано, как обществом, человеком воспринимаются сложные явления окружающего мира, и описан механизм становления управляющей общественной системы. Думаю, что многое, о чем ему хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

В 1966 году Левада становится одним из первых в стране докторов наук, работающих по социологической тематике, и создает научный коллектив, ведущий исследования по теории социологии. В том же году родился известный левадовский междисциплинарный семинар, на котором обсуждались новые для того времени подходы к изучению всего множества форм социальных отношений. Тогда это был не «теневой» семинар, обычный – классическая форма академической работы.

За «не те» слова он был обречен на молчание

В 1968 году Левада участвует в создании Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Через год он издает «Лекции по социологии» [13]; два тома, каждый из которых был немногим более ста страниц. Это были материалы, которые он четыре года читал в МГУ будущим журналистам.

Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь являются далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения «Лекций» и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, идеологи старой закалки, вынужденные в период «оттепели» припудрить свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до «Пражской весны» и пропущенная цензурой, в 1969 году была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек – ничто, а массы – все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики. Статьи в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина – отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х включал и такую частушку: «Ой не надо, ой не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича» [14].

На время Леваду оставили в покое, но летом 1972 года к руководству ИКСИ пришел М.Н. Руткевич. «Тогда, – вспоминал Левада, – он имел и славу и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что нам тут не жить, надо уходить. Я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорил-

ся с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением» [15].

Поскольку в достаточно влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов, друзья помогли ему устроиться на скромную должность старшего научного сотрудника в Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ). Первоначально с ним должны были перейти еще несколько человек, но в результате не дали даже ставки секретаря. Так, «сам по себе», он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

В дни, когда друзья и коллеги прощались с Левадой, и я делал подборку материалов о нем [16], Владимир Шляпентох писал: «Для меня главное, что сделал Юрий Левада в своей жизни, это мужественное противостояние давлению тоталитарного государства в 1970-е годы, которое с большой вероятностью могло обернуться арестом. Он тогда не дрогнул и стал, по сути, единственным диссидентом среди социологов первой волны» [17].

В разные времена судьбы огромного числа людей были сломлены советской властью, но в ряде случаев ее давление на тех, кто высоко ценил свою правоту, был глубоко предан своим убеждениям и верил в правоту своего видения мира, приводило к обратным результатам. ГУЛАГ сделал Солженицына, заключение выковало Бродского, «психушка» обострила художественное видение Шемякина, высылка из страны Ростроповича привела к тому, что он стал мировой знаменитостью. Их таланты раскрылись в вынужденной эмиграции; обстоятельства дали им почувствовать настоящую свободу в творчестве.

Возможно, власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным. Речь идет о том, что все эти годы работал левадовский семинар. Каждые две недели собирались люди: иногда – лишь постоянные участники, и потому хватало небольшой комнаты, иногда – несколько сот человек. Официальная философия, социология были узкими, скованными, потому существовал интерес к нормальным, не идеологизированным исследованиям, ощущалась необходимость изучения реального человеческого поведения. Случалось, что вокруг семинара возникали скандалы, приходилось менять место. Деятельность семинара и его руководителя ин-

тересовали и КГБ, но, скорее всего, органы понимали, что лучше не загонять обсуждение общесоциологических проблем совсем в подполье.

Очень яркий факт, говорящий о гражданском, личном мужестве Левады, приводит в своем эссе Владимир Шляпентох, многие годы живущий в Америке. Он вспоминает время, непосредственно предшествовавшее его эмиграции: «Левада, вообще очень сдержанный и даже суховатый человек, не был моим другом, только добрым коллегой. Так вот, как только стало ясно, что я оказался в числе “неприкасаемых”, он стал бывать в моем доме почти ежедневно, полностью игнорируя, что все его посетители – таково было тогда всеобщее мнение — регистрируются соответствующими службами. Когда у меня возникали неприятности, я ждал его прихода с нетерпением для совета и успокоения» [18].

«Не припомню, когда бы я говорил, писал или заявлял то, чего я не думал...»

В конце марта 2004 года бывший ленинградец профессор Дмитрий Шалин, давно преподающий социологию в Университете Невады в Лас-Вегасе, восстановил и перенес на бумагу диктофонную запись своей продолжительной беседы с Юрием Левадой, состоявшейся в феврале 1990 года [15]. С любезного разрешения Д. Шалина привожу несколько разрозненных фрагментов (в тексте интервью они расположены не подряд) из воспоминаний Юрия Александровича об описанных выше событиях.

ДШ: Как вам казалось, в 60–70-е годы, особенно когда вы были официально в опале, была у Вас возможность говорить то, что Вы думаете?

ЮЛ: Возможно, я Вас в чем-то разочарую, но я могу сказать только то, что могу сказать. Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал. Внешнюю канву этих событий Вы знаете. В шестьдесят девятом – семидесятом была попытка расправиться с социологией. Предлогом была моя книжка, я думаю – только предлогом.

ДШ: Встречались Вы на дому [БД: речь идет о семинаре]?

ЮЛ: Мы встречались обычно либо там, где я работал, либо еще на какой-нибудь другой почве. В основном там, где я ра-

ботал, там у нас и проходил семинар. У нас помещения долго не было... Несколько раз его пытались запретить, мы меняли название, меняли крышу и продолжали жить практически непрерывно.

ДШ: Я вот слушаю Вас, и мне кажется, что Вы можете сказать, или кто-то мог о Вас сказать, что Вы жили не по лжи, Вы по существу, как думали, так и говорили. Я немножко утрирую, но...

ЮА: Думаю, что да. Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю...

ДШ: Хотя и молчали по поводу определенных вещей.

ЮЛ: Во-первых, я просто не участвовал в социологических прочих вещах. Во-вторых, в это время развернулась политическая жизнь на уровне диссидентства.

ДШ: Вы, кстати, не считали себя диссидентом?

ЮЛ: Нет. Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал.

ДШ: А был когда-то момент сомнения, что, может быть, пора уезжать?

ЮЛ: У меня не было, ни разу.

ДШ: А Вы можете себе представить такие условия в Советском Союзе – тогда, сейчас, в будущем, – когда Вы бы всерьез задумались, что, может быть...

ЮЛ: Сказать, что мне нужно было бежать от преследования, я не имел права. Сказать, что я чувствую интерес к лучшей жизни, я никак не мог, она меня не интересовала и не интересуется сейчас.

ДШ: Было такое ощущение, что когда Вы пишете, Вы что-то не досказываете или выбираете тематику...

ЮЛ: Конечно, в какие-то времена кое-что не досказывал. У меня вчера был разговор с нашим Эрихом Гольдхагеном

(Erich Goldhagen, профессор историк, многие годы работал в Center for Russian Studies в Гарвардском университете. – Б.Д.), которому я сказал... я увидел, что он пишет о фашизме, интересуется им, и я ему сказал, что я когда-то очень занимался этим делом и написал одну статью, в энциклопедии она «Философской» [19]. Она довольно большая и в свое время мне нравилась, а потом... Он меня спросил: «Это написано в духе времени?» Вопрос, на который довольно трудно ответить. Мне самому кажется, что вряд ли совсем в духе времени, хотя и не ясно, что такое дух времени... Вы знаете, что главой редакции «Философской энциклопедии» был академик Константинов, который не все читал, но он меня знал хорошо и статью взял читать. На полях верстки он сделал надпись: «Это про них или про нас?»

ДШ: Тут-то Вы и поняли, что написали нечто хорошее.

ЮЛ: Нет, это я, простите, заранее знал, тут мне особенно не надо было на него опираться, мне единственное надо было, чтобы он не мешал. Тогда редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово «буржуазный», то есть это не просто такая организация, а «буржуазная»...

Востребован новым временем

В истории современного этапа российской социологии есть событие, которое большинству ни о чем не говорит, но при упоминании о котором у небольшой группы социологов первых поколений теплеют глаза. Речь идет о семинарах, или конференциях, в Кяэрику (Kääriku) – небольшом эстонском городке вблизи Тарту. Там – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, в тех дискуссиях произошло понимание важнейших методолого-методических проблем социологии, и формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения. Организатором семинаров был тогда аспирант Тартуского университета Уло (Юло) Вооглайд (Ülo Vooglaid), теперь – известный социолог, политик и общественный деятель, а дух этих встреч во многом определялся выступлениями и общим отношением к жизни и социологии Владимира Ядова. Первая встреча проходила в 1966 году, вторая – в 1967 и третья – в 1968. Состоялась и четвертая, но ее материалы не опубликованы.

Через сорок лет после Кяэрику-1 Ядов вспоминает: «Встречи в Кяэрику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода “Западом”. Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Йоханнес Кэбин точно играл роль “крыши”. В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзовец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы» [20, с. 10]. А вот вспоминает Владимир Шляпентох: «Эти семинары были праздником души и профессионализма» [21, с. 639].

Если судить по оглавлению сборника выступлений на первой конференции, то можно утверждать, что Левада там был ключевой фигурой. Он делал доклад о массовой культуре и различных видах массовой коммуникации, в котором, в частности, сказал: «...смотреться в зеркало не вредно, и в такое зеркало, как общественное мнение, тоже иногда можно смотреть...» [22, 139]. В свете того, что через два десятилетия стало главной темой исследований Левады, интересен один из фрагментов его ответа на замечание В.Б. Ольшанского относительно введенной докладчиком «тонирующей» функции массовой коммуникации. Ссылаясь на Руссо, Левада говорил о демократии как о сочетании компетентных мнений людей [23, с. 182]. Таким образом, вопросы феноменологии общественного мнения находились в поле зрения Левады уже в начале 1960-х годов, латентно это проблематика присутствует и в его статьях 1970-х – начала 1980-х годов.

Из «заточения» в ЦЭМИ Леваду освободила перестройка. В 1988 году социолог и экономист, академик Татьяна Заславская и профессор Борис Грушин, «отец» опросов общественного мнения в СССР, приступили к созданию Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМа) и пригласили Леваду возглавить в нем теоретический отдел. Получив от Грушина предложение перейти во ВЦИОМ, Левада согласился, выдвинув одно условие: вместе с «командой». Условие было принято, и сильная группа социологов-культурологов, прошедшая через семинар, приступила к новой работе.

Расцветала гласность, вскоре была отменена цензура, население втягивалось в обсуждение всего происходившего в стране, его можно было спрашивать о многом. Символично, что первая книга, выпущенная в 1990 году Левадой и его коллегами, бывшими «семинаристами», называлась «Есть мнение!» [24]. Это не был ответ на сложнейший теоретический

вопрос о том, что такое общественное мнение, но нечто созвучное восклицанию «Эврика!», передающему одновременно и удивление, вызванное обнаружением нового, и радость первопроходцев. Действительно, в те годы значительные группы населения страны были активно вовлечены в перестроечные преобразования; одни – принимая их, другие – отвергая, но в любом случае, они реагировали на происходящее.

В 1992 году сотрудники ВЦИОМа выбрали Леваду директором, тогда ему пришлось заниматься не только теоретическими проблемами изучения общественного мнения, но определять стратегию деятельности института и решать множество рутинных вопросов. С момента рождения ВЦИОМ был ведущей в СССР, затем – в России организацией по изучению мнений населения, его результаты постоянно публиковались в наиболее известных средствах массовой информации, комментировались ведущими политологами и политиками. При этом нередко говорили не «как показали опросы ВЦИОМа», но короче: «по результатам опросов Юрия Левады».

Одновременно с освещением отношения россиян к происходящим в стране событиям (именно и прежде всего это интересует население и журналистов) Левада постоянно вел углубленное исследование динамики сознания россиян. Мониторинг был задуман в 1989 году для отслеживания, как казалось, уходящей натуры – «человека советского». Однако опрос 1994 года показал, что все происходившее в обществе не столько формировало «нового» человека, сколько обнаруживало, освобождало в нем ранее скрытое, латентное. Еще через пять лет оказалось, что большинство населения – консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже реставраторских настроений. Четвертое обследование (2003 год) проводилось в обстановке «авторитарной стабильности». Подводя итоги мониторинга, Левада отмечал, что почти за два десятилетия с начала реформирования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается «советским», и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам [25].

Прошло свыше трех десятилетий после разгрома «Лекций» Левады, и вокруг ВЦИОМа начали развиваться события, напоминавшие многим далекое прошлое. Созданный еще в «старое» время Центр и в начале нового века формально оставался государственной организацией, хотя свои финансовые проблемы решал самостоятельно, денег из бюджета ему не полагалось. В 2003 году власти под предлогом упорядочения

хозяйственных вопросов решили изменить статус ВЦИОМа и убрать его руководителя. И тогда, и сейчас выдвигались разные предположения, соображения о подобной деятельности властных структур; в частности, есть точка зрения, что, по оценкам ВЦИОМа, рейтинг президента имел иную динамику, чем в расчетах аналитиков других организаций. В то время я проводил специальные сравнительные исследования и ничего подобного не обнаруживал. Потому предположу, что реальная причина был в ином: власть действовала на опережение. Смотри в будущее, она в принципе прогнозировала возникновение таких политических коллизий, в которых ей придется договариваться с Левадой о направленности тех или иных опросов, а, может быть, об интерпретации получаемых результатов. Одновременно она понимала невозможность таких переговоров.

Завершилась эта эпопея тем, что Левадой и его сотрудниками была создана новая независимая организация «Аналитический центр Юрия Левады». Туда перешли 82 человека из 82, работавших во ВЦИОМе. Работа не прекращалась ни на один день...

Наследие Левады: это надолго

Менее чем за месяц до смерти Левада следующим образом суммировал сделанное за годы изучения общественного мнения: «Мы стараемся делать, что мы можем делать – профессионально. Говорить, что это получается у нас очень хорошо, я бы не стал. Получается, что получается. Какое у нас общественное мнение, такая и жизнь. Говорят, что есть центры, которые стараются причесать это мнение под власть. Я вообще не понимаю, зачем это делать. Оно и так такое гладкое и причесанное... Мы ведем мониторинг постоянно, регулярно и независимо от ситуации. У нас ряды до 15 лет и больше. Такая наша жизнь со всеми ее увлечениями, разочарованиями, провалами. И в людях, и в политиках, и в зарубежных связях. Мы считаем своей спецификой не то, что мы ставим вопросы, а то, что мы стараемся их понимать. Мы считаем себя обязанными понимать, почему люди говорят так, а не иначе» [26].

Юношеские мечты Левады о поиске настоящей, или подлинной правды в зрелые годы трансформировались в глубокую исследовательскую установку – понимать социальный мир. Он в полной мере разделял спиновозскую максиму: «Не радоваться, не горевать, а понимать...» [27, с. 18]. Эта мысль, внутренний императив отражены и в целях многолетней де-

тельности ученого, и в его методах, и в его результатах.

В жизни-творчестве Левады я могу выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства. Все периоды были в высшей степени продуктивными, а кумулятивный эффект – весьма значимым.

Защищая свои «Лекции по социологии», Левада был потому бескомпромиссен, что не мог позволить себе отказаться от тех теоретико-методологических конструкций, которые он начал возводить. Он верил в них и не хотел видеть себя вероотступником. Полтора десятилетия в ЦЭМИ – я не говорю о драматизме самого факта затворничества – превратили Леваду в одного из самых образованных советских социологов, позволили ему вести свободный внутренний диалог по принципам социальной философии и политики. Невозможность публиковаться обернулась для него возможностью сосредоточенно размышлять об основах социального знания, устройстве общества и месте человека в обществе. В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера. Но в действительности от таковым был. Прежде всего, это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. А потому неудивительно, что печатные и электронные средства массовой информации постоянно несли огромной аудитории слово Левады. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения.

Исторически сложилось так, что в Америке и Западной Европе изучение общественного мнения является научно-аналитическим видом деятельности, лежащим на пересечении социологии, социальной психологии, политологии и журналистики. И хотя уже в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов XX столетия изучением массовых установок занимались такие крупные ученые, как Гордон Олпорт, Пауль Лазарсфельд, Самуэль Стауффер, Стюарт Додд, а в настоящее время данные опросов, особенно длинные ряды, используются историками, социальными философами и культурологами, изучение общественного мнения во многих странах не относят к разделу академической науки. В СССР процесс становления исследований общественного мнения развивался иначе, центральные и локальные партийные организации привлекали к проведению опросов социологов, работавших в академических институтах, университетах, в научных и образовательных структурах КПСС.

Начинались опросы общественного мнения в СССР в 1960 году фактически по той же модели, что и в США,

по заказу и при поддержке газеты; Б.А. Грушин проводил их для «Комсомольской правды». Но потом он занимался ими как сотрудник институтов Академии наук. Первый всесоюзный репрезентативный опрос по месту жительства на основе территориальной выборки был проведен В.Э. Шляпентохом, когда он работал в Институте социологических исследований АН СССР. В Ленинградском отделении того же института проводил опросы работающего населения Б.М. Фирсов. В Академии общественных наук при ЦК КПСС региональными зондажами мнений занимались Ж.Т. Тощенко и несколько позже – М.К. Горшков. Значительное число всесоюзных и региональных опросов общественного мнения в 1970–1980-х годах было проведено Ф.Э. Шереги, возглавлявшим соответствующий отдел в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. К моменту создания ВЦИОМа в стране было защищено множество кандидатских и несколько докторских диссертаций по проблематике исследований общественного мнения.

Творчество Левады – исследователя общественного мнения – продолжило и развивало традицию изучения общественного мнения академическими (университетскими) социологами. Но он привнес в эту область социальных исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога. Время, логика развития науки и ряд внешних обстоятельств организационного плана поставили перед ним задачу: в конце XX века объединить огромный опыт, накопленный за века в социальной философии и культурологии, с новейшими достижениями в области информатики и технологии опросов. Он принял этот вызов и ответил на него. Его наследие – уникально и бесценно. Это – крупномасштабная и многокрасочная картина трансформации общественного сознания россиян в один из драматических для России и мировой истории моментов: перехода страны от тоталитаризма к демократическим принципам общественного устройства. Его стиль анализа эмпирической информации – уникален, думаю, неповторим, как неповторим тот путь, которым он пришел к изучению общественного мнения.

Вот как характеризует ВЦИОМовский период работы Левады Игорь Кон, который знал его в течение ряда десятилетий: «Появление Левады во ВЦИОМе было неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был, прежде всего, теоретиком, и если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, просто засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические мо-

дели оказались неприменимыми... Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, раньше не занимался. Однако он пытался за текущей информацией политического характера нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций “простого советского человека”, и сделал это блестяще» [28, с. 125].

Жизнь Левады так сложилась, что после книги о социальной природе религии им не было опубликовано монографий, однако ему принадлежит значительное число статей, большинство из которых написано уже после его перехода во ВЦИОМ. Малоизвестные читателям социологические работы десятилетия его молчания собраны в сборнике, увидевшем свет в 1993 году [27]. Через семь лет была опубликована коллекция его статей по общественному мнению [29]. В течение многих лет почти в каждом выпуске журнала «Мониторинг общественного мнения» (сейчас он выходит под названием «Вестник общественного мнения») есть статьи, написанные Левадой.

Проводя огромное число опросов (только за первое десятилетие работы ВЦИОМа их было проведено свыше тысячи и опрошено более полутора миллионов человек [29, с. 572]), решая массу организационных проблем, с которыми сталкиваются полстеры, он всегда оставался, нет – был прежде всего – социологом. Для него изучение общественного мнения являлось важнейшей частью исследования фундаментальных социальных процессов. Девизом левадовского ВЦИОМа и его продолжения – Аналитического центра Юрия Левады является краткая фраза: «От мнения к пониманию». Другими словами, от множества различных мнений к настоящей правде.

Отсюда замаскированная легким стилем изложения глубокая теоретичность статей Левады; это не традиционное для многих аналитиков общественного мнения описание распределений голосов участников опросов. В действительности Левада непрерывно дорабатывал концепцию социокультурной системы и человека, которая начала у него формироваться при изучении социальной природы религии, развивалась им в серии ЦЭМИшных статей, была пунктирно намечена в небольшой коллективной книге о советском простом человеке [30] и затем проходила более чем десятилетнее испытание в «Мониторинге». Человек «приспособленный», или «адаптивный», человек «недовольный» и позднее – «смиренно недовольный», человек «лукавый», человек «особенный», человек «русский» – это все не просто эмпирически выявленные типы отношений значимых групп россиян к окружающему их миру, но

каждый раз – проекция некоторого сложного, многомерного видения человека на определенную, заданную конкретными обстоятельствами (экономическими, политическими, социокультурными и проч.) плоскость. Человек един, правда он – иногда быстро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он смотрится по-разному.

Теперь хотелось бы кратко остановиться на двух аспектах исследовательского подхода Левады, которые, на мой взгляд, не получили должного развития и потому ряд переходов в движении «от мнения к пониманию» оказались недостаточно проясненными. Первый из них касается использования многомерных методов анализа данных опросов, второй – изучения роли средств массовой информации при формировании общественного мнения.

В середине 1960-х годов Левада одним из первых в СССР заговорил о важности использования в социологии математических [31] и кибернетических методов [32]. Эти же вопросы освещались им и в его «Лекциях». Здесь же назову комментарий Левады к докладу Ядова на первой конференции в Кяэрику. Он касался проблем измеряемости и надежности [33].

В начале 1990-х мне приходилось многократно обсуждать с Левадой ход и итоги совместной работы ВЦИОМа и международного Исследовательского института социальных изменений (Research Institute for Social Change). Проект базировался на использовании изощренной математической процедуры шкалирования, с помощью которой создавалась «европейская социокультурная карта» и определялось место России в ряду двух десятков европейских государств [34]. Я помню, что Левада принимал логику этого метода и видел его эффективность при решении нетривиальных типологических проблем. Этот же вывод подтверждается статьей Л.Б. Косовой, в которой излагается попытка использования многомерного факторного анализа к типологии «советского человека» [35].

Сложно сказать, почему ВЦИОМ (позже – «Левада-центр») не вел работ в области многомерной типологии, но эта ситуация поправима; сейчас крайне важным было бы построение пространственной (многофакторной) модели «левадовского человека». Это валидизировало бы выводы Левады, обнаружившего с помощью простейших измерений столь сложную структуру сознания советского человека, и дало бы новый импульс для развития теоретической схемы Левады.

Не обладая полной коллекцией публикаций ВЦИОМа и «Левада-центра», я могу ошибаться, говоря о недостаточном внимании разработчиков проекта «Советский человек» к ис-

следованию деятельности средств массовой информации. Пытаясь выявить главные моменты в трактовке Левадой и его коллегами процесса зарождения мнений и перехода «от мнения к пониманию», я обнаруживаю, что распределение мнений в целом трактуется ими как функция двух переменных: макросоциальных изменений в обществе и изменений, происходящих внутри «советского человека» [36]. Такая схема была бы оправданной, если бы не ставилась задача понимания природы мнений, т.е. выявления всей совокупности причин его динамичности (или статичности). Как выше отмечалось, еще в начале 1960-х Левада говорил о важнейших функциях массовой коммуникации и о демократии как проявлении компетентности общественного мнения, однако эта линия не была достаточно развернута в теоретических и прикладных исследованиях. Это тем более трудно понять, если учесть тот факт, что многие элементы модели взаимодействия средств массовой информации и общественного мнения были разработаны на рубеже 1960–1970-х Б.А. Грушиным в его «Таганрогском проекте» [37].

Он уходил очень далеко от берега

Одна из ключевых, стержневых тем рассказа-притчи Хемингуэя о старике и море возникает в словах старика, обращенных к мальчику: «Твой не любит уходить слишком далеко от берега». Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями: море и человек – имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик – это он. Море – это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба – это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: «Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне». Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от

берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что «человек в море никогда не бывает одинок», так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и беспрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о «природе вещей», об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима [27, с. 177].

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то рядом находится его большая рыба. Старик говорил себе: «Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов». Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому счастью, которое пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью [38, с. 186].

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: «Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: “Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?” Он отвечает: “Нет”. Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен» [39]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за «рыбой» не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом – со стаей акул, говорил себе: «Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру». Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: «Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушел в море».

* * *

Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой в конце 1980-х, когда начал работать во ВЦИОМе. Подошел к нему и назвался: «Борис Докторов». Он ответил: «Я знаю», и на этом вся церемония завершилась. Когда я уезжал в Америку, он сказал мне: «Будь мужественным, старик», и в этом

«старик» было и навсегда осталось что-то аксеновско-шестидесятическое.

Последний раз мы обстоятельно беседовали поздней весной 2004 года, он был гостем калифорнийского Стэндфордского университета, недалеко от которого я живу. Я приехал к нему в гостиницу, это были две небольшие комнаты с кухней; в таких «апартаментах» обычно селят приезжающую профессуру. Поговорили о целях его приезда, я рассказал немного о своих исследованиях по новым технологиям опросов общественного мнения. Как обычно, говорил Левада немного, но слушал внимательно. Дни стояли жаркие, и хотя утром было чуть прохладно, чувствовал он себя неважно, ему было трудно ходить. Я сказал, что запарковался в подземном гараже прямо у выхода из лифта и по его реакции понял, что это было удачное решение. Вся дорога от гостиницы до Центра по изучению России заняла не более четверти часа. Начался небольшой дождик, обещавший временное ослабление жары. Мы остановились там, где длинная и широкая аллея, усаженная пальмами и калифорнийскими тополями, упирается в огромное здание, выстроенное в староиспанском стиле. Перед ним – фонтаны, в просторном внутреннем дворе – копии фигур Родена. Дальше я ехать не мог, правила езды по территории университета очень строги. Леваде надо было пройти еще метров триста.

В моей памяти Левада навсегда остается человеком, идущим к другим с настоящей правдой о России.

Литература

1. *Левада Ю.* «Запугивание населения — признак растерянности власти» // Новая газета. 2004. 5 ноября <<http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/84n/n84n-s22.shtml>>.
2. *Левинсон А.* Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) <<http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4>>.
3. *Докторов Б.* Выдающиеся полстеры второй половины XX века. К открытию цикла // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 116–119.
4. Москва сегодня прощалась с известным российским социологом Юрием Левадой. <<http://www.echo.msk.ru/news/344916.html>>.
5. Вытеснение в мертвую память. Памяти Юрия Левады: Интервью Татьяне Косиновой <<http://polit.ru/analytics/2006/11/17/levada.html>>.
6. Электронное письмо А. Здравомыслова Б. Докторову от 20 ноября 2006 года.
7. Электронное письмо В. Паниотто Б. Докторову от 19 ноября 2006 г.

8. *Левада Ю.А.* «Научная жизнь — была семинарская жизнь» // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Рус. христ. гуманитар. института, 1999. С. 83.
9. *Нарышкина А.* Совершенно свободное плавание <<http://ladentelle.livejournal.com/305.html>>.
10. *Горбачев М.* Жизнь и реформы: Кн. 1. М.: Новости, 1995.
11. Электронное письмо Н. Лапина Б. Докторову от 20 ноября 2006 г.
12. *Левада Ю.А.* Об особенностях народной демократии в Китае: Автореферат. дис. ... канд. филос. наук. М., 1955.
13. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Вып. 1–2. М.: Институт конкретных социальных исследований, 1969.
14. Интервью с проф. В.Т. Лисовским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 7–25 <<http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intervyu7-25.pdf>>.
15. *Левада Ю.:* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html>.
16. Человек, всю жизнь искавший «настоящую правду». Памяти Юрия Александровича Левады // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 6. С. 41–43.
17. Электронное письмо В. Шляпентоха Б. Докторову от 21 ноября 2006 г.
18. *Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // НЛЮ. 2007. № 87 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>>.
19. *Левада Ю.* Фашизм. Статьи по социологии. М., 1993. С. 123–135.
20. *Ядов В.А.:* «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 3.
21. *Шляпентох В.* Социолог: здесь и там // Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
22. *Левада Ю.А.* Выступление на конференции // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяэрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967.
23. *Левада Ю.А.* Участие в дискуссии // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяэрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967.
24. Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Издательство «Прогресс», 1990.
25. *Левада Ю.* «Человек советский» 1989–2003 гг. Размышления о «большинстве» и «меньшинстве» // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (73). С. 9–18.
26. Не стало Юрия Левады... // Новые Известия. 2006. 17 ноября. <<http://www.newizv.ru/news/2006-11-17/58360/>>.
27. *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.
28. *Кон И.* Вспоминая о Леваде // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 123–126.
29. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

30. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 80–90-х /Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Интерцентр, 1993.
31. Левада Ю.А. Точные методы в социологических исследованиях // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 13–14.
32. Левада Ю.А. Кибернетические методы в социологии // Коммунист. 1965 № 12. С. 91-98.
33. Левада Ю.А. Выступления по поводу доклада В.А. Ядова // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяэрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967. С. 122–133.
34. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве //Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
35. Косова Л.Б. «Человек советский» – возможность типологии //Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 17–21.
36. Левада Ю.А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 9–15.
37. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. О니кова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
38. Дубин Б. В. Образ и образец: памяти Ю.А. Левады (1929-2006) // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 186–187.
39. Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006 <<http://natalydemina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>.

Алексеев Андрей Николаевич (рожд. 1934 г.) – советский/российский социолог, кандидат философских наук, автор большого числа исследований и публикаций по социологии средств массовой информации, культуры, производства, образа жизни, по методологии и методике социологических исследований.

А.Н. Алексеевым опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: Алексеев А.Н. Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов. В 2-х кн. М., 1991; Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. I и II. СПб, 2003, Т. III и IV.

СПб, 2003; Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб, 2010.

СКАЛА АЛЕКСЕЕВА⁴

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не затем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу, а кто-то, глядишь, заберется и на Эверест⁵.

В настоящей статье анализируются некоторые аспекты работы, осуществленной Андреем Николаевичем Алексеевым в последние три десятилетия. Ничего юбилейно-праздничного в этом тексте нет, тем более что в значительной мере он был написан более года назад и лишь в силу не зависящих от меня обстоятельств не был своевременно опубликован. Статья продолжает серию моих работ методологического и историко-научоведческого плана, цель которых, в частнос-

⁴ Докторов Б.З. Скала Алексеева // Социологической журнал. 2009. №3. С. 136–158.

⁵ Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003. С. 193.

ти, — найти исследовательский метод, позволяющий анализировать и описывать ближнее прошлое отечественной социологии, отталкиваясь или в значительной степени опираясь на биографии ученых, создававших и создающих эту область знания.

Написать историю науки, ничего не сказав о ее создателях — лидерах и научных коллективах — невозможно, но часто все они представлены как тени, силуэты, профили, вырезанные из черной бумаги и наклеенные на белый фон. С той поры как подобная технология передачи лиц — без глаз и эмоций — родилась, а потом достигла высочайшего уровня, возникло искусство фотографии и кино, позволяющее передать и внешность человека, и в лучших случаях — его личность, характер. Вот и создание истории с «человеческим лицом» представляется мне попыткой уйти от истории, в которой «действовали бы» силуэты, к прошлому, наполненному реальными людьми.

В создаваемой мною типологии поколений советских/российских социологов есть «странная» вторая профессиональная когорта, единственная, которая осознанно не вписана в лестницу с равными 12-летней толщины ступенями. Так, первое поколение — это родившиеся в промежутке с 1923 до 1934 года, третье — в интервале 1935–1946 годов и так далее (см. табл.).

Не претендуя на то, чтобы упомянуть всех представителей первого поколения (хотя их было немного, возможно, не более полусотни), назову имена тех, кто большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру: Г.М. Андреева, И.В. Бестужев-Лада, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Л.Н. Коган, И.С. Кон, С.А. Кугель, Ю.А. Замошкин, А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, Р.В. Рывкина, А.Г. Харчев, О.И. Шкара-тан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. В 2008 году отмечалось 50-летие современной российской социологии, и тем из пионеров отечественной социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или несколькими годами больше.

Анализ показывает, что представители первого поколения советской социологии родились в промежутке от 1923 до 1934 года. Годы рождения значительной части ученых, чьи имена указаны выше, приходятся на конец 1920-х. Таким образом, на момент *второго* рождения советской социологии они были молодыми кандидатами, лишь единицы — докторами, наук, и их взгляды на общество формировались под влиянием подвигов героев революции и Гражданской войны, событий Великой Отечественной, обрывочных сведений

о борьбе с «врагами народа», смерти Сталина и разоблачением культуры личности.

«Странность» второго поколения заключается в том, что его представители по возрасту в среднем ненамного моложе образующих первую возрастную когорту. «Вторые» формировались как личности практически в том же социальном пространстве, что и «первые», но в силу личных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых».

Таблица

Схема поколений советских/российских социологов

Поколение	Годы рождения	Центральные годы
первое	1923–1934	1928–1929
второе	2-я половина 1920-х – 1934 г.	
третье	1935–1946	1940–1941
четвертое	1947–1958	1952–1953
пятое	1959–1970	1964–1965
шестое	1971–1982	1976–1977
седьмое	1983–1994	1988–1989

Пока трудно сказать, чем в своем творчестве и мироощущении второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-научно-ведческих исследований, тем более, что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. «Первые», так уж сложились их судьбы, входили в социологию азартно. «Вторые» — более трезво, взвешенно, в некотором смысле им приходилось *отказываться* от ранее избранного профессионального пути и многое пересматривать в своих политико-нравственных воззрениях. Не имея возможности для аргументирования этого допущения, скажу, что оно вытекает из проведенных мною интервью с представителями этой общности, из анализа «Драматической социологии» Алексеева [1], книги Фирсова о разномыслии [2] и незавершенных мемуаров Соколова [3].

Существует еще одна особенность алексеевской картины мира, задающая специфику его положения в нашем профессиональном сообществе (последнее отражено в приведенных выше словах Т.И. Заславской, В.Э. Шляпентоха и Б.М. Фирсова). Помимо нетривиального общетеоретического и методо-

лого-методического содержания, его работы привлекают внимание своей гражданственностью, более точно — поисками роли социолога в обществе. Причем он ничего не декларирует, не предписывает, не морализирует. Он действует проще, но много рискованнее и одновременно — ответственнее. Алексеев избегает использования термина «эксперимент на себе», считая, что это звучит слишком красиво, но именно этот термин передает достаточно точно его исследовательский метод. И.С. Кон в недавнем письме Алексееву (автор письма прислал мне копию) весьма справедливо заметил: «...люди предпочитают анализировать не свои, а чужие страдания, так что подражать Вам мало кто захочет» [4].

Алексеев все проецирует на себя. Он рассуждает и действует так, как ему представляется должным, как может разрешить себе лишь свободная — не от общества, но от страхов — личность. Он не просто расширяет методолого-инструментальный арсенал социологии новыми подходами и приемами, но дополняет его нравственными принципами; но не в виде перечня должного и запретного, а через формирование предмета собственных исследований. Принципиально то, что Алексеев никого не призывает следовать за ним, понимая, что каждый сам выбирает маршрут своей жизни. Еще в далеком 1980 году он писал в письме социологу Инне Рывкиной о том, что, своим переходом из социологов в рабочие (см. ниже) никакого вызова социальным институтам он не делал, что лучший ныряльщик это тот, который входит в воду без брызг [1, с. 193].

Известный специалист в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецов во введении к своей небольшой автобиографической книге — коллекции эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти, отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биолог», нежели «биограф» [5]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание жизни в ее единстве с окружающим миром*. В этом смысле предлагаемые заметки можно рассматривать как *био-логические*.

Уникальность жизненного пути Алексеева заключается в том, что осуществленное им в 1980–1988 годах исследование просто невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [1]. Это и объясняет, почему

мой рассказ об этой книге становится в значительной степени и биографическим повествованием.

Первые два тома работы Алексеева увидели свет в 2003 году, два следующих — двумя годами позже. Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким. Тем не менее, его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

Таким образом, главная цель моих заметок — представить работу Алексеева тем, кто о ней ничего не знает, но в любой момент может для начала заглянуть в нее, а там — как сложится. Чтение объемного труда, да еще в сетевом варианте, дело непростое. Но мне кажется, что равнодушных к этим материалам будет немного, а вот восприятие и отношение к ним будет различным. В значительной степени оно будет определяться способностью читателя погрузиться в тот мир социальной драмы, который автор постепенно открывал для себя и в который оставил открытыми дверь для других. Но пройтись по дорогам этого мира каждому предстоит собственным путем, идти след в след за автором невозможно.

Особенность «Драматической социологии» заключается в *многоплановости*. Она в той же мере повествует о человеке в системе социальных отношений, что и о жизнедеятельности ее автора. Сама социальная реальность и исследовательский опыт позволили автору сформировать адекватную методологию и инструментарий исследования. Четырехтомник (далее я буду называть его книгой) — это «кинолента» о событиях, протекавших в Ленинграде во времена «заката застоя» и «разбега перестройки», и о людях, сначала просто ожидавших перемен, а затем начавших формировать новую демократическую среду. Книга рассказывает об авторе и одновременно дает представление об огромной коммуникационной сети, в которой живет социально активная личность; о размерах подобной сети и ее строении мы мало задумываемся, а между тем действующих лиц в ней свыше полутысячи. По отношению к автору многие из них выступают в качестве *со-беседников, со-авторов и со-трудников*. Это придает изложению объемность, полифоничность и дискуссионность.

В начале 1980-х годов ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это был не вынужденный акт, но собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, сложного станка, поз-

волявшего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного-прочувствованного-осознанного стало ядром его повествования.

Поначалу наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя происходившее вблизи, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» многообразие таких форм поведения рабочих, которые противоречили стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду». Разрешенное и отчасти даже поощряемое руководством нарушение трудового законодательства, пьянки «с умом» на рабочем месте, «халтуру» по-рабочему, то есть не плохую работу, а, наоборот, сделанную при минимуме трудозатрат и выгодную себе и производству, «партизанщину» — самовольное нарушение технологии, искусственное сдерживание роста производительности труда и многое другое. Своего рода интегральным свойством низшего и среднего руководящего звена было, по Алексееву, «разгильдяйство» (незаинтересованность + некомпетентность + безответственность [1, т. 1, с. 124], возрастающее по мере восхождения на высшие уровни руководства. Разгильдяйство было итогом и следствием безответственности низов и беспомощности верхов [1, т. 1, с. 183–184].

В.А. Ядов, обобщая наблюдения Алексеева, говорит о выявлении и точном представлении им для социологической науки механизмов «двойного нормативного стандарта». Пока между мастером и рабочим сохранялись партнерские отношения, первый лишь фиксировал нарушения трудовой дисциплины вторым, но при возникновении конфликта доседе раскрывалось, что могло приводить к увольнению рабочего [1, т. 4, с. 14]. Примечательно, что другой эксперт, свыше десяти лет занимавшийся проблемами заводской социологии и в годы эксперимента Алексеева работавший с ним на одном заводе, но в качестве «социолога-управленца», Б.И. Максимов, по его собственному свидетельству, поначалу убеждал Алексеева не «идти в рабочие», ибо ничего нового тот не увидит, выражал готовность, «не сходя с места», рассказать об уловках рабочих, фиктивности соцсоревнования и т. п. И все же переоткрытие всех этих феноменов Алексеевым произвело эффект разорвавшейся бомбы [1, т. 4, с. 37].

Действительно, к началу 1980-х многое из описанного Алексеевым прекрасно знали «работяги», не было это тай-

ной и для большинства заводских социологов, исследовавших трудовые отношения. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировала, а массовые опросы не могли зафиксировать ряд тонких, тщательно оберегавшихся от внешнего наблюдателя сторон жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же было заранее ясно, что широкое обсуждение негативных аспектов организации труда рабочих — «ведущей силы» советского общества — грозит исследователям массой неприятностей. В полной мере их испытал на себе Алексеев, вскоре убедившийся в том, что и его деятельность, и результаты его наблюдений были объектом пристального внимания администрации и партийной организации завода, а также «компетентных органов».

Поначалу то, что делалось Алексеевым, можно было отнести к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию своего проекта. Как говорится, в один прекрасный день на его квартире был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все его дневники, письма, материалы наблюдений были не возвращены владельцу, а переданы в органы госбезопасности. Начались его встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых искали подтверждения его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов (дневников, писем). Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, был устроен беспорядок, но ничего из того, что обычно представляет интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевших был ответ: все совершено тринадцатилетним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, давая ему такие бесконечные возможности для наблюдений и обобщений, о которых он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Причины: «цинизм, пренебрежительное отношение к советской науке, рабочему классу, элементы антисоветизма» [1, т. 1, с. 278]; «проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов (так!) на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами

для служебного пользования» [1, т. 2, с. 333]. Естественно, «вредителя», «саботажника» и «шпиона» исключили. Помнящие те времена понимают, что на исключении из партии процесс не мог остановиться. Свои ряды от него «очистил» Союз журналистов, членом которого Алексеев был свыше двух десятилетий, и два других профессиональных объединения — Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно сфокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными *системными* образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений».

Значимость сделанного Алексеевым состоит не только в том, *что именно* ему удалось увидеть в ходе эксперимента, но и в том, *каким образом* автору удалось заглянуть в ту часть социальной реальности, которая плотно занавешивалась от общества идеологическими, властными институтами. Речь идет о *системе* исследовательских *действий* — о технологии сбора эмпирической информации.

Краеугольным положением методологии Алексева, позволившим ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им разновидность давно известного в социологии метода — наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее, наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новинка Алексева — *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования» [1, т. 1, с. 13]. В этом случае наблюдатель стремится быть не пассивным, но активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие, определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так частное, по Алексеву, заурядное [1, т. 1, с. 179], становится *моделью* общего.

Эта «процедурная» добавка, точнее, социологическое действие, превращает участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и принципиально меняет логику исследования: на смену наблюдению с целью познания приходит познание

через действие (или познание действием). Действуя, социолог выступает не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы» [1, т. 1, с. 14]. Отсюда и возникает термин, которым Алексеев характеризует свой подход — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Сегодня, через два десятилетия, прошедших после завершения этого проекта Алексеева, можно предложить и несколько иную интерпретацию природы его метода и результатов его социально-научного эксперимента. Погрузившись в мир производственных и жизненных обстоятельств, окружавших его, он осознанно вышел за рамки традиционного для 1980-х годов видения советской социологией механизмов функционирования трудовых коллективов, особенностей образа жизни некоторых групп населения и деятельности ряда властных институтов. Таким образом, его социология сразу стала *драматической*. В новом для того времени семантическом пространстве переставали действовать наработанные советскими социологами приемы анализа социальной информации и возникла потребность в выработке каких-то новых способов прочтения и описания наблюдаемого, а также в понимании своего места в этом мире отношений. Так появилась потребность в *ауторефлексии*.

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» — это не только итоги анализа рабочим-социологом многих сторон жизни производственного коллектива и других аспектов социальных отношений, характерных для завершающего периода советского общества; не только схема и убедительный пример целой системы мягких методов для изучения драматических ситуаций или конфликтов. Это одновременно и полезная *книга по истории советской социологии*. Аргументирую кратко последнее утверждение.

Прежде всего, книга содержит описание и анализ многих значимых событий, протекавших в ряде исследовательских команд ленинградской социологии, в Институте социально-экономических проблем АН СССР и Ленинградском отделении Советской социологической ассоциации. Ленинград является одним из центров зарождения постхрущевской советской социологии, городом, в котором сложилась особая социологическая культура, и поэтому документы и личные наблюдения Алексеева, свидетеля и участника многого, что происходило в 1970–1980-е годы в этом социологическом сообществе, — ценнейший материал для будущих историков. Подчеркну, со-

держание многих сюжетов, приведенных им, уникально, без них история отечественной социологии явно будет неполна. Прежде всего, назову тему «интереса» КГБ к работе социологов, эта тема обсуждалась мною в интервью с В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым и другими учеными, но многое в ней еще предстоит осветить будущим историкам. Также отмечу зафиксированные в книге факты неуникальности перехода Алексеева из научного института в заводской цех. В Ленинграде в рабочие пошли еще два социолога: Юрий Щеголев и ныне покойный Сергей Розетт, а также переехавший из Ленинграда в Вильнюс Анри Кетегат. Главный мотив — «сохранение через перемену»: если не можешь примениться к обстоятельствам — измени обстоятельства [1, т. 1, с. 78–79].

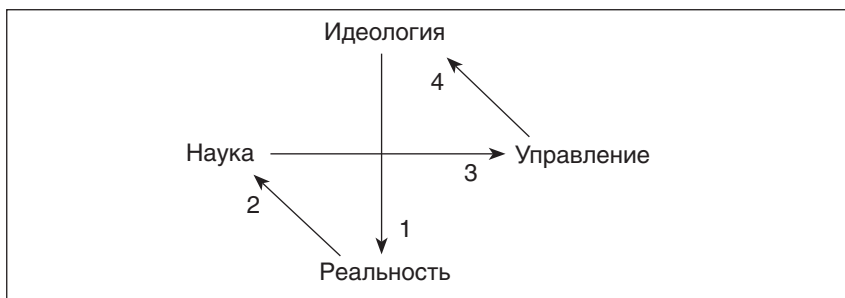
Интерес для историков науки представляет уже сам список действующих лиц «Драматической социологии», который может стать базой для вычерчивания коммуникационных графов, характеризующих сеть общения значительного числа социологов, и не только ленинградских. Назову имена лишь некоторых из них: Ю. Вооглайд, Т. Дридзе, В. Дудченко, Л. Кесельман, М. Лауристин, Б. Максимов, А. Назимова, В. Паниотто, С. Рапопорт, Р. Рывкина, Г. Саганенко, Э. Соколов, А. Тихонов, Б. Фирсов, В. Хмелько, В. Шляпентох, В. Шубкин, В. Ядов, А. Ющенко.

Ценным для будущих историко-биографических исследований является *образ самого автора* драматической социологии. Направленное чтение книги дает редчайший познавательный материал: детальное описание профессиональной и публичной жизни социолога.

И завершу этот параграф трактовкой Алексеевым «судеб советской социологии». Мне представляется, что это *одна из первых попыток* выделить в отечественной социологии основные этапы ее развития. Изначально материал не предназначался для публикации, это — фрагмент его личного письма Тамаре Моисеевне Дридзе (1930–2000), пришедшей в социологию в середине 1960-х и хорошо знавшей, как все происходило. Отмечу также, что рассматриваемая ниже модель развития советской социологии была изложена Алексеевым более 25 лет назад (в мае 1981 г.) и потому предлагаемая им периодизация охватывает лишь первую четверть века постхрущевской российской социологии [1, т. 1, с. 219–226].

Движение социологии как науки рассматривается Алексеевым в двумерной системе координат, задаваемой четырьмя полюсами (направлениями); вертикальная ось «Идеология — Реальность», горизонтальная — «Наука — Управление» (см. рис.).

Пространство развития российской социологии:
середина 1950-х — начало 1980-х

До середины 1950-х, пишет автор, «социология благополучно размещалась в “лоне” Идеологии и даже имени своего не имела (“буржуазная социология” не в счет!). Она родилась в конце 1950-х и стала двигаться «вниз», в область Реальности. После столкновения с реальными социальными процессами она направилась к полюсу Наука, в 1960-е годы происходило освоение методологии, методики и техники социологии. В следующем десятилетии обозначилось движение «вправо», ориентация на Управление; возникла заводская социология, работы по хозяйственным договорам, стремление формулировать управленческие рекомендации в различных сферах жизни общества. И здесь желание социологов «поручить» встретило сопротивление со стороны власти, и социология вынуждена была двинуться обратно по направлению к Идеологии.

По характеру движения социологии Алексеев выделил четыре этапа: первый — «секуляризация», второй — сайентификация, третий — прагматизация, последний — идеологизация (точнее, реидеологизация). Четвертый этап тогда лишь начинался. Эти же этапы автор переформулировал в терминах функциональных приоритетов науки: гражданственный, исследовательский, управленческий и идеологический. Общий вывод из анализа 4-этапного процесса таков: сейчас «кто-то ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому» [1, т. 1, с. 221].

Далее, развивая одну из генеральных линий своего исследовательского проекта, Алексеев говорит об ожиданиях перемен. Ровно за четыре года до прихода к власти Михаила Горбачева он, понимая необходимость «нового прорыва к реальности», предполагал, что это может произойти в 1980-х годах под

давлением хода общественной жизни, добавляя при этом: «Правда, ей (социологии — Б.Д.) для этого придется как бы “отказаться от самой себя”» [1, т. 1, с. 222].

Обнаружив, что в целом прогноз Алексеева (особенно по части «отказа от себя») оправдался, я заинтересовался, какие периоды он сегодня выделил бы в последних двух десятилетиях развития российской социологии. Он сделал это, не меняя конфигурации предложенного им классификационного пространства. Приведу его ответ полностью: «Насчет периодизации российской социологии. Для советской — цикл в свое время завершился от “секуляризации” до “реидеологизации”. Для последующей “жизни” нашей социологии был относительно недолгий период нового погружения в реальность, *публичная социология* (в смысле М. Буравого), далее — активное *освоение мирового опыта*, в значительной своей части эпигонское (тоже своего рода сайентификация) и — не последовательно, а, пожалуй, параллельно (в разных общественных секторах) — интенсивная *прагматизация*, с изрядной дозой очковтирательства. А в последнее время — опять *реидеологизация*, не менее крутая, чем на “закате застоя”. Тут уж — “православие, самодержавие и народность”, Союз социологов России, В.И. Добреньков — В.И. Жуков — Г.В. Осипов» [6]. Действительно, получается своего рода спиралевидное движение».

Особый разговор должен быть о *жанре* книги, ибо подача материалов в ней далека от академических канонов и потому может породить представление о том, что книга должна идти не по «департаменту» социологической науки, а номинироваться «по разряду» литературных или журналистских произведений. Мне подобная точка зрения представляется ошибочной. Во-первых, просто не хочется выпускать эту работу из круга социологических исследований, какой она в первую очередь и является. Во-вторых, признание этой точки зрения фактически означало бы, что феноменология проекта Алексеева определяется не всей совокупностью действий, осуществленных им, но лишь избранной автором формой изложения полученных результатов.

Алексеев выделяет две составляющие жанра: *исследовательский* и *литературный*. О первой компоненте было кратко сказано выше; вопрос о «жанре литературном» Алексеев в значительной степени сводит к **особой драматургической роли композиции использованных им документов. По его мнению, документы:** личные и публичные, житейские и деловые, научные, даже справки или обращения в официальные органы, будучи поставленными в определенный контекст, об-

ретают смысл *социологического свидетельства*, а сама *композиция* становится способом первичной концептуализации, анализа и осмысления [7, с. 11–12].

На мой взгляд, форма изложения содержания обсуждаемой книги является производной объективных обстоятельств, детерминировавших логику и технологию исследования Алексева; отмечу три из них. 1) Специфика предмета и объекта изучения *требовали* использования мягких, качественных методов социологии. 2) Базовый методологический принцип исследования — не просто фиксация наблюдаемого, но *обязательная рефлексия* по поводу происходящего и *ауторефлексия*. 3) Стихийно, но верно была избрана первичная форма самоотчета о «приключениях социолога-наладчика». Немного разверну сказанное.

Каждый, кто поставит себя на место социолога, не просто наблюдающего процессы, происходящие в трудовом коллективе в связи с необходимостью решения комплекса производственных проблем, но работающего «по-правдошному», придет к заключению, что оптимальным приемом фиксации увиденного будет ежедневное ведение подробного дневника событий. Последовавшие вскоре после начала эксперимента события в жизни Алексева и его контакты с представителями различных формальных и неформальных образований внутри завода и за его пределами стали источником огромного числа документов, производимых и этими образованиями, и самим «наблюдателем». Следовательно, каким бы ни было (в будущем) решение о форме изложения итогов наблюдений, безусловно, оно предусматривало бы обращение к дневниковым записям и собранным документам. Более того, стремление к соблюдению норм оформления материалов научного эксперимента обязывало бы автора по возможности к полному воспроизведению документов и максимально развернутому цитированию дневниковых записей и его писем коллегам на темы исследования.

Установка на рефлексия и саморефлексию автоматически вносит фигуру автора, его «я» в текст отчета о результатах работы. Эта «личность» не вписывается в ортодоксальное понимание эпистемологии исследований, базирующихся на использовании жестких методов. Своего, личностного, советские социологи, как правило, избегали в доперестроечные годы. Ход своих рассуждений они обязаны были соотносить с общими положениями марксистской социологии, с партийными документами, с манифестировавшимися и латентными, но оттого не менее жесткими предписаниями о том, «что можно, а чего нельзя», с представлениями о том, что будет пропущено

цензурой, а что нет и т. д. В этих обстоятельствах в советских социологических текстах авторы вынуждены были сдерживать себя в рефлексии и воздерживаться от саморефлексии.

Но при использовании качественных методов (неформализованных и мягко формализованных схем сбора первичной информации) личностный фактор оказывается принципиально неустранимым. Можно сказать и больше: оригинальность и полезность исследования становятся тем ярче и весомее, чем мощнее творческий и гражданский потенциал исследователя.

Первые два указанных обстоятельства не оригинальны, они *генетически* присущи исследованиям мягкого типа. Третье обстоятельство (первичная форма самоотчета) — если не уникально, то весьма специфично и связано с тем, что Алексеев из-за существования в начале 1980-х годов идеологических и цензурных ограничений на распространение социологической информации в принципе не мог ориентироваться на публикацию получаемых результатов. Как следствие возник своего рода социологический самиздат: жизненный и научный отчет перед друзьями в виде писем; всего делалась одна машинописная закладка. В 1980–1981 годах было написано 18 больших писем, составивших сериал, названный им «Письма Любимым женщинам» [1, т. 1, с. 270]. Эта коллекция дала импульс новому хроникальному циклу «Выход из “мертвой зоны”» и последующим сериям отчетов.

«Письма Любимым женщинам» — это неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Среди его адресатов были опытейшие социологи и журналисты, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей» [1, т. 1, с. 271].

Ядром тетралогии является социологический анализ производственных процессов на уровне предприятия и обстоятельств жизни рабочего-социолога. Однако здесь автор следует идее Гёте о том, что хорошо увиденное частное может всегда считаться общим. Желание и способность видеть в частном отражение общего (не случайно он цитирует Николая Гумилева: «В каждой луже запах океана, / В каждом камне веянье пустынь») и гражданская позиция проявляются в *публицистическом звучании* некоторых текстов, содержащих широкие социологические выводы.

Это говорит о сохранившемся умении Алексеева, филолога по образованию и журналиста в его досоциологической деятельности, выразительно писать и напоминает об общности социальных проблем, рассматриваемых социологами, журналистами и литераторами. В России социальная беллетристика возникла в начале 1840-х годов, социологические подходы присутствуют в литературно-публицистическом творчестве А.И. Герцена, далее идут Г.И. Успенский, А.П. Чехов («Остров Сахалин»), В.И. Короленко... А в советское время, в годы отсутствия в стране социологии, социальное в работах литераторов иногда присутствовало *зримее*, нежели художественное. Приступая к эксперименту (1980 г.), Алексеев немного знал о феноменологической социологии (читал только изданные тогда «для служебного пользования» переводы Леонида Ионина [8], фактически ничего не слышал о «социологии действия» А. Турена и «драматургической социологии» И. Гофмана, не читал работ П. Сорокина, был мало знаком с достижениями русской социологической мысли второй половины XIX — начала XX вв. Но, как выпускник филологического факультета, он был хорошо знаком с русской и мировой социальной публицистикой, и раньше многих других осознал близость этого рода литературы с социологией. Как отмечает сам Алексеев, важным событием для его профессиональной биографии был выход в 1978 г. знаменитой новомировской статьи В. Шубкина «Пределы» [9].

В.А. Ядову принадлежит *ключевая* роль в судьбе проекта Алексеева. Им был поддержан замысел работы, в его секторе проходили первые обсуждения наблюдений социолога-работого, он написал предисловие к первой версии рукописи этой книги. Давно все это было, двадцать лет назад; тогда завершался 40-летний период классической советской социологии и зарождалась постсоветская российская социология. В 1999 г. Ядов опубликовал это предисловие в качестве рецензии, в ней он признал Алексеева «основателем нового направления в отечественной социологии» [1, т. 4, с. 15], имея в виду «социологию наблюдающего участия».

В этом отзыве Ядовым сказано много лестного в адрес методологии и результатов исследования Алексеева, но он отмечает в некоторых авторских текстах и особенность, ему не импонирующую, — «своего рода амбициозную тональность». Правда, Ядов здесь же заметил, что это сочетается со способностью быть твердым в соблюдении моральных принципов. И назвал эту черту личности Алексеева — сахаровской.

Конечно, это дорогого стоит, когда на одной чаше неких мысленных весов для измерения уровня моральности лежит «амбициозная тональность» текста, а на другой — сравнение

с этическими императивами, отстаивавшимися А.Д. Сахаровым. Здесь можно было бы ничего не комментировать. Однако, солидаризируясь с Ядовым в оценках сделанного Алексеевым и считая справедливым заключение о «нравственной планке», поставленной последним для себя, хотел бы кратко высказаться по поводу ядовской ремарки об амбициозности.

В-первых, отмечу, что в СССР амбициозность как некая качественность была *отобрана от личности* и присвоена государством, поначалу замахивавшимся на мировую революцию, а потом на менее масштабные, но грандиозные планы, такие как высадка человека на Луну и поворот течения сибирских рек на юг. Но, живя в США уже почти полтора десятилетия и изучая биографии и наследие создателей американской рекламы и технологии опросов общественного мнения, я стал воспринимать амбициозность как нормальное и необходимое свойство творческой личности. Если, естественно, эта амбициозность базируется на значимых достижениях человека в том, чему он отдает всего себя.

Во-вторых, читая книгу и раздумывая о ходе проведенных Алексеевым познавательных операций, необходимо помнить, что природа «драматической социологии» включает элементы театральности, и потому социологу-испытателю приходилось в ряде случаев исполнять непростые сценические роли — «от Дон-Кихота до Швейка и от Воланда до князя Мышкина» [1, т. 1, с. 15]. Таким образом, обнаруживаемая Ядовым амбициозность некоторых текстов может быть следствием убедительности игры Алексеева-актера, вошедшего в роль написанной им пьесы, но не до конца вышедшего из «игры» при анализе и описании свершившегося драматургического действия.

В-третьих, Алексеев пишет, что в тетралогии около 500 «действующих лиц», но главным лицом является сам автор. И далее: «Отважусь утверждать, что такой относительный *эгоцентризм* здесь оправдан» [1, т. 3, с. 36]. С пониманием соглашусь с ним.

Кстати, я спросил Алексева, как он относится к замечанию Ядова. Тот ответил: «Замечание совершенно справедливое в отношении “Писем Любимым женщинам”, которые еще тогда были обозваны мною “эпистолярным хулиганством”, а Светлана Минакова (мой давний соавтор и одна из адресатов писем), так даже написала остроумную пародию, начинавшуюся примерно так: “Я вошел в цех и взглянул окрест себя. В воздухе висело разгильдяйство...”» (см. приложение к письму под названием «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха № 3»). Особенно в первых письмах с шутливым “ячеством” был перебор» [10].

Но даже с учетом сделанных оговорок мне не кажется, что в текстах Алексеева проступает амбициозность, в них нечто иное. Вспоминается история, относящаяся к самому началу его работы на заводе. В кругу друзей он рассказывал о выпивке с несколькими рабочими; не помню, было это после завершения ленинского субботника, по случаю одного из революционных праздников или просто — по поводу полочки. Когда уже высокий градус доверия возник, один из рабочих спросил его: «Ты меня уважаешь?» Ответ Алексеева на этот неперемный в описываемой ситуации вопрос был абсолютно неожиданным: «Уважаю, но не больше, чем себя». Вот в моем понимании в общей конструкции книги, в отношении Алексеева к документам, к построению им схемы наблюдений производственной ситуации, в его восприятии и оценках поведения людей, наконец, в его авторской позиции проявляется ответственное и *уважительное* отношение к делу, к окружающим и к себе.

В интонации и духе книги проступает не только самоуважение, но и личностная и творческая *свобода*. Алексей не был ни диссидентом, ни человеком, находившимся во «внутренней эмиграции». Но переход из академической среды в пролетарскую позволил ему освободиться от многих идеологических требований в анализе социальной реальности, которыми обязан был постоянно руководствоваться штатный социолог и которыми в значительно меньшей степени был связан гегемон советского общества — рабочий, человек физического труда. Однако, на мой взгляд, не переход в среду рабочих был первопричиной обретения Алексеевым свободы и права на реализацию общественного «разномыслия». Этот переход оказался лишь *катализатором* внутренних мыслительных процессов, которые возникли и развивались в этом человеке долгие десятилетия. То был второй добровольный, если угодно идейный, поход (или уход) Алексеева в рабочие; первый состоялся в начале 1960-х, за два десятилетия до описанного в «Драматической социологии».

Базовый импульс такой жизненной траектории не мог возникнуть сам по себе, без «драматической» ситуации, некой коллизии; и в смысле *драматической* социологии, и в более широком плане — как глубокое рационально-чувственное потрясение. Возможно, будет оправданно говорить о «драме идей».

Алексеев прошел долгий и трудный путь к свободе и самоуважению. В 1997 г., вспоминая события полувековой давности, он говорил: «я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда». Каким же он себя не уважал?

Алексеев родился в Ленинграде в 1934 году, в семье с передававшимися из поколения в поколение идеалами служения обществу, высоко ставящей ценности личности и с глубокими традициями честного отношения к своему делу [11]. Он стал комсомольцем в школе, еще в 8–9-м классе, и гордился тем, что сделал это рано. Ему казалось, что он был честнее других, так как вступал в комсомол и позднее в партию по убеждению, а не для улучшения своей анкеты. Выучив благодаря матери три иностранных языка к моменту окончания школы (случай для того времени редкий), он поступил на филологический факультет, чтобы изучать славянские языки. И там увлекся журналистикой, полагая, что таким образом он сможет влиять на общественное мнение, формировать его в нужном, как он считал, для общества направлении. Был отличником-активистом и сталинским стипендиатом. На пороге своего двадцатилетия, узнав о смерти Сталина, несколько суток не спал, демонстрируя самому себе, как надо «держаться в руках», когда страна осиротела. «Слез не было, но до рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике» [9, т. 4, с. 89]. В 1950–1960-е годы, уже работая в ленинградской молодежной газете «Смена», он был «певцом» движения за коммунистическое отношение к труду и отчасти «изобретателем» бригад коммунистического труда. В заключительный том «Драматической социологии» [1, т. 4, с. 91–107] автор включил образцы своих журналистских текстов. Их содержание передают заголовки и ключевые фразы: «Будем учиться жить в коммунизме», «уголок коммунизма», «разведчики будущего», «мы стоим на пороге коммунистического общества». В 1961 г. Алексеев, будучи в Англии, на вопрос одного из профессоров о том, не является ли коммунистическая убежденность неким аналогом веры, искренне отвечал: «Коммунизм — это в моем сердце», а позже в своем дневнике записал: «Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества».

Потом были XX съезд КПСС, который, говоря словами Алексеева, развенчал для него культ одного «бога» и возвысил культ другого, Ленина. Затем (ключевые события!) — советское вторжение в Чехословакию в 1968 г., приобщение к литературе, не подлежащей «ввозу и вывозу» из СССР, наконец, война в Афганистане. Вот запись из его дневника (от 5 января 1980 г.), комментирующая начало этой войны: «Усилия нашей пропаганды в этой ситуации могут направляться лишь к доказательству того, что **стоит!** А вот **можно** или **нельзя** — обсуждению не подлежит. <...> Но в одном

обыватель проявляет удивительную прозорливость: ввод советских войск в Афганистан так же невыгоден советскому правительству, как американскому была невыгодна война во Вьетнаме, а царскому — русско-японская война» [1, т. 1, с. 86].

Понятно, что автор этих строк в ту пору уже не питал каких-либо социальных иллюзий, но и не был лишен надежды, что отражено во фразе, вынесенной в заголовок статьи. Его друг и соавтор Роман Ленчовский, киевский философ и социолог, пишет на страницах книги (в «Драматической социологии» много текстов коллег и друзей «главного» автора) о том, как «старшие» и «младшие» шестидесятники, постоянно натываясь на «превращенные» (термин Маркса, активно использовавшийся М. Мамардашвили) и извращенные формы общественного устройства, напряженно искали способ осмысленного и достойного существования, пытались сопротивляться системной профанации своего утопического идеала. Соглашаясь с Ленчовским, Алексеев пишет: «По этой логике получается: говорили, что думали, и действовали, как говорили. Пусть обманывались, но не лицемерили. Выбирали доступные для себя способы сопротивления». И тут же самокритично добавляет: «Вывод, пожалуй, не только объяснительный, но и утешительный. Что ж, жили (чувствовали, мыслили и действовали) — “как умели”; объясняем — “как можем”» [1, т. 2, с. 231].

Перейдя в рабочие, Алексеев смог остаться и социологом, но это был уже иной, новый социолог. Освободившись от массы идеологических требований, налагавшихся на сотрудника социологического института, освоив ранее невозможное и малознакомое чувство свободы в размышлениях и действиях, он — вслед за своим другом-социологом Сергеем Розетом, несколько ранее его перешедшим из социологов в рабочие, — мог теперь сказать о себе: «Ныне я сознательно становлюсь “рабом” на фиксированное количество часов, а в остальное время я — свободен» [1, т. 1, с. 92]. Желание Алексеева продолжить анализ социальной реальности однозначно задавало предмет его познания — производственные отношения в первичном трудовом коллективе. Отчасти это было продолжением того, чем ему в последние годы работы в Академии наук приходилось заниматься. Однако потребность быть честным перед собою и впервые представившаяся для этого возможность требовали выработки нового способа исследований всего происходящего. Оказалось, что это невозможно сделать, не определив своей позиции, своего положения в пространстве изучаемых коллизий, конфликтов,

проблемных ситуаций. Мне думается, что отыскание этого «наблюдательного пункта» было не просто технологическим и организационным аспектом разворачивавшегося социологического исследования, но вопросом профессионально-этическим. Конечно, достижение научно-обоснованных результатов требовало решения ряда непростых инструментальных задач (все же цех — не исследовательская лаборатория, а координатно-револьверный пресс — не стол в кабинете ученого), но в еще большей степени это зависело от глубины познания себя и того, сколько, говоря словами А.П. Чехова, «капель раба» можно было выдавить из себя. Ведь было ясно, что в рождавшемся исследовательском проекте нельзя будет ограничиться ролью даже сколь угодно тщательно работающего стороннего наблюдателя и суперответственного летописца.

Не удивительно, что в поисках методологии задумывавшегося исследования Алексеев нашел «новых учителей жизни» [12]. Ими оказались не просто выдающиеся ученые XX столетия, но и апостолы высокой этики: Альберт Швейцер, Алексей Алексеевич Ухтомский и Александр Александрович Любищев.

То, что в работе Алексева может показаться амбициозностью, в действительности является уважением к своему делу, самоуважением и ощущением собственной свободы. Но свобода — всему начало.

В последовавшие после выхода «Драматической социологии» годы научный интерес Алексева сконцентрировался на анализе методологических проблем рефлексии и саморефлексии в социальном исследовании, на некоторых аспектах изучения биографий и использования в социологической работе методов анализа документов. По духу и жанру это было развитием начатого в четырехтомнике, но в предметном отношении все больше фокусировалось на процессах, протекающих внутри российского социологического сообщества. Хотя, как мне кажется, проблема роли, места, ответственности социолога в «обустройстве своего дома» в явном виде не заявлялась, она постепенно становилась одной из стержневых. В частности, этот вывод вытекает из рассмотрения серии его публикаций последних лет, размещенных на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» [13]. Своего рода программной можно назвать его небольшую заметку под названием «Что такое публичная социология?» [14]. В концептуальном плане это — развитие построений Майкла Буравого, но объектом авторского анализа и поводом для беспокойства является российская социология.

И все же, даже пытаюсь регулярно следить за исследованиями Алексеева, я был удивлен масштабом охвата темы и объемом (около 100 печатных листов) его новой книги, сделанной совместно с киевским философом и социологом Романом Ленчовским. Я благодарен авторам за предоставленную мне возможность знакомиться с рабочими вариантами текста, но, поскольку книга еще не вышла, не буду говорить о содержании рукописи, тем более что даже перечисление основных структурных элементов этого труда заняло бы немало места. Если в «Драматической социологии» анализируются, в частности, драмы, разворачивавшиеся внутри отдельного завода на закате застоя, то новая книга — в значительной своей части — о современных драмах, происходивших, да и продолжающихся, в российском социологическом сообществе. Принципиально то, что будущему читателю этой работы предъявляются не столько позиции авторов, сколько документы и мнения большого числа социологов, многие из которых известны всему профессиональному сообществу.

Название книги «Профессия — социолог», и прежде всего она обращена к социологам. Но в ней нет критериев, предписаний, которым должен следовать специалист, она предъявляет читателю ряд событий, процессов, обсуждавшихся социологами в последние два-три года, и предлагает ему задуматься о своем отношении к ним. Итогом такого анализа и станет личная интерпретация того, кем же является социолог как представитель определенной профессии. Она может совпадать полностью или частично с авторской трактовкой, а может коренным образом отличаться от нее. При этом факт отсутствия в книге намека на то, каким путем должен следовать читатель к своему выводу, автоматически запускает механизм многоуровневой рефлексии и саморефлексии. Книга — не для легкого чтения, она дает возможность самому сформулировать свое понимание «хорошего» и «плохого», «темного» и «светлого», «доброе» и «недоброе».

Название книги было предложено Ленчовским, и поскольку оно сразу показалось мне и публицистичным, и указывающим на актуальную для социологов научно-нравственную проблему, я заинтересовался историей его рождения. Ленчовский отметил, что в целом название было сразу принято Алексеевым и что во всех обсуждавшихся вариантах присутствовало сочетание «Профессия — социолог». Поначалу перебирались различные дополнения, точно наводящие на содержание работы. Хотелось показать то, что уже было отражено в тексте: его дисциплинарную «прописанность» — социология социологии, а также сквозную идею — социолог не просто «держит ответ»

перед вызовами мира социальных отношений, но действует в контексте «всего» своего профессионального пути.

Моя интерпретация названия «Профессия — социолог» была навеяна иными ассоциациями. Оно сразу напомнило мне давно виденный фильм Микеланджело Антониони «Профессия: репортер». И дело не только во внешнем сходстве этих двух словесных конструкторов, но и в том, как содержание этой ленты трактовалось некоторыми киноведами. По их мнению, Антониони хотел показать, что мир непознаваем для тех, кто лишь наблюдает, видимое не объясняет мир, нужно действие. Такая версия идеи фильма давала мне возможность лучше увидеть в новой книге развитие замысла «Драматической социологии».

Удивительно, что в действительности Ленчовский не видел фильма, а лишь слышал о нем, а Алексеев отчасти потому сходу согласился с предложением своего соавтора о названии книги, что оно оказалось «личностным римейком названия любимого фильма». В конце 1970-х эта лента произвела на него «оглушительное впечатление» не столько своей философией, сколько настроением, к тому же ему оказалась созвучной идея перемены судьбы.

В моей недолгой дискуссии с авторами книги Алексеев сформулировал и суть ее содержания: «Как бы там ни было, наша книга — про социологов и не только, и даже не столько про них, сколько про “человека в обществе” и про “общество в человеке”».

* * *

В 1960–1980-е годы социолог был тем человеком, которому власть доверяла рисовать картину радостного движения общества по предложенному ею пути. Если социологу никак не удавалось обнаружить ни этой радости, ни этого движения, «подправляли» его самого. Андрей Алексеев оказался тем социологом, который одним из первых обнаружил нежелание общества принять предлагавшийся властью путь и стремление людей к переменам. И его самого «подправить» не удалось.

Каждый, кто начнет восхождение на скалу Андрея Алексеева, через какое-то время иначе, более масштабно, увидит ландшафт советской/российской социологии. И дышать начнет по-новому. Глубже. Смелее. Свободнее.

Литература

1. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003–2005 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>>.

2. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР: 1940–1960-е годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Европейский дом, 2008.
3. *Соколов Э.В.* В миру и наедине с собой <http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>.
4. Электронное письмо И. Кона А. Алексееву от 22 июля 2009 г.
5. *Кузнецов Б.Г.* Встречи. М.: Наука, 1984.
6. *Алексеев А.* Электронное письмо Б. Докторову от 11 августа 2008 г.
7. *Алексеев А.Н.* Познание через действие // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 5
8. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf>.
9. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Л.Г. Ионина; Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978.
10. *Шубкин В.Н.* Пределы // *Новый мир.* 1978. № 2.
11. *Алексеев А.* Электронное письмо Б. Докторову от 13 августа 2008.
12. *Алексеев А.Н.* Корни и ветви (XVIII–XXI век) <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>>.
13. *Алексеев А.Н.* Учителя жизни: Триптих <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/biographies/alekseev_triptych.html>.
14. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
15. *Алексеев А.Н.* Что такое публичная социология? <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_public.html>.

Голофаст Валерий Борисович (1941–2004) – советский/российский социолог, кандидат философских наук, автор большого числа исследований и публикаций по методологии и методике социологических исследований, социологии семьи, качества жизни.

В.Б. Голофастом опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: *Голофаст В.Б., Дмитриев А.В., Иванов О.И.* Комплексное социально-экономическое исследование. Л., 1978; *Голофаст В.Б.* Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981; *Голофаст В.Б.* Социология семьи. Статьи разных лет. СПб, 2006.

Материалы о жизни и творчестве В.Б. Голофаста: Петербургским Социологическим Институтом РАН проведено пять Голофастовских чтений, их материалы собраны в серии сборников: «Социология вчера, сегодня завтра», Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста, СПб, Бильбо, 2008; Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста / Под ред. О. Б. Божкова. СПб., 2011 и др.

ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ. НЕЗАВИСИМЫЙ УМ⁶

*Все повторяется сначала,
И без конца, и без конца
Гондолой бьется у причала
Венецианского дворца.
История, народы, солнце,
радиокрик чужих миров,
И переполненное полнитися,
Не выходя из берегов.*

В. Голофаст,
начало 1960-х, Ленинград

Я благодарю моего коллегу Олега Божкова, много делающего для изучения наследия Валерия Голофаста, брата Валерия – Георгия Голофаста, дочь Оксану Голофаст и друзей Марата Бузовского и Владимира Трякина за присланные мне материалы. Мне приятно выразить благодарность Андрею Алексееву и Наталии Мазлумяновой за замечания по улучшению текста статьи.

Настоящая работа продолжает мои публикации в журнале «Со-

⁶ Докторов В. Валерий Голофаст. Независимый ум // Социальная реальность. 2008. № 3. С.67 – 82.

циальная реальность», посвященные становлению советского/российского социологического сообщества. Я имею в виду статью о жизни и творчестве Ю.А. Левады [1] и интервью с представителями разных поколений работающих социологов: Еленой Петренко [2], Михаилом Тарусиным [3], Францем Шереги [4] и Владимиром Шляпентохом [5]. Более обстоятельно эта тема рассматривается в материалах рубрики «Современная история российской социологии» петербургского журнала «Телескоп». К настоящему времени в ней опубликовано свыше двадцати интервью, проведенных мною с ведущими российскими социологами. Но наиболее полная коллекция материалов об отечественных социологах представлена на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива»: это свыше сотни различного вида биографических текстов и статьи аналитического характера [6].

Изучение биографий социологов рассматривается мною как часть большой работы по исследованию и написанию истории современной, или постхрущевской, российской социологии. В моем понимании история должна отражать не только то, что было сделано за пять десятилетий советскими/российскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих.

Анализ жизни и творчества Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004) позволяет увидеть некоторые существенные детали становления отечественной социологии, и в частности – затронуть тему поколений в нашем социологическом сообществе. Я не ставлю перед собою задачу целостного изучения биографии Голофаства, меня прежде всего интересует его путь в социологию. При анализе биографии деятелей культуры стало нормой обращение к периоду их ранней социализации и процессу профессионализации, другими словами, биографической информации присваивается статус историко-культурологической. Сейчас я не говорю о масштабах талантов и роли в истории того ли иного творца, но отмечаю собственно методологию историко-наукведческих поисков, признающую целостность, неразрывность личного и творческого в человеке. В силу молодости современной российской социологии и ряда других обстоятельств история нашей науки пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий участников процесса ее создания, видя в них (жизнеописаниях) лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив подобного отношения к изучению биографий социологов, мы не толь-

ко не ответим на многие принципиальные вопросы истории нашей социологии, но у нас даже не возникнет стремления к их формулировке.

Методологическое введение

В очерке о Голофасте представляется обоснованным и естественным обращение к общеметодологическим вопросам изучения биографии и использования биографического материала в исторических исследованиях. Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) и Голофаст являются одними из первых, кто в современной российской социологии обратил внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и кто начал систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Для обоих обращение к биографиям было средством познания прошлого. Однако, если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаст – обращался к прошлому людей, то есть к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии, а второй – историей ряда поколений советских людей.

Кроме того, представляется, что Батыгина прежде всего интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки, в частности его последние работы касались этих проблемных сфер, и потому биографический подход становился у него одним из методов исследований функционирования социального института. Голофаста более привлекало познание частной жизни людей, в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием. Оба они были лишь в начале своих поисков, и потому трудно сказать, в каком направлении развивалась бы их работа.

Коллективная монография «Социология в России» под редакцией В.А. Ядова [7], книги Г.С. Батыгина [8] и Б.М. Фирсова [9] по истории советской социологии, ряд других работ дают возможность составить общее представление о том, как происходило становление постхрущевской социологии и что было сделано по части познания советского общества второй половины прошлого века.

Четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути,

то сегодня проведение историко-научно-исследовательских исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и в других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, в связи с переездами лабораторий и сменой руководства исчезли архивы, казавшиеся непосвященным собранием старых, потерявших свое значение документов. Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее всего следует назвать «вопрошающим»: необходим поиск вопросов, могущих стать координатами историко-научно-исследовательских исследований, ориентирующими, организующими их. Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-научно-исследовательского плана: каковы генезис постхрущевской социологии? каковы особенности ее возникновения? Мне представляется, что трактовка произошедшего как «возрождения» дореволюционной русской и постреволюционной советской социологии неточна в силу недостаточного учета исторических обстоятельств и «человеческого потенциала», в частности, особенностей профессиональной подготовки тех, кого мы сейчас называем создателями советской социологии. Полагаю, что вернее говорить о «втором рождении» [10].

Следующий вопрос можно классифицировать как научно-организационный: в какой мере первым поколениям социологов удалось создать необходимую инфраструктуру для развития науки? Вопрос третий – научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей? И последний: советская социология позиционировала себя (внутри страны и для мирового научного сообщества) в качестве главной силы развития марксистской теории общества. Каковы в действительности эти теоретико-методологические достижения?

Как бы то ни было, без обращения к биографиям первых поколений советских социологов ответы на эти вопросы не могут быть полными.

Становление личности. Обращение к поэзии

По возрасту и по типу вхождения в социологию Валерий Голофаст принадлежит к третьему поколению советских/

российских социологов. Соединяя то, что мне сообщил о Валерии его младший брат Георгий Борисович [11], живущий в Днепропетровске, и биографическую информацию, собранную О.Б. Божковым [12], можно сказать следующее о родительской семье и ранних годах жизни Валерия.

Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором одного из днепропетровских КБ, проектировал 1-й сварной мост в Днепропетровске, ленинградскую телебашню, крытый стадион в Индонезии. Мать была бухгалтером, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. После окончания 7 класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Любовь к технике у него началась с увлечения фотографией – отец с войны привёз несколько трофейных фото- и кинокамер. Окончив школу, Валерий проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два курса на вечернем факультете в Металлургическом институте.

В 1960 году Голофаст поступил на филологический факультет Ленинградского университета и прожил в Ленинграде отпущенные ему следующие сорок с небольшим лет, практически все это время работая в социологических структурах Академии наук.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кандидатская диссертация Голофаста была посвящена анализу американской семьи [13], а его посмертно изданная книга озаглавлена «Социология семьи» [14], можно сказать, что различные аспекты развития современной семьи всегда находились в центре его внимания. Но будет много вернее сказать, что как социолога его прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение. Если попытаться определить, что располагалось в фокусе его общеметодологических и урбанистических работ, исследований по образу жизни различных групп населения, науковедческих изысканий и статей по методам социологии, то скорее всего мы увидим там обыденного человека в повседневном мире.

Один из его коллег и друзей Игорь Травин, вспоминая Голофаста, так сказал о его научных интересах: «У него была такая знаменитая поговорка <...> Он начинал иногда какой-то цикл, период разговора с вводного пассажа – “меня интересует”. <...> При прочих равных условиях у него интерес зачастую был, я бы сказал, шире чисто физических возможностей» [15]. Согласившись с Травиным в признании широты интересов Голофаста, я выскажу предположение о природе подобного феномена. Эрудиция Голофаста, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике)

и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали «любовь к размышлениям».

И все это началось рано, к двадцати годам Голофастом было написано [16]:

Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылазят телескопов щупальцы,
И человек на небо щурится.
И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающе
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,
Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилюю,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваше-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значитися?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломаются
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающегося с губ моих,
Как ласточку с карниза – стих!
Как сокола с обрыва – стих!
Растите многолапым деревом!
Землею под корнями – дело вам!
Водюю под корнями – знания!
И солнце над ветвями – знаменем!

Здесь есть и космос (Юпитер), и теория относительности (Лоренц), и философ-математик Лейбниц, и лирика – извечные вопросы, которые задает себе молодой человек⁷. Желание знать у Голофаста всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но, возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным.

О. Божков, который по просьбе семьи Голофаста, разбирал его архив, отмечает, что в переписке Голофаста видны его напряженные размышления об окружающем социальном мире, в ней – море разнообразных тонких и точных наблюдений. И далее: «Думаю, что людям, с которыми переписывался Валерий, чрезвычайно повезло в жизни – они соприкоснулись с удивительным интеллектом» [17]. Я – один их тех, кому повезло. Благодаря Божкову у меня есть, если иметь в виду объем, три-четыре печатных листа наших с Голофастом электронных бесед. И это лишь часть. Эта переписка охватывает период с октября 2001 года (все началось раньше) до декабря 2004 года; последнее письмо пришло от Валерия за две ночи до его смерти...

Приведу лишь короткие фрагменты из писем Голофаста, показывающие его и как личность, и как исследователя.

9 февраля 2003 г.

<...> Как ты знаешь, я когда-то, сугубо дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом-то вся прелесть. Истоки – известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники <...> Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрышно выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта <...> восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальны, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог – напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас – в СССР, России и пр. – травилось и травилось весь XX век.

---

⁷ Ряд стихов В. Голофаста приведен на сайте, указанном в [16].

11 июня 2003 г.

Я когда-то <...> был шоссейником. объездил пол Украины. На шоссе самое трудное – это ехать в группе.

1 января 2004 г.

<...> В общем, я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно, – мой скромный девиз...

10 января 2004 г.

<...> Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других людей. Но это в воображении так можно развести. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процессе (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма – индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX–XX веков. Манера науки – вычленять общее, так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти.

11 января 2004 г.

В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пусто, либо чисто статусное светское раз в год мероприятие. Но я был в высоколобой среде. <...> Я тут как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. Революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культуре, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы – те могут еще что-то искать. А все остальное – это наносное, как ветер.

25 января 2004 г.

...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, – я заглянул на сайт выпускников школ – на самом деле самодельный форум – Днепропетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

16 мая 2004 г.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

30 мая 2004 г.

Мое любимое – даосизм, ранний, поздний – напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы. И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16–17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный!...

8 июня 2004 г.

... Что касается Анны Карениной, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. <...> До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам. В «Карениной» потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать....

12 марта 2004 г.

<...> Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотекарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала Sky and Telescope, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг. (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптиками-любителями сделали все – проекты, технологию, первые линии штучного, а затем массового производства. <...> Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой – старой промзоной и США – еще перериями. Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заво-

де. И посадили в лужу королей часового дела – швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла-англичан. То есть я хочу сказать, что в Америке это была надындивидуальная культурная модель или семейство моделей.

22 сентября 2004 г.

Про праздники – ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это – одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других) что все теории-схемы-идеологии модернизации всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. <...> Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубоватые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

26 сентября 2004 г.

Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности – от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично – требует огромной социотехнической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же – выдающийся пример эксплуатации государством военной темы – гигантская машина пропаганды во главе – с верху до низовых организаций – в том числе и по фабрикации соответствующих текстов. <...> Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...> В культуре (а написание – это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэллапом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

6 декабря 2004 г.

<...> Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум вроде.

Привет, В.

Это было последнее письмо, написанное мне Голофастом. Но мой мысленный диалог с ним продолжается.

Для Голофаста – сначала было слово

Я познакомился с Голофастом году в 1973-м или 1974-м, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах академической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приводимого ниже фрагмента его письма от 11 июля 2003 г. я узнал, что в юности Валерий писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым, лишь после него я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Все произошло случайно: я спросил Валерия, не знал ли он, обучаясь на филологическом факультете, Сергея Довлатова, и в ответе среди прочего прочел: «На филфаке я учился в 1960-65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60-61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были друзьями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам – меня завалили по языку – а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Может быть, именно эту смену своих жизненных планов, а также состоявшийся уход из технического вуза и начало обучения на филфаке и имел в виду Голофаст, когда за месяц до смерти писал мне: «Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол, и уйти совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте. Я без пессимизма, учти» (17 ноября 2004 г.).

Ленинград второй половины 1950-х – 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, велась активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, объединявших молодых прозаиков и поэтов близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев,

Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин и Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени определивших общий уровень советской поэзии, культуры в целом.

Константин Кузьминский – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда [18] конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. Значительная часть статьи об истории неофициального искусства в СССР посвящена оценке его многообразной деятельности. Отмечается, что в 1960-х его комната во флигеле во дворе между Красной улицей и бульваром Профсоюзов стала местом литературных чтений, вечеров, выставок живописи и фоторабот, печати самиздата. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового бегемотно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [19].

Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихотворений. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя одного из типов социологов третьего поколения: «...стихи, с которыми он пришел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность-то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. <...> Голофаства я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания – у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..»[16].

О том периоде, когда Голофаст начинал писать стихи, вспоминают друзья его юности, а вот слова его брата: «Стихи начал писать в старших классах, начинал с переводов Шевченко на русский язык. Ходил в литературную студию во дворце студентов <...> Под влиянием руководителя студии Валерий отослал стихи на творческий экзамен в Литературный институт имени Горького».

Раннее обращение Голофаста к поэзии рассматривается его братом и друзьями по литературной студии как отдельный, самостоятельный факт его и их далекого общего прошлого, мне представляется, что в нем ядро, суть понимания многого в его жизни. Для Голофаста – сначала было *слово*.

Рано возникло у Голофаста и критическое отношение к окружавшему его социальному устройству. В интервью Дмитрию Шалину, состоявшемуся в апреле 1990 года, он говорил: «Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий [произошла] где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно [все]. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. То есть для меня никогда не было проблемы и, следовательно, для меня всегда существовал мир общественных правил игры и внутренний мир моего восприятия, моей оценки, который всегда был дистанцирован. Я мог принимать или не принимать политические конвенции, но это не имело значения. В общем, для меня [этот процесс] в моей биографии начался очень рано... Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал <...> я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир» [20].

Движение в социологию

Мое изучение биографий представителей первых двух поколений советских/российских социологов позволяет заметить, что выбор ими специальности и начало социологической деятельности были прежде всего связаны с их стремлением к познанию и усовершенствованию общества, социальным отношением. Социологи третьего поколения были менее идеологически, граждански «заряжены», и многие из них пришли в социологию, имея базовую специальность, далекую от изучения социума. Есть группа ученых, которые пришли в социологию из журналистики и которые изменили свою профессию в силу возникшего у них стремления к более глубокому, теоретически фундированному пониманию той социальной реальности, которую они анализировали в прессе.

Движение в социологию Голофаства схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, – филология – философия – социология. Причем социология, не «господствовавшая» в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В.А. Ядовым: «Валерий Голофаств вошёл в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неопределимое значение в сообществе “жестких позитивистов”» [21]. Отсутствие устремленности Голофаства к быстрой публикации результатов его исследований социологии и индивидуальными особенностями Валерия. С этим можно согласиться. Действительно, приверженность Голофаства к «понимающей» социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной «сайгонской» культуре, с одной стороны, делали невозможным для него принятие доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой – препятствовали принятию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что – нельзя. Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е в социологии всем было сложно публиковаться, но «отягощенному» поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим.

«Сайгонная культура»

Здесь я должен сделать одно отступление «регионального» характера и пояснить значение использованного выше термина – «сайгонная» культура.

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролируемых идеологическими организациями и органами правопорядка. Одним из таких очагов андеграундной культуры было кафе, расположенное в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана «Москва», но все, знавшие это место, называли его «Сайгоном». В настоящее время признается, что «Сайгон» – и еще несколько небольших кафе – были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, опре-

деливших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой. Приведу несколько реминисценций о сайгонной атмосфере людей, которые знали ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: «Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» — салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас — «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив — на расстоянии Литейного — официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы» [22]. Виктор Кривулин: «В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его — так было удобней. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком — и вспоминаю его лицо — он у меня на обыске был...» [23].

«Сайгон» открылся осенью 1964 года, и на протяжении последующих почти двух десятилетий оставался для молодежи центром инакомыслия.

Атмосфера «Сайгона» была близка и ряду ленинградских социологов следующего поколения, которые в 1970-х встречали там иных людей, но такое же резкое отторжение императивов и норм советского общества. По мнению Бориса Гребенщикова (писавшего о себе: «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...»), «наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров» [24]. Среди активистов этой группы он называет Елену Здравомыслову, плодо-

творно и многосторонне работающую сейчас в социологии. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы «Сайгона» и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством, общения ленинградских маргиналов, системным протестом против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. «Люди “Сайгона”, – пишет она, – создавали для себя гражданское общество. Они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует» [25].

Не только, что сказать, но как сказать

Философия – это любовь к мудрости, филология – любовь к слову, но поскольку слово и есть мысль, легко понять, что эти науки находятся в постоянном взаимодействии, в некоторых случаях – в прямом соприкосновении. Так, согласно М.Л. Гаспарову история философии – глубоко филологическая дисциплина [26].

Стремление к абстрактному, научному анализу природы этого диалога способно приносить человеку радость, но постоянное ощущение и переживание конфликта между этими науками во многом драматично. В отличие от многих других социологов, задумывающихся лишь о том, что сказать о социуме, Голофаст в равной мере был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. Когда я сказал ему, что объем написанных мною сюжетов по истории американской рекламы и изучению общественного мнения перевалил за миллион знаков, он ответил – «пиши романы» и затем: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии» (1 ноября 2004 г.). Мой ответ был: «Боюсь, что этот текст не сможет остаться маленьким.<...> Знаешь, как вода, пока мелко – трудно плыть, а на глубине вода держит... такой кайф... если море теплое... это я к тому, что пиши и высылай, я буду читать».

Сейчас, перечитывая последние короткие статьи Голофаста [14], я начинаю понимать, что именно к этому жанру он шел, пробивался, ибо только в нем он в принципе мог в полной мере выразить себя. Что означает «тянет на афоризмы»? По большому счету это указывает на то, что Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно иницируют со-творчество, со-размышления

читателя. Зачем ему нужна была такая форма? Потому что о многом хотелось сказать, хотя бы обозначить, наметить. То не была некая универсалия, вокруг которой все другое естественным образом группировалось бы, располагалось, то были суждения о многом, своего рода итоги тех циклов разговоров, начинавшихся с вводной – «меня интересует». Дмитрий Шалин, процитировав в своем эссе слова Голофаста о том, что его тянет на афоризмы, заметил: «По Тынянову, фрагмент и афоризм – жанр наиболее созвучный романтической школе. В Валерии никогда не умирал поэт-романтик, хотя его воображение опосредовано философской рефлексией» [20].

На мой рассказ о поиске фактов для моих исторических обобщений и новых гипотез Голофаст отреагировал следующей репликой (10 января 2004 г.): «Ты как ищейка, идущая по следу. Go, go, go...» Работая над этим текстом, мне тоже хотелось «поохотиться» и найти что-либо, позволяющее глубже понять истоки, мотивы работы Голофаста.

О. Божков в своих комментариях обращает внимание на дневниковые записи Голофаста 1960 года, посвященные Леониду Борисову: «“Маленький, сухонький, совершенно седой старичок с неожиданно громким, хотя и старческим уже голосом. Очень энергичный и горячий. Один из последних наших романтиков”. Борисов говорил о Паустовском, Ахматовой, Блоке, Скрябине, Эренбурге» [12].

Леонид Ильич Борисов (1897–1973) пережил многое. Было время, когда его не публиковали и приходилось зарабатывать на жизнь литературной поденщиной, но все же его миновали аресты и лагеря. Начинал он как поэт в 1916 году, сразу после окончания гимназии. Его первый роман «Ход конем» (1927 год) был высоко оценен Горьким [27]. В докладной записке о деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», послужившей их разгрому в 1946 году, отмечалось: «На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (№ 4, 5-6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии» [28]. Сам Борисов считал, что туча над его головой прошла мимо, так как его защитил Сталин, которому, – как кавказцу (слова Борисова) – эта повесть понравилась [29]. В коротких справках о творчестве Борисова отмечается, что начиная с 1940-х годов он много работал в области биографической прозы и писал преимущественно о жизни русских

и зарубежных писателей и композиторов (А. Грин, Ж. Верн, Р. Стивенсон, С.В. Рахманинов и др.).

Знакомство с биографиями ученых и писателей позволяет утверждать, что в их памяти годами, десятилетиями хранятся факты и наблюдения, интуитивно селективируемые и откладываемые в кладовые сознания. Через много лет каким-то непонятным образом все всплывает, осмысливается заново и вплетается в их творческую жизнь, нередко определяя ее наиболее существенные грани. Возможно, еще в 1960-е годы биографические романы, повести и эссе Борисова чем-то заинтересовали Голофаства, видевшего себя литератором. Но, отказавшись от планов профессионально заняться литературой, он отошел от биографической тематики.

Прошло два десятилетия, и изучение биографий стало для Голофаства одним из доминирующих направлений его социологических исследований. Было бы хорошо, если бы его коллеги, продолжающие эту работу, вспомнили обстоятельства рождения биографического проекта и назвали факторы, определившие его развитие. Однако в любом случае это будут внешние, «проговаривавшиеся» моменты, мне же представляется, что один из интимных, не манифестировавшихся Голофаством мотивов разработки этой тематики мог лежать в глубинах его сознания с далеких «досоциологических» времен как отклик на книги Борисова. Таким образом, ранний литературный опыт стал не только основой приверженности Голофаства к феноменологической социологии, но нашел отражение и в его биографических исследованиях.

В связи обсуждением моей работы над биографией Арчибальда Кроссли – одного из «отцов-основателей» опросов общественного мнения в США – и стремлением привести в ней письма его дочери, Голофаств заметил: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» (23 января 2004 г.). Не обратив внимания на два «пост» я сразу ответил: «Да, буду постмодернистом...». И здесь же – от Валерия: «...Пост – это уже давно не ново» (23 января 2004 г.).

Помня о совете Голофаства быть постпостмодернистом, я обозначу один сюжет, связывающий траектории развития литературы и социологии в СССР, о котором – вполне возможно – размышлял Голофаств, интересовавшийся историей. Речь пойдет об академике Георгии Федоровиче Александрове (1908–1961), с деятельностью которого иногда связывают, а при определенном развитии событий в стране могут связать крепче становление советской постхрущевской социологии.

Голофаст мог впервые услышать эту фамилию в разговорах с Борисовым.

Г.Ф. Александров, будучи многие годы начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), был одним из инициаторов – или активных участников – разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград», состоявшегося в 1946 году и надолго определившего особенности развития ленинградской (и советской) литературы. В 1949 году, когда он руководил Институтом философии АН СССР и принимал деятельное участие в проводившейся в стране борьбе с «безродными космополитами»; в центре его внимания были философия и наука в целом. Парадокс эпохи заключался в том, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом напрямую коснулась и самого Александрова. Его книга «История западноевропейской философии» (1946) была подвергнута, говоря словами того времени, критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, отсутствие должного напора в критике философских противников. С приходом к власти Н. Хрущева Александров в силу разных обстоятельств был снят с ряда высоких правительственных постов, отстранен от исполнения обязанностей депутата Верховного Совета и «отправлен в ссылку» – руководить сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белоруссии.

В 1955 году Александров начал читать в Белгосуниверситете спецкурс «История социологических учений», а в 1958-м в Минске вышла его книга «История социологии как науки» – это была стенограмма его лекций. Через год им были опубликованы еще две работы: «Очерк истории социальных идей в древней Индии» и «История социологических учений: Древний Восток». В каталоге Российской национальной библиотеки отражена и его более ранняя публикация (1948 год), имеющая отношение к социологии: это стенограмма его публичного выступления в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве – «Банкротство буржуазной социологии» [30].

Сюжет с деятельностью Александрова является продолжением обсуждения с Валерием некоторых аспектов развития современной советской социологии, которое, по сути, происходило на наших глазах; тогда он написал: (9 декабря 2003 г.): «Собственно, меня самого интересует, кто первый сказал «Да» и где: среди философов, в ЦК и пр.». Очевидно, что рассмотрение вопроса о генезисе постхрущевской социологии потребует прочтения и оценки многого, что дискутировалось в советской литературе и отражено в ряде официальных до-

кументов по поводу места социологии в системе советского обществоведения и роли тех или иных ученых в становлении этой науки. Более десяти лет назад Г. Батыгин и И. Девятко писали, что к 1956 году в Советском Союзе было, по крайней мере, два человека, активно работавших в области социологии [31]. Первым назывался Александров, вторым – Марк Петрович Баскин (1899–1964). В действительности здесь не все однозначно, и предстоит понять, создавали ли указанные книги Александрова предпосылки для начала теоретико-эмпирических исследований общества в СССР или то были работы в области идеологии или социальной философии. Во всяком случае, мне не припоминаются ссылки на указанные выше публикации Александрова в пионерных работах советских социологов первых поколений; не цитируются его книги и в «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады.

Мои обсуждения со А.Здравомысловым и В. Шляпентохом позволяют предположить, что труды Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил И. Кон, недавно написавший мне: «...никакого интеллектуального содержания в его [Александрова] книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал» [32].

Дважды Голофасту пришлось пережить серьезные неприятности в связи с жесткой идеологической критикой его работ. Первый раз, когда руководством Института социально-экономических проблем АН СССР была приостановлена его соавторская работа над книгой «Семья в крупном городе», хотя уже осуществлялась вычитка корректуры [33], [34]. Второй – когда профессором Б.Д.Парыгиным необоснованно были раскритикованы его материалы, подготовленные для книги трудов одного из советско-венгерских семинаров в Ленинграде. Итог был тем же, сборник не увидел света. Сегодня я думаю, что во всем этом Голофаст мог видеть элементы борьбы с космополитизмом, что безусловно обсуждалось в «сайгонной среде». Ведь в основном предъявлявшиеся ему обвинения сводились к низкому идейно-теоретическому уровню, недооценке своеобразия развития советского общества, к увлечению западными концепциями.

Подытоживая воспоминания о Голофасте как начинавшем поэте, Кузьминский писал: «...но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит – за многих...» [16]. К сожалению, эти слова относятся и к тому, что происходило в жизни Голофаста-социолога.

* * *

В настоящем очерке были намечены общие методологические подходы к изучению биографий и сопряжению биографического с историческим, о которых многие годы размышлял Голофаст и которые мы пытались обсуждать с ним в нашей переписке «сразу обо всем». Наша электронная беседа прервалась более трех лет назад, когда я только приступал к обобщению материалов по истории становления исследований общественного мнения в США [35] и когда были закончены первые биографические интервью с российскими социологами. Я не могу сказать, что в моей последующей работе я пользовался какими-либо специальными, профессиональными советами Валерия; кто помнит его, понимает, что он таких советов и не давал. Но мне ясно и то, что многое в моем видении природы историко-научных поисков, в которых изучение биографий творческих людей является центральным элементом и цементирующим составом, навеяно реальным и мысленным диалогом с Голофастом.

На следующий день после смерти Геннадия Батыгина Голофаст написал: «В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... <...> только два дня назад я прочел 4 номер за прошлый год, который Гена прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение – вокруг много незнакомых людей» (2 июня 2003 г.).

«Не может быть» – говорил и я себе, когда получил от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Написанный мною некролог завершался словами: «Я посмотрел мои публикации последних лет... чаще всего я благополучно в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит, и все остальное будет серее...» [36]. Так оно и оказалось...

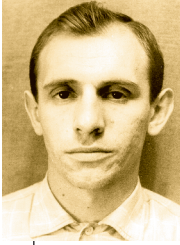
Литература

1. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82 <http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>.
2. “Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...” (Интервью Е. Петренко Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. №2. С. 79-95 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0702-079-095.pdf>>.
3. “Мы формировались во времена отрицания” (Интервью М. Гарусина Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. №7. С. 55-79 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0707-055-079.pdf>>.

4. “У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти” (Интервью Франца Шереги Борису Докторову) // Социальная реальность. 2007. №9. С. 65-83 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0709-065-083.pdf>>.
5. “Советские социологи лучше американцев в организации опросов” (Интервью В. Шляпентоха Б. Докторову) // Социальная реальность. 2006. №12. С. 67-81 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0612-067-077.pdf>>.
6. Проект “Международная биографическая инициатива” <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
7. Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
8. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.
9. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
10. *Докторов Б., Ядов В.* Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. (В печати).
11. Электронное письмо Г.Б. Голофаства Б.З. Докторову от 10 января 2008 г.
12. *Божков О.* Эскиз портрета друга <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriain/golofast_bozhkov.html>.
13. *Голофаст В.Б.* Проблемы изменения семьи в современной американской социологии. (Критический анализ). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: АН СССР; Институт философии, 1972.
14. *Голофаст В.* Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
15. *Травин И.И.* «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 9. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203611700419046file.pdf>
16. *Голофаст В.* У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>.
17. *Божков О.Б.* Разнообразие интеллектуальной биографии // Право на имя. Биография вне шаблона. СПб.: НИПЦ «Мемориал», 2006. С. 146–156.
18. Константин Кузьминский: Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm>.
19. *Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru/country/2003/07/25/621950.html>>.
20. *Шалин Д. Н.* Галина Саганенко и Валерий Голофаст:
21. Гарвардское интервью // // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html>.
22. *Ядов В.А.* Валерий не скупился на разбрасывание идей <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>
23. *Пономарев И.* Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>.
24. Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>.

25. Гребенщиков Б. Сайгон. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>.
26. Здравомыслова Е. Кафе «Сайгон» как общественное место. <http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf>.
27. Гаспаров М.Л. Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–102 <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>.
28. Борисов Леонид Ильич <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>.
29. Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 7 августа 1946 г. <http://www.sovlit.ru/articles/zapiska_zhdanovu_1946.html>.
30. Давыдов А. Писатель Леонид Борисов // Нева. 2003. № 11 <<http://magazines.russ.ru/neva/2003/11/davydov.html>>.
31. Александров Г.Ф. Банкротство буржуазной социологии / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1948.
32. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы): Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
33. Электронное письмо И. Кона Б. Доктору от 3 марта 2008 г.
34. Божков О., Протасенко Т. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 6. С. 2–13.
35. Докторов Б. Как это было – 2. Анатомия закрытия // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 6. С. 14–16.
36. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
37. Докторов Б. Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm>.

Капелюш Яков Самуилович (1937–1990) – советский социолог, кандидат философских наук, один из первых советских исследователей общественного мнения, пионер в области изучения выборности на производстве, внес решающий вклад в создание первой в СССР региональной сети для проведения опросов общественного мнения.

Тираж его единственной авторской книги – *Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М., 1969* – был почти полностью уничтожен. Также трудно доступна в силу небольшого тиража книга: *Капелюш Я.С. Сазонов В.В., Федотова Л.Н. Учреждение культуры в небольшом городе и население: социально-демографическое исследование. М., 1985.*

ЯКОВ КАПЕЛЮШ. ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СТРАНЕ НАЧИНАЛАСЬ С ТАКИХ ЛЮДЕЙ

С Яковом Самуиловичем Капелюшем (1937–1990) я познакомился в Ленинграде в первой половине 1980-х на одной из социологических конференций; на рубеже 1980–1990-х мы несколько лет работали вместе во ВЦИОМе. Наше личное знакомство продолжалось недолго, но оно было товарищеским, даже дружескими.

Моему рассказу⁸ о судьбе книги Капелюша я предпошлю короткие фрагменты из воспоминаний о нем, написанных людьми, знавшими его многие годы и наблюдавшие его в разные моменты жизни.

Страницы биографии

Под руководством Б. А. Грушина Капелюш входил в социологию,

⁸ Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. №2. С. 15–19.

писал кандидатское исследование и провел множество опросов общественного мнения. Тогда, по словам Грушина, изучение мнений людей было не просто профессией. Нужно было иметь беспредельную преданность делу (иногда на уровне жертвенности), готовность выполнить любую нужную для общего дела работу, гражданскую принципиальность и высокое мужество. Капелюш всеми этими качествами обладал. Он был прирожденным эмпириком, как никто, знал все до тонкостей и умел абсолютно все. И в то же время он был одним из основных «перьев» научного коллектива.

История с защитой Капелюшем его кандидатской диссертации «Проблема выборности руководителей производства» – это история долгих мытарств и злоключений. Диссертация была написана в 1968 году, а защита состоялась лишь пять лет спустя. Но еще долго текст, как и текст уничтоженной по прямому указанию тогдашнего секретаря МГК КПСС по пропаганде В.Н. Ягодкина его книги «Общественное мнение о выборности на производстве», поминался партийными деятелями Института социологии в качестве «идейно и теоретически ошибочного».

После закрытия ИОМ «Комсомольской правды» Капелюш лично вынес из более чем строго охраняемого здания редакционно-издательского комбината «Правда» три с лишним тысячи полевых документов, относившихся к опросу «Комсомольцы о комсомоле», – около двух мешков. Эта детективная история стала известной тогда, она повлекла бы за собою исключение из партии, что в те времена означало бы конец его научной и организационной деятельности по изучению общественного мнения.

Воспоминания И.А.Пригожина охватывают студенческие годы Капелюша и показывают его человеком мужественным, честным и со всею ответственностью подходившему к вопросам изучения общества. На философский факультет Московского университета Капелюш поступил, отслужив в армии, где он отличился в ракетной атаке на американского пилота-разведчика Пауэрса. Он уже был членом КПСС, убежденным и деятельным. В университете тогда ещё не было ни психологического факультета, ни тем более социологического, да и само слово «социология» тогда употреблялось только в сопровождении эпитета «буржуазная». Если кто-нибудь хотел сочетать это слово с марксизмом, то приходилось применять единственную формулу «марксистская социология – исторический материализм».

Семья у Капелюши была, что называется, из рабочих. Его мама была мастером или бригадиром на стройке, а отец был

бухгалтером на каком-то заводе. Поэтому большого семейного образования он получить не мог. На курсе он сразу проявил себя как человек с сильным характером и немалым жизненным опытом, и был быстро и едва ли не навсегда избран парторгом курса. Его бескомпромиссность и прямолинейность делала его имя почти легендарным. Однажды, рассказывал Пригожин, к Капелюшу подошла их сокурсница, которая жила в общежитии. Один из чиновников деканата провёл с ней воспитательную беседу о том, что хорошо бы ей сообщать ему о высказываниях и настроениях в студенческой среде. Она была шокирована таким заданием и пришла к всеобщему авторитету Капелюшу за советом. Он тут же отправился в деканат и в большом переполненном людьми кабинете громко и отчетливо спросил у этого чиновника: верно ли, что он требовал от их сокурсницы, доносить на своих товарищей? Тот в страшном испуге принялся было увещевать столь принципиального коммуниста: «Что ты, что ты! Пойдем выйдем! Сейчас поговорим». Но Капелюш настаивал: «Нет, мне нечего скрывать, давайте поговорим при всех». Образ Капелюша был настолько органичный и целостный, что такой поступок с его стороны воспринимался как нечто совершенно естественное.

Классическая философия давалась Капелюшу с трудом и большого интереса не вызывала. А вот прикладные социальные теории занимали его очень сильно. Подобно многим студентам-философам того времени он был стихийным коммунистом и разделял идеалы всеобщей и повсеместной демократии и централизованного планирования. И это во многом объясняет, почему главной научной темой Капелюша всю жизнь была выборность руководителей. Выборность для него была не столько наукой, сколько идеологией, и воспринимал он эту тему не столько как научную, сколько как идеологическую, политическую.

Из всех дисциплин, преподававшихся на философском факультете, Капелюш избрал социологию, прежде всего потому, что она была ближе к реальной жизни, позволяла ему максимально проявить свою энергию и гражданскую позицию. Кроме этой идеологии у него было редчайшее трудолюбие и жёсткая честность в работе. Он был настолько добросовестным, обязательным, аккуратным в своих исследованиях и в трудовой этике, что рядом с ним просто дискомфортно было многим из тех, кто считал работу в академических институтах синекурой.

Рассказ о книге, которой нет

Небольшая книга Я.С. Капелюша «Общественное мнение о выборности на производстве» [1 с. 34] была опубликована 35 лет назад – время достаточное, чтобы в профессиональном сообществе могло сложиться к ней определенное отношение. Но этого не произошло в силу простой причины: фактически книги нет. Как отмечает в своих воспоминаниях Грушин, ее тираж был почти полностью уничтожен. Потому совсем немногие исследователи в наше время могут взять книгу с полки, прочесть ее и задуматься, в какой мере была верна авторская методология, работоспособной ли была измерительная технология, обоснованы ли выводы, каково их значение для науки. Так случилось, что у меня эта книга есть. Насколько я помню, более четверти века назад мне передала ее Вера Николаевна Каюрова (1928–1984), многие годы проработавшая в коллективе В.А. Ядова. Тогда я ничего не знал о судьбе этой книги, но по роду деятельности меня интересовали методолого-методические вопросы исследования общественного мнения.

Однако сегодня, зная, что произошло с этой книгой, я понимаю необходимость рассказать о ее содержании. Прежде всего, это важно потому, что работа Капелюша, выполненная под руководством Грушина, была первым теоретико-эмпирическим изучением отношения советских людей к производственной демократии. Таким образом, история российской социологии должна включать эту книгу; любой обстоятельный обзор прошлого нашей науки, тем более – анализ становления в стране исследований общественного мнения, не будут полными без, по крайней мере, упоминания этой пионерной работы Капелюша.

Но было бы неверно видеть в том далеком опросе общественного мнения лишь нечто, имевшее отношение сугубо к выборности на производстве. Создаваемая в последние годы Грушиным методология вторичного анализа эмпирической информации, собранной много десятилетий назад, возможности которой, в частности, иллюстрируются материалами обсуждаемого опроса, позволяет сформулировать выводы о важнейших аспектах общественного сознания населения СССР, имеющие общее социокультурное и историко-политическое значение. Без углубленного анализа того, «что было», нельзя многого объяснить в том, «что есть» и «как будет».

Наконец, обращение к книге позволяет получить дополнительную информацию о развитии методики изучения общественного мнения в СССР. Для науки и ее истории не без-

различно, какие методы сбора данных и выборочные приемы использовались советскими социологами в конце 1960-х годов. Принципиально и то, кем они использовались.

Импульс к исследованию общественного мнения о выборности на производстве был дан публикацией «Комсомольской правды» 24 сентября 1966 года, озаглавленной «Кому быть прорабом?» В ней рассказывалось о том, что в одном из строительных управлений Красноярска рабочие выбрали старшего прораба. Таким образом, прораб получил полномочия не от руководства, а от своих подчиненных. Материал привлек широкое внимание читателей, возникла дискуссия о сути этого эксперимента, о возможностях и последствиях его расширения.

Опрос проводился в январе 1967 года на основе стратифицированной непропорциональной выборки среди групп населения, непосредственно связанных с проблемой выборности на производстве, т.е. тех, чье мнение могло представлять общественный интерес.

Наиболее значительной по объему была выборка рабочих промышленных предприятий и строительства (363 человека). Кроме того в выборке была заметная группа «рабочей аристократии»: 71 рабочий-депутат Верховного Совета СССР и 34 рабочих, являвшихся депутатами городских Советов. Следующие пять групп включали: инженеров и техников, не имевших непосредственных подчиненных, младших командиров производства (бригадиров, мастеров, прорабов), старших руководителей производства (начальников цехов, директоров) и руководителей общественных (партийных, комсомольских и профсоюзных) организаций. Было опрошено также почти сто журналистов и ученых, среди которых были экономисты, философы и социологи. Таким образом, выборкой были охвачены представители важнейших групп, мнение которых по проблемам выборности на производстве могло расцениваться как компетентное.

Анкетирование рабочих, рядовых специалистов и младших командиров производства проходило на 12 предприятиях восьми городов Союза. Инструкция анкетеру объясняла правила отбора респондентов и рекомендовала отдавать анкету опрашиваемому для ее заполнения дома. Таким образом было опрошено 900 человек.

Остальные группы опрашивались по почте; было разослано 1200 анкет, получено – 400. Для повышения уровня возврата использовалось почтовое напоминание.

Был найден и использован удачный, эффективный прием введения респондента в тематику опроса: серии вопросов ан-

кеты был предпослан текст названной выше статьи из «Комсомолки». Рассказ о выборах на должность старшего прораба был сбалансированным: автор корреспонденции не высказывал своего суждения по поводу выборов, приводились лишь мнения работников строительного управления. В равной степени назывались аргументы «за» и «против». Оригинальность конструкции анкеты заключалась в том, что формулировки вопросов постоянно возвращали респондентов к прочитанному ими тексту статьи.

Предметное поле опроса очерчивалось 12 вопросами анкеты.

Первый полуоткрытый вопрос затрагивал проблему целесообразности выборов на производстве. Свое позитивное или негативное отношение к выборам респондент мог объяснить, прокомментировать.

Следующие три вопроса предлагали опрашиваемому серию аргументов, высказанных участниками реальных выборов, в пользу или против подобного решения кадровой проблемы. Респондент мог согласиться или не согласиться с этими суждениями и обосновать свою реакцию.

Следующие три вопроса, два из которых были открытыми, предлагали респондентам высказать свое мнение о механизмах формирования конкурсных комиссий.

Затем респондента просили оценить («одобряю», «одобряю частично», «не одобряю») сам эксперимент по выборам прораба.

Завершающие четыре вопроса были связаны с изучением реакций читателей «Комсомольской правды» на публикацию об эксперименте с выборами прораба; это была попытка измерить общественный резонанс на выступление газеты.

Информация о респонденте включала данные о его возрасте, поле, образовании, партийности, профессии или должности, стаже работы по профессии.

В книге приводится 31 двумерная таблица, где суждения респондентов соотносятся с принадлежностью последних к семи указанным выше профессиональным группам. Наличие в анкете открытых и полуоткрытых вопросов позволило выявить широкий спектр аргументации респондентами их позиций. В книге приводятся и анализируются многие из таких развернутых ответов.

В целом четыре десятилетия назад выборность на производстве приветствовалась. Подавляющее большинство представителей компетентных групп работников промышленных и строительных организаций считало целесообразным проведение выборов на некоторые руководящие должности на производстве. Среди рабочих и рядовых инженеров и техников подобную точку зрения разделяли восемь-девять человек из

десяти. Близки к ним (81%) были ученые и журналисты, а также руководители общественных организаций (77%). Заметно иную позицию занимали младшие и старшие руководители; среди первых две трети (66%) полагали выборность целесообразной, среди вторых – лишь половина (52%).

От 60% до 80% представителей опрошенных профессиональных групп высказывались за выборы непосредственных организаторов производства: мастеров, старших мастеров, прорабов, начальников участков. При этом заметная доля респондентов считала важным сделать выборными все управленческие должности, от бригадиров до директоров и министров. В наибольшей степени эта точка зрения была распространена среди инженеров, старших командиров производства, а также ученых и журналистов (в трех этих группах – 9%), в других группах этот показатель варьировал в интервале от трех до шести процентов.

Сложнее было с проблемой конкурсности выборов; оказалось, что «опрошенные... проводят довольно четкое различие между конкурсами младших и старших командиров производства. Конкурс младших должностей для них ближе к назначению, нежели к выборности. Творческая роль коллектива в таком конкурсе остается невысокой. ...Конкурс же старших командиров в представлении опрошенных – ближе к выборности» [1 с. 34].

Отношение сторонников и противников выборности в значительной мере определялось их пониманием роли производственного коллектива. Те, кто считал несправедливым неподотчетность руководителя коллективу, видел целесообразность выборов руководителей. Наоборот, считавшие нормальным слабую зависимость руководителя от позиции коллектива менее решительно выступали за то, чтобы выбирать свое начальство.

В среднем для рассматриваемых групп респондентов треть из тех, кто считал выборы целесообразными, объясняли свою позицию тем, что «низы» оценивают кандидатов объективно и потому выборы обеспечат улучшение состава руководителей. Вторым важнейшим мотивом поддержки института выборности было понимание того, что в этом случае усиливается ответственность руководителей за порученное дело. Так думала примерно четверть опрошенных.

Несколько неожиданными были мнения людей о соотношении выборности и единоначалия. Большинство во всех группах (от 43% до 75%) за исключением старших командиров производства полагало, что выборность не ослабит, но даже усилит единоначалие. В этой «исключительной» группе четве-

ро из каждых десяти видели в выборности угрозу единоначалию и трое – считали, что авторитет выборного руководителя усилит единоначалие.

Анализ ответов на открытые вопросы выявил, что в целом в пользу выборности было высказано 2042 суждения, против – более чем три раза меньше – 689. Сторонники выборов чаще всего отмечали, что выборность: создает действительные предпосылки для отчетности руководителей перед рабочими, усиливает контроль «снизу» (311 суждений); обеспечивает лучший состав руководителей (288 суждений) и повышает ответственность руководителей за порученное дело (161 суждений). Двумя наиболее часто выдвигавшимися доводами против выборности были: «рабочий коллектив уже сейчас, без всякой выборности имеет достаточно форм контроля за деятельностью руководителей производства» (101 суждений) и «выборность невозможна, так как на предприятиях нет еще достаточного количества квалифицированных специалистов» (66 суждений).

С позиций нормальной, не замутненной идеологическими предубеждениями логики выводы исследования Капелюша могли иметь серьезное значение для деятельности различных структур, ответственных за поиски механизмов улучшения системы управления на производстве и активизации участия работников в делах производственного коллектива. Ничего подобного не произошло. Наоборот, тему закрыли, и было сделано все, чтобы ничего не напоминало о состоявшемся исследовании. Грушин вспоминает: «Однако главные доказательства неприятия официальными структурами обсуждаемого общественного мнения обнаружили себя ...когда высшие партийные, профсоюзные и комсомольские органы признали результаты опроса ошибочными и когда начатые в 1968 г. против Я.С. Капелюша гонения едва не привели к его исключению из партии, стало быть, к концу его самозабвенной научной и организационной деятельности на ниве изучения общественного мнения» [2, с. 303].

Лишь в 1988 году, через два десятилетия после первого зондажа общественного мнения о выборности на производстве, Грушин и Капелюш смогли провести еще один опрос на эту тему. Во-первых, это был ответ на требования нового времени; в конце 1980-х годов на многих предприятиях проходили выборы хозяйственных руководителей, и эта тема активно обсуждалась в обществе. Во-вторых, есть все основания говорить о том, что авторы описаного выше исследования выборности на производстве воспользовались первой же возможностью, чтобы вернуться к изучению проблемы, волновавшей их два десятилетия.

7 декабря 1987 года был образован ВЦИОМ, директором которого стала Т.И. Заславская, а ее заместителем – Грушин. Капелюш возглавлял отдел по сбору первичной информации. В январе 1989 года вышел в свет первый выпуск «Информационного бюллетеня» ВЦИОМ. Он открывался обращением к читателям и небольшой вводной статьей Заславской, где говорилось о начале деятельности Центра и о цели нового издания. Далее следовала статья Капелюша о результатах опроса, проведенного в апреле 1988 года: изучалось мнение различных групп работающего населения о выборности хозяйственных руководителей [1 с. 10–27]. Это был один из первых опросов ВЦИОМа.

Тираж книги Капелюша о выборности на производстве был 980 экземпляров, сколько из них не было уничтожено и сохранилось до настоящего времени, трудно сказать. Первый выпуск «Информационного бюллетеня» ВЦИОМ имел тираж 300 экземпляров; в силу малости тиража этого внутреннего издания бюллетень сразу оказался труднодоступным, а сейчас, по прошествии полутора десятков лет, превратился в раритет. Я получил брошюру, поскольку в то время работал во ВЦИОМе; к счастью, она сохранилась в моей библиотеке. Я не уверен, что эта публикация есть даже в ведущих библиотеках страны, поэтому будет оправданным краткий пересказ ее содержания и выводов.

Опрос проводился на предприятиях Москвы, Новосибирска и Перми, где состоялись выборы директоров или других руководителей (6 предприятий в Москве, 5 в Новосибирске и 3 в Перми). По своей структуре выборка напоминала ту, что использовалась в первом опросе: рабочие, рядовые специалисты, младшие и старшие командиры производства и профсоюзные активисты; объем выборки – 1400 человек, респонденты интервьюировались дома.

От 40 до 50 процентов представителей каждой группы полагало, что практика выборности отвечала требованиям времени. Наиболее оптимистичными были рабочие, наиболее пессимистичными – старшие командиры производства. Негативные последствия выборов предвидело 20–25 процентов рабочих и специалистов, а также около трети опрошенных руководителей. При этом семь-восемь человек из каждых десяти во всех изучавшихся группах не исключали превращения выборов в «спектакль», их подмены «игрой в демократию».

От 65 до 76 процентов представителей каждой группы высказывались за проведение выборов на конкурсной основе; главная роль в организации выборов отводилась Советам трудового коллектива.

Примерно три четверти респондентов придерживались той точки зрения, что «практика выборности хозяйственных руководителей приведет к серьезным положительным изменениям», 10% – не соглашалось с этим суждением (опять же наиболее критичны были старшие командиры производства) и 15% – не имели определенного мнения.

Суммируя результаты опроса, Капелюш писал: «В целом общественное мнение весьма одобрительно относится к выборности хозяйственных руководителей. ..В первую очередь это вызвано тем, что именно с выборностью оно связывает большие надежды на серьезные положительные изменения на производстве» [2 с. 14].

Еще полтора десятилетия спустя: материалы Капелюша и «голография» Грушина

Через два года после проведения второго опроса по проблемам производственной демократии Якова Капелюша не стало. Не знаю, планировал ли он продолжать разработку этой темы, но ясно, что материалы, имевшиеся в распоряжении профессионального тандема Грушин-Капелюш, давали почву не только для продолжения исследований выборности, но и для формулирования серьезных выводов о состоянии общественного сознания населения СССР и путях развития демократии в стране.

Последнее – не есть лишь суждение общего науковедческого плана, вытекающее из понимания возможностей, присущих вторичному анализу информации; оно опирается на знакомство с содержанием новой крупной публикации Б.А. Грушина [2]. Сохранившаяся информация позволила ему, инициатору и соавтору проведенных опросов, заглянуть в прошлое, отстоящее почти на четыре десятилетия, и прочесть его с учетом всего произошедшего в стране и в нем самом. Безусловно, это уникальный для российской социологии случай и скорее всего редкий – для мировой практики социального познания.

Современное прочтение материалов сорокалетней давности позволяет Грушину формулировать интересные выводы историко-политической направленности. Прежде всего, статистика мнений относительно целесообразности выборов на производстве, важнейшей составляющей механизма управления народным хозяйством, указывала на существование в советском/российском обществе глубинной трещины между населением и властью. Зафиксированное напряжение тогда было, полагает Грушин, скорее всего еще скрыто от глаз ос-

новых действующих лиц и лишь многие годы спустя адекватно интерпретировано социальной наукой. Обнаруженная оппозиция мнений работников и управленцев в 1967 году не содержала никакой реальной угрозы для общества, подобная «вещь в себе» могла превратиться в «вещь для других» лишь в процессе гражданского возмужания масс. Этот процесс потребовал двух десятилетий и вошел в историю СССР/России под именем перестройки. В середине 1960-х общество, по мнению Грушина, не было готово к переменам, на которые замахивались инициаторы широкомасштабной хозяйственной реформы.

Если бы выявленный Грушиным и Капелюшем «тихий протест управляемых» был в брежневские времена понят и верно оценен, то, считает Грушин, его можно было бы спокойно и многими способами «разрулить» в интересах общества. Однако ничего сделано не было, потому напряжение по линии «население–власть» получило дальнейшее развитие, итогом которого стали события второй половины 1980-х годов [2, с. 310].

* * *

Завершить этот материал мне хотелось бы не выводами научно-исторического характера, но фрагментом из воспоминаний Сергея Чеснокова [3, с. 80.], работавшего в грушинской команде. В этой истории просматривается многое в характере, личности Капелюша, и потому ее нельзя не упомянуть:

«Яша Капелюш. В середине семидесятых он меня от смерти спас. Я было уже утонул в бассейне «Москва». Где сейчас храм. На шестиметровой глубине лежал без сознания и ногами дергал. Он вытаскил меня».

Литература

1. *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969. С. 34.
2. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 303.
3. *Чесноков С.В.* «Мне интересен человек как человек...» // Социологический журнал. 2001. №2. С. 80.

Батыгин Геннадий Семенович (1951–2003) - советский/русский социолог, доктор философских наук, профессор, его важнейшие работы касаются методологии и истории социологии. Им многое сделано в области подготовки социологических кадров в стране. Как редактор двух социологических журналов он активно содействовал становлению современного социологического дискурса.

Г.С. Батыгиным опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986; Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований.

Учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., М., 2007; Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / Отв. редактор и автор предисловия Г.С. Батыгин. СПб., 1999; Социальные науки в постсоветской России / Отв. ред. Г.С. Батыгин. М., 2005; Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии: (учебник). М., 2007.

Материалы о жизни и творчестве Г.С. Батыгина: Институт социологии РАН проведено пять семинаров памяти Г.С. Батыгина. Итоги семинаров отражены в сб.: Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007–2009 / Отв. ред. Л.А. Козлова. М., 2010.

Г.С. БАТЫГИН И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ/ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ⁹

В этом году исполнилось 60 лет со дня рождения Г.С. Батыгина (1951–2003). Он прожил короткую жизнь, но внес заметный вклад в советскую/русскую социологию. Батыгин занимался общими вопросами теории и методологии социологии, историей отечественной науки, природой «жестких» и «мягких» методов. В течение многих лет он играл ключевые роли в редакционной политике журнала «Социологические исследования», а позже создал «Социологический журнал». Под его редакцией вышли переводы ряда книг. Он многие годы серьезно занимался преподаванием социологии, под его руководством защищено около трех десятков кандидатских диссертаций. Придавая большое значение стилю социологических текстов, Батыгин определил некоторые черты языка современной российской социологии.

⁹ Социологический журнал. 2011. №1. С. 114–128.

В статье продолжается изучение биографии Батыгина [1] и впервые обсуждаются вопросы, относящиеся к природе названного поколения отечественных социологов. Ранее биографии представителей четвертого поколения советских/российских социологов не были объектами направленных историко-научно-исследовательских исследований.

Изучение биографии: личностное и поколенческое

Одно из главных направлений моих исследований по истории отечественной постхрущевской социологии связано со становлением поколений внутри сообщества советских/российских социологов. Рассмотрение этой темы позволяет изучить процесс формирования нашего профессионального цеха, особенности различных возрастных когорт, специфику меж- и внутрипоколенной коммуникации, подойти к выявлению функций различных поколений в нашей науке. Информационной основой для конструирования лестницы поколений советских/российских социологов и разработки методологии поколенческого анализа этого профессионального образования является архив биографий ученых, причастных к созданию современной социологии.

Во второй половине 1990-х начало созданию этого архива было положено Г.С. Батыгиным и его коллегами [2], а также рядом других исследователей. Значительную часть биографического архива составляют проведенные мною интервью по электронной почте.

Говоря о методологии изучения поколений, укажу на два взаимодополняющих подхода, которые назову макро- и соответственно, микроподходом. Объектом макроизучения является вся совокупность поколений, а предметом — атрибуты отдельных когорт и всей их совокупности. Микроизучение фокусируется на анализе жизненных траекторий отдельных ученых. Другими словами: макроподход — это создание «групповой фотографии», на который различим каждый герой, но главная цель «портрета» — создать образ сообщества в целом. Микроподход — это портретирование отдельного человека, «выхваченного» из групповой фотографии.

Ниже будут представлены временные границы выделенных поколений, сейчас же отмечу, что изучение жизни и творчества отдельного социолога, при всей значимости подобного рода работы, становится частью исторического исследования, только если оно помещено в более широкий контекст развития социологии, и в частности — в пространство становления поколения, к которому принадлежит этот социолог; именно в этом проявляется единство макро- и

микровидения поколенческой проблематики¹⁰. В такого рода анализе существует множество проблем науковедческого, информационного, этического характера, однако его осуществление отчасти упрощается благодаря тому, что перечисленные поколения давно сложились и место, роли многих его представителей в становлении российской социологии в целом определены.

Четвертое поколение работает уже давно, его представителями внесен заметный вклад в развитие постперестроечной социологии, тем не менее в историко-науковедческом плане эта профессиональная когорта абсолютно не изучена. Не выявлены особенности ее формирования, теоретическое, объектно-предметное и методическое пространство исследований, проводимых этой группой, понимание ею генезиса постхрущевской социологии, отношение к наследию доперестроечного периода и так далее.

Рассмотрение биографии и постбиографии Батыгина дает серьезное основание для обсуждения личного и поколенческого применительно к четвертому поколению. С одной стороны, сделанное им признание и высоко оценивалось при его жизни и не потеряло своего значения в настоящее время; этот факт делает обоснованным направленное изучение его жизни, творчества и наследия. С другой стороны, наличие биографий еще тринадцати представителей этого поколения позволяет при изучении жизненной траектории Батыгина не ограничиваться личностным, но обратиться к поколенческому.

Четвертое поколение в постхрущевской российской социологии

Поколение социологов — это достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических, социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Поколенческое стратифицирование социологического сообщества трактуется как построение типологии, в определенные секции которой по заданным правилам может быть занесен каждый, кто в СССР/России занимался, занимается

---

¹⁰ За прошедшие годы мною написаны статьи и заметки о социологах первого поколения (Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, В.А. Левада, и В.А. Ядов), второго (А.Н. Алексеев, Б.М. Фирсов) и третьего (В.Б. Голофаст, Я.С. Капелюш, Г.И. Саганенко и Г.В. Старовойтова), в которых явно и неявно реализуется установка на соединение личностного и поколенческого.

и будет заниматься в ближайшем будущем социологическими проблемами. В таком случае совокупность *всех* поколений — это идеальная конструкция, которая в историко-наукоеведческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием, возрастных страт этого профессионального цеха.

Согласно предложенному мною алгоритму поколенческой стратификации в настоящее время в российской социологии работает шесть поколений, и постепенно начинает работать седьмое. Каждое из них формируется в течение 12 лет, таким образом, новая ступень лестницы поколений образуется автоматически. Это — следующее двенадцатилетие.

Так, четвертое поколение — рожденные в 1947–1958 гг., оно относится к первому послевоенному поколению советских людей. Все социологи, представленные в таблице 1, принадлежат к этому поколению. Для удобства анализа они объединены в три страты: старшая часть, центральная и младшая.

Интервью с Батыгиным было проведено Н.Я. Мазлумяновой 23 января 2002 года, за месяц до того, как ему исполнился 51 год и за полтора года до его внезапной смерти. По сути, это рассказ Батыгина обо всей прожитой им жизни [3].

Беседы с другими социологами, имена которых представлены в таблице, были проведены мною в 2007–2011 гг. и почти все опубликованы. Среди этих 13 социологов: пять женщин, восемь мужчин; двое не имеют научных степеней, четверо — кандидаты наук и семеро — доктора наук. Пятеро — философы по базовому образованию, трое — психологи, по два историка и филолога и один компьютерщик. Лишь шесть человек родились в мегаполисах — Москве и Петербурге, остальные — в средних и небольших городах.

На момент опроса шестеро жили в Москве, пятеро — в Петербурге и по одному человеку в Иванове и Тюмени. Четыре человека работали в академических социологических институтах, четверо — в государственных и независимых вузах, еще четверо — в независимых аналитических организациях и один являлся независимым исследователем. Четверо имели многолетний опыт издания (редактирования) социологических журналов.

Годы вхождения в социологию специалистов, представленных в таблице 1, заключены в достаточно широком интервале. В первой половине 1970-х — четверо, во второй половине 1970-х — начале 1980-х — шестеро и четверо — во второй половине 1980-х. Двое — из семей социологов первого поколения. У большинства по крайней мере один из родителей имел высшее образование. Четверо мужчин прошли военную службу до обучения в университете или после.

Более половины всех опрошенных окончили школу с серебряной или золотой медалью, университеты — с красным дипломом.

Таблица 1

**Социологи четвертого поколения,
с которыми были проведены интервью**

ФИО	Годы прихода в социологию	Годы защиты канд./докт. дис.
<i>Старшая часть поколения: 1947–1950 гг. рождения</i>		
Бачинин Владислав Аркадьевич	конец 1980-х	1980/1991
Ильин Владимир Иванович	конец 1980-х	1980/2000
Семенова Виктория Владимировна	первая половина 1970-х	1981/2000
<i>Центральная часть поколения: 1951–1954 гг. рождения</i>		
Батыгин Геннадий Семенович	1974	1977/1987
Давыдов Андрей Александрович	начало 1980-х	1989/1996
Здравомыслова Елена Андреевна	начало 1970-х	1997
Илле Михаил Евгеньевич	1976	без степ.
Мягков Александр Юрьевич	конец 1970-х	1984/2003
Ослон Александр Анатольевич	1970–1980-е	1984
Чирикова Алла Евгеньевна	конец 1980-х	1978/2003
<i>Младшая часть поколения: 1955–1958 гг. рождения</i>		
Беспалова Юлия Михайловна	середина 1980-х	1984/1999
Козлова Лариса Алексеевна	1973	1989
Тарусин Михаил Аскольдович	начало 1980-х	без степ.
Ядов Николай Владимирович	начало 1980-х	1989

Отсутствие данных о составе всего сообщества советских/российских социологов, в том числе информации о социологах, рожденных в 1947–1958 гг., не позволяет говорить о степени соответствия статистики, описывающей этих 13 респондентов, параметрам (гипотетической) генеральной совокупности. Однако цели настоящего исследования не требуют формирования обширной репрезентативной выборки. Преобладание среди опрошенных специалистов с научными степенями и учеными званиями, авторов значительного числа статей и монографий позволяет рассматривать (пусть в первом приближении) эту группу как отражающую состав активно и успешно работающих социологов четвертого поколения. Также весом их совокупный опыт проведения прикладных социологических исследований, общения с западными учеными и издания социологических журналов.

Выбор профессии

По жизни Батыгин — человек, сделавший себя сам, а в профессии в ядовском смысле — самоучка, человек, которого социологии никто не учил [4]. Свой рассказ о прожитом он суммирует так: «Вряд ли я смогу припомнить какие-нибудь экстраординарные обстоятельства, повлиявшие на выбор мною сначала философского образования, а затем профессии социолога. Что касается первого, то роль внешних событий здесь весьма незначительна. А если говорить о профессии социолога, то скорее не я выбрал ее, а она выбрала меня» [3, с. 132].

Детство — в военных городах: запах стиранных гимнастеров и гуталина, фуражки, ремни, сапоги... начищенные асидолом бляхи, кокарды, пуговицы, погоны... заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, развод караула и военный оркестр.

Его отец был строевым офицером. Во время войны шестнадцати лет он пошел в армию, и учиться у него не было никакой возможности; все образование — одногодичное пехотное училище во время войны; вечернюю школу он закончил уже майором, когда срок его службы подходил к концу. Но, замечает Батыгин об отце, «в нем сидело врожденное еврейское почитание книжности», среди офицеров с высшим образованием, он слыл «знающим человеком». Ни о какой военной карьере не могло быть и речи, хотя он считался одним из лучших ротных командиров в Приволжском военном округе. Ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, не имеющий шансов на образование и повышение по службе и преданный казарме и плацу.

Мать Батыгина — из Архангельска, чисто русская, из поморов. Ее мать была дочерью священника, а отец — военным фельдшером, который свое звание получил в русско-японскую войну. Он жил в селе недалеко от города Шенкурска и был зажиточным человеком. В период раскулачивания, крестьянских репрессий семья лишилась всего хозяйства — коров, лошадей, работников. Но ссылать их было некуда — они уже жили на Белом море, в Архангельской губернии.

Батыгин сменил несколько школ и окончил обучение в Сызрани, небольшом старинном волжском городе в Самарской области. По его оценке, физику, математику, химию и биологию знал плохо, а литературу, русский язык и историю — достаточно хорошо. Учительница русского языка иногда предоставляла ему возможность самому разъяснять в классе особенности правописания или управления в русском языке. Его круг общения большей частью включал детей офицеров.

В восемь лет он заболел ревмокардитом (осложнение после ангины), угрожавшим пороком сердца, и в детстве был типичным «большим ребенком». Большую часть времени вынужден был проводить в постели. Разрешалось только чтение, он читал все подряд и «научился жить в литературных мирах». В нем развилась способность «воспринимать воображаемое как реальное», и позже он считал, что его «социализация была связана с созданием фантазмагорических миров на основе текстового материала». Стремление к философии начало формироваться в нем в пятнадцать, тогда он познакомился с учебником В.Г. Афанасьева «Основы философских знаний», где для него оказалось важным не содержание, а само философствование. После этого учебника были тома Канта, изданные в «Философском наследии», но здесь уже он многого не мог понять.

С первых месяцев пребывания в комсомоле, с четырнадцати лет, Батыгин был активистом. В девятом и десятом классах избирался секретарем комитета комсомола школы. В целом тот период жизни он вспоминал без сожаления, хотя свою искреннюю службу в комсомольском подразделении по охране общественного порядка не одобрял. Тогда партия и комсомол боролись с пережитками прошлого без каких-либо представлений об административном и уголовном праве. Он уточнял: «Хулиганство имело просто невообразимые масштабы. Создавались разные общественные формирования: добровольные народные дружины, комсомольские оперативные отряды. Мы работали вместе с милицией. Таскали пьяных, драки разнимали, но это имело вид комсомольского подвижничества, мы были бешеными борцами с правонарушениями...» [3, с. 138]. Родители пытались противодействовать его увлечению, но это лишь укрепляло его «идейную убежденность».

В процессе интервью Батыгин замечает: «Во мне обнаружилась постыдная склонность к моральному суждению. У подросткового строя мысли, довольно глупого самого по себе, есть какой-то авторитаризм. Я имею в виду прерогативу морального суждения и осуждения, попытку присвоить себе знание, которое даст возможность быть умнее других людей, судить их, или судить о них, что одно и то же. Видимо, этот авторитаризм также повлиял на выбор философии» [3, с. 136]. Сильное впечатление произвела на него книга, которая тогда являла собой некий кристалл социального знания, — Всеволод Кочетов, «Секретарь обкома». Возникло желание получить возможность, такую же, как наделенный властью секретарь обкома, осуществлять справедливость и преобразовывать мир. Именно так он описал предысторию выбора философского факультета.

Родители Батыгина хотели, чтобы он поступил в авиационное училище и стал летчиком, офицером. Большинство его одноклассников избрали этот путь и, возможно, многие из них

погибли в афганскую войну. Если бы не философия, то и он стал бы военным летчиком, очень сильно было влияние военной среды. В 1968 году он приехал поступать в Московский государственный университет. Экзамены не сдал, но вернулся домой с твердым желанием поступать на следующий год.

Перед вторым приездом в Москву он прочел книгу Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих». В ней обильно цитировались священные тексты, и Батыгин многое выучил наизусть. Еще в Сызрани он думал обратиться к священнослужителю, чтобы поучиться у него, но одновременно осознавал, что этого нельзя делать. Во-первых, такие контакты могли негативно отразиться на службе отца, во-вторых, он понимал границы возможного для комсомольца. В Москве ничто не мешало ему «прощупать богословскую почву». Поехал в Троице-Сергиеву лавру просто поспрашивать и подумал: может, поступить в духовную семинарию? Понимал, что в этом случае он будет ближе к «финальной истине», чем на философском факультете. Но человек, с которым он беседовал, увидел в нем «умника», которого «надо как можно дальше держать от православной церкви, от клира» [3, с. 139]. Тогда Батыгин поступил на философский факультет.

Знакомство с биографиями социологов разных поколений показывает, что юношеское стремление Батыгина к освоению философских построений, его ранние попытки чтения Канта и Сократа, бурная общественная активность и желание улучшить мир более сближают его не с представителями его профессиональной когорты, но с рядом социологов первого поколения. В своих рассказах о школьных годах социологи четвертого поколения предстают менее «философичными» и подчеркнута менее социально активными. С другой стороны, Б.А. Грушин отмечал, что пришел в университет, не освободившись от образа Павла Корчагина, «в кожанке и с маузером», а Ядов называет себя настоящим хунвейбином. Конечно, о стремлении к истине в богословском понимании они и не задумывались.

Стремительный старт: лидер своего поколения

При поступлении в МГУ Батыгин недобрал одного балла и был зачислен на отделение научного коммунизма, там конкурс был чуть поменьше. Он вспоминал: «На отделении научного коммунизма с преподавателями была беда: знания их имели большей частью пропагандистский характер. Философский факультет не давал никакой профессиональной подготовки вообще, за исключением нескольких направлений: кафедры логики, где был очень сильный контингент, кафедры истории зарубежной философии и отчасти кафедры научного атеизма, к которой я

примкнул. По этой причине я всегда писал две курсовых и защитил два диплома» [3, с. 141–142]. Обращаясь к студенческим годам, Батыгин с благодарностью вспоминает лекции профессора Г.А. Багатурии, крупнейшего специалиста по К. Марксу, марксизму, «великого текстолога». Среди преподавателей был и Э.В. Ильенков; все студенты зачитывались его книгой о восхождении абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса.

Историю античной философии им читал В.Ф. Асмус. Был еще Н.М. Рахманов, преподаватель истории КПСС, потерявший зрение на войне. По словам Батыгина, Рахманов оказал на него большое влияние: он очень хорошо понимал внутреннее движение идей и учил студентов обнаруживать в самых тривиальных текстах внутренний подтекст и понимать, «что в мире нет ни одного текста, который нельзя было бы расшифровать таким образом, чтобы в нем не обнаружились неординарные идеи» [3, с. 142].

После окончания университета Батыгина должны были призвать на срочную военную службу, и он был готов работать с личным составом и вступить в КПСС. Но в июле 1974 года обнаружилось, что он и другие выпускники философского факультета не нужны Вооруженным силам. Пришлось самому искать работу. Батыгин (тогда он еще носил фамилию отца — Гантман) стал ходить по разным московским институтам; адреса кафедр философии и научного коммунизма переписал из справочника для поступающих в вузы. Нигде для него работы не было. Он чувствовал себя дистанцированным от системы; все его ожидания, красный диплом, знание Аристотеля — и полная ненужность.

В конце сентября он случайно пришел в Институт социологических исследований. Здесь его не спросили ни о партийности, ни о рекомендации в аспирантуру (которой у него и не было). Слово «социология» для него было внове. В очную аспирантуру не поступил, конкурс был слишком большой, стал заочником. Нашлась для него временная работа кодировщиком в секторе И.В. Бестужева-Лады, «прокалывать дырки в перфокартах». Далее, отмечает Батыгин: «Стал работать как сумасшедший, сутками. Через полгода меня приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, когда я сдал кандидатские экзамены, сделали младшим научным» [3, с. 146].

Через много лет Батыгин оценил все произошедшее как везение. Он попал в другую область, в процессе работы у него произошла смена интересов. Тема кандидатского исследования сформировалась «независимо от него». Анализируя общие вопросы типологии социальных показателей образа жизни [5], он создал перечень тематических блоков переменных — классификатор показателей и предлагал экспертам оценить значи-

мость каждого показателя. Было около тридцати экспертов, оценка шла по семибалльной шкале; затем вручную провел статистическую обработку. Защита состоялась в 1977 году.

Через два года в должности старшего научного сотрудника Батыгин начинает работать в редакции журнала «Социологические исследования». Можно согласиться с его словами: «Мне было 28 лет, и это был абсолютный рекорд, потому что в таком возрасте стать старшим научным сотрудником мог только кто-то либо с очень большим блатом либо высокоодаренный» [3, с. 151]. В институтах математического и физического направления доктора наук и старшие научные сотрудники, не достигшие 30 лет, — не редкость, но для институтов гуманитарного профиля это исключительный случай.

В 1986 году на базе серии статей, опубликованных в «Социологических исследованиях», Батыгиным была выпущена книга по методологии прикладной социологии [6], получившая признание специалистов. Через год была защищена докторская диссертация [7].

Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и в карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. То, что он ранее других представителей своего поколения защитил кандидатскую и докторскую диссертации (табл. 1), согласно ряду наукометрических выводов, уже дает основание говорить о нем как об одном из лидеров своего поколения российских/советских социологов. Это утверждение — не только плод анализа статистики защит, оно учитывает и информацию, содержащуюся в проведенных интервью.

Отвечая на мой вопрос о том, кто из социологов старшего или ее поколения оказал на нее наибольшее влияние, А.Е. Чирикова ответила, что ее знакомство с миром социологии состоялось в 1985 году. Тогда она, уже кандидат психологических наук, вместе с коллегой подготовила статью о профессиональных ориентациях молодежи и отправила ее в «Социологические исследования». Их пригласил к себе Батыгин — заместитель главного редактора, которому статья понравилась. «Я, — продолжала Чирикова, — не знала, кто такой Геннадий Батыгин, но он мне показался умным и понимающим человеком. Несмотря на то, что Харчев по своим мотивам попытался притормозить выход статьи в свет, Батыгин настоял на том, чтобы она была напечатана. Так я узнала первого социолога, который к тому же оказался весьма интеллигентным и обязательным человеком» [8, с. 10].

Теперь — небольшой фрагмент из интервью с А.Ю. Мягковым. В первых числах декабря 2001 года он привез в Москву статью для «Социологического журнала» и заодно решил посоветоваться с Батыгиным относительно возможности защи-

ты докторской диссертации в совете ИС РАН. Они немного знали друг друга с начала 1980-х годов; Мягков в то время был начинающим аспирантом, Батыгин заметным человеком в «Социологических исследованиях». Намечавшаяся встреча фактически была первой после многолетнего перерыва. Мягков вспоминает, что его сильно поразили теплота приема и непринужденность общения. Было такое ощущение, как будто они всю жизнь знали друг друга и никогда не расставались. Мягков предъявил план диссертации, список публикаций и рукопись монографии и затем рассказал о своих намерениях. На его робкую просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» [9, с. 10].

Очевидно, для проводимого анализа не требуется множества примеров, из этих двух уже следует, что ровесники (Батыгин, Мягков и Чирикова принадлежат к центральному слою поколения) видели в Батыгине «старшего», а он легко понимал их и старался помочь. Это и есть явная атрибутика лидерства в науке.

Однако было бы неверным видеть в Батыгине лишь правофлангового четвертого поколения советских/российских социологов. Сделанное им до середины 1980-х и составившее основу его диссертаций вписывается в тематику, активно разрабатывавшуюся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных показателей, логические и эмпирические методы социологии. Но уже в начале 1990-х под воздействием многих обстоятельств он отходит от изучения известного не только ему, но многим, предметного пространства и начинает зондировать поверхностно описанные или совсем неохваченные предметные области. Ведь в то время советские социологи много лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920–1930-е годы. Освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин, более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущевской советской/российской социологии. К концу 1990-х, охватив своими историческими исследованиями социологию постреволюционных десятилетий и родившуюся в посттоталитарный период, Батыгин не только укрепил лидерские позиции в своем поколении, но приобрел новый статус. Он быстро занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В.А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным

томом «Социология в России» [10] очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу — о российской социологической традиции — Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

История российской социологии — не единственное расширение исследовательского поля отечественной социологии, сделанное Батыгиным. Я полностью согласен с Л.А. Козловой в том, что Батыгиным многое сделано для развития в стране обоснованной методологии применения качественных методов [11].

Язык, стилистика, ритмика советских социологических текстов в конце 1950-х — начале 1960-х обладали некоторыми особенностями. Во-первых, они формировались по образцу, задававшемуся идеологически рафинированными журналами «Коммунист», «Философские науки» и книгами, которые выпускал «Политиздат». Редактировались не только мысли, выводы, даже немного отклонявшиеся от «буквы» директивных документов, но «причесывался» и сам текст. Во-вторых, язык советской социологии складывался под влиянием англоязычной социологической литературы, и еще отсутствовал опыт ее перевода. В-третьих, в социологию шли люди, не имевшие гуманитарного образования и не придававшие самостоятельного значения стилю своих тестов.

Чтение и заучивание многих художественных, философских и религиозных текстов, усвоение речевого стиля ряда профессоров МГУ, желание много писать (вспоминая середину 1970-х, Батыгин отметил: «Я стал очень много писать, даже фантастически много» [3, с. 148]), редактирование текстов для журнала «Социологические исследования», сотрудничество с опытнейшими журналистами О. Чайковской и В. Сырокомским, которых он называл своими учителями, и многое другое способствовало формированию у Батыгина собственного стиля в подготовке социологических текстов. Интервьюируя Д.Л. Константиновского, социолога и писателя, я спросил у него, не кажется ли ему, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. Константиновский сказал: «...Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию» [12, с. 9].

Сначала обращение Батыгина к исторической тематике и поиск им стиля изложения полученных результатов трактовались мною как две независимые характеристики его творчества. Сейчас я думаю иначе. Его движение от анализа индикаторов образа жизни к методологии прикладных социоло-

гических исследований не могло не сопровождаться поисками нового языка, стилистики. Обращение к истории социологии заставляло его идти дальше. Батыгин оказался первым или одним из первых в современной российской социологии, кто стал обращать самое серьезное внимание на стиль научного текста. И это тоже — и личностное, и поколенческое.

* * *

Имея в виду то обстоятельство, что в годы перестройки для 30–35-летних социологов раздвинулись горизонты возможного, открылись перспективы для расширения предметности научного поиска, ушла в прошлое цензура, принципиально упростился механизм общения с западными учеными, я назвал четвертое поколение советских/российских социологов «спасенными перестройкой». В начале февраля 2011 г. я разослал всем социологам, указанным в таблице 1, письма с просьбой прокомментировать это «имя» их поколения. Откликнулись одиннадцать человек, десять из которых в целом одобрили это название. Ответы — достаточно развернутые, аргументированные, приведу лишь несколько фрагментов из них:

– «...Согласен — поколение “спасенных перестройкой”. Раздвинулась структура возможностей, и те, кто получил и сохранил профессию, реализовали себя — думаю, что так».

– «...Я подумал и пришел к выводу, что это определение точно отражает реальность, по крайней мере, по отношению ко мне и многим моим сверстникам. Годится! <...> Вот так все сошлось в одно время в одной стране, и именно наше поколение получило историческую возможность (не каждому поколению такое дается) делать социологию по мировым стандартам, учась у наших великих учителей».

– «...Лично про себя я не думала, что меня “спасла перестройка”. Но, точно, она круто поменяла и мою, и моих коллег жизнь в профессии. Стало свободно идеологически, стало больше самых разных возможностей для работы в социологии. Думаю, что перестройка повлияла на изменение моей траектории в профессии».

– «...Если брать меня как типичного представителя поколения, то точнее названия не придумать: мы “спасенные перестройкой”. Если бы не перестройка, если бы все шло, как шло, то я имел бы очень мало шансов стать социологом».

– «...Очень удачное название (яркое, запоминающееся и по сути). В значительной мере можно сказать, что я — “спасенный перестройкой”».

Батыгин в интервью 2002 года ранее других представителей своего поколения обратил внимание на то, что дала ему обновлявшаяся социально-политическая среда. Он ска-

зал: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось» [3, с. 164].

В этих словах — тоже и поколенческое, и личное.

Литература

1. Докторов Б. Ни о каком другом пути он даже помыслить не мог... Биографические заметки о Геннадии Батыгине // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 12–14.
2. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
3. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
4. Ядов В.А. «Мы все — самоучки в социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 42–63.
5. Батыгин Г.С. Типология социальных показателей образа жизни. Методологические и методические проблемы. Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1977.
6. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. Батыгин Г.С. Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладных социологических исследованиях. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1986.
8. Чирикова А.Е. «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13.
9. Мягков А.Ю. «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11.
10. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.
11. Козлова Л. Ремесло Геннадия Батыгина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 14–17.
12. Константиновский Д.Л. «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2.

РАЗДЕЛ 2

Разговоры через океан с Владимиром Ядовым и Борисом Фирсовым

Многое в этом историко-биографическом проекте стало развитием обстоятельной беседы, точнее – обмена письмами по электронной почте с Владимиром Александровичем Ядовым. Все началось с его письма, полученного мною 3 января 2008 г., в нем было сказано: «Не знаю, хватит ли мне времени и способностей, но хотел бы предпринять интервью с тобой наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно. Главное, что представляется мне ценным, – артикулировать узловые точки твоей методологической саморефлексии, лабораторию мыслительного процесса». Принципиально новым для меня в этой беседе оказалось фокусирование Ядовым широкого спектра вопросов, относящихся именно к методам, приемам моей работы по историко-биографической тематике. В этой беседе были подведены итоги первых трех лет изучения прошлого российской социологии и намечены общие направления продолжения исследований.

**РАБОТА
НАД БИОГРАФИЕЙ –
ЭТО ОБЩЕНИЕ
С ТЕМ, О КОМ
ПИШЕШЬ¹¹**

В. Ядов. Начиная с 2005 года в журнале «Телескоп» регулярно публикуются интервью Бориса Докторовца с российскими социологами. Находясь в США, наш земляк и мой друг пишет историю становления социологии в советское время и, как я считаю, очень продуктивно. Недавно он прислал мне фрагменты своей новой книги об истории становления опросных методов в США, где рассматривает свой предмет, опираясь на сведения о жизненных судьбах первопроходцев массовых опросов. В заключении автор излагает далеко не тривиальные соображения относительно методологии работы с такого рода источниками.

Пару лет назад Борис Докторов брал у меня интервью [1], теперь я

¹¹ Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 – 50.

предложил ему поменяться ролями и взял у него интервью on line. Мы договорились для начала ограничиться обсуждением его работы над историей рекламы и опросов общественного мнения в США, потому что, реализуя именно этот проект, он в основном и разработал свою особую методологию. Рассматривая рассказ моего респондента-летописца в качестве своего рода методологического практикума, я расчленил текст на подразделы. Так легче вникнуть в особенности системы действий исследователя. Назову ее *док*-методологией интервью с экспертами.

Особенности исследовательской методологии моего собеседника

ВЯ: Боря, твой титанический труд по реконструкции истории отечественной социологии на основе интервью с ее деятельными со-созидателями – шестидесятниками и следующими поколениями – представляется мне ценным как минимум в двух ракурсах. Один, само собой, – собственно история, как ты справедливо пишешь, вторичного становления, а не возрождения социологии в СССР. И второй ракурс – методология твоего подхода к предмету. Меня очень заинтересовало стремление отрефлексировать именно методологию реконструкции становления методов опроса в Америке и следом – историю нашего прошлого. В начале 1990-х мне казалось, что по свежим следам невозможно более или менее адекватно, то есть непредвзято, по рассказам ветеранов социологии описать историю ее становления в СССР [2]. Но твоя работа вызвала в этом сомнения. Похоже, что тебе удалось найти методологическое решение проблемы. Давай поговорим об этом. Предлагаю тебе реконструировать лабораторию твоих реконструкций. Согласись, что концептуальные опоры, которые помогают понять что-то большее, непосредственно невидимое в описываемых событиях, – это наши конструкции социальной реальности. Они могут быть более или менее эвристичными, но у нас нет доказательств их истинности (= полного соответствия сущности изучаемых процессов). *Как ты смотришь на такую постановку вопроса в общем виде?*

Борис Докторов: Прежде всего, Володя, спасибо тебе за твое постоянное внимание к моей работе, твои реакции на то, что я стараюсь делать, всегда крайне ценны для меня. Сейчас, когда мною накоплен некоторый опыт сбора и анализа биографической информации и прилагаются усилия, чтобы

использовать ее для воссоздания нашего профессионального прошлого, указанные тобою две историко-наукovedческие проблемы и мне представляются важными, во всяком случае – заслуживающими направленного анализа.

ВЯ: Кроме того, я прочел твое заключение к еще не опубликованной книге «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов». Ты заметил, что это историко-наукovedческое исследование. Разверни смысл такого определения с опорой на биографию ученого как первоисточник.

БД: Я думаю, что наше обсуждение должно охватить оба моих проекта – «русский» и «американский». В последнее время я рассматриваю их как элементы единого историко-наукovedческого исследования, охватывающего четырехвековое прошлое-настоящее рекламы и опросов общественного мнения в США и пятидесятилетнее развитие отечественной социологии. Их и объединяет общая методология, позволяющая, как мне кажется, предложить такое толкование истории науки, в котором центральными фигурами оказываются ее создатели. Иногда я об этом говорю, как о стремлении писать историю с «человеческим лицом».

Продвижение по каждому из направлений – американскому и русскому – требует решения двух важнейших задач: как изучать биографии, и каким образом строить переход от биографий к истории. Причем я трактую эти задачи не просто как проблемы общеметодологического плана (как надо делать?), но как области исследовательского поиска, то есть отыскиваю решения задачи непосредственно в процессе изучения и написания биографий творческих людей и перехода от анализа их судеб к воссозданию исторических процессов, в которых они являются главными участниками. Мне самому интересно, отвечая на твои вопросы, суммировать сделанное и аргументировать, почему я делал именно так, а не как-то иначе.

В итоге мне хотелось бы показать, что, следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал. Вместе с тем, безусловно, исследование прошлого любого фрагмента бытия предполагает много больше, чем рассмотрение жизни участников и свидетелей этого прошлого, и существует огромная литература, конкретизирующая это положение применительно к истории науки, искусства, прогресса в целом [3], [4], [5], [6], [7].

Исследование прошлого рекламы и опросов общественного мнения ведется мною уже восемь лет, изучение ряда аспектов становления и развития российской постхрущевской социологии – лишь три с небольшим; оно – в самом начале. И, хотя в методологическом плане они сейчас для меня едины, что не означает тождественности их методологии, сфокусируем наше обсуждение на рассмотрении сделанного.

Результаты исследований истории американской рекламы и творчества отцов-основателей изучения общественного мнения в США регулярно появлялись на страницах «Телескопа», так что многого я могу не конкретизировать, а ссылаться на уже опубликованное. В целом на основе этих материалов были написаны две книги [8, с. 83], [9], вышедшие в 2005 и 2006 годах, они же составили и содержание рукописи третьей, названной выше.

ВЯ: В науковедении, как ты знаешь, сосуществуют разные подходы. Томас Кун опирается на историю развития научного знания, Роберт Мертон ввел в анализ социальную среду ученого, Бруно Латур и Стив Вулгар, другие этнометодологи наблюдали «повседневную жизнь лаборатории». Ты предлагаешь, если я не ошибаюсь, свою парадигму, не встречавшуюся в науковедческой литературе. **Вопросы:** (а) верно ли последнее? (б) Как бы ты сформулировал особенности своей методологии для учебного пособия?

БД: Не знаю содержится ли некая новая парадигма в моих попытках изучить то, как происходило становление рекламы и опросов общественного мнения в США, а также в моем подходе к анализу недавнего прошлого российской социологии. Во-первых, сам термин *парадигма* слишком многозначен. Во-вторых, за последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Мне кажется, что даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, предлагавшихся еще учеными XIX века. В-третьих, все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-науковедческие исследования биографической окрашенности, что не мог «со стороны» посмотреть на свою методологию.

Тем не менее, я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжаю ставить перед собою, комплекс используемых аналитических приемов, нормативы научности, которые я разделяю, стилистика изложения (риторика) результатов – все вместе, возможно, содержит некую новую методологию. Твой вопрос я понимаю как просьбу указать, какие научные

школы или кто из ученых оказали на меня наибольшее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа нет, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя никогда ранее обсуждаемая с тобой проблематика не находилась в центре моих профессиональных интересов. Я попытаюсь сказать, почему, но сам не знаю, зачем еще в начале 1970-х годов я стал читать историко-наукovedческую литературу.

Если говорить о последних годах, когда я втянулся в собственно исторические штудии, то идеи Т. Куна явно не довели надо мною, его аппарат максимально эффективен при исследовании проблем перехода науки из одного состояния в другое, меня же интересовал, прежде всего, процесс зарождения выборочных опросов общественного мнения. Калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

Теоретические построения Р. Мертона настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы. Да и российская тематика в значительной степени будет относиться к тому времени, когда отечественная социология была слабо институционализирована.

Биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается науковедцами-этнометодологами. Однако, по моему мнению, их внимание в большей степени сосредоточено на процессе развития науки, генезисе научного знания, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В целом, то, я что пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности – научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось, давно это было, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б.Г. Ананьева, при чтении Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и И.С. Кона. Если говорить о работах историко-наукovedческого плана, то это прежде всего исследования А.В. Ахутина, Л.М. Баткина. В.С. Библера, А.Я. Гуревича. Но, пожалуй,

самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б.Г. Кузнецова, В.П. Зубова, У.И. Франкфурта, И.И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показано становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». Именно эта литература обратила меня к чтению Куна, Мертона и этнометодологов.

Так что моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

ВЯ: С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место – стремление каким-либо образом генерализировать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей – «партикуляристов» и «джереналистов», а далее – промежуточные с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды формирования и творчества ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где более всего ценится практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения «биографии в истории» и «история в биографиях». Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микро-теоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видео-социология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микро- анализ или, следуя метафоре Пера Монсона, проплыть на лодке по аллеям парка [10]. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: «биографии в истории» и «история в биографиях»? *Ты намеренно стремился к такому совмещению?*

БД: Я вообще не стремился к созданию какой-либо методологии, не видел такой цели в качестве самостоятельной. Мне просто хотелось решать здесь-и-сейчас интересующие меня историко-биографические задачи, но делать это, отчетливо понимая ограниченность моих возможностей. Я мог опираться лишь на собственные теоретические представления и предпочтения и собственный многолетний опыт использования разных методов.

Сначала – по поводу отнесения моей методологии к мертонианской на основании того, что я «стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого». Грешно отказываться и от того, что я действительно пытаюсь это схватить, и от того, что мне близки идеи Мертона. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский позитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловское-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Не мне судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодолов.

Теперь остановлюсь на происхождении ставшего для меня сейчас главным двуединого ориентира: «биографии в истории» и «история в биографиях». Замечу, поиск обозначения того, что я делаю в связи с изучением прошлого рекламы, и опросов общественного мнения, шел постоянно, но устраивающая меня формулировка возникла, лишь когда я начал заниматься историей российской социологии.

Получив от меня интервью с Борисом Фирсовым [11] (мой первый опыт интервьюирования коллег), тюменский социолог и культуролог Юлия Михайловна Беспалова, давно занимавшаяся биографическим анализом, написала, что видит здесь «биографии в политике» и «политику в биографиях». Мне показалось, что говорить лишь о политике – узко, и я стал думать об истории. Это было в начале 2005 года, но лишь в конце следующего года я начал искать, как дать выход той энергии, которая, мне казалась, присутствует в «игре слов» «история» и «биография» [12].

Возможно, тебе покажется странным, но для меня две исследовательские линии: «история в биографиях» и «биографии в истории» соединяют микро- и макроанализ. Реализация первого направления должна выявить, как история, то есть вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Исследования по второму направлению должны показать, как

деятельность людей создавала историю рекламы, опросов общественного мнения в США, как происходило становление постхрущевской советской социологии.

ВЯ: *Какой из типов мышления тебе ближе в дихотомии партикуляризм- дженерализм?*

БД: Мое историко-наукоеведческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и малоперспективным. При изучении биографий необходимо быть партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция дженералиста позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и «дженерализма». Междисциплинарность и полипарадигмальность моего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

ВЯ: Принимая твою методу, прошу резюмировать кратко в логике Маркса, который различал историческое и логическое в развитии знания:

- *Какие (в порядке значимости) авторы или научные школы заметно повлияли на твою работу?*
- *Какие моменты твоей научной биографии (опять – в порядке важности их влияния на твою работу, были особо значимы?*

БД: Для меня эти два вопроса – едины, я вижу в них твою попытку сделать со мною то, что я пытаюсь сделать с героями моих биографических поисков, связать их деятельность с особенностями их социализации и профессионализации. Потому постараюсь вспомнить и ранжировать в порядке значимости, хотя, замечу, в ранние годы становление личности логическое и историческое часто имеют общую временную локализацию. Во всяком случае, в моей жизни все главное в этом плане вмещается в 10–15-летний интервал.

Летом 1959 года после окончания школы перед самым поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета один молодой физик-ядерщик

рассказал мне о двух книгах [13]. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном, и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Книга Шредингера [14], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Кроме того, это была первая самостоятельно прочитанная книга по философии, и она привила мне вкус к позитивизму. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [15], погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

На третьем-четвертом курсах я стал заниматься математической статистикой и ее применениями в биологии и познакомился с работами Рональда Фишера и Карла Пирсона. Пожалуй, до конца 1970-х, отдавая большее внимание и время работам по другим темам, я изучал философию и математическое наследие Пирсона, думал когда-нибудь в будущем обобщить все это в книге. В начале 1960-х я начал изредка ездить в Москву и останавливался в квартире своего родственника Бориса Григорьевича Кузнецова – историка и философа науки, знатока эпохи Возрождения, автора большого числа книг, из которых наиболее известны биографии Эйнштейна [16] и Галилея [17]. Беседы с ним расширили мое видение истории науки, но делать из этого профессию я не собирался. В те же годы я начал сотрудничать с университетским психологом Иосифом Марковичем Палеем, который, кстати, когда у них в лаборатории не было денег на полставки лаборанта, просил деньги из бюджета твоей лаборатории. Сначала я просто писал программу для ЭВМ по факторному анализу и обрабатывал психологические наблюдения, но обсуждения с Палеем получаемых результатов заставили меня погрузиться в методологию этой математической техники. Через несколько лет Борис Герасимович Ананьев согласился стать титульным руководителем моей кандидатской диссертации по факторному анализу и указал на важность изучения миграции методов. Хотя историко-научоведческими исследованиями я занялся более тридцати лет спустя, этот поворот, несомненно, произошел под влиянием работ Кузнецова и семинара Ананьева по комплексному изучению человека.

Теперь отмечу три события, определивших всю мою последующую работу, боюсь, здесь историческое и логическое неразделимо. Первое, поступление на математико-механический факультет, где был блистательный состав преподавателей и удивительно демократичные отношения между профессурой и студентами. Второе, многие годы участия в неформальном (он не был в сетке часов) «Биометрическом семинаре», который создал более 40 лет назад и как-будто продолжает вести сегодня Олег Михайлович Калинин. (Он – на четыре-пять лет старше меня, всегда отличался нестандартным мышлением и резким неприятием марксизма.) На семинаре обсуждались и собственно математические проблемы, и широчайший круг общенаучных, мировоззренческих тем. У нас многократно выступал биолог и философ Александр Александрович Любищев, мы много раз слушали генетика-антидарвиниста Раису Львовну Берг, наброски своей теории пассионарного этногенеза излагал Лев Николаевич Гумилев. Третье событие – 1968 год, начало работы в социологической команде Андрея Здравомыслова [18] в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и через пару лет знакомство с Фирсовым. Так я «прикипел» к проведению опросов общественного мнения и вместо того, чтобы заниматься прикладной математикой или историей науки, начал погружаться в социологию.

И последнее событие – переезд на постоянное место жительства в США. Я вынужден был заново начинать жизнь и готов был вообще отойти от социологии и вернуться к математике, программированию. Я был безработным, закончил колледж, более четырех лет работал секьюрити и потом медленно возвращался к науке. Летом 1999 года после пятилетнего молчания я опубликовал в Петербурге две статьи о развитии российского Интернета, и весной следующего года с небольшой заметки в Сан-Франциской русской газете [19] начались мои публикации по истории гэллаповских опросов. Я делал выбор в пользу историко-методических исследований, поскольку это было продолжением методических разработок, которыми я многие годы занимался в СССР/России, и позволяло надеяться на использование собственных знаний в области истории науки. Было еще одно обстоятельство: останавливаясь на этом исследовательском направлении, я приобретал полную независимость, мне не нужно было согласовывать планы с кем-либо, отчитываться перед кем-либо и искать организационную или финансовую поддержку.

Добавлю также, что в силу известной отстраненности от политики я всегда занимался методикой социологических исследований и лишь в самом начале 1990-х сделал несколь-

ко работ по изучению сознания россиян. Отчасти это было связано с моим интересом к использованию оригинальной многомерной типологии ценностных ориентаций. Приехав в США, я в принципе не думал о работе, связанной с анализом российской реальности.

ВЯ: Очень интересно, и в частности тем, что в который раз убеждаешься, насколько занятые в науке по-разному делают свое дело. Из названных тобой, Б.Г. Ананьева и Иосифа Палей я бы отнес к тем, кто оказал и на меня сильное влияние, Ананьев – особенно. Благодаря ему я стал заниматься проблемами личности, общение с ним «толкнуло» в эту проблематику. Игорь Кон, Палей, Галина Андреева, другие мыслящие психологи и социологи помогли сделать что-то нетривиальное в этом плане. Интересно также, насколько разнятся наши с тобой стили исследовательской работы. Всю свою жизнь я сознательно следовал правилу, которым руководствовался мой научный руководитель по кандидатской Василий Петрович Тугаринов, – искать новую или как минимум новую для меня проблему, глубже продавливать собственную колею мне очень скучно. И что получается? Выходит, что, как это установил В.С. Мерлин, люди разных типов характера используют свой «индивидуальный стиль» в реализации заданной каким-то образом «социальной схемы». Можно сказать, что наши жизненные траектории сложились по обстоятельствам, от нас зависящим далеко не полностью, а то и вовсе не зависящим. Я утверждаю, что мой стиль в исследовании – искать новую проблематику. *Как ты определишь свой стиль?*

БД: Это верно, наши жизненные траектории случились по обстоятельствам, от нас во многом не зависящим, но их сближает, как мне кажется, общий жизненный оптимизм. Отсюда и общая установка – поиск новой проблематики. Не буду уходить в прошлое, в годы советской жизни, расскажу лишь о темах, которые я осваивал уже после переезда в Америку.

Все началось с изучения российского Интернета, я разрабатывал эту тему как «курсовую» при обучении в колледже в 1998–1999 годах. На рубеже ушедшего и нового веков совместно с Александром Ослоном и Еленой Петренко мы искали «компактный» путь для обзора динамики общественного мнения россиян в эпоху Ельцина; мне представляется, что введение принципа «кульминационных точек» позволило решить эту задачу [20]. В начале 2000 года родилась «гэллапиада» – изучение биографии Гэллапа, вскоре переросшее в исследование четырехвекового процесса становления в США опросов общественного мнения. При этом мне пришлось ос-

новательно погрузиться в прошлое американской рекламы. Методология исторического поиска привела меня к концепции меняющегося «толстого настоящего» и отсюда – к футурологическим размышлениям. Это позволило говорить о наметившемся движении к постгэллаповским опросным технологиям, за развитием которых я пристально наблюдаю уже ряд лет. Президентская избирательная кампания 2008 года в США должна дать ответы на многие методологические вопросы относительно перспектив онлайн-опросов электората. Ну и, наконец, последние годы отданы изучению современной российской социологии.

ВЯ: «Толстое настоящее»? Поясни, что ты имеешь в виду под этим термином.

БД: Видение настоящего как «толстого» и постоянно меняющегося в конфигурации пятна возникло в попытке дать для себя определение «современного», что для исторического исследования крайне важно.

В заголовке моей первой статьи о Гэллапе [21] стояли два слова, во многом определивших направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировавших предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова – «наш современник». Тогда я привел ряд аргументов в подтверждение того, что Гэллап – «наш современник», но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерченными. Осталось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? к столетней истории соломенных (донаучных) опросов? к философии рекламы Барнума [22]? к ранним исследованиям рынка Чарльза Парлина? Ведь формально все это «удалено» от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодня мой ответ на подобные вопросы неоднозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолщает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, – но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные

от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений.

Статья, написанная в начале 2000 года о делавших первые шаги онлайн-опросах [23], не рассматривалась мною тогда как часть историко-научных поисков: они – касались прошлого, а Интернет – это настоящее-будущее. Но обращение к перипетиям становления соломенных опросов и изучение возникновения приборных методов измерения радиоаудитории уже после публикации указанной работы позволило увидеть в лишь зарождавшейся истории сетевых опросов многое из того, что было мне знакомо по изучению гэллаповской опросной процедуры; «горячее настоящее» сразу «удлинилось» на сотни лет. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: «А что было раньше?», тогда как историческая тематика, встроенная в «настоящее», добавляет к нему: «А что будет потом?» Я постоянно пытаюсь «утолщить» настоящее, перетащить из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Я не могу освободиться от мысли о том, что настоящее — лишь точка в развитии различных процессов. И в целом прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, в каждой его клеточке существует «свое» прошлое, настоящее и будущее.

Результаты проводимого мною исследования подтверждают выводы о нелинейности развития науки, в частности, общеметодологическое значение приобретает тот факт, что измерения общественного мнения огромным числом уже прослеженных и еще не известных нам нитей связаны с методическим арсеналом исследований рынка. Законы истории универсальны, и потому сказанное относится не только к прошлому, но к настоящему и будущему.

ВЯ: Да, хороший термин, ассоциируется с «плотным описанием» по Клиффорду Гирцу – описанием фактов в широком контексте. Я обратил внимание на то, что политика тебя не очень интересовала, исключая период перестройки. Но в роли декана я непременно говорю абитуриентам в день открытых дверей: «Ребята, кого не волнуют социальные проблемы, советую на наш факультет не поступать». Конечно, социальные проблемы и политика не одно и то же, но связь между ними теснейшая. *Просвети, как понимать замечание, что политика тебя не интересовала, а вместе с тем ты начал*

идентифицировать себя именно как социолога, то есть исследователя социальных процессов?

БД: Ты абсолютно прав, молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений. Юрий Левада шел на философский в поисках правды [24], Борис Грушин – пришел в университет «в кожанке и с маузером» [25], мой интервью с Татьяной Ивановной Заславской [26], Здравомысловым, тобою ясно указывают на то, что вы несли в себе некие социальные идеалы и считали, что именно вы сможете улучшить мир. Потому – в моих представлениях – и возникла постхрущевская социология. В очерке памяти Грушина [27] я писал, что его идеи были продолжением его идеалов, это относится и ко всем (почти всем) тем, кто стоял у истоков рождения нашей науки.

После окончания школы я выбирал между математикой и физикой, но никогда не задумывался о философии, истории или какой-либо иной общественной дисциплине. Я пришел в социологию случайно, и мне понравилась не наука, а ее методы и люди, которые ее делали [28]. Может, потому я, в конце концов, и занялся обсуждаемой нами сейчас тематикой?

ВЯ: Ты говорил, что частью твоей методологии является стиль, риторика изложения материалов исследования. Что ты имеешь в виду?

БД: Когда моя исследовательская тематика стала разворачиваться от анализа методики опроса к изучению деятельности ее создателей, встал вопрос о стиле изложения материалов. До отъезда из России я занимался вопросами использования математических методов, выборки, проблемами надежности измерения в социологии; это особая область научных разработок и это специфический язык оформления результатов. Теперь же требовалось что-то иное.

Начну с того, что я решил обращаться в своих текстах не только к социологам-методистам, но к более широкому кругу специалистов, к тем, кто интересуется общими вопросами социологии, историей, развитием науки. Это требовало отказа от использования узкопрофессиональных терминов, формул, графиков, минимизации количества таблиц. Необходимо было найти более доверительную форму общения с потенциальным читателем, наполнить тексты деталями, удерживающими его внимание. Нужно было поверить в способность человека самостоятельно соединить многие факты и потому избежать дидактичности. Как упорядоченный набор движущихся с определенной скоростью кадров складывается в голове зрителя

в фильм, так внутренняя логика и динамика текста должны побуждать читателя к самостоятельным размышлениям.

Я помню, с каким трудом писались первые страницы, ведь, кроме всего прочего, началу этой работы предшествовал пятилетний простой. Постепенно возникавший стиль письма стал нормой, я уже мог не думать о нем, он сам начал немного управлять моей работой. В начале 2004 года я писал Валерию Голофасту: «У меня <...> новый запой. Не успел проспаться от Кроссли, а принялся за новый сюжет. Думал, ну прогуляюсь слегка, а снова влип» [29]. Зато мне было радостно найти в осеннем письме крайне придирчиво относившегося к текстам Голофаста слова: «...твое пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально переосмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг – и писать заново и начисто, по иному» [30].

ВЯ: *Боря, я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т. п.). У Майкла Малкея [31] я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя «от имени самой природы», тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь «моей», «мною». Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?*

БД: Использование безличных глаголов, сам я этого не замечаю, явно восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты: как было показано, как предполагалось и т. д. Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science. Во-первых, одним из предметов моего анализа является развитие эмпирического метода, использование которого позволяло Гэллапу относить свою деятельность к науке (science). Во-вторых, как указано выше, моя методология формировалась под влиянием позитивистских исследований истории и методологии науки.

Когда-то Палей говорил мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. Возможно, что использование местоимений «моей», «мною» есть аналог жестикуляции левой рукой.

ВЯ: Психофизиологи нашли также, что при обдумывании сложной проблемы, человек иногда расхаживает взад-вперед, размахивая правой рукой – эффект право-левосторонней асимметрии. Правой рукой мы «помогаем» левому полушарию рассуждать логически. *Продолжим... Ты много лет изучал наследие Гэллапа, что определяло последовательность твоих действий?*

БД: Прежде всего скажу, что никакие гранты, структуры не финансировали мою работу, потому формально у меня не было причин для планирования работы. Меня «заводил», затягивал в процесс работы интерес к ней, а позже возникло ощущение обязательности, ответственности перед теми, кто оказывался в поле моего зрения.

До середины 2002 года все сводилось к освоению жизненного пути и ряда аспектов деятельности Гэллапа; исследование еще не было ни биографическим, ни историческим: Гэллап был единственным героем, не было осознания необходимости углубляться в далекое прошлое, рекламная тематика была лишь заявлена. Абсолютно неожиданное для меня появление на горизонте фигуры Эмиля Хурьи с его методикой [32] построения электорального прогноза, занимающей «промежуточное» положение между правилами предсказания, использовавшимися «Литерари Дайд-жестом» и Гэллапом, высветило для меня два новых момента. Во-первых: необходимо прислушиваться к пробивающимся из прошлого голосам и следовать за ранее неизвестными персонажами, и, во-вторых: в истории современных выборочных опросов общественного мнения, хотя она не столь уж продолжительна, многое забыто и требует восстановления.

Собственно, тогда появилось осознание важности и обязательности изучения широкого круга создателей рекламы и опросной технологии, стало формироваться понятие «толстого» настоящего и возник новый взгляд на планирование моего исследования, совсем не тот, которым я руководствовался ранее. Исследованию, пронизанному принципами понимающей, мягкой методологии, должно отвечать и мягкое планирование, допускающее, более того – оправдывающее требование постоянной готовности к уходу с основной дороги на вдруг обнаружившиеся тропочки. Когда обнаруживалось что-либо новое для меня в конструировании рекламы или в технике опроса, я сразу же старался узнать как можно больше об авторе этой инновации, с другой стороны, если в текстах встречал неизвестное мне имя, пытался найти и анализировать сделанное новым для меня человеком. Это лишь кажется, что подобное реагирование на «случайное» уводит от основного пути, в действительности это – сигналы, на которые нельзя

не обращать внимания. Так, неожиданно на сайте Музея и библиотеки Президента Трумэна я встретил Самуэля Хейзамла, он был на десять лет младше Гэллапа, но смог провести общенациональный электоральный опрос в 1932 году, то есть на четыре года раньше его. Это заставило меня задуматься о том, почему регулярные замеры общественного мнения начались в 1936 году, а не раньше, что, в свою очередь, привело к интересным выводам о соотношении идей и идеалов как стимулов творческой деятельности.

Но все же во время моего путешествия в прошлое я постоянно прислушивался к советам двух главных гидов. Первый – Гэллап, чья жизнь и творчество реально и виртуально были связаны с жизнью и деятельностью огромного числа людей, оставивших яркий след в американской науке, культуре и политике. Второй – Дэвид Огилви [33], последний классик американской рекламы XX столетия, который в серии книг не только описал свою жизнь и карьеру, но и проанализировал творчество многих, на чей опыт он опирался в поисках своего собственного стиля создания эффективной рекламы.

ВЯ: *Позволь заметить, что я вижу здесь особый стиль именно историка, которому важны детали. Будущие историки, возможно, по-иному осмыслят написанное тобою. Как далеко не историк, я, напротив, вымарываю у своих диссертантов все, что прямо не относится к рассматриваемой проблеме по существу. Наверное, когда ты занимался факторным анализом, тоже убирал или опускал в подстрочник соображения, возникавшие «по ходу дела»?*

БД: Диссертация – это особый жанр и всегда ограниченный объем. Моя работа по факторному анализу была защищена без малого сорок лет назад, я забыл, как справлялся с изложением того, что мне казалось важным. Наконец, по сути, единственное замечание-предложение, полученное мною от Б.Г. Ананьева, касалось усиления исторического раздела: необходимо было прописать пути миграции факторного анализа из психологии образования (измерение способностей) в другие разделы психологической науки.

О работе над биографией как общении с ее героем

ВЯ: *Существуют разные типы биографических исследований, как ты классифицируешь биографии, которые описываешь и анализируешь?*

БД: Действительно, скорее всего, можно построить континуум биографий исторически значимых людей. На одном его

полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками «Who is who?» или «Who was who?» По сути это сугубо информационный материал. На другом – романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями, это, по выражению Данила Данина, «кентавры», совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам кентавристики относятся и его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре. Голофаст писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» [34].

Мне представляется, что очень близко я к этой грани не подхожу, ибо создаю лишь «профессиональную биографию», то есть показывающую человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности биографируемого, образа его жизни, внутреннего мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания биографии ради изучения истории в область биографической литературы.

ВЯ: В заголовке завершаемой тобою книги «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов» есть слово «судьба». Что оно для тебя означает?

БД: Действительно, это сложный вопрос, ведь соотношение таких сложных субстанций, как биография и судьба, пытаются постичь не только наука, но литература и религия. Слово «судьба» вынесено в заголовок, но я его крайне редко употребляю в тексте книги; скорее им характеризуется мое отношение к биографическому материалу, выбор некоторых акцентов в интерпретации фактов жизни моих героев.

В конце 2003 года Юлия Беспалова подарила мне свою небольшую книжку о западносибирских предпринимателях [35]. Я прочел ее, но, поскольку тогда только «вкатывался» в изучение биографий «отцов-основателей» опросов общественного мнения и приходилось читать очень многое, непосредственно относившегося к их жизни, я забыл про эту работу. Но в начале 2005 года я обратил внимание на тот раздел ее книги, в котором она трактовала соотношение биографии и судьбы, и тогда этот мотив стал для меня весьма существенным.

Для меня биография человека – это совокупность всех его действий и мыслей, происходящих на годы его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни и «плотность» окружавшего его социокультурного пространства, ибо все это уже произошло, и в этом смысле жизнь нельзя переписать, прожить заново. Но будущее всегда придает прожитой им жизни новый смысл, и значит – детерминирует, проявляет его судьбу.

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба – теоретически бесконечна, точнее сказать – судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба – многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто – и много раньше.

В свете сказанного и учитывая дальнзоркость истории, историк, как правило, имеет дело не с собственно биографией человека, но с биографией как частью, элементом, слоем его судьбы. И очень часто, чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой, происходит мифологизация образа человека.

ВЯ: Понадобится поразмыслить над тем, что ты сказал. Сейчас спрошу: *Методология твоего американского проекта фактически ориентирована на изучение жизни всех тех, чья деятельность прямо или опосредованно была связана со становлением рекламы и опросов. Разверни этот момент.*

БД: Если отвлечься от технической стороны поиска биографической информации и пытаться сконцентрироваться на сущностных аспектах узнавания нового человека, то здесь можно говорить об общении биографа и биографируемого. Процесс изучения и создания биографий целесообразно обсуждать в рамках социологии и психологии общения. Итог такой работы зависит от:

- 1) готовности (установки) к общению с героем, то есть моей способности понять его и рассказать другим о сделанном им и о нем самом;

- 2) подготовленности к общению с героем (информированности), то есть полноты информации о сделанном им и о его жизни;
- 3) наконец, характера самого общения, или диалога; в силу многих объективных и субъективных обстоятельств оно может оказаться плодотворным для решения историко-научоведческих задач, но может не быть таковым.

Прежде всего, успешность биографического анализа зависит от установки на контакт, на общение с людьми, оказавшимися в поле зрения биографа. Иногда позитивная установка в силу каких-то причин возникает сразу, иногда ее надо культивировать и ждать ее созревания. Когда я впервые в много раз читаной книге Гэллапа и Сола Рея «Пульс демократии» обратил внимание на финское имя Эмиль Хурья, я сразу подумал, не было ли у меня с Хурьей общих знакомых, ведь в 1980-е годы я активно контактировал с ведущими финскими полстерами. И это чувство дало импульс к поиску информации о Хурье. Но могу привести и пример другого типа: я семь лет «знаю» Даниэля Старча, классика изучения рекламы, который мог стать одним из «отцов» опросов общественного мнения. Он блестяще окончил Университет Айовы несколькими годами раньше Гэллапа, причем учился у тех же профессоров. Он прожил долгую жизнь и многое сделал. Но пока я написал о нем крайне мало. Почему? Не могу объяснить.

Есть разница между мысленными диалогами с теми, кто закладывал основы современной американской рекламы и технологии изучения общественного мнения, и непосредственным общением, скажем, интервью с коллегами. Но в обоих типах диалога есть и много общего: оба они могут протекать легко или трудно, тяготеть к обмену мнениями или затяжным монологам, быть тематически узкими или широкими и т. д. Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится, скажем, вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, – они всегда «здесь-и-сейчас».

ВЯ: Ты не скрываешь своей пристрастности к героям. Это так? А если да, то возможны упреки в необъективности.

БД: Да, верно. То обстоятельство, что процесс создания биографии я рассматриваю как форму общения, диалога с биографируемым, без сомнений, – эффект чтения М.М. Бахтина. А вот, откуда возникла идея пристрастности в отношении к героям, я не знаю, скорее ее появление – следствие растянутого во времени двухэтапного процесса.

Возможно, что в ее основе лежит мой интерес к философии физики и мое представление о неизбежном влиянии наблюдателя на результаты измерений. Другими словами, взгляд историка – это продолжение моих давних метрологических размышлений [36]. В своей «Драматической социологии» Андрей Алексеев приводит фрагменты моего отзыва на рукопись его книги «Познание через действие», написанного в январе 1990 года; тогда я занимался только жесткими социологическими методами и не думал об изучении биографий. Там сказано: «Автор пристрастен. Эта пристрастность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и “объектом” эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастным и будущим читателям, и рецензенту» [37]. Пристрастность я ставил в «плюс» работе.

Но про этот отзыв я давно забыл и перечитал его лишь недавно, так что при изучении биографий я пришел к «пристрастности» снова и, возможно, следовал чему-то из Бахтина или Библера, или из Ю.М. Лотмана. Но, мне представляется, что это скорее навеяно тем, что говорили А. Ахматова и М. Цветаева о своем видении творчества Пушкина. И если поэтам можно иметь «своего Пушкина», то почему историку опросов общественного мнения и рекламы нельзя иметь своего Гэллага или Огилви? Говорят ведь об истории Н.М. Карамзина, М.Н. Покровского... и ничего. Все — авторское. История всегда авторская.

Во всяком случае, признаюсь, о «личностном знании» [38] Майкла Полани я узнал лишь из отзыва Дмитрия Рогозина на мою книгу о первопроходцах мира мнений [39], а вскоре на близость моих рассуждений и идей Полани мне указал Алексеев. Но я не сторонник крайностей. Пристрастность — не единственный «недостаток» в работе историка.

От биографии к истории

ВЯ: *Не мог бы ты показать на примерах, как ты выскочил за границы жизни отдельного героя и решил рассматривать длительные периоды времени?*

БД: Если говорить о принципе, то такое движение мне подсказал сам биографический материал. Я его внимательно читал и пытался понять, как я могу использовать информацию о жизни человека в раскрытии его профессиональной деятельности. Полагаю, что во многих случаях было бы сложно сде-

лать подобный шаг, но мне повезло с первым объектом моего историко-биографического анализа – Джорджем Гэллапом.

В одном из биографических справочников я прочел, что Гэллап – американец в десятом поколении, и мне сразу показалась интересной мысль о связи времен, об ответах на вызовы предков и так далее. Проверка этого краткого сообщения вывела меня на Ассоциацию членов семьи Гэллапов (The Gallup Family Association) и на поиски людей, к которым я мог бы обратиться с просьбой о новой информации об этом клане. Я стал изучать сайт этой организации и обратился к некоторым людям, чьи рассказы об их предках показали мне наиболее интересными. Так я познакомился с Джоном Гэллапом (John Hoagland Gallup), в то время одним из активистов Ассоциации, и он подарил мне уникальную книгу по генеалогии семьи Гэллапов [40], содержащую краткие заметки о тысячах представителей этой семьи, представляющих ее 14 поколений. Первым был Джон Галлоп I, достигший берегов Нового Света 30 мая 1630 года. Он принадлежал к пуританской общине, оказавшейся самой важной и наиболее влиятельной среди всех, прибывших в Северную Америку. Община привезла с собою пуританскую, или протестантскую этику, определившую специфику американского капитализма, именно в ней и выходцами из нее были выработаны фундаментальные принципы организации и функционирования властных институтов и заложены основы американской демократии. Сам Джон был авторитетным человеком в среде первых поселенцев Новой Англии, владельцем и капитаном первого корабля, построенного в Америке. На картах Бостона и прилегающей территории в середине XVIII века были отмечены места, названные его именем: верфь Галлопа, аллея Галлопа. Есть остров Галлопа в гавани Бостона, сейчас он является исторической частью города.

Для монографии о Гэллапе, которую я, может быть, когданибудь напишу, у меня готова серия очерков о членах этой огромной семьи. Изучая только ее можно многое увидеть в процессе зарождения американского общества и американской культуры. Гэллапы всегда стремились знать и помнить своих предков, результаты первого исследования истории американской семьи были опубликованы в 1893 году, а в 1902 году была образована The Gallup Family Association. В частности, интересовались генеалогией отец Джорджа Гэллапа и он сам, знают ее и его дети. Я не удивился, увидев строки выдающейся американской поэтессы Эмили Дикинсон: «Успех всегда так сладок / Не ведавшим его» в начале книги сыновей Гэллапа. Дикинсон – представительница девятого поколения Гэллапов.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести еще один факт из истории семьи Гэллапов. Внучка Джона Гэллапа I из четвертого поколения в 1821 году вышла замуж за Обадии Буша, предки которого по материнской линии прибыли в Америку с первой группой пилигримов 11 ноября 1620 года на легендарном «The Mayflower». В 1988 году их правнук Джордж Буш-старший (представитель 11-го поколения Гэллапов) стал 41 президентом Америки, а в 2000 году – его сын Джордж Буш-младший – 43 президентом.

Я писал о сумме обстоятельств, предопределивших начало проведения Гэллапом регулярных опросов общественного мнения в США, о его глубоком демократизме, огромном опыте маркетинговых опросов, но, несомненно, одним из значимых факторов является и его причастность к истории страны. Чувства членов этой семьи отражены в письме вышеназванного активиста Ассоциации Джона Гэллапа: «...конечно, Джордж Гэллап был самым настоящим американцем. Длительная история нашей семьи заставляет нас принимать близко к сердцу все, происходящее в стране, усиливает чувство причастности к ней. Мы гордимся тем, что являемся частью истории великой страны. Мы ничуть не больше американцы, чем все остальные, но, живя здесь с 1630 года, знаем, кто мы такие и какова наша роль в этом великом потоке истории» [41].

Сюжет с долгой историей семьи Гэллапа мог бы стать лишь красочной иллюстрацией к его биографии, но он приобрел статус базового при определении того, насколько следует углубляться в прошлое при изучении истории выборочных опросов.

ВЯ: История семьи Гэллапов хорошо иллюстрирует не новую мысль, а именно: решающие различия русской и американской ментальности в общем виде заключаются в том, что американцы в силу самой истории страны видят цель прогресса в расширении степеней индивидуальной свободы, отсюда – индивидуализм как черта национального характера, а русский образ идеального общества – не индивидуалистический, но коммунитарный – царство справедливости. Здесь и коренится проблема особого пути России в миросообщество. Впрочем, это не только проблема России. *Что ты об этом думаешь?*

БД: На оси «индивидуализм» – «коллективизм» (название полюсов бывают разными) страны Европы, Северной и Южной Америки заполняют весь континуум, и Россия расположена в области «высокого коллективизма». Это фиксируют как культурные антропологи, так и социологи, применявшие ме-

тоды многомерного шкалирования при изучении ценностных ориентаций национальных общностей. Хотя ряд тенденций глобального характера, такие как, например, рост гедонизма, с одной стороны, и угрозы терроризма – с другой, заметно сказываются на изменении ценностных структур разных групп населения.

Вместе с тем отмечу, что в России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связи с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам. Многие из моих героев уже в 7–9 лет начинали работать в домашнем бизнесе или на стороне, чтобы помочь семье, они рано уходили из дома и начинали жить самостоятельно, неся полную ответственность за себя. Не достигнув двадцати лет, они открывали свое дело, то есть отвечали уже не только за себя, но и своих работников, преподавали, пробовали себя в проповеднической деятельности. После первых крупных успехов в своем деле они активно участвовали в благотворительных акциях и проектах, финансировали значительные суммы на развитие культуры и науки, часто за символическое вознаграждение работали в правительстве или консультировали его. Хэдли Кэнтрил, один из первых в изучении общественного мнения, писал о Джерарде Ламберте, выдающемся бизнесмене и рекламисте: «Джерри был в высшей степени талантливым и творческим партнером в той огромной работе, которая делалась для Рузвельта во время войны, а его щедрая финансовая помощь давала мне возможность проводить те исследования для Рузвельта, которые я считал необходимыми, вне зависимости от того, будут ли они поддержаны каким-либо правительственным фондом» [42].

ВЯ: Позволь заметить, что в отличие от расхожего мнения обществоведы вовсе не считают индивидуализм, присущий западной культуре, элементарным эгоизмом, они отмечают развитое на Западе чувство персональной ответственности (в «научение» молодым, да и немолодым тоже). *Теперь вопрос. Ты говорил, как перешел от анализа биографий к исследованию исторических процессов. Мог бы ты развернуть это в понятиях социологии и истории науки, передачи опыта в науке?*

БД: Расскажу итоги одного микроисследования, фактически длившегося четыре года [43]. В начале работы над биографией Гэллапа обнаружилось несовпадение данных в разных энциклопедических словарях о том, когда он учился

в Айовском университете и какие ученые степени им были получены. Для внесения ясности в этот вопрос я отправил запрос в архив университета. Ответ оказался в высшей степени неожиданным и в значительной мере стимулировавшим последующие исследования жизни и творчества Гэллапа. Это была ксерокопия трехстраничного текста (выписка из «личного дела») студента Джорджа Гэллапа, содержащего исчерпывающую информацию о том, какие курсы в какие годы он изучал и как были оценены его знания. Замечу, мне не известны историко-научоведческие работы, в которых этого рода документы анализировались бы с целью «измерения» процесса передачи научного опыта.

Ознакомившись с выпиской, я понял, что недостаточно знать, какие предметы изучал Гэллап, крайне важно, кто их преподавал. Я отправил новый запрос в архив университета и через некоторое время получил документ с указанием фамилий и инициалов преподавателей. В некоторых случаях по фамилиям и инициалам можно было отыскать в справочниках и в Интернете базовые данные о заинтересовавших меня ученых, но когда имеешь дело с распространенными фамилиями, типа Knight, Haynes и подобными, найти релевантную информацию практически невозможно; пришлось вновь обращаться в архив.

Гэллап поступил в университет 26 сентября 1919 года и завершил свое образование 23 августа 1928 года, получив степень доктора наук (Doctor of Philosophy) по прикладной психологии. Кроме того, он имел специальную подготовку в теоретической психологии и экономике. Отталкиваясь от этих данных, я выбрал одиннадцать профессоров и преподавателей, обучавших Гэллапа психологии, и начал изучать их жизненные пути и творчество. Я искал необходимую информацию в энциклопедических справочниках, в книгах по истории психологии, в воспоминаниях людей, работавших в те годы в Айовском университете и учившихся примерно в те же годы, что и Гэллап. Я приобрел многие книги этих ученых, чтобы понять, что мог знать Гэллап по избранной им профессии.

Оказалось, что одна группа профессоров Гэллапа (старших по возрасту) принадлежит к ведущим психологам Америки, основателям ряда направлений психологических исследований, они учились у основоположников американской психологии и у крупнейших европейских ученых. Другая группа – это ученики профессоров из первой группы, которые тоже стажировались в ведущих психологических лабораториях США, Германии, Франции и Англии.

В целом обнаружилось, что Гэллалп имел блестящее по тому времени психологическое образование, и удалось выделить «траектории преемственности», соединяющие Гэллала через его преподавателей с классиками психологической науки Гальтоном, Джемсом и Фехнером.

Безусловно, научный опыт передается через множество каналов: книги и статьи, научные форумы, письма, архивные документы и прочее, но наиболее эффективными в течение столетий были и остаются сейчас прямые контакты учителя и ученика, преподавателя и студента. В этой коммуникации передается не только собственно научная информация, но только навыки исследовательской работы, но сам дух, этика профессионального сообщества. Преемственность в науке имеет множество аспектов и составляющих, она не сводится лишь к прямым формам коммуникации между учеными разных поколений. Однако трудно говорить о преемственности, если ученые новых поколений оказываются плохо или вообще не знакомыми с работами своих предшественников.

ВЯ: Нынешняя система университетского обучения у нас все более обезличивается. Профессор нередко общается со студентами по электронной почте, семинар на дому профессора, что я еще застал, будучи студентом, немислим, тексты рефератов и эссе доминируют над разговором лицом к лицу.

В Америке те же тенденции?

БД: Я не большой специалист по американской системе образования, но уверен, что студенты, ориентирующиеся на личное общение с профессорами, всегда имеют возможность побеседовать с ними. К тому же многие студенты постоянно общаются с преподавателями, работая вместе с ними в лабораториях, на кафедрах, ведь в США наука делается прежде всего в университетах.

ВЯ: Насколько я понимаю, ты придаешь принципиальное значение построению и анализу коммуникационной сети, связывающей всех твоих героев: тех, кто создавал и изучал рекламу и тех, кто заложил основы современной практики изучения общественного мнения. *Как ты выстраивал коммуникационную сеть, с чего начинал?*

БД: Использование коммуникационных сетей в науковедении – дело давнее, и к нему обращаются многие науковеды. Это помогает понять роль формальных и неформальных связей между учеными, раскрыть механизмы формирования научных школ и направлений, описать пути распространения нового знания и новых методов. В целом мне все это знакомо,

но в начале работы у меня не было плана создания такой конструкции, ибо исходно исследование планировалось как историко-методическое, я не думал, что оно будет историко-биографическим.

Реально импульсом к построению коммуникационной сети стал небольшой фрагмент одного из последних интервью Гэллапа, где он подводил итоги сделанного более чем за полвека [44]. Там ничего не говорилось о становлении системы измерения общественного мнения или об элементах стиля деятельности Гэллапа, но был указан один из ключевых моментов его жизни и названы имена людей, много значивших в его личной и творческой судьбе. Сначала этот короткий диалог помог мне построить изучение биографии Гэллапа по принципу: «к Гэллапу от Гэллапа и от людей, окружавших его». Далее, реализуя этот план, я пришел к необходимости изучения широкого круга людей, контактировавших с основными героями моего исследования.

Очевидно, что *априори* было невозможно очертить архитектуру коммуникационной сети ни в отношении числа ее уровней, или слоев, ни в отношении ее профессионального состава. Был виден лишь главный критерий для включения того или иного человека в эту сеть: причастность к поискам приемов создания эффективной (продающей) рекламы, изучения установок и поведения, и совершенствования процедур изучения общественного мнения. Понятие причастности трактуется мною очень широко и в «пользу» субъекта; лучше включить тех, кто – по мнению иных исследователей – «не причастен», чем не указать действительно заслуживших право присутствия в истории.

Исторический процесс – итог взаимодействия людей, и потому методологически ошибочно сводить анализ динамики многовекового процесса к освещению деятельности ограниченного числа акторов, каким бы значимым их личный вклад в эту историчность не был.

Существующая сейчас коммуникационная сеть включает сотни людей, ее частью являются генеалогические цепи основных героев исследования. Значительная часть «точек» сети – это ученые, наследие которых оказалось важным для первых поколений аналитиков рынка и общественного мнения, а также профессора, готовившие их к самостоятельной исследовательской деятельности. Многое в истории проведения рекламных кампаний определялось капитанами бизнеса, которые выступали заказчиками рекламы и инициаторами привлечения науки к изучению механизмов воздействия рекламы на потенциальных покупателей. Если говорить о становлении

опросов общественного мнения, то здесь во многом решающее значение имели позиции журналистской элиты и политиков. Они – тоже члены этой коммуникационной сети.

Численность элементов сети и ее ярусность, по сути, определяют «толщину» и границы настоящего, о чем я говорил выше. Замечу одно принципиальное свойство строения коммуникационной сети: вообще говоря, ее можно создавать, начиная движение с любой точки, процесс ее конструирования – сходящийся, и результат, финальное строение сети, при соблюдении определенных критериев слабо зависит от ее строителя. Я начинал исследование истории опросов общественного мнения и возведение коммуникационной сети с изучения биографии Гэллапа, но я имел бы тот же результат, если бы первым на моем пути были Роупер, Кроссли, Кэнтрил или любой аналитик, оставивший заметный след в изучении мнений, в проведении опросов.

ВЯ: Какого рода связи ты артикулировал и анализировал?

БД: В данном исследовании было непродуктивно выделять формальные и неформальные связи – ведь стремление к творчеству, желание быть независимым в бизнесе, успешность карьеры практически всех моих героев по сути означает, что чисто функциональный тип отношений между ними – явление крайне редкое. Здесь целесообразнее говорить о прямом, непосредственном диалоге субъектов коммуникации и диалоге внутреннем, или мысленном.

Прямой диалог означает личное знакомство и предполагает существование различных форм коммуникации между его участниками: профессиональной, дружеской и проч.; такие контакты могут быть непосредственными или опосредованными, например – обмен письмами. Мысленный диалог тоже может быть формой общения знающих друг друга людей, однако в рамках этого исследования под подобной формой коммуникации подразумевались, прежде всего, «мысленные разговоры», «внутренние диалоги» живущих, активно действующих людей с их предшественниками, размышления по поводу жизни и наследия последних. В таких диалогах реальное «я», не порывая с собою, постоянно спрашивает о чем-то лично неизвестном ему «историческое» «не-я» и самостоятельно пытается ответить за него на эти вопросы. В момент внутреннего диалога реальный субъект общения «удваивается»: он говорит за «я» и за «не-я».

Я подробно рассматривал многолетний и в высшей степени плодотворный мысленный диалог Гэллапа с лордом Брайсом, понимание которым природы и истории американской демок-

ратии стимулировало проведение Гэллапом «выборочных референдумов», то есть опросов общественного мнения. Редко цитируемая книга Гэллапа «Грядущее чудо» [45] о психобиологических основах мышления и памяти – свидетельство его, как сказали бы сегодня, «виртуального общения» с Фрэнсисом Бэконом. Возможно, об этом диалоге можно было бы здесь и не говорить, но признание ценности бэконовских принципов науки и научного знания, опора на них в эмпирических поисках – одна из составляющих сущности и стиля работы Гэллапа [46].

Однако создание богатой, многослойной коммуникационной сети является лишь частью методологии исторического исследования, базирующегося на биографическом материале. Второй круг методологических проблем – это создание биографий, например, отбор биографических данных. Такой проблемы нет, если биографических сведений мало, но в ряде случаев необходима селекция подобной информации.

Здесь принципиально заметить, что обсуждаемое историко-наукоедческое исследование имеет дело не вообще с биографией, а с профессиональной биографией, показывающей человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности биографируемого, образа его жизни, внутреннего мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания «биографии ради изучения истории» в область биографической литературы и создания художественного портрета. Хотя в действительности, удержаться в заданных себе границах иногда бывает очень трудно; влияние личности героя может быть настолько сильным, что хочется говорить о нем не только как о профессионале. Тем более, что во многих случаях профессиональное было почти тождественно личностному.

ВЯ: Ну что же, мне кажется, нам удалось прояснить твою методологию. Видно, что здесь слитно присутствуют профессионализм социолога и историка (науки). Не будучи историком, не могу себе представить, как бы стал рыться в архивах и справочниках в поисках сведений о некоем, в сущности, побочном для «целевого» персонажа ученом или ином деятеле. Я вижу, что мы в беседе, возможно, несколько перебрали во взаимных реверансах. Эта манера присуща людям искусства, у них реплика «Старик, ты гений!» – норма. Да проститься нам,

представителям иной профессии. И скажу вполне серьезно – ты действительно разработал особую методологию интервью с экспертами. Ее можно адаптировать и к иным областям, то есть за пределами социологии и истории науки – в сферах изучения развития предпринимательства, управления и т. д.

И еще. Мне хотелось бы взять у тебя интервью на другую тему: как из Америки ты стал бы обсуждать нашу проблему будущего России, имея в виду радикальное различие американской и российской (точнее русской) культур? Мы эту тему затронули и, мне показалось, могли бы продолжить. Подумай.

Сердечное спасибо, Боря, за полезный для нашего дела разговор. Старик, ты молодец!

Литература

1. В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 3. С. 2–11; 2005. № 4. С. 2–10.
2. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
3. Кузнецов В.Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
4. Философия и методология истории. Сборник статей / Отв. ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977.
5. Коллинвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
7. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
8. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
9. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
10. Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995
11. Б.М. Фирсов: «...О себе и своем разномыслии...» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 1. С. 2–12.
12. Докторов Б.З. История в биографиях и биографии в истории (Тезисы для чтений памяти В.Б. Голофаства. Петербург. 23–25 марта. 2007) <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/golofast.html>>
13. Докторов Б.З. «Я живу в двуедином мире...» (Интервью Н. Мазлумяновой) // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.
14. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947.

15. *Инфельд Л.* Эварист Галуа. Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
16. *Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. М.: АН СССР, 1962.
17. *Кузнецов Б. Г.* Галилей. М.: Наука, 1964.
18. *Здравомыслов А.Г.* «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 5. С. 2–10.
19. *Докторов Б. Дж.* Гэллал всегда первым знал, кто будет новым президентом Америки // *Взгляд (Сан-Франциско).* 2000. № 394. 11–17 марта. С. 20–21.
20. *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
21. *Докторов Б.З. Дж. Гэллал – наш современник: к 100 летию со дня рождения* // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2000. № 2. С. 2–18.
22. *Докторов Б.* Реклама должна продавать. (К попытке анализа наследия П.Т. Барнума, Х. Гейла, У. Скотта и Э. Стронга) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 5. С. 44–53.
23. *Докторов Б.* Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // *Телескоп.* 2000. №4. С. 16–31.
24. *Докторов Б.З.* Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // *Социальная реальность.* 2007. № 6. С. 67–82
25. *Докторов Б.З. Б.А. Грушин.* Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2004. №4. С. 2–13.
26. *Заславская Т.И.*: «За то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью» (Интервью Б. Докторову) // *Социологический журнал.* 2007. №3. С. 137–169.
27. *Докторов Б.З.* Он изучал людские мнения «нешадно, вопреки всему». Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // *Социологический журнал.* 2007. № 4. С. 171–184
28. *Докторов Б.З.* «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б.М. Фирсову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. №3. С. 2–13.
29. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 26 февраля 2004 г.
30. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 22 сентября 2004 г.
31. *Гилбер Дж.Н., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.
32. *Докторов Б.З.* Эмиль Хурья – волшебник политического анализа // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2002. № 5. С. 30–40.
33. *Докторов Б.З.* Дэвид Огилви: рекламист на все времена // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 4. С. 39–51.
34. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 23 января 2004 г.
35. *Беспалова Ю.М.* Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.

36. *Докторов Б.З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
37. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: Т. 4. СПб.: Норма, 2005. С. 31.
38. *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
39. *Рогозин Д.М.* Рецензия на книгу Б.З. Докторов «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75), С. 131–138.
40. Gallup Genealogy. Provo, Utah: Brigham Young University, 1987.
41. Электронное письмо Дж. Гэллапа (John Hoagland Gallup) Б. Докторову от 24 июля 2000 г.
42. *Cantril H.* The Human Dimension: Experiences in Policy Research. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1967. P. XI.
43. *Докторов Б.З.* Учителя и учителя учителей // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 29–41.
44. George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // Journal of Advertising Research. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 21.
45. *Gallup G.* The Miracle Ahead. New York: Harper & Row Publishers, 1964.
46. *Hogan J.M.* George Gallup and the Rhetoric of Scientific Democracy // Communication Monographs. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 161–179.

Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 40 – 50 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content121601777511087file.pdf>; Социальная реальность. 2008. № 4. С. 47 – 81 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0804-047-081.pdf>>

В настоящем разделе продолжается обсуждение с В.А. Ядовым методологических вопросов анализа истории российской социологии.

О ПОКОЛЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОЛУВЕКА¹²

Действия «фундаторов» невозможно уложить в общую схему...

ВЯ: В нашей предыдущей беседе ты описал свою методологию изучения истории рекламы и опросов общественного мнения в США. Суть твоего подхода, как я понял, в том, чтобы рассмотреть воедино историю зарождения и развития некоторого научного направления, притом с учетом социального контекста, а также понять, каков вклад личности исследователя в этот процесс – его социального «Я», особенностей ранней и последующих этапов социализации, круга интеллектуального общения и т. п. Мы договорились продолжить разговор, но теперь уже –

¹² Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 40 – 50.

о становлении (говорят также – возрождении) отечественной социологии в 1960-е годы и ее развитии в постсоветское время. Эта тема весьма сенситивна, она затрагивает интересы и самолюбие многих из ныне здравствующих коллег, непосредственно причастных к предмету обсуждения. Но у нас есть прямые свидетельства того, как все происходило: сборник интервью с ветеранами советской/российской социологии под редакцией Геннадия Батыгина, беседы с социологами-шестидесятниками Улфа Химмельстранда [2] только что вышедшие воспоминания Татьяны Заславской и подготовленные к изданию мемуары Игоря Кона. Я отнюдь не предлагаю путем электронного общения сочинить том по истории нашей социологии, но, используя твой подход, попытаемся уяснить, *как именно свидетели этой истории представляют ее важнейшие особенности.* Согласен?

БД: Но давай постараемся сделать эту беседу более диалогичной. Хотелось бы, отвечая на твои вопросы, спрашивать и тебя.

ВЯ: Хорошо. И я предлагаю тебе опираться главным образом на обширный банк интервью с российскими социологами, тот, что ты накопил, плюс тот, что вы создали с Димой Шалиным – «нетленный» сайт из свыше сотни подобных текстов, который постоянно пополняется.

БД: Начиная с 2005 года мною проведено и опубликовано в питерском журнале «Телескоп» и в московских изданиях – «Социологический журнал» и «Социальная реальность» три десятка биографических интервью. Наш с Шалиным онлайн-проект «Международная биографическая инициатива» [3] существует более двух лет и содержит, мы полагаем, наиболее представительную коллекцию интервью с российскими социологами и статей по истории советской/русской социологии.

ВЯ: *Обладея таким богатством, как бы ты структурировал нашу беседу?*

БД: Во-первых, мне представляется важным предложить такую версию истории постхрущевской российской социологии, в которой главную роль играли бы суждения, свидетельства самих социологов. Примечательно, что становление обществоведческой научной дисциплины в СССР, – жестко контролировавшем все сферы жизни общества, в значительной степени совершалось снизу, то есть благодаря профессиональной и гражданской активности первых поколений социологов. Атмосфера политической «оттепели» рубежа 1950–1960-х годов,

временное ослабление давления государства на личность, приподнятые «железные занавесы», ощущение внутренней силы поколением, которое родители берегли от знания перипетий борьбы «с врагами народа» и истории собственных семей, но которое законно ощущало свою причастность к победе в войне, позволило небольшой группе молодых социологов начать заниматься социологией. Они ни у кого не испрашивали разрешения и все делали иногда при поддержке прогрессивно мыслящей части партийной и административной элиты, но часто – вопреки генеральному направлению густо идеологизированного обществоведения. Пока я классифицирую то, чем располагаю, как историю с «человеческим лицом». На мой взгляд, история должна отражать не только сделанное советскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих. Трактровка истории нашей науки, подчеркивающая роль ученого как профессионала, гражданина и человека, эффективно дополнит институциональное прочтение прошлого.

Институциональность при таком подходе не выхолащивается, ибо жизненные пути этих социологов были жестко заданы государством. Государство было повсеместно: от школы и вуза до трудоустройства, выбора темы исследования, возможности опубликования результатов, контактов с зарубежными коллегами.

На мой взгляд, поиски «человеческого лица» в различных современных политических и социальных процессах и тенденциях – это одно из веяний, велений времени. XX век устал от государства, от железа, скрежета, войн, насилия. ***Но прежде, чем продолжить ответ на твой вопрос, могу ли я узнать твое мнение относительно сказанного?***

ВЯ: Невозможно уложить действия «фундаторов» в общую схему...

БД: Именно это я и говорю, в нашей беседе общая схема может находиться несколько в тени, на авансцене нам нужны «лица», и как можно больше...

ВЯ: Позволь продолжить о трудностях «общей схемы». Так, Геннадий Осипов, сыгравший ключевую роль в институционализации социологии, помимо интереса к науке обладал качествами, которыми другие похвастаться никак не могли. Он великолепно ориентировался в столичных коридорах власти, и эти способности эффективно использовал во благо нашего общего дела. Не знаю, насколько затянулось бы признание социологии в системе марксистских наук в Академии СССР,

если бы не подвижничество Осипова. Звание академика в тех обстоятельствах ему никак не светило. Альтернативный персонаж – Юрий Левада – академический ученый, озабоченный лишь тем, чтобы ему не мешали заниматься своим делом. Юрий, я думаю, был наиболее образован в нашей когорте. Недавно я заново прочел его курс лекций, послуживший причиной остракизма, и, клянусь, это великолепное введение в социологию, которое можно рекомендовать и нынешним студентам. Борис Грушин – хулиган по характеру, но интеллектуал по образу мыслей. Его участие в кружке «диалектических станковистов» Мамардашвили вполне могло завершиться арестом. Также в его характере ниспровергателя были утверждения о том, что никакого общественного мнения в СССР нет, ибо нет гражданского общества и общественно-политической дискуссии. Тем не менее, Борис стал нашим Гэллапом, надеясь, что сам факт опросов граждан подвинет их к размышлениям о проблемах общества. Мы, питерские, вдали от Москвы, делали свое дело, не очень задумываясь о позиции высших властей. У нас было провинциальное представление о властвующих структурах (главное – охмурить свой обком партии), но было серьезнейшее отношение к новой тогда науке. В Свердловске Леонид Коган, человек с искрометным юмором, определенно считал, что социология поможет партии лучше понять, что следует делать, если социологи представляют истинную картину общества. Украинская когорта тогдашних лет была озабочена в первую очередь самообразованием, каковое пополнила в постсоветское время сотрудничеством с американцами и сегодня выступает в функции истинных интеллигентов, отстраненных от власти. Эстонские первосоциологи Юло Вооглайд, Марью Лауристин, Пээтер Виихалем, Яаак Тамм и другие учились у нас с тем, чтобы в критический момент выступить экспертами при разработке и осуществлении программы «назад в Европу»¹³. Захар Файнбург, глубокий философ и социолог, «далеко от Москвы» (был такой роман Василия Ажаева) создал великолепную школу, причастные к которой не только отличные эмпирики, но пытаются категориально осмыслить статистику. Блистателен белорусский партизан Георгий Петрович Давидюк, который именно как партизан, навесив свои ордена и распахивая ногой двери в

¹³ Все упомянутые активнейшим образом участвовали в политической жизни Эстонии в качестве депутатов парламента, Лауристин был министром и сегодня является лидером Социал-демократической партии, Тамм – мэром Таллина и позже – мэром Силламяэ, где большинство избирателей – русскоязычные. Он умер в 50 лет, и врач сказал, что сердце его – сердце старика.

кабинеты ЦК Белоруссии, «продавил» социологию¹⁴. Венори Квачахия – отец грузинской социологии, верящий в общественный пульсар исследований общественного мнения. Он сотрудничал с Шота Надирашвили, директором института психологии им. Д. Узнадзе, был вхож в кабинет Первого секретаря КП Грузии Шеварднадзе, который обращался к нему «батано профессор товарищ Венори». Квачахия с помощью Шеварднадзе раньше Грушина создал представительную опросную сеть по республике.

Я согласен с твоим мнением, что шестидесятники почувствовали свободу научного творчества и социального действия, но каждый по-своему. Маркс, которому следуют нынешние мэтры активистской социологии, писал о параллелограмме сил в том смысле, что в обществе сталкиваются разные интересы действующих субъектов и в итоге складывается вектор социального развития, изменения. Какими бы персональными мотивами не руководствовались шестидесятники, получилось то, что получилось.

БД: Уверен, мы эту тему еще обсудим, но сначала мне хотелось бы обозначить более общие вопросы.

Еще четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научоведческих исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих из тех, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, исчезли архивы и т. д.

ВЯ: У нас есть в Питере ученейший архивариус – Андрей Алексеев...

Четыре вопроса-ориентира

БД: Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее всего следует назвать «*вопрошающим*»: необходи-

¹⁴ Г.П. Давидюк издал первый в стране учебник по прикладной социологии (Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. Минск: 1975.)

мо сформулировать вопросы, которые могли бы стать координатами историко-научно-исследовательских исследований. В порядке первого приближения рискну назвать следующие четыре:

Первый вопрос – собственно историко-научно-исследовательский: каков генезис постхрущевской социологии, особенности ее возникновения? *Второй* – каковы критерии выделения разных поколений в нашей социологии и как они взаимосвязаны?

Вопрос третий касается взаимоотношения социологии и общества: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в стране и в сознании людей? *И последний вопрос* – теоретико-методологический: внутри страны и для мирового научного сообщества советская социология позиционировала себя в качестве инструмента, главной силы развития марксистской теории общества. Каковы эти теоретико-методологические достижения?

Мы не сможем обсудить сразу все намеченные темы, но важно начать...

ВЯ: Думаю, что рамка хорошая, но сразу замечу, что далеко не все претендовали на роль «главной» силы развития марксистской теории общества применительно к нашей стране. Ты знаешь, что почти изначально происходило некоторое разделение по предмету интереса и исследований. Так, методологи образовали свое сообщество ранее других, социологи-трудовики получили сильную подпитку со стороны власти, когда была объявлена потребность в социальном, не только экономическом планировании. И так далее. Что же касается развития теории, то мне трудно было бы назвать кого-либо, кроме Василия Ельмеева [4], кто делал это именно в логике марксизма. Скорее были серьезные продвижения в теоретическом плане за счет совмещения марксистских идей с немарксистскими, особенно с парсонсианскими. Ельмеев же прямо заявлял, что необходима марксистская эмпирическая социология, главное отличие которой от буржуазной он видел в отрицании субъективистских опросных методов в пользу анализа социальной статистики, изучения по документам передовых производств и т. п. Известно, что на этой основе научной школы не состоялось. *Двинемся дальше?*

БД: Хорошо, но сначала сделаю некоторые терминологические уточнения, касающиеся обозначения того, историю чего мы обсуждаем. Прежде всего, речь идет, конечно же, о советской/российской социологии постхрущевского (точнее – после доклада Хрущева на XX съезде КПСС) периода, в которой, мне представляется, следует выделить два, скажем, пласта.

Первый пласт охватывает период до начала 1990-х, то есть советское время, второй – вмещает события, развивающиеся после распада Союза; это тоже уже солидный временной отрезок.

При обсуждении реалий первого пласта вполне оправдан термин «постхрущевская социология», так как, во-первых, он точно характеризует социальную атмосферу, в которой нынешняя отечественная социология возникла и развивалась, и, во-вторых – он составлял исторически неповторимую среду, в которой и действовали первопроходцы. Однако замечу, что и при обсуждении прошлого с некоторыми нашими коллегами, и в ряде встречавшихся мне публикаций я обратил внимание на стремление авторов избежать определения «советский». Я с этим не могу согласиться.

Летом 2007 года я встречался с Татьяной Ивановной Заславской и спросил ее: «Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?» Она ответила: «Мне кажется, что правильнее – советской социологией. Ведь этапы – это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным. А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х <...> А стимулами для возникновения или попыток оживления социологии в 1960-е годы стала действительность того времени <...> Рождение нашей социологии стимулировалось этими факторами» [5, С. 166].

Примерно в то же время аналогичный вопрос я задал и Жану Терентьевичу Тоценко, он ответил следующим образом: «Сам я лично употребляю словосочетание “советская социология”, так же как по отношению к социологии XIX – начала XX века – “русская социология”. Нынешней этап для меня – “российская социология”... общим названием... является термин “отечественная социология” для внутренней аудитории и “российская” – и для внутреннего, и для внешнего потребления» [6].

В дальнейшем, говоря о доперестроечных временах, я буду использовать термин «советская социология», о событиях второго временного периода (пласта) «современная», или «постсоветская», «российская».

ВЯ: Мы с Игорем Коном по просьбе редактора Эдгара Боргатта написали большую статью о нашей социологии для второго издания Международной социологической энциклопедии (International Encyclopaedia Of Sociology. Ed. by Borgatta

Edgar F., Vol 4. 2000) и долго думали, как же ее озаглавить. Статья опубликована под титулом «Социология в СССР и в постсоветских странах». Создаваемое в период «оттепели» никоим образом не опиралось на дореволюционных гигантов отечественной социологии. На международных конгрессах мы выступали как советские («русские» в терминологии западных участников) и, прямо скажу, этим гордились – многие доклады собирали изрядную аудиторию. Это, Боря, проблема самоидентификации. В науковедческом тексте, я согласен, шестидесятников следует именовать советскими социологами хотя бы потому, что немалый вклад внесли наши товарищи из ныне суверенных государств.

БД: Начну с моего понимания генезиса постхрущевской социологии, ведь это многое определяет в нашей беседе.

В настоящее время большинство специалистов характеризуют происходившие на рубеже 1950–1960-х годов дискуссии о социологии и первые прикладные работы как этап возрождения советской/российской социологии после нескольких десятилетий отсутствия в стране теоретических и эмпирических социологических исследований. Начиная свои интервью, я тоже исходил из такого понимания событий полувековой давности, но при этом мне хотелось распознать следы процесса возрождения, что предполагает изучение и переосмысление опыта предшественников, выявление наиболее ценного в их работах, отыскание в этом прошлом вызовов для новых исследований.

Однако опубликованные ранее интервью с социологами-первопроходцами и мои с ними беседы показали, что в начале второй половины прошлого века у них не было никакой осмысленной, обоснованной концепции построения социологии с учетом достижений дореволюционной и ранней советской социологической науки. Более того, стало очевидным, что такой концепции и не могло быть. И дело не в том, что они плохо представляли сделанное предшественниками, но в том, что подобного «архитектурного» замысла в принципе не могло быть по политико-идеологическим обстоятельствам той эпохи. Прошлое российской социологии было скрыто от них в силу многих обстоятельств, в частности, особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Многие из них либо были уничтожены в конце 1930-х как «враги народа» (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), либо эмигрировали; многие к тому времени умерли. Имена покинувших Россию на «философском пароходе» или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки.

ВЯ: Прости, перебью. Работы Гастева и его сотрудников мы как трудовики пользовали. Напомню, что Ленин одобрил его намерение создать систему научной организации труда наподобие фордовской. Правда, институт Гастева (Центральный институт труда) долго не просуществовал, и его сотрудники были репрессированы.

БД: Я продолжу. В целом, получается так, что термин «возрождение» применительно к процессу становления постхрущевской социологии, его закрепление в историко-наукоеведческих исследованиях могут стать основой мифов, или ложной интерпретации генезиса, а значит и всего последующего развития отечественной социологии. На мой взгляд, точнее говорить не о возрождении советской социологии, но о ее *втором рождении*.

Молодые философы, историки, экономисты, которые на рубеже 1950–1960-х стали называть себя социологами, следовали в своей инновационной деятельности тем же социально-нравственным ориентирам, что и поэты-шестидесятники. Андрей Здравомыслов сказал: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь...» [7, С. 166].

ВЯ: У Высоцкого: «Нет, ребята, все не так / Все не так, ребята!»

БД: Обсуждая тему знания прошлого с Владимиром Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответы: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них» и «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 1960-е годы было равно, по моему мнению, нулю».

ВЯ: Это верно. Ссылки на ленинскую анкету для рабочих, его анализ становления капитализма в России на основе переосмысления земской статистики, упоминания исследований Энгельсом манчестерских ткачей непременно приводились в тогдашних учебниках, дабы показать, что классики марксизма не отвергали эмпирические методы. Но решающие индуктивные требования к построению опросов опирались на западные источники.

БД: Продумывая некоторые аспекты процесса зарождения постхрущевской советской социологии, я поинтересовался мнением наших коллег относительно определений «возрождение» или «второе рождение». Ответ Заславской был коротким: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» [5, С. 166]. Ответ Тощенко был развернутым, и я процитирую основное: «...говорить о возрождении можно довольно условно. Но в то же время в определенной степени это оправданно. При такой формулировке вопроса мы подчеркиваем некоторую преемственность, дань традициям, призыв не забывать предшественников. Но есть и другая сторона вопроса. В реальности русских социологов XIX века, 20-х годов XX века вспоминали скорее по форме, чем по существу. О том, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы. <...> В 1960–1980-е годы перед отечественной социологией стояли иные задачи. Поэтому все крупные исследования 1960-х годов <...> отвечали на волновавшие науку и практику вопросы именно этого периода, не учитывая то, что делалось в 1920-е годы. Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период» [6, С. 168].

Я должен процитировать еще одного человека, бесконечно нами уважаемого, – Владимира Шубкина. Еще в конце 1990-х он писал от лица старших о начале социологии: «От имени последних я и хотел бы рассказать о том, что было и как это делалось в действительности. <...> Появление социологии, начало “конкретных социальных исследований” после смерти Сталина и XX съезда КПСС были неожиданными. И для власть предержащих, ибо она возникла не по велеанию *сверху*, как это было с научным коммунизмом, историей партии, истматом, а *снизу*» [8]. Здесь я хотел бы выделить слово «неожиданным».

ВЯ: Мог бы ты одной фразой сформулировать свое понимание соотношения «возрождение - второе рождение»?

БД: Коротко это будет так: «К возрождению через второе рождение». Возрождение – это «лозунг», последних 20–25 лет, это современная установка нашего профессионального сообщества, стремление связать прошлое и настоящее. Но на рубеже 50-60-х такой программы не могло быть, тогда состоялось второе рождение.

ВЯ: Я бы добавил, что социология 1960-х была, можно сказать, социальным движением в том смысле, что объединяла единомышленников, стремящихся к определенной цели – утвердить социологию в системе марксистского общественнознания вопреки сопротивлению властных фигур в философии и политэкономии. И еще – только что посмотрел телепрограмму о Михаиле Ульянове. Коллеги называли его пахарем. Думаю, что несколько выделенных тобой поколений были именно пахарями, притом целины. Какие из этих поколений ты бы отнес к пахарям?

БД: Мне кажется, что этой целине – конца-края нет, на всех хватит. Каждому поколению достанется свое поле. Первые пахут давно и виден урожай, а вновь приходящим – еще пахать и пахать...

ВЯ: *Имеются ли в твоих интервью свидетельства определенно-го влияния на первых социологов тогдашних скорее социально-философских книг, у которых термин «социология» значился на титуле? Это были книги Г.Ф. Александрова и В.П. Рожина.*

БД: О вкладе В.П. Рожина (1908–1986) в становлении ленинградской социологии говорили ты, Андрей Здравомыслов и Игорь Кон. Но речь шла не о его книге по марксистской социологии, а о помощи в создании университетской социологической лаборатории. Кроме того, я нашел в сети упоминание о том, что с 1963 года Рожин руководил общественным Институтом социологических исследований в Ленинграде. Добрыми словами внимание и поддержку Рожина вспоминают Светлана Иконникова [9] и Альберт Баранов [10] у которого были сложности с подготовкой и защитой кандидатской диссертации. Так что сегодня у нас есть основания говорить о содействии В.П. Рожина развитию социологии как института.

С конца 1930-х и до смерти Сталина академик Г.Ф. Александров (1908–1961) был одним из главных идеологов страны; он активно боролся с «безродными космополитами» в науке и философии, и – парадокс той эпохи – сам стал жертвой этой борьбы [11]. Отправленный в 1955 году Хрущевым в Минск, он возглавил сектор диалектического и исторического материализма в Институте философии АН БССР и тогда же начал читать в Белгосуниверситете спецкурс «История социологических учений». В 1958 в Минске вышла его книга «История социологии как науки», а затем им были опубликованы еще две работы: «Очерк истории социальных идей в древней Индии» и «История социологических учений: Древний Восток». Но еще ранее, в 1948 году, появилась его работа «Банкротство буржуазной социологии». Мои обсуждения со Здравомысло-

вымы и Шляпентохом позволяют предположить, что труды Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил Игорь Кон, совсем недавно написавший мне: «...никакого интеллектуального содержания в его книгах нет, и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал» [12].

ВЯ: *Говорили ли твои собеседники о работах, написанных, как сказали бы сегодня, «в формате» критики буржуазной социологии, о каких именно и в каком смысле? То есть можно ли заключить, что именно эти работы побудили интерес к социологии?*

БД: Эта тема спонтанно возникала. В наиболее развернутой форме сказал Шляпентох: «...советская социология была обязана на первых этапах своего существования только западной и польской социологии. Отсюда важная позитивная роль Игоря Кона, Галины Михайловны Андреевой, Юрия Замошкина, старавшихся в своих якобы критических работах о западной социологии сообщить своим коллегам максимум информации о том, что происходит на Западе» [13]. В нашем с тобой интервью помимо Кона и Замошкина ты вспомнил и Юрия Алексеевича Асеева (1928–1995).

Если «переходить на личности», то – мне это очень приятно говорить – чаще всего подчеркивается значение работ, а также профессиональных дружеских советов Игоря Кона. Прежде всего, ты отмечаешь, что он обратил тебя в социолога. Кон посоветовал вам со Здравомысловым перевести с английского книгу Гуда и Хатта по социологическим методам, по этой книге многие осваивали азы сбора и анализа эмпирической информации [14]. Для вашего и следующих поколений социологов большое значение имели работы Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959), «Позитивизм в социологии» (1964) и «Социология личности» (1967). В них впервые в стране излагалось множество новых по тому времени теоретических и эмпирических результатов западных социологов и психологов.

Теперь обращусь к интервью с известными российскими социологами, сформировавшимися под влиянием Кона. Игорь Голосенко (1938–2001): «...лично я избрал историю социологии, книга Кона “Позитивизм в социологии” показалась мне глотком свежего воздуха» [15]; Александр Гофман: «О Дюркгейме я впервые услышал от моего учителя Игоря Семеновича Кона; он же рекомендовал мне заняться изучением его творчества» [16]; Леонид Ионин: «Когда речь зашла

о выборе темы для моей диссертации, [Кон] сказал, что есть такой интересный исследователь в Америке – Г. Гарфинкель, который избрал этнометодологию, но о котором у нас, можно сказать, никто не знает. <...> В общем, Игорь Семенович, хотя он этого наверняка не помнит, дал очень ценный совет, и, если взглянуть на то, о чем я писал, можно сказать, что я всю жизнь ему следуя» [17].

О Юрии Александровиче Замошкине (1927–1993) очень тепло сказано в мемуарах Игоря Кона, которые вот-вот увидят свет [18]. Круг научных интересов Замошкина был широк и, в частности, включал историю и современное состояние социологии. По мнению Кона, до Замошкина работы по истории и критике «буржуазной социологии» имели преимущественно историко-теоретический характер, причем главное внимание уделялось ее совместимости или несовместимости с марксизмом. Замошкиным был реализован иной методологический подход: он выбирал поставленную американскими социологами реальную социальную проблему и затем обсуждал ее экономические и социально-психологические корреляты, формулируя при этом собственные концептуальные идеи. Это было конструктивнее абстрактно-идеологической критики.

Считаю важным привести здесь крошечный фрагмент из воспоминаний твоей однокурсницы, одесского профессора социологии Ирины Поповой: «Мой “приход” в социологию связан с именем Ю.А. Замошкина. Случайно мне попала его небольшая брошюра, которая, помнится, называлась “Психологическое направление в современной буржуазной социологии”. Это было во второй половине 1950-х годов» [19].

Твой вопрос, по сути, касался одного из каналов ознакомления нарождавшегося социологического сообщества с западной литературой; но есть еще одна тема – возможность ознакомления с работами ваших советских предшественников. А ведь и здесь были преграды, по воспоминаниям Кона, «старая советская литература была еще менее доступной, чем иностранная» [18].

О поколениях социологов и их взаимосвязях

ВЯ: Перейдем ко второму вопросу: *Какие поколения ты выделяешь?* Поясним, что поколение не то же самое, что возрастная когорта, хотя они могут и совпадать. В моей интерпретации термин «поколение», предложенный Карлом Мангеймом, обозначает сверстников и несверстников, переживших одни и те же значимые исторические события или

формировавшихся в особых, отличных от других поколений социальных обстоятельствах.

БД: Сначала остановлюсь на вопросе о количестве и составе поколений нашего профессионального сообщества. В институциональной трактовке истории социологии одной из центральных является проблема взаимосвязи социальных институтов, в истории «с человеческим лицом» – многое располагается именно вокруг проблемы поколений.

Хотя поколенческий подход к анализу прошлого нашей социологии не отрицается, реально для его развития сделано мало, в частности, не решен вопрос о критериях выделения поколений, значит – об их границах. Так, по мнению Здравомыслова, следующим за вами является поколение, которое примерно на 20 лет моложе [20]. Но это не так.

Изучение интервью с социологами разного возраста позволяет обозначить границы и некоторые особенности становления поколений социологов, следовавших за первым. Моя схема конституирования поколений именно в социологии и именно в отечественной опирается на *два критерия*: возраст (год рождения) и особенности вхождения в социологию. Даже в случае «нормального» развития науки, при котором нет разрывов в процессе подготовки специалистов, недостаточно первого критерия. Второй – тем более необходим для рассмотрения ситуации, далекой от нормального движения науки.

Мне приходится встречаться с проявлением некоей ревности наших коллег в вопросе об отнесении их или других социологов к определенному поколению. Замечу, что я не рассматриваю принадлежность к тому или иному поколению как титул или почетное звание. Для меня поколение – лишь историко-наукоеведческий концепт, или инструмент, который позволяет полнее описать становление социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотнести «институциональное» и «человеческое».

Первое поколение советских/российских социологов, которых принято именовать шестидесятниками, составляет небольшая по численности группа молодых людей, преимущественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родилось в узком промежутке от 1926 до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически «с нуля», *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и эмпирические методы. Многие из них запомнили события конца 1930-х, но все же их социально-политические

взгляды формировались, прежде всего, под влиянием Великой Отечественной войны (некоторые из первых социологов принимали участие в боевых действиях) и в атмосфере «оттепели».

Второе поколение – по возрасту и социально-политическим воззрениям очень близко к первому, но принципиально отлчно от него тем, как оно входило в социологию. Эти люди родились в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и модальная по возрасту группа социологов первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже них, став – и это главное – их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*. Это поколение я называю – «шестидесятники второй волны».

ВЯ: *Очень точно, но что ты имеешь в виду под «личными жизненными обстоятельствами»?*

БД: Покажу на двух примерах. Борис Фирсов (р. 1929) – твой ровесник и вместе с тем – твой аспирант, хотя одно время он был над тобой комсомольским «начальником». До поступления в аспирантуру он имел блистательную для советского времени карьеру: секретарь обкома ВЛКСМ, первый директор Ленинградского телецентра. Вы давно стали близкими друзьями, но, как он говорит: «учитель – явление пожизненное. Роль великовозрастного ученика меня в этом случае несколько не смущает» [21]. Второй пример – жизненная траектория Андрея Алексеева (р. 1934). Он немного младше тебя и Фирсова, и до поступления в аспирантуру был одной из заметных фигур в ленинградской журналистике.

Годы рождения тех, кто образует *третье поколение*, – в интервале от 1935 до 1946 года; и середина этого периода приходится на 1940–1941 годы. Его представители – в целом, люди без собственного опыта военного времени, они узнавали о страшной войне от взрослых. В их поколенческом опыте нет радости Победы, но они помнят тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими (могу сказать, нами) в песнях Окуджавы, стихах поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, по публикациям «Нового мира».

Это «поколение войны». По типу мироощущения их можно характеризовать как «младших шестидесятников», или, пока еще, «шестидесятилетних», хотя некоторые уже перешагнули 70-летний рубеж.

Четвертое поколение (1947–1958) я называю поколением биологических детей «отцов-основателей», здесь середина ин-

тервала годов рождения – 1952–1953 годы. Сегодня в России значительное число социологов этой когорты успешно работает в академической науке, в коммерческих организациях, преподает в ведущих университетах.

Заявило о себе и *пятое поколение* (1959–1970), чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки 1964–1965; многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие поколения. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки.

Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого заключены в интервале 1971–1982 годов, (то есть многим уже за тридцать), вторые – в буквальном смысле «дети перестройки»; старшие из этой возрастной когорты уже профессионально определились, а самые младшие (родившиеся в начале 1990-х) – на пороге выбора профессии. Ясно одно, жизненный опыт и ощущение мира, с которым они входят в жизнь, принципиально иные, чем то понимание жизни и своего места в ней, с которым начинало социологию ваше поколение.

ВЯ: *Согласно твоей схеме, поколения сменяются через 12 лет, откуда появилось это «магическое» число?*

БД: Подсказала эмпирия, я изучал годы рождения представителей наших с тобою поколений, и начало вырисовываться это число. Но самое главное, что представляется мне ценным в этой схеме, это ее «привязка» к истории страны, к тем событиям, которые определяют черты поколений советских людей. Так, в статье памяти Бориса Грушина (1929–2007) я обратил внимание на то, что его жизненный путь – продолжительностью в семь с половиной 12-леток – «магическим» образом вписывается в исторический, социокультурный контекст, разбитый на двенадцатилетние пласты. 1929 год – это 12 лет после Октябрьской революции. Для родителей вашего поколения дореволюционное прошлое было близким, известным, для вас, учитывая пропаганду тех лет, чужим. Прошло 12 лет – начало войны – годы вашего быстрого взросления, формирования ценностных ориентаций, социально-политических воззрений, все это окрашено Победой и пронизано надеждами на светлую послевоенную жизнь. 1941 год – центральная точка интервала, в котором родились представители третьего поколения. Серединой следующей 12-летки является 1953 год: смерть Сталина и вскоре – начало «оттепели»; этот год – «яблочко» временного интервала рождения четвертого

поколения советских социологов, первого посттоталитарного. Следующие две двенадцатилетки (1959–1982 годы) – время завершения «оттепели» и наступления «застоя». Первая половина этого интервала – годы второго рождения советской социологии и выхода в свет книг, признанных сегодня классикой. Вторая часть – тяжелое, «мутное» для социологии время: для «шестидесятников» – это годы торможения творчества и раздумий о месте социологии в науке и обществе; для третьего поколения – период вялого существования, для будущего четвертого – цикл личного и профессионального созревания. 12 лет с 1982-го по 1994-й оказались для социологии в целом благополучными: гласность впервые позволила многое сказать, открыто заговорили о полипарадигмальности, стали возможны прямые контакты с мировым социологическим сообществом, социология институцировалась как наука и появилась возможность вести подготовку специалистов в университетах. Интервью с социологами первых трех поколений показывают, что, несмотря на многие экономические трудности, это время оказалось для них плодотворным в творческом отношении. Заявило о себе четвертое поколение, в нем появились свои лидеры и сложилось свое понимание пути, пройденного советской социологией. Последняя полная двенадцатилетка (1995–2006) характеризуется политическими и социально-экономическими тенденциями как поступательного, так и регрессивного плана, в частности, в обществе активно обсуждаются вопросы отношения не только к советским, но и к дореволюционным ценностям. Все это отражается и в социологическом сообществе и связывается некоторыми авторами с поисками «своего», российского пути.

ВЯ: Действительно, невозможно избавиться от субъективных оценок, говоря о прошлом нашей науки. Так, к данному времени, то есть к началу 2008 года, сообщество социологов расслоено по ряду оснований: региональному (например, Санкт-Петербургская ассоциация социологов), по занятости в науке или образовании (Общество Ковалевского в Петербурге, по сути, объединяет университетских преподавателей, а Сообщество профессиональных социологов в Москве – по преимуществу сотрудников РАН и профессуру ведущих университетов). Наиболее болезненным является идейный раскол между Российским обществом социологов и рядом других социологических организаций (прежде всего это Российская социологическая ассоциация РОСА, Союз социологов России – ССР), суть которого – полярное представление о будущем

страны, которое подпитывается отношением к религии (православию) и русской социологии как именно национальной.

Я причисляю себя к российским патриотам прозападной ориентации, то есть приверженцам либерализма, демократии (социал-демократии в политических терминах), и потому надо сделать поправку на неизбежную предвзятость моих рассуждений. Вполне допускаю, что приобщение многих социологов к православию искреннее, хотя по своему советскому воспитанию понять это не способен. Я извлек из своего университетского образования, что религия и наука – полярны, а из работ классиков социологии выучил, что это особый социальный институт, играющий важную роль в стабилизации социокультурной системы. Раскол в среде отечественных социологов вполне объясним постсоветской ситуацией в обществе, утратившем ценностные ориентиры, но, думаю, что наша профессиональная и гражданская миссия состоит в том, чтобы оставаться в пределах взаимоуважительной полемики-дискурса, участники которого артикулируют свою позицию, но не стремятся навязать ее оппоненту. Будущее покажет, как сложится «параллелограмм сил» разных субъектов, преследующих свои интересы.

БД: Я хотел лишь отметить, что предлагаемая система 12-летних поколенческих интервалов не просто «нумерическая», она учитывает социально-исторический контекст всего периода советского и постсоветского развития социологии. Система поколений различной временной «толщины» была бы лишена гармонии, изящества и несла бы в себе слишком много *ad hoc*, субъективизма. С другой стороны, набор поколений меньшей или большей «толщины», скажем 5–7 лет или 15–20, явно не отвечал бы эмпирически наблюдаемому в нашей социологии характеру отношений между социологами разных возрастных групп, его трудно было бы «совместить» с макросоциальным фоном.

При разработке своей схемы я шел от анализа возрастной структуры относительно небольших групп представителей первых трех поколений, но если сделанное принять за основу, то оказывается возможным говорить об *эвристическом* значении нижней временной границы старшей возрастной группы: это 1923 год (верхняя граница – 1934 год). Здесь наши коллеги, непосредственно пережившие войну. Обратимся к статистике (указываю лишь родившихся до 1926 года): Нариман Абдрахманович Аитов (1925–1999), Галина Михайловна Андреева (р. 1924), Эдвард Артурович Араб-оглы (1925–2001), Александр Абрамович Галкин (р. 1922), Георгий Петрович Давидюк (р. 1923), Александр Александрович Зино-

вьев (1922–2006), Венори Михайлович Квачахия (1924–1982), Джангир Али-Абасович Керимов (р. 1923), Лев Наумович Коган (1923–1997), Самуил Аронович Кугель (р. 1924), Иван Тихонович Левыкин (1923–1994), Николай Сергеевич Мансуров (1921–?), Виктор Яковлевич Нейгольдберг (1924–1990), Василий Дмитриевич Патрушев (р. 1925), Моисей Рувимович Тульчинский (р. 1923), Захар Ильич Файнбург (1922–1990), Владимир Николаевич Шубкин (р. 1923), Анатолий Георгиевич Харчев (1921–1987), Зоя Алексеевна Янкова (1921–1998). Действительно, возраст подавляющего числа социологов заключен во временном интервале указанной выше ширины, и в этом я вижу дополнительный индикатор валидности предлагаемой конструкции поколений.

ВЯ: *На первый взгляд, правдоподобно, но я не вижу здесь М.Н. Руткевича...*

БД: Михаил Николаевич Руткевич (р. 1917), Ирина Ивановна Чангли (р. 1915) и еще небольшое количество обществоведов представляют когорту людей, родившихся в 1911–1922 годах и формировавшихся в постреволюционный период. Это самым заметным образом проявилось в их профессиональной деятельности. Применительно к этой возрастной группе точнее говорить не о поколении социологов как о чем-то целостном, но о работах отдельных обществоведов. Что касается Руткевича, то, судя по его публикациям и основываясь на мнениях людей, стоящих у истоков постхрущевской социологии, он и в своих теоретических построениях, и в прикладных разработках всегда оставался философом-истматчиком и не признавал самостоятельности социологии.

ВЯ: Не согласен. Еще будучи деканом философского ф-та Уральского госуниверситета он пригласил меня прочесть полный курс методологии социологического исследования. Став директором ИКСИ, Руткевич не мог не признавать социологии. Так, он ввел в наш профессиональный лексикон несколько русизмов вместо англоязычной терминологии, например, «социальные перемещения» (=мобильность). Сегодня публикует социологические труды в области социального расслоения...

БД: Но разве рассмотрение социологии как раздела истмата мешает приглашению тебя прочесть цикл лекций, тем более что в Свердловске много занимались прикладными исследованиями. Что касается введения термина «социальные перемещения», то, насколько я знаю, это заставило многих переписывать свои работы. По мнению Руткевича, книга

Бориса Фирсова по истории советской социологии написана с антимарксистских и антисоветских позиций [22, С. 50]. А то обстоятельство, что в 1990 году Лев Коган публично уничтожил свой партбилет, послужило для Руткевича причиной для следующего вывода: «Я могу со всей определенностью утверждать, что Коган существенной роли в позитивном развитии философской и социологической мысли на Урале не сыграл» [22, С. 59].

Когорта философов, экономистов, к которой принадлежит и Руткевич, по своим ценностям, по опыту жизни, по пережитому в крутые 1930-е, по восприятию ленинско-сталинского марксизма, по духу и многим чертам мировоззрения «располагалась» в социокультурном, политическом пространстве ближе к представителям старшего по возрасту отряда обществоведов, а не к следовавшему за ним поколению социологов-шестидесятников. Ведь «молодые» были, как кто-то сказал про шестидесятников, «не поротыми» (Лубянкой), а «старички» были «обученными» временем.

Последнее предреволюционное поколение (1899–1910 годы рождения) – было неоднородно в своем видении мира. Родившиеся в первой половине этой 12-летки сформировались как личности до революции, получив традиционное для царской России образование и впитав характерные для того времени философско-политические и нравственные идеалы и идеи русской общественной мысли. Личное, а позже и профессиональное становление младшей части этой когорты протекало в иных исторических обстоятельствах. Они встретили революцию в том возрасте, в котором на основную часть поколения социологов-шестидесятников накатила война. Наиболее политически активные со всей горячностью и открытостью юности принимали лозунги и призывы новой власти, становились первыми комсомольцами, рано начинали работать на заметных постах в партии и учились в институтах нового типа. Некоторые из них затем работали по профессии, другие – продолжали двигаться по лестнице партийных должностей. Значительная часть этого энергичного, заряженного революцией поколения погибла в конце 1930-х и в годы войны, но оставшиеся в живых после войны не имели возможности заниматься социологией. Ряд представителей этого поколения были не собственно исследователями, хотя имели высокие научные степени и академические звания (часто без публикаций и без защит), но более идеологами и организаторами науки. К ним относится Г.Ф. Александров, о котором говорилось выше, а также – заметные партийные функционеры, одновременно работавшие в области социальной философии и

экономики и причастные к становлению социологии в стране: М.Т. Иовчук (1908–1990), Ф.В. Константинов (1901–1991), В.С. Кружков (1906–1991), Г.А. Пруденский (1904–1967), А.М. Румянцев (1905–1993), П.Н. Федосеев (1908–1990), Ю.П. Францев (1903–1969), Д.И. Чесноков (1910–1973).

Так, М.Н. Руткевич был приглашен Чесноковым, в то время секретарем Свердловского горкома КПСС в лекторскую группу, затем поступил к нему в заочную аспирантуру, защитил диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС и потом принял кафедру философии в Уральском государственном университете от уезжавшего в Москву Иовчука, который до того более пяти лет проработал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и два года – секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде и агитации.

В комментарии к нашему интервью трехлетней давности Игорь Кон вспомнил [14, С. 11], что твое превращение из «чистого философа» в социолога началось с прочтения указанной им статьи Пруденского о свободном времени. Не помнишь ли ты содержания этой статьи? По воспоминаниям Шубкина [8, С. 75-76], Пруденский много лет был секретарем Свердловского обкома партии, потом – заместителем председателя Комитета по труду, возглавлявшегося Кагановичем. История дает много необычного: защиту от Пруденского, занимавшегося изучением бюджетов времени, Шубкин нашел у почти 90-летнего Станислава Густавовича Струмилина (1877–1974) – основоположника этого исследовательского направления, имеющего экономическую и социологическую составляющие. Мне думается, что Пруденский вряд ли говорил в той статье о необходимости развивать социологические исследования, просто Кон, а затем ты, прочли таким образом его материал.

ВЯ: Пруденский был и идентифицировал себя экономистом.

БД: Хочу обратить внимание на тот факт, что при другом пути развития России все ученые-идеологи, от которых во многом зависело, быть или не быть социологии в СССР, могли бы быть прямыми учениками или сотрудниками Питирима Сорокина (1889–1968), особенно это относится к Б.А. Чагину (1899–1987).

Франц Шереги и Лариса Козлова обнаружили множество работ, выполненных советскими социологами в первые полтора постреволюционных десятилетия, однако сейчас крайне мало известно о людях, которые следовали в дальнейшем традиции европейской и русской социологии. В этом отношении заслуживает внимания статья И. Голосенко и В.М. Зверева

о первой русской женщине-социологе Агнессе Соломоновне Звоницкой (1897–1942). Она чудом выжила в конце 1930-х, ее архив пропал в блокадные годы в Ленинграде, а сама она умерла в эвакуации, работая учительницей в деревенской школе [23].

Если всю эту «алгебру» возрастных групп и судьбы социологов сорокинского поколения обстоятельно проанализировать, то поймешь, какую глубокую травму нанесли развитию социологии события 1920–1930-х годов и насколько неадекватен термин «возрождение» применительно к нашему предмету. Было именно – второе рождение.

ВЯ: Итак, ты не нашел того, что искал: научных связей между первыми поколениями постхрущевской социологии и русскими дореволюционными социологами. Состоялось новое рождение дисциплины.

БД: ... Но я обнаружил то, чего не искал: влияние на социологов старших поколений преподавателей, придерживавшихся в своей работе гуманистических, общекультурных традиций дореволюционной школы.

Из воспоминаний Николая Лапина, в годы эвакуации учившегося в деревенской школе в районе Углича-Рыбинска: «А повезло нам с директором этой школы. Его величали Дмитрий Иванович Петропавловский, но школьники и даже многие взрослые звали его просто ДИП. Он был из семьи священнослужителя, до революции учился в Оксфорде и Кембридже, готовился к работе и жизни профессора. После революции часть его родственников репрессировали, а самого направили “в глушь” школьным учителем. Затем ДИП стал директором, преподавал историю и заменял заболевших преподавателей по всем предметам <...> отличившимся дарил в конце учебного года книги из своей личной библиотеки с напутственными посланиями. После пятого класса я получил от него большой том “Илиады” и “Одиссеи” Гомера в переводе Жуковского и тем же летом запомнил значительную их часть наизусть <...> По школьной программе и вне ее я зачитывался повестями, рассказами, поэмами Николая Некрасова, Глеба Успенского, позднего Льва Толстого, других русских писателей второй половины XIX столетия. Подспудно формировалась ориентация: полнее знать правду о жизни крестьян, простых людей своей страны» [24].

Вспоминает школу и ленинградец Овсей Шкаратан: «В школе учили по-настоящему. Валентина Федоровна Карякина <...> учительница истории, почувствовавшая во мне своего собрата-гуманитария, в свое время окончила Смольный

институт. Так что культура была не традиционно-советская, кое-какая. <...> В восьмом классе преподавал “бывший учитель словесности”, как он себя именовал. Уникальный старик, в прошлом приват-доцент Санкт-Петербургского университета, он учил нас очень странно: тройка – если ты понимаешь суть проблемы, четверка – если ты знаешь необходимую литературу, а пятёрка, если ты можешь еще критически оценить эту литературу. <...> Разумеется, были и обычные, так сказать, советские учителя. Когда мы учились в десятом классе, стали происходить какие-то изменения – 1948-й год, борьба с “космополитизмом”. Я окончил школу в 49-м, и это уже была немножко не та школа, что в 44-м, в 47-м году» [25].

Ирина Попова завершила школу в 1948 году в Краснодаре, в старших классах литературу им преподавала Людмила Яковлевна Покровская, – бывшая слушательница женских Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге: «Она прививала любовь к русской истории и литературе, увлекла пафосом декабризма и народничества, учила проникать в глубину литературных образов и авторского замысла». Под ее влиянием Ирина поступила в Ленинградский университет и выбрала философию [19, С. 149].

Школьные годы Александра Гофмана прошли в Кишиневе, он вспоминает: «В средней школе, как и в высшей, у меня были прекрасные учителя. Достаточно сказать, что замечательная учительница Анна Сауловна Мундер, преподававшая мне французский язык до 8-го класса (а я, очевидно, был одним из любимых ее учеников), получила образование в Сорбонне» [16, С. 20]. Недавно Игорь Кон написал о Гофмане: «...очень скоро он стал лучшим в стране специалистом не только по дюркгеймовской школе, но и по всей французской социологии» [18].

Говоря о предпосылках второго рождения советской социологии, мне кажется, мы можем говорить не о «трех источниках, трех составных частях», но о четырех: гуманистическая база – классическая русская литература и социальная беллетристика, философская основа – марксизм, инструментарий – западный позитивизм, политическая среда и духовная атмосфера – «оттепель». Чего здесь нет, так это дореволюционной и ранней советской социологии.

ВЯ: *Галя Саганенко заметила, что принадлежит к «потерянному поколению», Юрий Качанов писал, что старики захватили командные высоты, отчего новому не пробиться.*

БД: Я не думаю, что Галино, а значит – мое, поколение – потерянное, у меня нет оснований считать так. Численность

нашей когорты сокращается, так, в последние годы не стало Валерия Голофаства, Вячеслава Дудченко, Якова Капелюша, Михаила Мацковского, Сергея Розета, Георгия Токаровского... Но многие продолжают работать, так что лишь через годы можно будет в целом сказать о сделанном нами как некой профессиональной общности. Но для этого следует четко осознать, какие задачи мы были призваны – нашими учителями и старшими коллегами – решать, и разобраться в том, решили ли мы их.

На мой взгляд, время и особенности развития социологии в СССР в конце 1960-х – начале 1970-х прежде всего делали крайне актуальным освоение методов обработки эмпирической информации и повышение надежности социологического измерения. Я напомним тебе давнюю историю из нашей жизни, говорящую о степени знакомства социологов тех лет с приемами обработки первичных данных. В 1971 году ты увидел у меня на столе сделанные мною на ЭВМ таблицы для расчета процентов для чисел от 1 до 100. Ты попросил их у меня, и летом в ИКСИ на их основе издали брошюру, тиражом в 800 экземпляров. Игорь Травин говорил мне, что их расхватывали как горячие пирожки в ненастную погоду.

Вспомним, в очень короткий временной интервал в Москве и в Ленинграде в социологические подразделения пришла значительная группа молодых людей с математическим или физическим образованием. Упомяну имена лишь тех, кого лично знаю многие годы: Владимир Андреенков, Людмила Докторова, Семен Клигер, Михаил Косолапов, Елена Петренко, Владимир Рукавишников, Галина Саганенко, Галина Татарова, Юлиана Толстова, Сергей Чесноков, Франц Шереги, Юрий Щеголев; вспомню и наших украинских коллег: Владимир Максименко, Владимир Паниотто, Валерий Хмелько. Я тоже принадлежу к этой команде. Мы должны были заниматься вопросами выборки, шкалированием, созданием – тогда не говорили «софта» – программ для простейшей обработки больших массивов, освоением правил интерпретации результатов математической обработки. С тех пор прошло четыре десятилетия, и сегодня все эти задачи кажутся «семечками», но это и потому, что наше поколение ответило на те исторические вызовы. Теперь многие из названных мною людей преподают студентам, а это разве не вклад в развитие российской социологии?

К этому же поколению относятся и социологи, внесшие значительную лепту в развитие других направлений социологических исследований. Покойный Игорь Голосенко первым начал целенаправленно изучать дореволюционную русскую

социологию; Сергей Голод – родоначальник советской социологии сексуального поведения; Александр Гофман – крупнейший специалист по теории и истории социологии и социологии моды; работы Леонида Ионина охватывают широкий круг вопросов, касающихся философии и методологии социологии, а в последние годы – социологии политики; Никита Покровский давно и успешно исследует проблемы урбанизации, в том числе – на глобальном уровне; Аркадий Пригожин – ведущий в стране специалист по проблемам менеджмента.

ВЯ: Замечу, что с Аркадия в стране началось создание службы психологической помощи терпящим бедствие. Во время землетрясения в Спитаке (1988 год) мы с вице-президентом АН СССР В.Н. Кудрявцевым пригласили из США крупного специалиста, и после трех-пяти дней работы с ним Пригожин отправился в Спитак и ежедневно информировал о налаживании неизвестных нам простейших средств помощи, а затем написал учебное пособие.

БА: Я мог бы легко продолжить этот список представителей третьего поколения, результаты работы которых имеют международное признание.

Конечно, каждый имеет все основания говорить о трудностях, о неудовлетворенности сделанным, о годах бессмысленной деятельности. Но это не означает, что поколение – потерянное. Вспомним, Борис Грушин сказал, что его жизнь «состоялась, но не удалась»..., так кто тогда и в каком поколении может сказать, что его жизнь удалась?

Что касается замечания Юрия Качанова, то я не совсем понимаю, о чем речь. Я читал статьи Качанова в «Социологии: 4М» и в сети, но мы лично не знакомы. Он приближается к своему пятидесятилетию, является главным научным сотрудником Института социологии и членом редколлегий достойных журналов. Кто в его понимании «старички» и о каких «командных высотах» может идти речь в науке? Среди моих знакомых всегда было более распространено «бегство» от административных позиций, чем рассуждения об их недоступности. К тому же – по моим представлениям – в современной России для человека, испытывающего интерес к научно-организационной деятельности, существует множество возможностей реализовать карьерные планы, но для этого придется в той или иной мере «приглушить» свои собственные научные замыслы.

ВЯ: Ты вычислил 12-летний поколенческий интервал, достаточно короткий. Что-то подобное определила и Виктория

Семенова при выделении поздне-советского и постсоветских поколений молодежи. И еще. Неля Мотрошилова, виднейший историк философии, вдова Юрия Замошкина, пишет в книге, посвященной его памяти «...нашим поколениям не было отпущено благодного покоя: в сущности каждые 10–15 лет (а то и чаще) происходили какие-нибудь серьезные социальные потрясения, имевшие не внешний и поверхностный, а глубинно-бытийный судьбоносный характер. При этом затрагивались годы и десятилетия, которые для поколения в целом становились своего рода центральным временем их судьбы» [26]. Твоя классификация по дюжине лет находит еще одно авторитетное подтверждение.

БД: В традиционных, замкнутых общинах образ жизни детей мало отличался от того, как жили отцы, но проблема отцов и детей – вечна. Не думаю, что можно будет принципиально сократить «временную толщину» *профессионального поколения*, ведь она – функция не только процессов, происходящих в обществе (российском, а сейчас и глобальном), но и особенностей развития самой науки, которое по-хорошему консервативно. Изменения в обществе и науке накапливаются, и эффектом этой кумуляции становится новое поколение ученых. Но, конечно же, жизненный и профессиональный опыт «старших» и «младших» в рамках одного поколения сближает первых с предыдущим поколением, а вторых – с последующим.

ВЯ: Здесь можно поспорить. Сегодня западные постмодернисты говорят о наступающем/наступившем разрыве межпоколенческих связей. «Текущая современность» (З. Бауман) делает любые структуры (= связи) временными, накладывает на реалии виртуальные взаимодействия и т. п. О будущих поколениях в нашей социологии – вопрос особый.

Персональные пути в социологию

ВЯ: *Теперь хочу попросить тебя поделиться собственно биографической информацией о твоих респондентах – что это за люди? откуда они взялись?*

БД: Для меня – это главные вопросы, на которые хочется отвечать. Я уже говорил о двух направлениях моих историко-научно-ведческих поисков: «история в биографии» и «биография в истории». В первом случае речь идет об анализе влияния макросоциальных, политических обстоятельств (собственно, истории) на деятельность творческой личности. Второе на-

правление как бы встречное – понять, что из личного мира ученого, из процесса его социализации и профессионализации потом отражается в его деятельности и, таким образом, становится частью культуры, науки, истории. Наша дискуссия подвела меня еще к одной идее – написать историю «от лица социологов», в их восприятии. Это почти то же, что более привычное «история глазами социологов», но мне представляется, что «от лица» порождает более высокие личностно-гражданские ассоциации.

ВЯ: Согласен. «От лица» предполагает персональную включенность, «глазами» – созерцательность.

БД: Отвечая на твой вопрос, я прежде всего буду обращаться к биографиям тех наших коллег, с которыми беседовал сам, – но не только.

Замечу, что семьи, из которых вышли поколения перво-социологов, – разные по социальному статусу, и в истории этих семей читаются все важнейшие исторические события того времени. Люди, пришедшие в социологию, не были представителями особых социальных групп или проводниками каких-то специфических общественных интересов. Среди них есть выходцы из семей, которые жили в крупных городах и в которых, по крайней мере, со стороны одного из родителей несколько поколений имели серьезное образование. Есть и такие, которые представляют первое поколение в семье, получившее высшее образование, многие из них начинали, а иногда и заканчивали школы в небольших городах или в деревнях.

Увлекательные историко-генеалогические раскопки [27] провел Андрей Алексеев, их связующим элементом является судьба его прапрадеда Павла Петровича Аносова (1799–1851) – знаменитого металлурга, изобретателя русского булата, о котором в 1954 году вышла книга в серии «Жизнь замечательных людей». Дед Андрея – П.М. Пузан в – потомок двух дворянских родов: Пузаных и Аносовых, был кем-то вроде инспектора железных дорог, а его семья жила в Петербурге. Его дочь, мать Алексеева, в листках по учету кадров писала о своих родителях: «сословие – дворянство»; она окончила Технологический институт и в относительно молодом возрасте выдвинулась в число ведущих советских специалистов в области «теории допусков и посадок». Его отец происходил из крестьян или мещан, закончил Ленинградский политехнический институт, стал инженером-технологом и всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (ныне – завод «Звезда»), уйдя на пенсию с должности главного технолога.

Прадед по материнской линии Якова Гилянского [28] принадлежал к старой русской семье Давыдовых и был старшим егерем Его Императорского Величества, а отец матери происходил из знатного украинского рода Редько. Среди братьев его бабушки были офицеры русской армии, которые после революции жили в Париже, Югославии и других странах. Отец Якова был врачом-невропатологом, кандидатом медицинских наук, а его двоюродный дядя, нарком Абрам Лазаревич Гилянский, расстрелян в 1938 году как «враг народа».

Юрий Александрович Левада (1930–2006) родился в Виннице; его мать была журналисткой, отец Александр Степанович Косяк-Левада – известным украинским литератором. Отец участвовал в Великой Отечественной войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов. Бабушка Левады была полькой, принадлежала к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже это дало возможность Леваде читать польские газеты, политическую и социологическую литературу [29].

Подробно описал историю своей семьи Андрей Здравомыслов, (в публикацию [7] вошло далеко не все). Его отец был представителем третьего поколения в роду, получившим высшее образование, причем и Андрей, и его отец были выпускниками Петербургского университета. Фамилия «Здравомыслов» указывает на происхождение из духовного сословия и на незаурядные способности его прадеда, получившего эту фамилию по окончании Новгородской духовной академии. Среди родственников Андрея есть герои обороны Севастополя, многие погибли в русско-японскую, Первую мировую и Великую Отечественную войны; среди предков были князья и дворяне, крестьяне (в том числе крепостные), военные, вплоть до генерал-майора, священнослужители и разночинцы – почти вся Россия. Его отец после окончания университета преподавал русскую литературу. Мать происходила из крестьянской семьи, она была учительницей русского языка и литературы в школе.

Нечто подобное – родители из разных социальных страт – было в семье Татьяны Заславской [30, С. 11–20]. Дедушка по материнской линии (его отец был бельгийцем, мать – русской дворянкой) был известным физиком и получил личное дворянство. Его жена, бабушка Заславской, происходила из семьи высокопоставленных военных, училась в Париже в консерватории, но, выйдя замуж, посвятила свою жизнь мужу и детям.

Мать Татьяны Ивановны окончила Киевскую классическую гимназию, Московские женские курсы, а также прошла почти полный курс обучения на филологическом факультете Киевского университета, который ей из-за гражданской войны и ряда семейных обстоятельств не удалось окончить. Отец Татьяны Ивановны был из крестьянской семьи; он окончил церковно-приходскую школу, затем училище в небольшом городке Боровске, участвовал в войне 1914 года, заслужил «Георгия», был ранен. После войны он сдал экзамены за курс гимназии и в 1917 году поступил на философско-педагогический факультет Киевского университета; в 1941 году стал профессором Московского педагогического института иностранных языков. И путь в науку, и предмет многолетних исследований Заславской (экономика села), по ее словам, в значительной степени были predetermined семейным воспитанием.

Овсей Шкаратан объясняет выбор темы своих первых исследований в интервью Батыгину так: «Я с первого курса университета поклялся: первое, что в жизни сделаю – напишу книгу о рабочих Ленинграда. Я вырос среди них, я считал и до сих пор считаю, что на протяжении большей части XX века в России было две силы – настоящий интеллигент и настоящий рабочий» [25]. Его отец был рабочим и, рано оставшись без родителей, еще заботился о двух сестрах. Перед войной семья жила в Ленинграде, отец работал на строительстве метрополитена, а в годы войны – строил Ладожскую трассу. В первый год блокады семья получила на него две «похоронки». Из рабочей среды была и его мать. Ее отец работал на мельнице в Белой Церкви, после революции вошел в рабочий комитет по управлению мельницей, стал влиятельным человеком. Его расстреляли соседи, украинцы-бандиты.

Елена Смирнова родилась в Ленинграде; во время войны она с родителями оказалась в Бугуруслане, где черный хлеб с солью и подсолнечным маслом были лакомством, а белые батоны и сливочное масло в магазинах появились лишь с приходом к власти Хрущева. Там она закончила семь классов и вернулась в Ленинград к родственникам, родители приехали позже, т.к. получили свою долю репрессий. Ее прадеды по обеим линиям родства были крестьянами, дед проработал на Путиловском заводе 30 лет мастером, а сама она – петербурженка в третьем колене [31].

Александр Гофман, не вдаваясь в подробности, написал, что вырос в семье бессарабских евреев. «Мои родители – простые малограмотные люди. Один мой дед был пастухом, другой – столяром, но в живых я их не застал. Родился я в Волгограде, где мама была в эвакуации, а в 1947 г. родители вернулись

в Кишинев, где жили до войны <...>. В Кишиневе я окончил школу рабочей молодежи, работая слесарем-сборщиком на заводе, производившем стиральные машины. Так что интерес к общественным наукам с семейными традициями никак не мог быть связан» [16, С. 20].

Борис Максимов сказал про свое происхождение: «самое рабоче-крестьянское». Родители жили в селе в Ленинградской области, работали в колхозе. Отец окончил церковно-приходскую школу, мать же не умела даже расписаться. Отец, потрудившись в колхозе «за палочки», затем стал рабочим на лесозаготовках, с индивидуальной ручной пилой, называемой тогда «стахановкой». Лес, древесину гнали тогда за рубеж, как сейчас нефть и газ. Отец зарабатывал «живые деньги» и, появляясь раз в неделю в семье, приносил гостинцы: конфеты-подушечки, черный хлеб, соленую салаку (банку салаки у них даже как-то украли – это был деликатес). Пришла война, она забрала отца; мать осталась с двумя детьми. Работала от зари до зари, растила детей, рано умерла. Еще до ее смерти Борис покинул семью, уехал в Питер. В школе он учился всего пять лет, потом поступил в «ремеслуху». Затем работал на заводе, пытался учиться в вечерней школе; было трудно, но нашлась учительница, которая опекала его, и он закончил 8 классов. Школу он окончил уже после службы в армии [32].

Важное обстоятельство: никто из моих респондентов старших поколений не стал социологом под воздействием школы или родителей. В выборе профессии отсутствовал фактор профессиональной преемственности, первые социологи, как говорят англичане, были *self made persons* – сами себя делали. Семейная преемственность явилась позже, когда складывалось четвертое поколение. Только наш Питер: сколько знакомых фамилий среди молодых: Лена Здравомыслова, Саша Лисовский, Артемий Магун, Олег Могилевский, дочь Галины Саганенко Лена Степанова, твой сын Коля, но я всех не знаю. Говорят, по всей стране факультеты социологии полны детьми и внуками действующих социологов.

ВЯ: Добавлю из книжки моего друга Миши Иванова «Психологи тоже шутят». Первый психологический закон: «Сын или дочь психолога есть психолог».

Вопрос – в *какой мере события конца 1930-х затронули семьи будущих социологов первых поколений?*

БД: Ты помнишь у Анны Ахматовой в «Реквиеме»: «...Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был»? Конечно, затронули: старшие – сами испытывали, младшие постепенно, малыми дозами узнавали все от родителей.

Отец Владимира Шубкина был преподавателем Барнаульской гимназии с 1907 по 1917 год, а потом обучал школьников Барнаула русской литературе. В 1937 году он, как много позже узнал Владимир, по липовым материалам был арестован НКВД и вскоре расстрелян. Мать, учительница литературы, была уволена, а Владимир, как сын врага народа, – исключен из школы без права поступления. В 1938 году мать была восстановлена на работе, а он вернулся в школу [8, С. 64].

Захар Файнбург родился в Белоруссии в семье большевиков-революционеров. С 16 лет жил в Москве, после ареста родителей воспитывался в детском доме [33].

Многое о событиях 1930-х и более поздних времен хранилось в памяти Эдварда Араб-оглы. Его отец был членом партии с 1918 года, мать – с 1920-го. Одно из его самых сильных впечатлений: родители велели сжечь книги Зиновьева, Каменева, Троцкого. О «завещании» Ленина и многом другом он знал в 9 лет. Во время войны Эдвард работал как вольнонаемный на Урале в карьере, вместе с заключенными. В начале 1943-го был призван в армию, но заболел и в 17 лет стал инвалидом Отечественной войны [34].

Самуил Кугель родился в Минске, в конце 1920-х его семья переехала в Ленинград. В 1939 году его мать отправили врачом на работу в системе ГУЛАГа, там он завершил 8-й класс. По его воспоминаниям [35], он постоянно общался в среде заключенных и охраны.

Из близких Игоря Кона никто не был репрессирован, но он навсегда запомнил, что в 1937 году у них в комнате, карандашом на стенке, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым он должен был позвонить, если бы его маму, беспартийную медсестру, арестовали. В 1948 году, уже будучи аспирантом, он видел и слышал, как в Герценовском институте поносили последними словами и выгоняли с работы уважаемых профессоров – «вейсманистов-морганистов». В 1949 году пришла очередь «безродных космополитов», затем было «ленинградское дело». В 1953 году – дело «врачей-убийц» и так далее. Поэтому, пишет он, «почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх» [18].

Отец Татьяны Заславской на волне разгрома педологии как буржуазной науки был уволен с работы, по сути, с «волчьим паспортом»; с конца 1936-го до весны 1938 года он не мог найти нормальной работы, семья из четырех человек оказалась без постоянного заработка [30, С. 52].

В 1938 году арестовали отца Бориса Фирсова, он подозревался в том, что попав в плен к белым во время Гражданской войны на Северном Кавказе, выдал своих товарищей по крас-

нодарскому коммунистическому подполью. Вскоре его выпустили из тюрьмы за недоказанность состава преступления, но после всего перенесенного там он скончался, прожив на свободе немногим более месяца. Фирсов вспоминает, что он не смог спросить отца, какое из двух испытаний, выпавших на его долю, было самым тяжелым: пытки белогвардейских следователей, загонявших иголки под ногти, или допросы товарищей по революционной борьбе. Крайне важным мне представляются следующие слова Бориса: «Моя мать, подобно родителям большинства моих сверстников, тщательно оберегала меня от страха перед массовыми репрессиями и их неисчислимыми личными и общественными бедствиями. Судьба и смерть отца были окружены тайной, которая была открыта мне только перед поступлением в институт. Мама берегла мою душу, но ценой собственных глубочайших страданий и внутренних переживаний. О них не принято было говорить с ребенком, с другими членами семьи, не говоря уже о более широком окружении. Наверное, и по этой причине я вступил в жизнь, твердо усвоив систему взглядов, которые до определенного исторического момента, казалось, были олицетворением высоких социальных истин» [36].

Андрей Алексеев пишет о том, что случайно, лишь на рубеже 1980–1990-х он узнал, что его дед по материнской линии в 1933–1934 годах был арестован. Его дети постарались, чтобы «помирать» его отпустили домой. А вот дальше: «Моя мать никогда не рассказывала мне об этих обстоятельствах (выделено Алексеевым. – Б.Д.). Не рассказывал и отец, который наверняка об этом знал. <...> До самого зрелого возраста я полагал, что репрессии миновали мою родительскую семью. Не потому ли я так мало знаю о своих родственниках по отцовской (да, в общем-то, и по материнской) линии, что старшее поколение оберегало младших от “ненужной” информации? А потом молчали уже “по инерции”, а младшие не спрашивали...» [27].

Вот фрагменты из моего интервью с Владимиром Шляпентохом: «Я родился в 1926 году <...> Мой дедушка, несмотря на ограничения в дореволюционной России для образования евреев, сумел окончить Киевский университет. В нашей семье был культ литературы, в особенности русской, и, конечно, музыки. Моя мама, окончив Киевскую консерваторию, стала преподавателем фортепиано, а дядя – известным пианистом <...> мой дед по материнской линии до революции был владельцем нескольких аптек, а родители отца были домовладельцами и богатыми людьми. Революция была для них катастрофой, и это я знал <...> Хотя обе мои тетки были в 20-е годы яростными большевичками, покинувшими отчий “буржуазный”

дом в 30-е годы, тема репрессий явно присутствовала во внутреннем семейном общении <...> Поэтому репрессии 30-х годов не были для меня секретом» [13, С. 1–2].

Итак, Володя, получается следующее: большинство социологов двух старших поколений не просто с юности, с молодых лет знали о репрессиях 1930-х годов, но принадлежали к семьям, которых они коснулись. И в определенном смысле здесь значимо не столько то, сообщали им родители о происходившем в их доме или нет, сколько то, что родители воспитывали детей так, чтобы уберечь их в жизни от чего-либо подобного.

ВЯ: О репрессиях либо знали по семейному опыту, либо по историям друзей семьи. Но я думаю, что, все же, к моменту поступления в вузы доминантой нашего видения страны, ее политики и нашего собственного будущего был опыт жизни в годы войны, как она вошла в судьбы наших поколений.

БД: Война научила вас сопротивляться тяготам жизни, сохранять оптимизм, верить власти (сначала в Победу, потом – в скорое преодоление разрухи, в социализм и хрущевский план построения коммунизма, в перестройку), но она же обнажила различие между тем, что вы слышали по радио и читали в газетах, и тем, что рассказывали участники войны.

Второе: ответы моих респондентов показывают, что ваш коллективный опыт восприятия войны впитал самые разные ее проявления и был по-настоящему глубоким и трагичным: это боевые действия и тяжелые ранения, жизнь в блокадном Ленинграде, смерть родных и близких, голод, болезни, тяготы эвакуации. Среди тех, с кем я беседовал, не было участников войны, потому приведу лишь несколько фрагментов из воспоминаний социологов, встретивших войну подростками.

Жану Тощенко было тогда шесть лет, его семья жила в небольшой деревне на Брянщине: «Жизнь моего отца завершилась в сентябре 1941 года, он был расстрелян после нечеловеческих истязаний немецко-фашистскими приспешниками. Все происходило в присутствии матери и нас, троих детей. <...> Когда отец потерял сознание, его расстреляли вблизи деревни...» [6, С. 150].

Начало воспоминаний Заславской (тогда Тани Карповой) – это живое описание 14–15 летней девочкой ее поездки из Киева в Узбекистан в первые месяцы войны и жизни в Ташкенте. В 1942-м она, вернувшись в Москву, где война чувствовалась гораздо сильнее, чем в Ташкенте, «начала внимательно следить за ходом войны» [30, С. 248]. В их московской квартире, сохранившей следы бомбежки 21 июля 1941-го,

при которой погибла ее мать, останавливались на пару дней родные и близкие, ехавшие на фронт или с фронта. То, что они рассказывали, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах.

Когда началась война, Андрею Здравомыслову было 13. Его отец и младший брат погибли от голода в блокаду, дом, в котором жила его семья, разрушила бомба, и он чудом остался жив. В феврале 1942 года он был эвакуирован из Ленинграда по Ладогe, но голод не прошел бесследно, с 1944 по 1948 год он пролежал с туберкулезом позвоночника. В больнице окончил школу и затем поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ, ему пришлось заново учиться ходить, вначале на костылях, потом с палочкой и в корсете. В таком виде он и появился на факультете в начале 1949-го [7, С. 154].

Серьезный вопрос Андрею Здравомыслову задала Елена Здравомыслова: «Очевидно, что все вы – социологи-шестидесятники – дети войны. Мы все говорим о хрущевской либерализации и ее влиянии на становление советской социологии, но можно предположить, что на самом деле война сыграла не меньшую роль в становлении этого поколения, поскольку главная социологическая массовка – это подростки военного времени» [37]. Ответ Андрея не касался роли войны в вашем поколении, он бы сугубо личностным. Но материалы других интервью показывают правоту Елены: отношение к войне – это одна из ядерных ценностей вашего поколения. Точно сказал Шляпентох: «Я войну очень хорошо помню. И тогда и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу» [13, С. 2-3].

ВЯ: Из биографий «стариков» я извлек, что одни (Алексеев, Гишинский, Заславская, Здравомыслов и Левада) имели хорошее «домашнее образование» и семейный стартовый капитал для движения в науку), а другие (Максимов, Смирнова и Шкаратан) были выходцами из «простых» семей, я – из семьи первого образованного поколения по отцовской и материнской линиям. По логике эксперимента семейное происхождение не объясняет будущие успехи в новой области знания. А пережитые аресты близких, война – общее условие, так что его объяснительный потенциал выше.

БД: Знаешь, связь между обстоятельствами первичной социализации и направленностью деятельности все же обнару-

живается. Шкаратан начал изучать рабочий класс, так как вышел из семьи рабочих, Максимов – с момента обучения в ремесленном училище знал рабочую среду и стал ведущим в стране специалистом в области заводской социологии, родители Алексеева были технологами, может и потому Андрей несколько раз уходил в рабочие, Заславская сказала, что при выборе деревни в качестве объекта изучения «сработали гены». Гишинский в детстве обнаружил дома несколько выпусков журнала «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». И сам считает: «Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» Так что может чисто случайного в наших профессиональных ориентациях меньше, чем мы полагаем...

ВЯ: Ты меня убедил. Я же сам занялся социологией труда во многом потому, что в период исключенности из партии работал токарем-лекальщиком. Но все же я думаю, что именно войне заметно повлияла на социологов «первого призыва». Сужу по себе. После восьмого класса я поступил в летную спецшколу, откуда ушел как непригодный к полетам из-за чего-то там в вестибулярном аппарате. А еще испанская война, мальчишки росли будущими солдатами в боях за справедливое дело. Думаю, что одним из импульсов в сторону новой науки было подсознательное чувство ответственности перед павшими: нельзя укрываться в окопе, когда можно что-то сделать и потому, «ребята, пошли в атаку на махровых налетчиков!» Никто такого не произносил, но мотивация этого рода определенно имела место. Ты смотри, какова доля фронтовиков в соотношении с численностью первосоциологов – Галя Андреева, Саша Галкин, Самуил Кугель, Володя Шубкин, Василий Патрушев, очень нам близкий по социологическим ориентациям Владислав Келле, Георгий Давидюк, Эдвард Араб-оглы, Захар Файнбург, Анатолий Харчев, а также Михаил Руткевич.

Но самое главное, я думаю, заключалось не в биографиях, а в устройстве умов. Научная любознательность была первопричиной, остальное – сопутствующие факторы. Ведь решительно все изменили своим базовым профессиям, все.

Остается проблема – каков же вклад лично-индивидуального и социального? Позволь напомнить тебе кросскультурные исследования Мелвина Кона. Он потратил более десятка лет на массовые представительные опросы с использованием тестов, чтобы проверить гипотезу о соотношении персонально-личностных свойств и социальных факторов в саморегуляции социального действия. Он доказал (в сотру-

ничестве с В. Паниотто и В. Хмелько, которые проводили исследование на Украине), что социальное доминирует.

Мы, то есть мои коллеги по Институту социологии, закончили проект, в котором хотели уяснить, как являются инноваторы в условиях социального кризиса. Обследовали «челноков» с контрольной группой их коллег по прежней работе в институтах, школах и т. д. Социальные условия – общие, поведение – разное. Одни выжидали лучшего, не получая зарплаты, другие кинулись в авантюру. Наш вывод противоречит заключению Мелвина (тест на интернальность мы также применили) – решающим фактором были персональные свойства.

Теперь я задаю тебе вопрос, выходящий за рамки нашей темы: *как, опираясь на свою методологию исследования развития науки и персональных особенностей ее видных деятелей (у нас или в Америке), ты разрешил бы несоответствие выводов – наших и М. Кона?* Заранее упрещаю, что у меня есть догадка, но пока не скажу.

БД: Этот вопрос не выходит за рамки нашей темы..., просто мы еще не дошли до анализа личностных качеств, как ты говоришь, первосоциологов. Может когда и дойдем, но пока замечу, что в обсуждаемой нами группе, говоря языком Мелвина Кона, «респондентов» чрезвычайно высока доля окончивших школу и институты с медалями и красными дипломами, получавших именные стипендии, успешно работавших в комсомоле и на выборах партийных должностях. Да, все изменили своим базовым профессиям, в высшей степени работоспособны, увлечены делом, устойчивы к давлению среды... можно продолжить, но вывод напрашивается. В целом это сообщество социологов достигло многого в первую очередь благодаря персональным свойствам. Не обладавшие креативностью и общей энергетикой (по Спирмэну, высокими показателями по general фактору), способностью к сопротивлению среде сразу сходили с дистанции.

Я знаю описание всех перипетий этого Проекта [38] и соображения Мелвина Кона относительно правомерности сопоставления результатов, получаемых в трансформировавшихся польском и украинском обществах и сложившемся – американском, однако не знаком с итогами исследования. Но исходно у меня такое ощущение, что любой сравнительный социокультурный анализ прежде всего выявит влияние макрофакторов в саморегуляции действий людей, ибо на это он и направлен, этим и интересен. Мы же с тобой имеем дело с социологами-инноваторами (социологи 1950–1960-х были, конечно же, «челноками»), и их поведение надо и можно со-

поставлять с поведением героев моего американского исследования [39], о котором мы говорили в первой части нашей беседы [1]. Личностное и социальное можно будет разглядеть при сопоставлении стратегии поведения советских перво-социологов и первых американских рекламистов и полстеров. Вот где могут быть обнаружены и инвариантные формы поведения, и те, которые являются «чистыми» производными социального контекста.

ВЯ: Моя догадка совершенно совпадает с твоим объяснением. Одно дело – социальная стабильность, и совершенно иные социальные обстоятельства, когда вокруг все рушится или изменяется радикально. В последнем случае более энергичные и менее ординарные действуют не так, как большинство.

А теперь о воздействии социального контекста. На сайте нашего института расположен блог Ядова и Олега Яницкого, где мы начали обсуждение принципиально разных моделей поведения «стариков» и сорокалетних социологов в ситуации конфликта студентов соцфака МГУ с деканом Владимиром Добреньковым. Группа студентов воспротивилась дурному обучению и «режимным» порядкам, установленным на факультете. Из моего поколения многие выступили в поддержку бунтарей и вошли в состав двух комиссий (Общественной палаты и ректорской), изучавших ситуацию на факультете, из сорокалетних таковых были единицы. Яницкий по этому поводу говорил: «Наша социологическая элита 40-летних выросла и работает в гораздо более спокойных, комфортных условиях... Мы проходили довольно суровую школу жизни, они – сразу начали учиться в западных университетах или по западным канонам. Мы не могли отделить себя от проблем страны, их взгляд – более отстраненный... Они почти сразу стали учить других, мы же очень долго проходили школу жизни. У нас прошлое болит до сих пор как отрезанная нога, они не испытывают этих фантомных болей» [40]. Олег продолжил свое объяснение о роли социальной среды 40-летних: «Они вступали в профессиональную среду перед или в самом начале перестройки... у меня есть на этот счет концепция “порождающей среды” (engendering milieu). Многие из 40-летних получали профессиональное образование за рубежом (стажировка, аспирантура, докторантура). Так или иначе, интеллектуальные и материальные ресурсы были, прежде всего, там (или здесь в виде фондов, что одно и то же)... Поэтому естественно, что их корни были (и сейчас находятся) больше там, чем здесь. Моя точка зрения: чтобы быть “национальным” всякий гуманный должен вжиться в контекст, в среду, уметь стать на

точку зрения тех, кто “внизу”... В этом, сугубо профессиональном смысле наши 40-летние “наднациональны”. И еще: «Но Ахиллесова пята такой “наднациональности” – риск остаться навсегда “догоняющей социологией”. Потому что “понимать” можно только будучи внутри, в контексте...» Не правда ли, хорошо сказано? *Какие поколения в твоей классификации начали выпадать из российского контекста?*

БД: На мой взгляд, «выпадение» из российского контекста не является значимой характеристикой того или иного из наблюдаемых поколений социологов, энергия не исчезает... но подумать стоит.

ВЯ: Подумать очень стоит. Ты знаешь, что я не симпатизирую постмодернистскому направлению в социологии. Но трудно не согласиться с утверждением «тамошних» постмодернистов, что мангеймова концепция поколений перестает работать. Люди живут, как правило, нуклеарными семьями, торчат у телеэкрана и сидят за компьютером, с родителями за общим столом бывают лишь в Рождество. В их мировосприятии реалии собственного опыта вытесняются медийными образами разных времен и пространственной локализации. Первокурсников Миша Черныш называет поколением «Дом-2», то есть читать не хотят, письменные работы скачивают с Интернета...

Добавлю «институциональное» о наших социологах. Единого сообщества нет. Разобщенность, как мы уже говорили, структурирована по принадлежности к региону, по местам занятости в науке/образовании или в центрах изучения мнений и маркетинга, по идейным расхождениям. Искать «поколения» на базе единого социального опыта бессмысленно. Возрастные когорты не отличаются какой-либо солидарностью, ибо одни разъезжают по миру, другие и в отпуск куда не могут выехать, третьи бросились или в религию, или, трудно поверить, в космизм – сочиняют теории «от пупа», игнорируя профессиональную литературу. Самые молодые, еще студенты, «просто живут» в тусовках или по парочкам, многие равнодушны к социальным проблемам. С позиции наших с тобой поколений ситуация радикально иная.

Я надеюсь на то, что нынешняя «стабилизация» глубоко дезинтегрированного, по сути, общества по мере ослабления всесилья чиновничества, снижения ужасающего разрыва между сверхбогатыми и сверхбедными, укрепления гражданских структур будет меняться. В иной социальной среде, определенно, будет укрепляться гражданская мотивация новых поколений социологов. А это в нашей профессии наиважней-

шее. Мастер обязан знать свое дело, но его гражданский и патриотический долг в том, чтобы ответственно использовать знания на благо общества.

БД: С последним трудно не согласиться.

Литература

1. Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2008. № 1. С. 40–50.
2. Himmelstrand U. Three Faces in Russian Sociology: Surviving Intellectually as Sociologists in a Totalitarian Society // International Review of Sociology. 2000. Vol. 10. № 2.
3. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
4. Интервью с профессором В.Я. Ельмеевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 5–17. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/elmeev.html>>.
5. Заславская Т.И.: «Я с раннего детства знала, что наука – это самое интересное и достойное занятие» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 166.
6. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 168–169.
7. Здравомыслов А.Г. : «Социология как жизненное кредо» // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 153–154 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html>.
8. Шубкин В.Н. «Возрождающаяся социология и официальная идеология» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Багыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 69.
9. Иконникова С.Н. Философский факультет для меня – родной <<http://www.spbumag.nw.ru/2005/23/3.shtml>>.
10. Интервью с А.В. Барановым (проведено М. Алешиной (осень 2007 г.); готовится к печати в журнале «Телескоп»).
11. Вергасов Ф. Григорий Фёдорович Александров <<http://www.pseudology.org/information/AlexandrovGF.htm>>.
12. Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 3 марта 2008 г.
13. Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2006. № 2. С. 6. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202569414206404file.pdf>.
14. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2005. № 3. С. 3-4. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348361424318file.pdf>.
15. Интервью с профессором И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. С. 7. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/golosenko.html>>.

16. Гофман А.Б.: «Социальная реальность ... – это сфера свободы» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 9. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1201870198378596file.pdf>.
17. Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 4. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202493190124802file.pdf>.
18. Кон И.С. Восемьдесят лет одиночества. М.: Время, 2008 (в печати).
19. Попова И.М. «Как становились на ноги и как разучились ходить» // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 153. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/popova.html>>.
20. Здравомыслов А.Г. Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 114–130. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/zdravomyslov_nationalsoc.html>.
21. Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 4 <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/firsov.html>>.
22. Руткевич М.Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: ЦСП, 2003.
23. Голосенко И.А., Зверев В.М. Социолог Агнеса Звоницкая: работы и судьба // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 75–81. <<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/10/0000276705/11Golosenko.pdf>>.
24. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 143 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/lapin_07.html>.
25. Шкаратан О.И.: «Рутинные интеллигентные проблемы...» // Социологический журнал. 2002. № 3 <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/shkaratan.html>>.
26. Замошкин Юрий Александрович (1927–1993). Сборник воспоминаний. М.: МГИМО МИД России, 2007. С. 9.
27. Из рукописи первого варианта книги А. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>>.
28. Гилинский Я.И.: «...Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 6–7 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893614165434file.pdf>.
29. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды»: заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 69 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>>.
30. Заславская Т.И. Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
31. Смирнова Е.Э.: «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 1. С. 2–3 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content120249795957900file.pdf>.

32. Письмо Б. Максимова Б. Докторову от 4 июля 2007 г.
33. Файнбург Захар Ильич <http://www.fandom.ru/about_fan/fantasto/fainburg_z.htm>.
34. *Араб-оглы Э.А.* «Тогда казалось, что кое-что удавалось». Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 358–359 <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/arabogly.html>>.
35. Интервью с профессором С.А. Кугелем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. <<http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/2001/3/0103kugel.html>>.
36. Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым // Журнала социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 4 <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/firsov.html>>.
37. *Здравомыслов А.Г.* Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 3. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/10/25/0000181371/001zdravomyslov_3-20.pdf>.
38. *Kohn M.L.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project // Social Psychology Quarterly. 1993. Vol. 56. No. 1. P. 4–20. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kohn_doing.pdf>; <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kohn_doing_transl.html>.
39. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008 (в печати).
40. Блог В.А. Ядов – О.Н. Яницкий. Приватные разговоры двух ветеранов для публичного обсуждения в среде коллег-социологов <http://www.isras.ru/blog_Yadov_Yanizkij_full.html>.

Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х

ПОЧТИ 40 ЛЕТ СПУСТЯ¹⁵

Введение. Почему и что мы вспоминаем

БД: Так получилось, БМ, что разделенные расстоянием и уже 15 лет не связанные никакими исследовательскими проектами, мы разными путями подошли к одной делянке и, не сговариваясь, стали обследовать ее и пытаться культивировать. Я имею в виду историю современной российской социологии.

Ты к этому предметному полю подошел десять лет назад, поделился своими впечатлениями со студентами и затем просуммировал все увиденное в книге [1]. Это был рубеж веков. Потом тебя заинтересовали некоторые особенности массового сознания советских граждан в 40-х – 60-х годах, и итогом этой

¹⁵ Почти сорок лет спустя (Беседа Б. Докторова и Б. Фирсова) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 6–15.

работы стала книга о разномыслии в СССР [2]. По горячим следам, сразу после публикации этой книги мы говорили с тобой о ней [3]. И хотя ты не признал, что она стала продолжением твоих историко-социологических разработок, я не только остаюсь при своем мнении, но в течение прошедшего года еще более убедился в нем. В той книге присутствуют люди нашего цеха, а в твоём освещении духа первых двадцати послевоенных лет и сознания людей, живших в те годы, отражены не только твои личные наблюдения и переживания, не только опыт писателей, историков, публицистов и культурологов, пытавшихся осмыслить то время, но и советских социологов, в частности, Бориса Грушина, Владимира Шубкина и Владимира Шляпентоха. Наконец, сейчас ты перерабатываешь свою книгу по истории советской социологии, значит – не оставил указанную деланку, тебя постоянно что-то притягивает к ней.

А не мог бы ты попытаться сейчас вспомнить, что толкнуло тебя в конце 1990-х к обращению к истории отечественной социологии? Только ли внешнее обстоятельство – необходимость дать студентам представление о том, что и как было, или развитие каких-то прежних проектов, например, работа над Тенишевским архивом [4], или просто стремление осмыслить, чему была отдана значительная часть собственной жизни?

БФ: Этот побудительный толчок, скорее всего, был связан с желанием вернуться к прошлому. Из 70 лет, прожитых к моменту, когда я дерзнул написать собственную версию этой истории, половина была отдана социологии. Власть прошлого я, как исследователь, особенно остро ощутил в перестроечные годы, обнаружив обширные лакуны и белые пятна в собственной картине советского мира. Еще меньше об этом прошлом знали мои молодые коллеги, представители первых когорт слушателей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Так возникло требование, адресованное, прежде всего, к самому себе: не стоять в стороне от публичного и гласного объяснения советской истории, от осмысления коллективного и индивидуального опыта жизни в советских условиях, тем более что научная моя профессия позволяла это сделать. Остальное – известно, как и то, что книга оказалась востребованной. Я продолжаю читать курс лекций для аспирантов-социологов, убеждаясь всякий год, что им нужны *мои* свидетельства и рассказы о былом.

БД: Мой вопрос, при всем его личностно-биографическом звучании имеет, прежде всего, более общее, науковедческое значение. Ведь от того, как ученый входит в новую для него

тематику, от его мотивации, его предыдущего исследовательского опыта и изгибов его жизненной траектории во многом зависит его базовая точка зрения на анализируемый предмет-объект, его методология и, в конечном счете – результаты его работы. Я помню, что, начиная свой исторический проект, ты наметил несколько принципов анализа и обратился к ряду социологов с предложением высказаться, какой из стратегических планов изложения прошлого им кажется наиболее перспективным. И ответы твоих корреспондентов, а некоторые из них стояли у истоков современного этапа российской социологии, были различными. И вот сегодня не мог бы ты прокомментировать причины, по которым ты остановился на определенном подходе и стал его углублять? Предполагаешь ли ты каким-либо образом корректировать его в новом издании твоей работы?

БФ: Выбрать точку зрения на историю нашей многоотрадной науки помогли мне коллеги по профессиональному сообществу, за плечами которых были десятилетия служения социологии. Большинство экспертов, а их насчитывалось 15 человек, отдали предпочтение подходу, с помощью которого можно было бы показать «восхождение на Голгофу» социологического знания в условиях постсталинского советского государства. А именно: раскрыть непростые отношения между социологией и властью, настойчиво пытавшейся сделать из социологов помощников партии, лишенных, однако, права на свободу научного творчества. Как бы отношения с новой властью ни складывались сейчас, помнить уроки несвободы следует постоянно. К тому же и степень независимости социальных наук от широко понимаемого политического контекста, от могущества денег оставляет желать много лучшего. Потому я сохранил основу «канонического» текста первого издания книги, но основательно обновлю комментарии и примечания, привлеку работы по истории нашей науки, опубликованные в последнее десятилетие. Однако лейтмотив книги останется неизменным: партийно-государственная власть сильно вредила общенародному делу. История советской социологии еще одно печальное тому подтверждение.

БД: Прочитав твои ответы, я подумал, а как я ответил бы на твой вопрос о причинах моего обращения к изучению истории советской/российской социологии и в чем я вижу связь разрабатываемой мною методологии с темами моих прежних исследований и с реалиями моей сегодняшней жизни.

Прежде всего, я отмечу, что мой подход еще лишь оформляется, многое – в стадии набросков, что я еще далек от того,

чтобы на «нашей общей делянке» обозначить участки для глубокой проработки. Второе, если оставить в стороне процесс ранней социализации, который, по сути, формирует нас и наши интересы, и искать что-либо более «твердое», осознаваемое, то это – мое участие в конце 60-х – начале 70-х в опросах общественного мнения работающего населения Ленинграда, в организации которых ты играл главную роль. Какая цепочка соединяет то, что было тогда, с моими сегодняшними попытками исследований историко-наукоеведческой направленности? Я бы назвал ее простой, короткой и очень личностной. Некоторые детали перехода из «той» области исследований в «эту» изложены мною в беседе с нашей коллегой Ларисой Козловой и опубликованы в первом номере «Телескопа» за этот год [5]. Но если все схематизировать, то это движение можно обозначить такими вехами-интервалами: «почти четверть века исследования методологии и методов изучения общественного мнения и разных форм массового сознания» -- «пять лет освоения американской действительности и «полного отдыха» от науки» -- «восемь лет постижения американской истории становления опросных методов и в последние четыре-пять лет – постепенное вхождение в историю российской социологии». Таким образом, мое «пребывание» в российской социологии не было непрерывным, возвращение в нее состоялось после почти десятилетнего перерыва. Кроме того, оно началось со статьи о Борисе Грушине, которую я рассматривал не как историческое, а как биографическое исследование. Произошел переход от анализа творчества и жизни Джорджа Гэллапа и других пионеров измерения общественного мнения в США к описанию сделанного первопроходцем изучения массового сознания в СССР. По сути, я оставался в рамках того же предметного поля и тогда, когда делал мое первое биографическое интервью с тобой.

На протяжении первых пары лет, скажем, до начала 2007 года, мои интервью были элементом сравнительного российско-американского и историко-биографического проекта, и лишь постепенно, по мере накопления материалов и осознания необходимости его анализа начинали кристаллизоваться задачи более общего плана, и возникла идея создания истории нашей социологии с «человеческим лицом». Пока это – метафора, но я замечаю, как она рационализируется. В моем понимании нет безлюдного прошлого. События, последовательный ряд которых образует историю, во-первых, генерированы людьми, во-вторых, существуют или существовали лишь постольку, поскольку в них были заинтересованы какие-то группы и поскольку они были итогом чьей-то

деятельности. И в этом смысле для меня прошлое советской/российской социологии существует как часть биографии создававших ее ученых.

Я понимаю ограниченность такой трактовки истории, но я не готов к историко-наукоедческому исследованию, базирующемуся на иной методологии. Кроме того, что безлюдная история кажется мне серой, постоянная жизнь в Америке практически делает невозможным для меня использование в моей работе иных источников, чем воспоминания участников событий, и потому метод интервью становится для меня не просто удобным, но фактически – единственным.

Мне давно хотелось отыскать для исторического анализа такие события, в обсуждении которых могли бы участвовать несколько человек и которые в том или ином отношении были бы отражены в документах. Несколько лет назад мы с тобою говорили о том, что имеет смысл вспомнить о наших давних ленинградских опросах общественного мнения. Я продолжаю считать, что они имеют право быть отмеченными на какой-то странице истории советской социологии.

К тому же, оказывается, что здесь мы имеем дело с одним из тех выше смоделированных сюжетов, которые мне хотелось отыскать. Во-первых, мы оба – участники тех почти сорокалетней давности событий, во-вторых, ты добрался до архивных полок с отчетами об опросах общественного мнения, проведенных нами в то время. Так что следует попытаться вспомнить, что же тогда происходило, и осмыслить все с учетом прожитых лет и накопленного опыта.

БФ: В целом я согласен с тобою. Давай попробуем...

1. Как все началось, развивалось и закончилось

БД: С начала 70-х вплоть до 1984 г. мы изучали общественное мнения населения Ленинграда, все делалось под эгидой Ленинградского Обкома КПСС и при его немалой поддержке. Тогда этот факт был известен относительно небольшому числу социологов в стране, и самые общие сведения о том, как все делалось, были скупо изложены в журнале «Социологические исследования» и ряде сборников. Но в целом эта страница развития ленинградской социологии пока скорее «чистая», чем заполненная. Почему я думаю, что имеет смысл обратиться к прошлому, попытаться вспомнить, как все начиналось и как оборвалось, какая технология нами использовалась, какие результаты были получены?

Я не считаю необходимым здесь касаться общего вопроса о том, что должно или может быть объектом и предметом

истории отечественной социологии, отмечу лишь ряд обстоятельств, которые, на мой взгляд, дают нам право рассмотреть этот частный фрагмент прошлого. Первое, этот проект длился достаточно долго и в нем было многое сделано: зафиксированы некоторые грани массового политического сознания населения «второй столицы» страны, разработаны и освоены методики и организация опросов. Второе, по тем временам проект явно обладал признаками новизны и мог бы стать актуальным, т.е. иметь определенное практическое значение. И это, думается не наша вина, а наша беда, наш опыт попал в «консервацию». Третье, без описания ленинградских опросов общественного мнения история становления этого направления российской социологии, будет неполной. Последнее касается ответственности за то, что нами делалось, и за то, что мы могли сделать, но в силу каких-то причин уклонились от этого. Мы как участники проекта должны дать будущим историками российской социологии материал для их науковедческих построений и выводов. Пусть они и решают, было ли там что-то ценное.

А теперь задумаемся о «простеньком»: зачем руководству ленинградской партийной организации потребовалось изучать общественное мнение? В моем вопросе есть два временных среза: как ты тогда это понимал и как мог бы ответить сегодня? Ведь с тех пор прошло почти четыре десятилетия, мы изменились, мир изменился...

БФ: Я и сейчас понимаю это намерение обкома так, как я понимал его (намерение) тогда. Следов высокой политики, прозрения, желания установить обратную связь я во всей этой истории обнаружить не могу. В начале 1970-х гг. областные партийные организации начали обрывать автономным информационным хозяйством. Создать свою информационную систему в числе первых в стране решил и Ленинградский обком. Идея красивая, у других таких систем нет. Обком заметно выделялся на фоне родственных структур своими починами. Вот и записали пункт об информационной системе в решение очередного пленума 1969 г., но записали с оговорками, что на воплощение идеи потребуется время. Что это такое, тогда мало кто знал. С этим решением оказался связанным еще один важный фактор, развитие так называемой партийной социологии. Нашей дисциплине тоже искали место в широко понимаемой партийной работе, учили социологическим методам слушателей высших партийных школ, пытались собирать нужные сведения на основе социологических исследований. Ты эту тему лучше знаешь, ибо, будучи преподавателем Ленинградской высшей партийной школы, участвовал в сборе

информации в интересах обкома, изучал вместе с Андреем Здравомысловым бюджеты времени партийных работников районного звена.

Заместителем заведующего организационно-партийным отделом обкома КПСС в ту пору был Борис Алексеев, которому поручили воплотить в жизнь идею информационной системы. В недавнем прошлом секретарь Ждановского райкома комсомола, а затем, – один из секретарей Ждановского РК КПСС гор. Ленинграда, он был инициативным и думающим человеком, любил все делать не только четко, но и хорошо. Размахнуться ему давали. Он начал приглашать к себе разных людей, кому мог доверять, и спрашивал, как им видится такая система, как ее лучше сделать. Одним из таких собеседников оказался я. Помню, как я сказал ему, что система должна ориентироваться на использование современной вычислительной и множительной техники, символами которой тогда были ЭВМ и ксероксы. Анализ всех массивов информации должен опираться на современные методы ее сбора, хранения и обработки. Иначе, зачем «попу гармонь»? На мой вопрос, какая из наук ближе всего стоит к целям и задачам системы, я безапелляционно ответил: «Социология!».

БД: В то время я мало задумывался о политической составляющей проектов, в которых участвовал, воспринимал их как задание по работе и как возможность применить знание математических методов. Ведь перед этим я более восьми лет изучал математику, и мне действительно было интересно понять, что она может дать практике. Сейчас же мне кажется, что исследования бюджетов времени партийных работников и опросы общественного мнения были следствием временного и ограниченного успеха либеральной части партийного аппарата в стремлении улучшить социализм, хотя тогда это формулировалось как «дальнейшее повышение качества партийной работы». Алексеев и многие его сотрудники, например, Владимир Вакуленко (который после работы в РК КПСС много лет был директором Большого драматического театра, руководимого Георгием Александровичем Товстоноговым), были молоды, имели хорошее образование, читали «Новый мир» и любили Окуджаву. Они были достаточно амбициозны и связывали успех своей карьеры с допустимыми изменениями в политической жизни страны. Как преподаватель Высшей партийной школы, я помню немалое число слушателей, пытавшихся связывать очевидные трудности социалистического строительства с действиями власти.

Не мог бы ты вспомнить, как все начиналось? Это было следствием твоей (еще кого?) записки в Обком? Кто тебе

позвонил? Где состоялась первая беседа? Что было сказано? Интересовался ли твой собеседник твоими суждениями по поднятой им проблеме? Ты сразу согласился возглавить работу по изучению общественного мнения или попросил время на размышления и ответ?

БФ: Алексеев просил подготовить записку на его имя как заместителя заведующего отделом обкома. Я написал, развив несколько положений: разработка и эксплуатация системы должна опираться на потенциал академических и проектных институтов; изучение общественного мнения населения Ленинграда может быть одной из внешних задач системы и ряд других. Записку мы с ним обсуждали несколько раз, внося в нее коррективы. Вопросов о ее судьбе я никогда не задавал до поры, когда мне стало известно, что проект всей системы будет разрабатываться специальной организацией, а я стану одним из его соисполнителей, представляя академическую науку. Но ты сам понимаешь, давно все это было, многое забылось, могу ошибаться в датах.

БД: Недавно я писал тебе, что нашел записную книжку, в которой отражены события моей жизни с 20-х чисел апреля 1971 г. по июнь 1972 г. Понятно, что тогда никаких планов на воспоминание всего происходившего через три с половиной десятилетия у меня не могло быть. Писал для себя, скорее всего потому, что в течение долгого времени чувствовал неопределенность в своем профессиональном будущем, да и с местом работы не все было ясно. Формально, я был сотрудником кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской Высшей партийной школы, но прикомандированный к тебе, я основное рабочее время занимался созданием той системы изучения общественного мнения, о которой мы сейчас говорим. Так вот, мои записи позволяют конкретизировать сказанное тобою, и это важно не только в фактологическом отношении, но и в методическом плане. В последние годы мы оба занимаемся историей российской социологии, и оба понимаем, что наши построения в значительной степени зависят от информационной базы, которой мы располагаем. А память – инструмент не очень надежный, теперь мы оба в этом можем убедиться.

Потому сказанное тобою: «В начале 1970-х гг. областные партийные организации...» может, благодаря моим записям и ряду анкет, сохранившихся в моем архиве, мы сможем уточнить и дополнить эти слова теми событиями, о которых мы оба забыли, но которые – в цепи всех других обстоятельств – играли свою роль.

БФ: ...да, интересно...

БД: В нашей статье в журнале «Социологические исследования», написанной тремя Борисами - Алексеев, ты и я – сказано, что в 1969 году ЦК КПСС (Алексеев это знал наверняка) принял постановление «О состоянии и мерах по улучшению партийно-политической информации». И вот, конкретизируя это указание вышестоящей инстанции, Ленинградский обком КПСС решил создать свою систему изучения мнений и настроений трудящихся, привлечь к этому научные силы города и обеспечить материальную базу всей этой деятельности – специализированный вычислительный центр [6]. Очевидно, что Алексеев не мог ошибиться в датировке документа вышестоящей организации. Помимо этой публикации, появившейся через восемь-девять после начала создания системы и проведения опросов, в 1981 году у нас была еще одна совместная с Алексеевым статья [7]. Поскольку других текстов, рассказывавших о той работе у нас не было, получается, что в течение десяти лет мы не имели права «раскрывать рты» по поводу проводимых исследований, а потом – говорить лишь при участии (под контролем) ответственного сотрудника партийного аппарата.

Уже в апреле 1970 года – тогда я еще не вел своих записей, но у меня есть анкета, на которой это указано – было проведено исследование по участию рабочих в управлении делами коллективов (я пользуюсь терминологией того времени), которое разрабатывалось Леонидом Бляхманом, Андреем Здравомысловым, Овсеем Шкаратаном, Владимиром Ядовым и тобою. Я отвечал за обработку этого массива на ЭВМ.

БФ: Понимай это как «обкатку» идеи системы и ее социологической части. Чтобы включить социологию в свою орбиту, нужны были социологические аргументы и факты. Потому и позвали наших коллег что-то сказать. Все они тогда имели отношение к труду, к изучению рабочих. Алексеев спросил меня, можно ли что-то сделать «в стиле изучения общественного мнения». Как я теперь понимаю, осторожный Алексеев хотел убедиться в том, что я что-то умею делать. Все это было в начале 1970 года.

Скорее всего, осенью того же года у меня состоялась беседа в обкоме о создании специализированной системы (СС) по изучению общественного мнения. Там обсуждались в общих чертах вопросы разработки документа, я его назвал Аванпроект, обосновывающего цели и технологию изучения общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда, а также описывающего методы, процедуру сбора первичной

информации и возможные варианты оперативной обработки собранных данных.

Речь шла о проверке реализуемости идей, закладываемых в Аванпроект. Обком согласился с нашим предложением первый опрос связать с главным политическим и идеологическим событием следующего года - XXIV съездом КПСС. Съезд намечался на 30 марта – 9 апреля 1971 года, и было необходимо получить как можно быстрее реакции ленинградцев.

Сейчас мы знаем, что результаты нашей работы никому нужны не были: мы не имели права их публиковать, и, судя по всему, даже партийный актив города не знакомили с результатами опроса.

БД: Вспоминая то время, я думаю, что этот опрос можно было провести, только имея кураж, огромное желание выложиться и доказать, что мы не просто «мечтатели», строители «воздушных замков». Передо мною анкета того исследования, в выходных данных указана дата нашего заказа – 7 апреля 1971 года. Я помню, мы до последнего момента ждали, не будет ли каких непредвиденных обстоятельств в работе партийного форума, и оттягивали завершение подготовки опросного документа и его тиражирование. Проводился он под шапкой Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации, сбор данных проходил, мне кажется, в последний день съезда, а результаты обработки мы имели на следующее утро.

Мы уже вели эту нашу беседу, когда осенью 2008 года я оказался на Конгрессе российских социологов в Москве и молодая преподавательница Государственного университета – Высшей школы экономики Ольга Свешникова попросила рассказать меня о том, как мы опрашивали людей и как обсчитывали получаемую информацию. Вопрос, как ты иногда говоришь, был «на засыпку», но я начал вспоминать. Когда я расписывал нашу процедуру анкетирования и схему обработки на счетно-перфорационных устройствах, мне казалось, что она видела во мне человека из каменного века [8]. Конечно, сейчас мне самому с трудом верится во все это, ведь многие не знают, что такое счетно-перфорационные устройства. Но, замечу, именно эту вычислительную технику использовали Джордж Гэллап и другие полстеры США во второй половине 1930-х годов (!).

Но все так и было... Все анкеты мы проверяли на полноту заполнения, и затем отправляли их на обработку. В течение вечера счетно-перфорационные станции в разных районах города переносили информацию с анкет на перфокарты, потом все доставлялось на Владимирскую площадь. В здании Владимирского собора, в огромном зале, где теперь совершается

служба, тогда размещались цеха центральной счетно-перфорационной станции Ленинграда. Ночью все обрабатывалось, и утром мы получили гору табуляграмм. Потом результаты обчетов вписывались в заранее заготовленные таблицы, писался краткий оперативный отчет и к обеду итоги опроса были в обкоме партии.

По той же самой программе и с использованием аналогичной выборки 18 мая 1971 г. был проведен повторный опрос, в котором все без исключения результаты, полученные в первом зондаже, повторились. В обоих случаях применялся оперативный режим сбора, обработки и выдачи экспресс отчета. Расчетный норматив времени для этого режима – 24 часа, кажущийся и сейчас фантастическим – был выдержан. Я думаю, что эти, проведенные в неправдоподобно короткие сроки, два опроса с выборками по две тысячи человек показали руководству города и области, что социологи действительно способны «снять» картину мнений весьма оперативно.

БФ: Да это был еще один экзамен, на этот раз для всех, кто имел отношение к исследованию.

БД: Судя по моим записям, в конце 1971 года или в январе 1972 года Б. Алексеев возглавил общий отдел и переселился в специальный коридор, совсем близко от кабинета Г. Романова, который с 1970 по 1983 год был первым секретарем Ленинградского обкома КПСС. Вот тогда у нас, говоря современными словами, появилась «надежная крыша».

Вскоре после нашего первого опроса в Ленинграде побывал Федор Михайлович Бурлацкий, в то время – заместитель директора Института конкретных социологических исследований АН СССР, вместе с Алексеевым он имел аудиенцию у секретаря обкома по идеологии З. Кругловой. Потом вы с Алексеевым ездили в Москву. Все это показывает, что первые опросы были восприняты руководством обкома и ИКСИ положительно. Не помнишь ли ты, что конкретно обсуждалось в Москве или какое организационное решение готовилось?

БФ: Если мне не изменяет память, то обсуждалась возможность поручить моей группе, тогда – структурному подразделению ИКСИ, работу в интересах обкома КПСС, а именно, подготовку проекта специализированной системы изучения общественного мнения, а затем и ее эксплуатацию. После этого мы получили комнату в Смольном и стали разрабатывать свою часть Информационной системы обкома КПСС. Организационных решений по данному поводу не принималось. Все держалось на договоренности сторон.

БД: Как ты думаешь, почему именно тебе предложили создать систему по изучению общественного мнения? С одной стороны, действительно, в Обкоме многие высокого уровня руководители знали тебя сначала как комсомольского лидера, затем – как секретаря Дзержинского райкома КПСС и директора Ленинградского телевидения в 1962–1966 гг. С другой стороны, по их представлениям, ты не «оправдал доверие партии», ведь тебя последовательно освободили от должности первого секретаря райкома (за отказ перейти на работу в аппарат ЦК КПСС), а потом – по настоянию руководства Обкома за идеологические промахи – от должности директора Ленинградской студии телевидения [9].

БФ: Меня выбрал Алексеев, который, вероятно, сказал недавно сменившемуся партийному руководителю Ленинграда и области, Г. Романову, что он других кандидатур не видит. С Романовым мы тогда были хорошо знакомы. В пору, когда я работал первым секретарем Дзержинского РК КПСС, он занимал более скромное место в партийной иерархии – выполнял обязанности второго секретаря Кировского РК КПСС. Угрызений совести по поводу моих «ошибок» я никогда не испытывал. Наверное, Алексеев «выхлопотал» мне индульгенцию. Может быть, в обсуждаемом случае преобладала прагматика – нужны были люди, способные руководить созданием нового дела. Так было всегда, иначе бы не появились «шарашки»!

БД: Это точно... хорошее сравнение. Ты помнишь двустипшие Эрика Соловьева о первых опросах Бориса Грушина... он «занимался серьезно вполне общественным мнением в безгласной стране». Игорь Кон говорил нам, Борисы, что вы изучаете, общественного мнения у нас нет. Что ты думал по этому поводу в те годы? Что в твоём понимании общественного мнения в СССР дала только что завершённая тобою работа по разномыслию в России?

БФ: Вопрос очень обширный, если не сказать безграничный. В книге я ограничился 1960-ми годами. Уже в ту пору, в 60-е годы, стало ясно – опросы грушинского Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда» тому порукой – общественное мнение было готово к тому, чтобы заявить о себе во весь голос. Чем солиднее, надежнее были бы гарантии его публичного выражения, тем сильнее и откровеннее оно звучало бы как голос народа. Я намеренно прибегаю к условно-сослагательному наклонению, поскольку гарантий свободного выражения не было, действовали партийные регламенты, идеологические табу и запреты. Чего стоят

одни «Перечни сведений, запрещенных к публикации в открытой печати», «талмуды» Главлита СССР, где постоянно обустраивалась сфера прилюдно произносимого вслух и публично выражаемого с помощью печатного слова. Единственно до чего не додумались ребята из Главлита, пуповиной связанного с «компетентными советскими органами», так это – начать публикацию перечней того, о чем нельзя было думать наедине с самим собой. У меня даже есть игривое название для «Перечня...»: «Ни-ни!».

Итак, один замедлитель, морозильная камера для выражения общественного мнения – социально-политические условия жизни страны, цензура мыслей и поведения. Люди то на самом деле думали обо всем на свете, но рассуждать вслух и боялись, и не соглашались, и не хотели «колоться», не зная истинных целей и не понимая назначения опросов. Кто как...

В каком-то смысле в роли замедлителя выступала и сама социологическая наука, ментально не готовая к тому, чтобы спрашивать всех и каждого *обо всем на свете*. Вспомни, как мы мучительно сочиняли первые методики опросов об отношении к съездам КПСС брежневской эпохи и планам пятилеток. Язык методик был натруженным, напряженным, пропитанным новоязом, далекий от естественного диалога с людьми. Самоцензура сильнейшая!

БД: Мой архив далеко не полон, однако, в нем есть, мне кажется, главное: три анкеты, использовавшиеся нами в 1971, 1976 и 1981 годах при изучении отношения трудящихся к работе XXIV, XXVI съездов КПСС, а также – анкеты опросов по итогам IX (1975 г.) и X (1980, 1981 гг.) пятилеток. Есть и опросный документ еще одного политического исследования: «Ваше мнение о проекте Конституции СССР» (теперь называемой «Брежневской»), проведенного в августе 1976 года, месяца за полтора до ее принятия. Конечно, мы постоянно думали о том, как сформулировать то, что мы хотели узнать, но при этом отойти, насколько это было возможно, от идеологических штампов. Я пролистал сохранившиеся у меня анкеты и откровенно «косых», заидеологизированных шкал в них не обнаружил. Скорее, в них присутствует упрощенчество в трактовке изучавшихся нами достаточно сложных социальных явлений и, соответственно, недостаточная глубина измерения. Но ведь многого мы и сами не знали.

Например, при анализе отношения людей к съездам КПСС, мы ограничивались измерением степени их знакомства с документами этих партийных форумов, но никогда не касались

более широких тем, таких как доверие партии, понимании ее роли в обществе, истинное отношение поддержка ее политики. Отчасти это объясняется оперативным характером наших опросов, мы не могли опрашивать долго людей на рабочих местах, но все же «степень знакомства» с документами – не самый точный, валидный показатель отношения к съездам партии.

Ты начал говорить о препятствиях, которые приходилось преодолевать, чтобы «достучаться» до сознания людей. Эту тему можно продолжить?

БФ: Да, конечно, назову третий фактор – закрытость получаемых нами результатов. Респондент, только что ответивший на вопросы, фактически был лишен права на следующий день узнать из газет или телевидения, как на те же вопросы ответили все участники исследования или отдельные группы. Он был лишен возможности найти себя, свое место в мире мнений других людей, понять, находится ли он среди большинства опрошенных или представляет точку зрения меньшинства. Грушин в его блистательном анализе массового сознания 60-х – 70-х годов, я имею в виду его эпохальные книги «Четыре жизни России», тоже разговорился не вдруг, а услышали его современники и сограждане хрущевской и брежневской поры лишь в XXI веке. Да и наши скромные этюды на темы общественного мнения были по моему настоянию рассекречены лишь несколько лет тому назад. Они еще ждут предания гласности.

И последнее: за многие годы светской власти все было сделано для того, чтобы лишить общественное мнение главной социальной роли – быть одной из ветвей, институтом народовластия в обществе. Политическую культуру населения осознанно держали на очень низком уровне. Напомню, многие рабочие и служащие Ленинграда, в 1970-х годах числившегося по историческому реестру «колыбелью революции», не понимали важности и не принимали ряда политических прав и свобод, декоративно вписанных в «Брежневскую» конституцию. Вот где беда! Им представлялись достаточными привычные права на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение в старости.

Но все-таки через много лет, я возражу Игорю Кону: общественное мнение было, но в том его состоянии его правильнее называть катакомбным. В моей книжке о разномыслии сказано, что в катакомбах всегда была жизнь. В древнеримских катакомбах собирались тайком ранние христиане, отправляя обряды новой, с муками рождавшейся религии, а в катаком-

бах Одессы в войну укрывались партизаны, нанося немалый урон оккупантам.

БД: А не кажется ли тебе, что катакомбное общественное мнение это уже почти и не общественное мнение, как суверенная демократия – не демократия?

БФ: Всякий эпитет, любое образное определение что-то прибавляет или отнимает от определяемого слова. Эталонном гласности и гражданственности катакомбное общественное мнение не назовешь, оно было вещью в себе, нуждавшейся в самораскрытии «изнутри» и раскрытии «извне». Ему пришлось еще два десятка лет сидеть под колпаком партии, однако едва колпак исчез, как оно сразу, без запинки недвусмысленно заговорило во весь голос в перестроечную пору.

БД: Я познакомился с Грушиным поздно, в начале 1985 года, незадолго до моей защиты докторской диссертации, ты – много раньше (может, в Кяэрику?)... не помнишь, обсуждал ли ты с ним твои планы по изучению общественного мнения?

БФ: Нет, в 70-е годы, после того как я защитил кандидатскую диссертацию (Грушин был одним из моих оппонентов), я много занимался исследованиями коммуникации. Грушин тогда вел Таганрогский проект. По этой причине точкой пересечения наших научных интересов и увлечений стали массовые информационные процессы. Грушин изучал их в условиях среднего советского промышленного города, каким был Таганрог. Я пытался понять, как эти же процессы протекали в мире. Ты знаешь, что я добился стипендии ЮНЕСКО и несколько месяцев 1972 г. провел в Париже, в штаб-квартире этой организации. ЮНЕСКО тогда много и полезно занималась проектированием и развитием современных радиотелевизионных систем в странах «третьего» мира. Изучение международного опыта помогло мне выдвинуть идею человеко-центричной коммуникации (ориентация прессы, радио и телевидения на интересы аудитории), что сильно сблизило нас с Борисом. Именно по его просьбе я написал рецензию на книгу по результатам Таганрогского проекта для журнала «Коммунист». Так что совместное обсуждение планов изучения общественного мнения было отложено вплоть до 80-х гг., но объединить наши усилия и создать Ленинградский филиал ВЦИОМ (такой вопрос обсуждался) мы не смогли. Да и я попал в 1984 г. в этнографическую ссылку...

БД: ...Кое-что из этого было сделано. Когда ВЦИОМ приступил к созданию опросной сети, Татьяна Ивановна Заслав-

ская в 1989 году, будучи в Ленинграде по поводу вручения ей премии имени Карпинского, скорее всего с подачи Бориса, она тогда меня не знала, предложила мне возглавить небольшую группу по сбору информации – Северо-Западное отделение ВЦИОМ. Именно Борис через пару месяцев приезжал в Ленинград, говорил с партийным начальством города и руководством профсоюза, его тогда возглавлял наш бывший куратор – В. Коржов, о выделении нам помещения и другой помощи....

Вернемся, однако, к основной теме. Смотрю я на нашу первую анкету, опрос по поводу 24 съезда КПСС, в ней есть вопрос: «Ваша профессия (должность)» и далее – «заполняется совместно с анкетером». Рядом была напечатана небольшая табличка, в ней анкетер до начала опроса должен был обвести номер группы, к которой относится респондент. Таких групп было шесть, и анкеты имели при себе инструкцию по кодированию. Например, в конструкторских или проектных организациях Группу 1 составляли младший обслуживающий персонал, подсобные и вспомогательные рабочие, не имеющие специальной подготовки. Группа 5 – инженеры всех наименований, Группа 6 – руководители организаций и структурных подразделений, главные специалисты. Когда я вошел в твою команду, эта схема выборки уже была разработана.

Пожалуйста, скажи, откуда появилась идея использования именно такой стратификации работающего населения. Кто консультировал тебя по составлению списка профессий, относимых к каждой из шести групп в отобранных отраслях? Я точно не помню, в скольких отраслях мы отбирали предприятия? Почти во всех случаях, за редким исключением, на каждом предприятии мы опрашивали не более десяти человек, только на гигантах, типа «Кировского завода», - по двадцать. Это значит, что каждый опрос проходил примерно на 200 предприятиях. Верно?

БФ: Эту выборку рассчитал я. Однако, в отличие от Овсея Шкаратана, который меня основательно консультировал (он занимался стратификацией рабочих и служащих в зависимости от содержания и вида труда, его модель называлась «пятичленкой» и позволяла любого из работающих разместить на шкале, крайними точками которой были умственный труд и простой физический труд), я ввел «шестичленку», куда были добавлены руководители, чье сознание могло сильно контрастировать на фоне сознания подчиненных. Тогдашняя статистика делила всех трудящихся на рабочих и служащих. Рабочие подразделялись на неквалифицированных (1), куда

относили также МОП – младший обслуживающий персонал, уборщиц, вахтеров, сторожей; на квалифицированных (2). Служащие делились на служащих в собственном смысле этого слова, например, учетчики, табельщики, работники канцелярий, чьи должности тогда не требовали специального образования (3); техников и инженеров, то есть на специалистов средней (4) и высшей квалификации (5), и руководителей цехов, отделов, предприятия в целом (6). На самом деле «оттенков» было больше, однако всех работающих можно было разбить на эти шесть групп в каждой из отраслей народного хозяйства. Отраслей было около 20, от промышленности до органов государственного управления, но я отобрал только 12 с численностью работающих не менее 0.5 процента от всей совокупности рабочих и служащих. Разумеется, не вошедшие в выборку малочисленные отрасли были пересчитаны на весь массив.

Меня пустили в святая святых, в Статуправление, где на основе сведений о распределении всех работающих по отобранным отраслям, было нетрудно рассчитать шестичленку (социально-профессиональную структуру) для каждой из них, сопроводив ее примерами наиболее часто встречающихся, массовых профессий (должностей) для каждой социально-профессиональной группы каждой отрасли. В итоге была получена сводная картина – «шестичленка» для города в целом (в % %), с разверткой по 12 отраслям народного хозяйства. Получилась, таким образом, базовая матрица (6 x 12), пользуясь которой можно было отобрать 200 предприятий (гнезд), представляющих отраслевую структуру Ленинграда, а затем расписать квоты (по 10 человек) для каждого из них. В реальности квоты включали представителей 3-4 групп, входивших в шестичленку. Предприятия-гнезда отбирались очень тщательно.

Для меня сделали списки наиболее многочисленных предприятий и учреждений (с указанием численности работающих), где трудились более половины всех занятых в каждой отрасли. По ним, с «шагом», равным 10 тысячам человек были отобраны предприятия для опроса рабочих и служащих конкретной отрасли. Вся эта премудрость потом была описана в Аванпроекте специализированной системы. Сейчас этот документ рассекречен, хотя в нем никогда ничего секретного не содержалось. Но действовало правило: все документы, раскрывающие деятельность партии, являются секретными. Вот они и уберегали партию от «сглаза».

БД: Пока мы говорили с тобою об опросах общественного мнения, но это не все, чем мы занимались. На каком-то этапе наши исследования начали фокусироваться и на разработке

приемов анализа писем. Когда это произошло? Это был запрос нашего заказчика или согласие с твоим предложением?

БФ: Сюжеты с письмами, назову их московскими, возникли после того, как Алексеев получил повышение и стал работать в качестве заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС. Мне кажется, что он и был переведен туда с условием, что свой ленинградский опыт он внедрит в столице. Говоря иначе, с его участием было принято решение о создании на базе ЭВМ информационной системы ЦК КПСС, одна из задач которой состояла в машинной обработке и анализе писем трудящихся в ЦК КПСС, а также в Правительстве, печатные органы партии и наиболее массовые газеты. К реализации этого масштабного проекта были привлечены организации и конкретные разработчики проекта Ленинградской системы, включая и нас.

БД: Я понимаю, что мой новый вопрос будет не из самых приятных для нас, однако я задам его: «Чем закончилось изучение писем?». Ясно, твой ответ мне известен, но все же постарайся изложить его максимально детально. Мне кажется, что содержание твоего ответа может представлять интерес для историков советского этапа российской социологии.

БФ: Вопрос абсолютно закономерный. В течение всего периода изучения нами общественного мнения в интересах обкома наш «заказчик» осторожничал, прибегал к самоцензуре, дул на воду, «ни разу не обжегшись на молоке», боялся обнаружить в высказываниях и оценках людей критику или недовольство положением дел в стране, области, городе. Не случайно Г. Романов после избрания его в 1976 году в состав Политбюро ЦК КПСС, ввел специальную должность инструктора отдела агитации и пропаганды обкома КПСС, который обязан был отслеживать прессу, центральную и местную, следить за благочинием и стерильностью информации о Ленинграде. Корреспондентов центральных газет по Ленинграду, газета «Правда» здесь не была исключением, по сути, назначал и смещал обком КПСС. Вырезки из газет и обзоры на тему «СМИ о Ленинграде – городе технического прогресса и колыбели пролетарской революции», ежедневно вкладывались в рабочую папку Романова. Любой выход за контуры «священного» для всей страны образа города был причиной разбирательств и расследований. Корреспондент, взявший неверную ноту в песнях о Ленинграде, становился персоной «non grata». Весь путь Романова от особняка в пригороде Осиновая Роща, где он жил, до обкома был декори-

рован лозунгами-растяжками оптимистического содержания. Например, выезжая на магистраль из своего «закоулка», он мог прочесть на кумаче: «Ленинскую политику КПСС одобряем!». Семантика этой фразы не оставляет сомнений, что ему был по душе этот «message», как бы исторгавшийся из глубин народного сознания в виде благодарности партии, и ему, как одному из видных лидеров, за заботу о советском человеке и сохранении образцовости Ленинграда.

Этот надуманный и весьма чванливый фон, точнее сказать, постоянная жажда лести и похвалы, пусть не себе, а городу, доверенному ему, Романову, партией, и есть причина того, что нашей бурной деятельности в качестве боевых помощников КПСС был положен конец.

БД: Здесь замечу, за годы работы мы не сорвали ни одного опроса и не имели никаких, как тогда говорили, рекламаций...

БФ: ... Да, это верное добавление. Так вот, произошло следующее. Предпоследний Генсек ЦК КПСС, Юрий Андропов был человеком больным. Неудивительно, что, придя в 1982 году к власти, он поставил перед собой цель – улучшить систему здравоохранения, поднять медицину. С этой целью он поручил своим референтам собрать как можно больше убедительной информации из разных источников, которая говорила бы в пользу неотложного и радикального реформирования медицины. Один из аппаратчиков (через своего друга, заместителя директора ИСЭП АН СССР Н.Толоконцева) знал о нашей системе изучения общественного мнения. В один из визитов этого работника ЦК КПСС в Ленинград Толоконцев познакомил его с нашими материалами, отчетами об исследованиях, копии которых хранились в институтском спецотделе. Хотя, сделаю оговорку, исходя из условий режимности, это было нарушением правил «партийных игр в секретность». Толоконцев обязан был отметить в журнале, что он показывал документы посетителю (имя рек). Ранг этого посетителя значения не имел. Наверное, что-то запало столичному гостю в память. И он вспомнил и сообщил референтам, что в Ленинграде есть данные, которые могут оказаться полезными для Генсека ЦК КПСС.

Тогда я часто бывал зданием на Старой площади, поскольку был привлечен к разработке методов и задач машинного анализа писем в ЦК КПСС. Во время моей очередной командировки в Москву в конце 1983 года высокопоставленный друг Толоконцева пригласил меня к себе, мы были знакомы, и спросил, есть ли в наших отчетах материалы и факты,

нужные Андропову. Я ответил, что есть, но что я не имею права их кому бы то ни было показывать без ведома «хозяев» информации. Я попросил моего собеседника позвонить в обком и запросить эти сведения официально. Звонок последовал незамедлительно, но реакция обкома как «низового» по отношению к ЦК КПСС звена, была более чем странной, по крайней мере, для меня, человека, признававшего демократический централизм важным принципом партийной жизни. Первый вопрос состоял не в уточнении того, что так необходимо Первому лицу в нашей партии, а в том, откуда факт наличия запрашиваемой информации стал известен в ЦК КПСС. Друг Толоконцева, хитрый лис, не сказал о том, что он читал наши бумаги «нелегально», с разрешения «болтуна» Толоконцева. «Хитрый лис» сослался на меня. Выполнение просьбы отложили до моего возвращения в Ленинград, где никто и не думал о поручении Андропова, кстати сказать, поручения государственной важности, ведь речь шла о радикальном пересмотре отношения к здравоохранению в стране. Обком, с подачи Романова, которому немедленно доложили об утечке «наверх» информации из Ленинграда, интересовал единственный вопрос – кто сообщил в ЦК КПСС о том, какими данными об общественном мнении располагает обком КПСС. От меня потребовали письменное объяснение, в котором я лаконично написал, что я не видел никаких причин для того, чтобы, находясь в стенах ЦК КПСС, скрывать факт наличия этих сведений.

Мои объяснения никого не удовлетворили, Ленинград стал к тому времени партийной вотчиной Романова, где принцип демократического централизма утратил свою силу и легитимность. По этой причине было решено, продолжая борьбу со всякими утечками информации, просьбу Андропова, косвенно адресованную в обком КПСС, не выполнять! Но этим не ограничились. Романов знал, что мы является разработчиками проекта для ЦК КПСС и что для отработки методов машинного анализа писем мы намеревались использовать письма в ленинградский обком КПСС как некие образцы текстов, с которыми «низы» обращаются в партийные «верхи». Но теперь Романов усмотрел в наших намерениях, не преследовавших никаких интересов, кроме чисто научных, еще одну, более серьезную предпосылку для «утечки» информации о положении дел на местах. Он отдал распоряжение: участию Ленинграда в разработке информационной системы ЦК КПСС положить конец и отказаться от научных услуг сектора ИСЭП АН СССР, возглавляемого Фирсовым. В тот же день от нас были отобраны пропуска в Смольный, а все наши разработки, включая

материалы об опросах общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда в интересах обкома КПСС, реквизирует прибывший в институт порученец.

БД: Я хотел бы, чтобы мы немного обсудили результаты, полученные нами в 70-х, но прежде хотел бы тебя попросить вспомнить о том, как тебя исключали из КПСС за долгую и непорочную службу. Я склонен рассматривать эту историю как продолжение только что описанных событий. На мой взгляд, мы имеем здесь дело со звеньями единой цепи, примеры отношения партии к социологии и социологам.

БФ: Ты прав, в этой истории высвечиваются многие грани повседневной жизни советских социологов, их стремления узнавать и использовать опыт зарубежных коллег и масса приемов, к которым прибегала власть, чтобы сохранить к тому времени давно поржавевший «железный занавес». В моем рассказе я буду использовать то, что в свое время рассказал мне эстонский социолог Микк Титма.

Поскольку мы долго и в целом успешно работали на обком КПСС, то директор ИСЭП АН СССР И. Сигов, мало что понимавший в социологии и постоянно «боровшийся» у себя в институте с социологами, ничего поделать с нашим сектором не мог. Избавиться от нас можно было единственным способом – дискредитировать перед Ленинградским обкомом партии и, тем самым, лишить нас неприкосновенности, партийного покровительства.

С начала 80-х годов наш сектор сотрудничал с финскими исследователями массовой коммуникации из Университета Тампере. Это была очень сильная команда во главе с профессором Каарле Норденстренгом, автором многих книг по массовой коммуникации, в то время Президентом Международного союза журналистов; в нее входили европейской известности профессора Тапио Варис, Юри Литтунен и ряд молодых, но уже опытных ученых. Мы готовили очередной советско-финляндский семинар, который должен был состояться в Ленинграде. Были написаны абсолютно стерильные, отвечавшие тому времени доклады о современном советском образе жизни; своеобразные подтекстовки – обо всем и ни о чем. Тексты прошли цензуру, было получено разрешение Главлита в Москве на публикацию в открытой печати, это значит, и на вывоз за границу. Ксероксов у нас тогда не было, размножать бумаги было трудно, а у финнов были, и мы договорились с нашими партнерами о следующем. Мы высылаем эти доклады или передаем их каким-либо другим официальным путем, они размножат тексты и высылают нам

тираж для распространения среди участников семинара. Времени было мало, и потому мы решили передать оригиналы докладов одному финскому коллеге, приехавшему в Таллинн, и просить его переправить их в Тампере. Этот финн повез документы в Финляндию. Провожавший его эстонский социолог (иностранцы не должны были знать, что такие документы существуют) предъявил разрешение на вывоз материалов за рубеж, которое я ему заблаговременно передал. Однако пограничник не смог проверить, что в портфеле финского коллеги находились именно разрешенные к вывозу документы. Финн был дипломатом, и его вещи не подлежали досмотру. Мы этого не знали.

Возникло целое дело. 16 октября 1984 г. состоялось заседание бюро обкома КПСС, на котором обсуждался вопрос «О серьезных недостатках в работе ИСЭП АН СССР». Проект решения предусматривал мое исключение из партии за грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами и для оправдания кары – за серьезные недостатки в научной деятельности, о которых я узнал впервые только на этом заседании (!). Потом, в конце «разборки», как бы вспомнив мои «революционные заслуги», меня пощадили, объявили мне строгий выговор с занесением в учетную карточку. На заседании было заявлено, что я являюсь в идеологическом отношении ненадежным человеком и не могу работать в идеологически-стерильном институте, каким является, или должен стать в итоге партийных забот ИСЭП АН СССР. Так я оказался в ленинградской части Института этнографии АН СССР. Вкус к социологии на какое-то время был отбит...

2. Немного о результатах исследований почти сорокалетней давности

БД: Зная, что ушли в никуда материалы многих советских социологических исследований: места для их хранения никогда не было, коллективы распадались, люди меняли места работы и так далее, я скажу, что нам «крупно повезло». Власть могла остановить наши опросы и расформировать наш сектор, но она была не в силах или не успела, отменить годами отлаженный регламент хранения материалов, поступавших в архив областного комитета КПСС. Помнишь, Алексеев говорил: «Надо все материалы исследований собирать, подшивать и ставить на полочку. Нас не будет, люди придут, почитают, узнают, что мы делали». Хорошо, мы с тобою еще живы, и сами можем заглянуть в те тома. Я очень рад тому, что все это есть, но где теперь все хранится?

БФ: Все это – в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, расположенном в центре города, в очень красивом месте – Таврическая ул., 39. Есть там Фонд, называющийся: «Разработка информационно-вычислительной системы Ленинградской областной партийной организации. Материалы социологических исследований. 1967–1986». Опись включает в себя описание основных единиц хранения документов в рабочем архиве Общего отдела Обкома КПСС, являвшегося заказчиком социологических исследований.

БД: В первой половине марта 2009 года ты впервые увидел, что было тобою сделано 35-40 лет назад и многое из того, что ты с тех пор не видел... На мой взгляд, это – чудо. Испытывал ли ты какие-либо эмоции в момент этой встречи? Не мог бы ты это кратко описать.

БФ: Эмоции были, их не могло не быть. Я мгновенно вспомнил, что по капризу, по самодурству «первого лица», руководителя Ленинградского обкома КПСС, на нашу интенсивную и высокопрофессиональную деятельность, связанную с исследованиями общественного мнения в интересах партийных органов, был наложен секвестр. Урок для альтруистов и романтиков-шестидесятников весьма поучительный! Не вышло из нас Гэллапов, ибо Гэллапы партии были не нужны! Потому и выкинули нас с крыльца Смольного на академический двор, сопроводив депортацию крепкими подзатыльниками. Что до партии (в лице Ленинградского обкома КПСС), то она осталась верна многократно проверенным источникам информации о настроениях подвластного ей народонаселения – донесениям «компетентных органов» об антипартийных и антисоветских настроениях, дестабилизирующих режим, и сообщениям о поддержке лозунгов и политики руководства страны, укрепляющих режим. Так и дожил обком КПСС до августовского путча 1991 г., опираясь во многом на синкретизм откровенного доношительства и лживого славословия.

БД: Два десятилетия назад ты по наводке Юрия Асеева начал знакомиться с Этнографическим архивом князя Тенишева [4] – материалами о быте великорусских крестьян в конце XIX века... потом ты написал книгу об этом твоём путешествии в прошлое. Постарайся на миг забыть, что содержащееся в архивных материалах сотворено нами... представим, что ты – социолог или историк, который в середине нового века изучает жизнь и сознание советских людей начала 1970-х... что дадут ему наши исследования? Или он в силу причин,

которые ты уже сейчас мог бы назвать, откажется от анализа этих манускриптов?

БФ: Принимая на себя предложенную тобою роль, оговорюсь, что при этом я оставляю за собою право что-то знать о реконструируемом объекте в условиях «сложного прошедшего» времени. Без этих рамочных представлений предложенный тобою мысленный эксперимент окажется невозможным. Итак, если допустить, что гипотетический социолог (историк) обладает способностью читать советскую эпоху начала 1970-х, то, я думаю, у него будет повод, суммируя результаты наших исследований сказать, что то далекое для него прошлое становится более понятным, более осязаемым, поддающимся анализу.

Начну с проекта «Общественно-политическая активность рабочих и мнение руководителей предприятий о проблемах управления» (1970 г.); тогда мы опрашивали свыше 400 бригадных, цеховых и заводских руководителей, представлявших на каждом из трех уровней «четырёхугольники»: администрацию предприятий, их партийных, профсоюзных и комсомольских руководителей. И вот уже в этом месте я чувствую, как будет трудно в будущем разбираться в семантике слова «четырёхугольник». Один из вопросов нашей анкеты предлагал указать, на каком уровне (своими силами, на городском уровне или всесоюзном) следует решать наиболее злободневные проблемы труда и быта рабочих. Общественное мнение, т.е. все опрошенные, высказалось за то, что большинство этих проблем: текучесть рабочей силы, борьба с пьянством, материальное обеспечение рабочих, материальное стимулирование их труда, даже трудовая дисциплина должны решать «верхи», или власти города и страны. Себе опрошенные оставили не много - организацию труда рабочих, вовлечение их в анализ производства и, пополам с городом, осведомление о положении страны. Интригу – столкнулись ли исследователи в 1970 г. с бесправием непосредственных производителей или с хронической заболеваемостью патернализмом – помогла бы разгадать весьма простая операция, анализ ответов по группам опрошенных (раздельно для бригадного, цехового и заводского звеньев). Оказалось, что чем более высокое место в общезаводской иерархии занимает опрошенный руководитель, тем с большей вероятностью он верит в эффективность решения проблем рабочих с помощью вышестоящего, городского/общесоюзного большинства». Наиболее твердо настроены на поиск решения *большинства этих проблем* силами производственного коллектива, то есть на местах, руководители низового, бригадного

уровня. Напротив, заводские руководители, вне зависимости от того, представляли ли они администрацию, партию или общественные организации (профсоюзы, комсомол) уповают по преимуществу на действие «внешних сил». Цеховые звенья занимают срединные позиции. Статистически выходило так, что лишь относительное меньшинство из общей массы в четыре сотни заводских активистов готово было взять на себя ответственность за решение актуальных проблем повышения политической активности рабочих, считая, что многое, если не все, зависит «от меня самого», «от нас самих».

Реальным субъектом исторического действия стали в сознании людей КПСС и гипертрофированный партийно-государственный аппарат. Ибо они, а не рабочие, обладали высокой степенью политической автономии, институтами для выражения и защиты своих интересов, ярко выраженной идентичностью и другими характеристиками, отличающими большинство их представителей от других социальных групп и слоев (например, реальным, а не виртуальным правом распоряжаться «общенародной» собственностью на средства производства). К тому же постоянное размывание рабочей прослойки за счет других слоев населения, вызванное волнами индустриализации и коллективизации; массовая депривация всех слоев советского населения имели своим следствием снижение «классового» в представлениях рабочих и их повседневном поведении. Да и как могло быть иначе, если рабочие стали частью народного большинства, которое поддержало не столько гуманистические и демократические элементы революционных преобразований, сколько тоталитарное, диктаторское начало советской власти.

БД: Мне кажется, целесообразным, и я поищу, как это сделать, узнать мнение о написанном тобою у наших коллег, занимавшихся в то время или несколько позже, сознанием рабочего класса и заводской элиты. В какой мере обнаруженное на группе ленинградских предприятий было характерно для страны в целом? Хотелось бы узнать, а каким образом современный рабочий класс и те, кому принадлежат предприятия и кто организует труд людей, смотрят на пути решения внутрипроизводственных проблем. Может быть, то, что обнаружилось почти сорок лет назад и, я помню, горячо обсуждалось тобою, Ядовым, Здравомысловым и Шкаратаном, имеет универсальный характер: встречается повсеместно. Возможно, правда, в каких-то иных масштабах и формах проявления.

Мы говорили выше, что одним из результатов этого опроса стало решение партийного руководства Ленинграда о созда-

нии системы регулярного изучения общественного мнения работающего населения города. Но этот опрос не был «нашим». А что интересного ты нашел в 100-процентно наших, «фирменных» опросах об отношении людей к съездам КПСС и к итогам пятилеток?

БФ: Ты прав, эти исследования и по тематике, и по технологии можно назвать фирменными, они – наша визитная карточка. Опросы «Эффективность массовой пропаганды документов и материалов XXIV съезда КПСС» (1971 г.), «Мнения трудящихся Ленинграда о реализации основных социально-экономических задач девятой пятилетки» (1975 г.), «Эффективность массовой пропаганды документов и материалов XXV съезда КПСС» (1976 г.) позволили – возможно, впервые для нашего обществоведения поставить на суд общественного мнения сакральную для всех советских времен генеральную линию партии. Это направление я считал важнейшим в наших планах, хотя и осознавал, что двигаться к поставленной цели придется долго и «мелкими перебежками».

Не без колебаний «заказчики» приняли нашу идею – впервые в истории КПСС выявить на основе представительной выборки отношение рабочих служащих к очередному съезду партии. Сравнительно легко согласовав техническую и организационную сторону дела, мы натолкнулись на одно неожиданное препятствие. Заказчик возражал против формулировки ответов на «настроечный» вопрос: анкеты «В какой мере вы знакомы с материалами XXIV съезда КПСС, опубликованными в печати?». Мы предложили традиционную для таких случаев равномерную шкалу ответов («ознакомился полностью», «ознакомился частично», «не ознакомился»), не подозревая (пишу обо всем совершенно искренно), что действительное распределение этих ответов является предметом серьезного служебного беспокойства заказчика: «Вдруг доля людей, избравших второй и, «страшно подумать», третий ответ, будет настолько большой, что станет свидетельством равнодушного отношения трудящихся города, носящего имя великого Ленина, к главнейшему событию в жизни партии и страны! Может быть этот «настроечный» вопрос лучше убрать?» Смущала заказчика «естественность» третьего ответа: «Возможно ли, чтобы советский труженик не удосужился прочесть материалы съезда “без уважительных причин”»? В окончательной редакции злополучный ответ выглядел так: «не успел ознакомиться с материалами партийного съезда». По легенде «смекалистого» заказчика это должно было означать, что респондент хотел, было, прочесть партийные документы, но какие-то

внезапно возникшие обстоятельства помешали ему это сделать. Такова граница «правды», которую мысленно устанавливал партаппарат. Еще один возможный, но отвергнутый партийной цензурой, ответ («материалы съезда партии меня не интересуют») был связан с реальностью, вернее с той ее частью, куда «посторонним вход был строго запрещен». Лиц, которые так думают, устанавливали уполномоченные на то органы, с которыми у партии были давние и родственные отношения.

И все же прорыв к сакральному знанию состоялся. Рабочие и служащие были достаточно хорошо осведомлены о материалах съезда. Это обстоятельство не скрыло определенных отклонений от показателей высокой информированности о событии. Наименее осведомленными оказались: беспартийные и члены ВЛКСМ в сравнении с членами партии; рабочие и служащие без специальной подготовки в сопоставлении со специалистами и руководителями трудовых коллективов; лица с образованием до 9 классов в сравнении с участниками опроса, имеющими высшее образование; молодежь в возрасте до 22 лет в сравнении с лицами старше 40 лет; женщины в сравнении с мужчинами.

Весьма дифференцированным оказалось мнение о фактических достижениях в различных областях жизни страны. К числу отраслей, чьи достижения оценивались высоко не менее чем двумя третями опрошенных, были отнесены промышленность, наука и техника, жилищное строительство, культура, образование и просвещение. Вторую группу (от половины до двух третей положительных оценок) образовали отрасли, по преимуществу связанные с обслуживанием: транспорт, торговля, организация отдыха, охрана здоровья. Сюда же общественное мнение отнесло и сельское хозяйство. Наиболее резкую критику (менее половины положительных ответов) вызвали организация труда и привлечение трудящихся к управлению делами своих коллективов.

Еще один вопрос касался личных ожиданий связанных с будущим. Нас интересовали стороны жизни респондентов, на которые более всего повлияют решения съезда. Наибольшие ожидания в личном плане связывались с ростом количества и повышением качества промышленных товаров, расширением ассортимента продуктов, охраной здоровья. Уверенные ожидания перемен к лучшему в этих областях выразили свыше 50% респондентов. От 40 до 50% опрошенных связали свои надежды с улучшением уровня жизни, ростом доходов, улучшением жилищных условий, работы транспорта, организации отдыха. Наиболее пессимистично общественное мне-

ние отнеслось к перспективам изменения условий для роста квалификации (29%) и расширения возможностей личного участия рабочих и служащих в управлении производством (26%). В моей книге о разномыслии есть место, где я вспоминаю о том, что большевистская пропаганда 1930-х гг. называла стахановцев людьми, которые ассимилировали манеры поведения и ценности образованных слоев, среды порождения среднего класса. Позднее, в хрущевское время и брежневское время то же самое говорили об участниках соревнования за коммунистический труд. Однако кем бы ни были рабочие и служащие, исходя из формальных признаков, они оставались государственно-зависимыми работниками, занятыми в народном хозяйстве по воле монополиста-работодателя в лице советского государства. Латентная доминанта настроений тех лет – удаленность сознания рабочих от понимания принудительной природы советской системы, которая постоянно отдаляла от рычагов управления жизнью производственных коллективов. Похоже, что не раз мы держали в руках нити к открытию этой горькой истины, однако сказать об этом не смогли. Возможно, что сказался дефицит социологического воображения.

БД: Да, грустно... но что поделаешь? Мы намечали, что ты согласишься посмотреть архивный том, в котором собраны результаты нашего опроса об отношении работающих ленинградцев к проекту Конституции, принимавшейся в 1977 годку. Добрались руки до этих материалов?

БФ: В опросе «Ваше мнение о проекте Конституции СССР» (1977 г.) участвовало 2170 человек, представлявших работающее население Ленинграда, занятое в 12 основных отраслях народного хозяйства. Как обычно, наша выборка репрезентировала эту генеральную совокупность по социально-профессиональному положению, полу, возрасту и партийности. Мне кажется, что тогда нам удалось нащупать одну важную болевую точку «сложного прошедшего». А именно: степень признания важности политических прав (свобод, гарантий), включенных в текст «брежневской» Конституции, оказалась ниже в сравнении с аналогичными оценками социально-экономических прав. В среднем важность последних подчеркнули 95% участников опроса, а в каждой группе респондентов – не ниже 90%. Тот же показатель (важность) для политических прав составил в среднем 81% (71% для свободы творчества, 78% для права участия в управлении, 67% для права объединяться в общественные организации и свободы совести). Для оценки общественной атмосферы и климата общественного

мнения в период застоя эти биения, перепады оценок следует признать значимыми.

Как показал анализ, люди испытывали определенные затруднения в понимании существа отдельных конституционных принципов (статей), заново включенных в проект текста Конституции, или же считали, что их собственная жизнедеятельность оставалась (складывалась) вне сферы реальных общественных отношений и норм, отражавшихся этими положениями. Суммируя эти ответы с ответами и реакциями, выраженными в форме комментариев к ответам, удалось выделить ряд характерных мотивов, объясняющих отношение рабочих и служащих к отдельным статьям проекта Основного закона:

1. Мотивы неподготовленности респондентов к использованию прав. Например, суждение по поводу права гражданина СССР на участие в управлении обществом (статья 48): «Не считаю себя подготовленным к такой работе».
2. Мотивы, связанные с неосознанием права или свободы. Например, суждение о свободе совести (статья 52): «Не использовал в своей жизни эту свободу»; суждение по поводу свободы слова, печати, собраний (статья 50): «Не приходилось сталкиваться с этой свободой, то есть организовывать митинги и шествия и т.д.»
3. Мотивы, связанные с устранением (отказом) от использования права. Например, суждение в связи с правом граждан объединяться в общественные организации: «В общественных организациях я не участвую».
4. Мотив отключения от сферы действия права. Например, суждение в связи с гарантией неприкосновенности личности (статья 54): «Меня это не беспокоит».

Конечно, степень устойчивости и распространенности такого рода мотивов нуждалась в дополнительной проверке, «заказ» на которую не последовал, хотя весь массив полученной информации давал основания сделать вывод о необходимости интенсивно формировать правовое сознание трудящихся (населения в целом), стремиться к повышению правовых знаний и правовой культуры. На их острый дефицит прямо указывали наши данные.

* * *

БД: Не мы первые обращаемся к собственным исследованиям многолетней давности. Борис Грушин в своем «четырёхкнижии» задумывал дать широкую картину сознания населения страны в годы правления Хрущева, Брежнева, Гор-

бачева и Ельцина. Судьба не позволила ему реализовать все запланированное, но даже сделанное – внушительно в методологическом плане и в собственно социологическом. Менее известны, но очень содержательны около десяти толстенных книг Франца Шереги, построенных на анализе материалов его опросов 70-х – 90-х годов и современных исследований. И все же – еще довольно редким оказываются обращения российских социологов к собственным давним данным и к материалам других исследователей. Что бы ты, посвятивший ряд последних лет анализу разномыслия в СССР и изучению истории российской социологии, сказал о перспективах подобного ретроспективного анализа? О его сложности, ограниченности и актуальности...

БФ: Такого рода анализ актуален уже потому, что от ностальгии по советскому прошлому продолжает страдать значительная часть россиян, будучи лишены средств интерпретации этого прошлого. Ограниченность анализа, о котором ты спрашиваешь, активным и грамотным познающим субъектам не является помехой. Все-таки СССР, это не Атлантида. Сложность – фактор значимый, но он не должен останавливать пытливых и упорных в своем стремлении исследовать уходящую советскую натуру. Подозреваю, что мы могли уже сильно утомить читателей нашего диалога, который для каждого из нас двоих является особой формой сохранения взаимной привязанности в условиях пространственной разделенности. Потому скажу коротко: нужно создать новое и перспективное направление социологических исследований – социологию СССР. Есть много умных и талантливых российских и зарубежных ученых, которые могли бы создать высокую репутацию и обеспечить успех этой отрасли социологического знания в союзе с другими социальными и гуманитарными науками. Соглашусь для пиара назвать ее постмодернистской советологией!

Литература

1. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.
2. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
3. *Докторов Б.З.* *Фирсов Б. М.* Правилom является разномыслие. Б. Фирсов рассказывает о своей новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. №3. С. 152–174.

4. Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева) / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М.Фирсов и И.Г. Киселева.– СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.
5. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 – 15 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12357255464727file.pdf>.
6. Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Изучение общественного мнения: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1979. №4. С. 23-32.
7. Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Социологические исследования, 1981, №1. С. 78-85.
8. К генезису современной российской социологии: второе рождение, а затем – возрождение (Интервью О. Свешниковой с Б. Докторовым) <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/sveshnikova_09.html>.
9. Б. М. Фирсов: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893545365654file.pdf>.

Борис Максимович, такие книги, как твоя, пишутся по итогам прожитых лет... Трудно допустить, что так просто, проснувшись как-то утром и выпив чашку кофе, ты сказал себе: «а не сотворить ли мне повестушку?» На мой взгляд, можно говорить о трех обстоятельствах, которые привели тебя к рассмотрению проблемы разномыслия в СССР. Первое, стремление обобщить все, что сделано тобою по части анализа сознания людей: изучение аудиторией телевидения и развития массовой коммуникации в целом, анализ общественного мнения, размышления по поводу качества современного населения страны, погружение в мир россиян, живших на рубеже XIX и XX веков, наконец, – осмысление истории советской социологии [2, 5, 6, 12–14]. Второе: стремление понять свой собственный жизненный путь. Третье: особенности нынешнего состояния России и сознания россиян. Так ли это? Что из названных обстоятельств наиболее подвинуло тебя к анализу разномыслия? Может быть, ты увеличишь перечень этих факторов?

ПРАВИЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ РАЗНОМЫСЛИЕ¹⁶

Согласен с тем, что такая книга пишется по итогам прожитых лет. Но далее ты предлагаешь три причины, под влиянием которых я взялся за перо. Одна из них – желание подвести итог сделанному в науке. Вторая – заново открыть себя, понять свою собственную жизненную траекторию. Третья – выразить свое отношение к нынешнему состоянию России и россиян. Строго говоря, ты не угадал. Твоей пули в «десятке» нет.

Я давно, еще в перестроечные годы, понял, что время СССР заканчивается, грядет другая жизнь, стал размышлять на тему, а почему это происходит, почему «великий могучий Советский Союз» так бесславно завершает свой исторический путь. Одно из самых убе-

¹⁶ Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Правилom является разномыслие: Б.Фирсов рассказывает о своей новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. №3. С. 153–174.

дительных объяснений тому в процессе внутренних диалогов с самим собой, я связал с трансформациями сознания, с его медленным, но неуклонным развитием в сторону отказа от социалистической (коммунистической) идеи. Это была своеобразная «контр-эволюция» сознания советского общества, подготовившая крах советской системы.

Ясно, что я опирался на собственное мироощущение, лучше сказать, мирочувствие. Но серьезно писать об этом, будучи директором Ленинградского филиала Института социологии РАН, а затем ректором Европейского университета в Санкт-Петербурге, я не мог. Не было времени. На мое счастье в начале нового века, в 2003 г. истекали мои ректорские полномочия, я впервые в своей жизни переходил из царства необходимости в царство свободы, и, как всякий нормальный человек, искал способы существования в новых жизненных условиях. Играть в домино с ветеранами труда и войны во дворе дома я бы никогда не стал. Потому решил стать научным сотрудником с программой деятельности, определяемой, прежде всего, собственным выбором. Я твердо заявил, что буду писать, но не мемуары и воспоминания, а работы смешанного жанра, свободные от жестких канонов научных трактатов, допускающие смешение стилей, вариации дискурса, позволяющие, если требуется, ссылаться на самого себя (речь не о цитатах), на собственный жизненный и широко понимаемый научный опыт, и, разумеется, на поступки и мысли других, близких мне по духу людей. Не стану определять жанр. Для того, чтобы оправдать подобного рода авторское своемыслие, я должен был выбрать общественно значимую тему, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», проведенные в муках мало кому нужного сочинительства...

Это – о мотивах, теперь, пожалуйста, о проблемном поле....

Чтобы не терзать тебя и будущего читателя нашей беседы поисками разгадок моего творчества, сошлюсь на идею написать книгу о том, как неотвратимо разрушался монолит советской системы. Я решил вернуться к осуждению «культы личности» на XX съезде КПСС – событию, которое породило надежды на возможность реформ и диалога с властью. Однако уже тогда, как писал об этом наблюдательный Ю.Левада, власть начала утрачивать свое безраздельное господство над людьми и не могла остановить бурление умов в обществе. Гласность и открытие шлюзов разнообразной информации в перестроечный период придали этому бурлению невиданные масштабы, привели к образованию «взрывной смеси», которая для начала пробила брешь в каменной стене орто-

доксального социального мышления. Потом, благодаря этой брешу, развалилась и сама стена. Заряды, заложенные в 60-е гг. (добавлю от себя: и в 50-е гг.) «рванули» в 80-е. Хотя этого, будем откровенны, никто не ожидал. Рассказ Левады помог очертить проблемное поле предпринятого мною исследования. Я решил изучить процесс разномыслия (diversity of thinking – англ.) в советском обществе в период от победы в Великой отечественной войне до образования новой России.

История разрушения монолита советской системы нуждается в современном и непредвзятом освещении. Ее следует адресовать молодым поколениям, родившимся и вступившим на жизненный путь в условиях обновленной России. Бесспорно, что эта история будет многократно переписываться, ввиду постоянного открытия новых фактов и документов. Но все же я видел и вижу особую пользу в том, чтобы она была предложена людьми, чья сознательная жизнь и деятельность пришлось на советское время.

Заголовок твоей книги «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы» указывает на предмет и объект твоего исследования. Мы знаем, как сложно они выбираются, конструируются. Из какого первичного хаоса они возникли? В рамках видеовой с тобой тематики были ли какие-либо иные варианты с выбором предмета и объекта? Почему ты выбрал термин «разномыслие», а не, к примеру, «инакомыслие»?

В конце 2003 года, задумываясь о новом проекте, я по установившейся традиции полагал, что появление первых признаков раскрепощения страны надо отсчитывать от марта 1953 г., связывать со смертью Сталина и наступившей хрущевской «оттепелью». В согласии с этим восемь первых послевоенных лет, прошедших под знаком сталинской власти, следовало считать мрачным, лучше сказать мертвым периодом истории, когда люди продолжали привычно молчать, будучи приученными к безгласному повиновению в период «большого террора».

Коллективность молчания в упомянутый период не вызывает сомнений. Но даже и в этом, казалось бы, тяжелом, безвыходном случае, *не прекращалась* индивидуальная и групповая (в малых группах) рефлексия окружающей жизни и выражение разных мнений в «укрытиях», роль которых выполняли близкие люди, спаянные совместным переживанием непрерывных бед и редких радостей тех лет.

Мостик к этой рефлексии прокладывается вполне естественным образом, если принять, что оптимизм минимально требовательных и кое в чем продвинувшихся (ядро классического

советского общества) мог и должен был иметь *альтернативой* пессимизм выживших, максимально требовательных и ни в чем не преуспевших. Особый и до сей поры мало изученный феномен – всенародное переживание событий военных лет, жестокая правда об испытаниях, выпавших на долю едва ли не каждой семьи.

Размышляя над всем этим и опираясь на впечатления от прожитой жизни, я предположил, что не только в условиях «глобального потепления», наступившего в хрущевскую эпоху, но и в условиях «вечной мерзлоты» сталинских послевоенных лет, люди искали и находили способы остаться самими собой, сопротивляться принуждению к единомыслию, которое было, в конечном счете, одним из главных и решающих приемов удержания власти. Проследить этот тренд на примерах коллективных действий нельзя. Тени «групповщины», групповых «заговоров» до сих пор преследуются едва ли не всеми ветвями российской власти. Совершив переход с социетального уровня на уровень поступков отдельных людей, я обрел поддержку своим представлениям о разномыслии в высказываниях и воспоминаниях моих ровесников, чьи жизненные впечатления я уверенно разделяю и считаю верными. Приведу слова одного из них, актера Сергея Юрского: «Плоха была советская власть. Очень плоха. В такие тупики нас загнала, из которых выберемся ли – большой вопрос. Но опыт терпения, опыт тайной духовной жизни народа, опыт не только героического диссидентства, но и глубинного подсудного сохранения себя как *личности в толпе* (курсив мой – Б.Ф.) – этот опыт бесценен».

Конечно, размышления всегда приводят к критике...

Да, тоталитарный режим оказался не в силах «прекратить» тайную духовную жизнь, позволявшую человеку находить в себе силы уходить от насильственного погружения в волны и потоки коллективного опыта и переживаний, в удушливую атмосферу единодушия. Индивидуальность человека – суть неповторимая совокупность его психических свойств, и потому различия в восприятии и отношениях с окружающим его миром заданы изначально. Отсюда продукты психической деятельности, которыми обмениваются люди – мнения, взгляды, убеждения – в принципе у разных людей должны быть разными. Их одинаковость (единомыслие) скорее частный случай, исключение из правила. *Правилом является разномыслие!* По всей видимости, оно было всегда. Придущенное репрессиями 1930-х годов, незаметное на фоне всеобщего страха, оно постепенно взяло на себя роль фермента-катализатора, доводя

брожение умов в обществе до смены ориентиров, обозначающих движение социума в историческом времени. Это показано в книге на примере практик разномыслия, обозначившихся уже в послевоенное время.

Теперь – о самом термине, о разномыслии

Обоснование выбора разномыслия в качестве главного понятия всей книги – это сквозная тема всей книги. Возможно, что тебя и читателей заинтересуют результаты моей работы с этим словом. Время своеобразно распоряжается значениями слов нашего родного языка, непредсказуемо наделяя приоритетом и особым смыслом обозначаемые ими явления. Ведь далеко не однозначным является слово «разный». Словарь рекомендует различать такие его значения: 1. Разный (*несходный с другим, с другими в чем-либо, в каком-либо отношении*) Разные характеры. 2. Разный (*о двух или нескольких лицах, предметах, понятиях: не один и тот же, не тот же самый*). Двигаться в разных направлениях [8]. Синонимы этих значений *различный, неодинаковый*, ссылки на слова, весьма близкие по смыслу, такие как *разнообразный, разнородный*, помогут зафиксировать семантическое поле искомого словоупотребления. С помощью слова «разный» можно создать собирательные понятия, способные объединять не сходные между собой, отличающиеся явления (предметы, признаки), не образующие к тому же какого-либо единства. Одно их таких существительных – РАЗНОМЫСЛИЕ – отражение множественности мнений и взглядов, разнообразия точек зрения, несогласия во мнениях. Как всегда выручает В. Даль, предложивший видеть за этим существительным различные мысли, заботы, думы, бродящие в голове, неодинаковые убеждения, помыслы, скорее всевозможные, всякие или всяческие (разг.), чем просто непохожие.

Однако для Даля, человека, жившего в пору свободную от влияния разрушительных идеологий, любое слово было не более чем элементом народной речи, живого русского языка. XX век изменил внутриязыковую ситуацию и ликвидировал нейтральность словоупотребления, свойственный естественному течению народной жизни. Революция вторглась в семантику слов и стала навязывать нейтральным понятиям идеологизированные смыслы. Разномыслящий индивид перестал быть просто человеком, думающим и рассуждающим не так как остальные. Партийная идеология сделает его «не нашим», «чужим», занеся его своемыслие в число заведомо осуждаемых революционной моралью свойств. «И тот, кто сегодня не с нами / Тот – против нас!» Специфика слова «разномыслие»

в русском языке сегодня такова, что оно означает необщее понимание и отношение к социальной жизни.

В силу чего ты ограничился двумя десятилетиями 1940–1960, а не взял более широкий временной период? Разве в годы Гражданской войны «мыслие» было гомогенным? А «перестройка» не была пиком разномыслия?

Причина, под влиянием которой я ограничился двумя десятилетиями, 1940 - 1960-ми годами, и не довел свой рассказ о разномыслии до финала советской истории, весьма простая. Помешал максимализм замысла. Ведь я замахнулся на теорию, социальную историю выбранного мною социального феномена, а также на обширную панораму практик разномыслия. У меня не хватило сил и времени, и я попросил у грантодателя пощады. Анализ разномыслия в брежневское и горбачевское время – предмет особых усилий, здесь должны быть иные схемы. Фонд Форда пошел мне навстречу, хотя мысли довести дело до логического конца я не оставил.

В чем специфика инакомыслия, как это явление соотносится с разномыслием?

Сошлюсь на разыскания современных российских историков-архивистов. Один из них, В.А.Козлов, напомнил, что в принципе это соотношение занимало, волновало Александра Галича. Диссидент по духу, он обозначил существо диссидентства термином «резистанс» («своего рода сопротивление»), но одновременно писал о «молчаливом резистансе» – десятках и сотнях тысяч людей, составлявших фон, без которого инакомыслие не могло существовать. Козлов пишет, что Галич почувствовал некоторую узость самоназваний «инакомыслящий» и «диссидент», их временную и географическую локальность (небольшая группа столичной интеллигенции, занятая правозащитной деятельностью и «самиздатом» в 60-е и 70-е гг.). Одновременно он уловил существование еще какой-то среды, иных, кроме названных социальных и культурных слоев, к которым эти слова (самоназвания) не подходили и оставались не идентифицированными. Как назвать диссидентом рабочего, обозвавшего Сталина болваном? Можно ли считать диссидентской деятельностью разбрасывание листовок или создание подпольных кружков, реже - организаций? К тому же правозащитники осуждали подпольщину и не разбрасывали подметных писем. Да и возникновение инакомыслия на тщательно прополотом путем массовых чисток обществе вряд ли допускалось до известного времени. Явление инакомыслия будет возрождено в послесталинском обществе. Другое дело

«молчаливый резистанс» (по Галичу) и его синоним «разномыслие» (посмею сказать – по Фирсову) как альтернатива насаждаемому единомыслию сверху, как сознательное отделение себя от тела принудительно внушаемой коллективности слов и дел. За этим не во всех случаях стоит протест, борьба с властью, но уход из-под глыб идеологического монолита был вполне возможен притом, что человек оставался лояльным к режиму. Такого рода феномен имел высокую вероятность в условиях не только авторитарного, но и тоталитарного режима.

И тогда..., что же следует понимать под инакомыслием? Определи его построже.

Особый смысл в русском языке имеет слово «иной». От него возникло прочно укорененное в современном лексиконе, издавна животрепещущее и злободневное слово – ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ, тот, кто мыслит иначе, держится иных, других убеждений, бросая вызов окружению, обществу и власти. Были эпохи, когда этого слова боялись. Толкование слова в словаре Ожегова (1952 г., еще живет вождь и учитель) сопровождалось ремаркой (*устар.*) – *устарелое*, которая задавала нормативное отношение к слову и обозначаемому им явлению. Де, мол, так раньше называли человека, имевшего другой образ мыслей, а сейчас (в начале 1950-х гг.) таких людей едва ли встретишь. Тот же словарь особым образом выделял канонические черты советской общественной системы – единодушие, единство, единомыслие. Правда, при толковании слова «единомышленник» словарь предусматривал два его значения. 1. Единомышленник – человек, который находится в полном единомыслии с кем-нибудь. 2. Единомышленник – сообщник в каком-нибудь деле; иллюстрацию словаря к этому значению упомянутого слова (*Выдал своих сообщников*) тогда понимали все.

Разрушить монолит единомыслия, сформировавшийся к концу сталинского правления, значило придти к распространению в обществе раскрепощенных форм общественного сознания, какими правомерно считать разномыслие и инакомыслие. Но в случае *разномыслия* человек приступает к реконструкции картины мира, не порывая с конституирующей этот мир идеей, что не мешает ему быть ее серьезным критиком. В случае *инакомыслия* ментальная картина мира в голове индивида радикально меняется, она теперь опирается на другой тип устройства общественной жизни.

Апофеоз советского инакомыслия (тему которого я совершенно сознательно оставил за пределами подробного анали-

за) – диссидентство, которое опиралось на культуру поступка, связанного с экзистенциальным протестом. Модель, которую формировало это движение, была первой несовершенной моделью гражданского общества. Именно в него «играли», по выражению А.Даниеля, диссиденты.

Приведи, пожалуйста, пару примеров разномыслия?

Первый пример разномыслия как необщего понимания и отношения к социальной жизни – доклад Н.С Хрущева на XX съезде КПСС. Мужественный поступок, вызов, перчатка, брошенная всей партии. Другое дело, как и кто эту перчатку поднимет. Я посвятил целый раздел сопротивлению десталинизации советского общества, начавшейся в эпоху Хрущева. Другой пример - из числа тех, которые остались по разным причинам в архиве книги. Известен факт (о нем поведала «Звезда» в материалах посвященных пятидесятилетию со дня XX съезда КПСС), когда будущий крупный российский математик Анатолий Вершик (родился в 1930 г.) в одну из мартовских ночей 1956 г. разбил мемориальную доску, посвященную Сталину и установленную на здании бывшей Биржи. Слава богу, его не поймали, но поступок заслуживает того, чтобы о нем сказать.

Но, вообще говоря, книга насыщена примерами практик разномыслия, что дало мне возможность построить панораму явления, относящуюся к послевоенному двадцатилетию.

Можно ли трактовать возникновение социологии в СССР в конце 1950-х годов как проявление разномыслия?

Со всей определенностью «да». Наиболее важной здесь окажется роль интеллектуального сообщества. Социология, бесспорно, была результатом сознательной деятельности интеллектуальной элиты под влиянием хрущевской либерализации после XX съезда КПСС (1956 г.). Идею реставрации социологии в числе первых предложила и начала обсуждать группа советских философов с либеральной ориентацией (Г.Андреева, Б.Грушин, А.Здравомыслов, И.Кон, Ю.Левада, Г.Осипов, В.Ядов). Естественным оказалось очень скорое присоединение к ним экономиста В.Шубкина, историка и этнографа Ю.Арутюняна. В принципе идея была поддержана по методу «снежного кома» большинством интеллектуального сообщества. Ядро философской науки в целом, тем не менее, было инертно к идее, что не помешало части философов (кто имел дело с диалектическим материализмом, логикой и естественными науками – П.Копнин, А.Зиновьев, А.Ракилов, Б.Кедров) также высказаться «за». Из числа уче-

ных – специалистов по историческому материализму – в ряды защитников социологии вступил В.Келле. На сторону становящейся науки в числе первых перешли и международники (Ю.Арбатов, Ю.Замошкин, В.Семенов), специалисты по системному анализу (И.Блауберг, В.Садовский, Б.Юдин). Новые волны поддержки исходили от математиков, кибернетиков (Л.Канторович, лауреат Нобелевской премии), журналистов и писателей-публицистов. Особо важными оказались действия «Нового мира» и «Литературной газеты», которая была главным рупором социологии (до выхода первого номера журнала «Социологические исследования» в 1974 г), публиковала социологические статьи, рецензии на книги. Редакция «ЛГ» была первым заказчиком исследований читательской почты и читательской аудитории.

Поддержку со стороны интеллектуалов можно объяснить тремя обстоятельствами. Во-первых, они являлись сторонниками демократизации общества, расширения политических свобод и верили в то, что социология может выступить средством раскрепощения общества. Ведь социологические исследования, по их мнению, позволяют увидеть реальные настроения и мнения людей и в этом смысле превзойти возможности власти, которая часто с высокомерием продолжала настаивать на том, что знает реальные потребности населения, поскольку ее политика отражает подлинные интересы советских людей. Во-вторых, они считали социологию средством, которое могло бы подчеркнуть важность человека и человеческого фактора. В-третьих, социология открывала путь к принятию решений в опоре на научные данные. Это было вызовом всему тогдашнему обществоведению, трезвым, реалистическим взглядом на вещи, взамен сладкоголосого пения в честь мудрой политики коммунистической партии.

Реализация этих установок помогла социологии сыграть заметную роль в просвещении общества, в развитии его самопознания. Татьяна Ивановна Заславская справедливо писала о том, что долгие десятилетия население страны было лишено объективной информации о положении дел в социуме. Более того, оно тонуло в потоках государственной лжи о «новом платье короля» и часто не решалось домысливать, почему король временами оказывался голым. На фоне очевидного лукавства экономической и социальной статистики, социология в своих первых опытах пыталась приподнять завесу над истинным положением вещей. Т.Заславская уподобляет возникновение социологии в СССР «появлению маленького и тусклого зеркалаца в руках человека, никогда не видевшего себя самого и превратившегося в полузверя». Реанимация,

«расшевеливание» общества, сохранившего в себе витальные силы, стимулировали громадный интерес к социологическому разномыслию и его результатам.

Есть ли у разномыслия мера: оно есть или его нет? или это континуум: скажем, «слабое», «среднее» и «сильное»?

Я предпочитаю говорить о качестве разномыслия, но не пытаюсь прилагать к нему метрические системы. Это качество сильно зависит от социальных условий. Есть большая разница в «катакомбном» разномыслии и разномыслии, вышедшем на поверхность общественной жизни. Гласность в эпоху перестройки это уже крик души народа, а не просто публичный обмен мнениями по широкому кругу вопросов общественной жизни.

Также имеет значение для внешнего восприятия, для оценочного суждения, лучше сказать, экспертизы предмет разномыслия. Одно дело, когда оно касается сфер личной, семейной жизни, другое, – когда оно сопряжено с обществом, отношением к режиму. Термометр с градуированной шкалой, разбитой на интервалы «слабое», «среднее» и «сильное» внесет путаницу в диагноз сложного социального явления, каким является массовое сознание, склонное к разномыслию, или, напротив, избегающее его. В книге я предпринял опыт сравнения «крамолы» и общественного мнения, сопоставил «антисоветские высказывания» (кому-то они могут показаться пиком разномыслия) со свойствами массового сознания, какими их нашел Борис Грушин в пору расцвета Института общественного мнения «Комсомольской правды». Десять базовых характеристик, предложенных Грушиным для «измерения» массового сознания населения страны, помогли мне понять *качество* «крамольного» разномыслия. Итогом стал эскизный набросок портрета «крамолы» как одной из форм общественного мнения:

Я обратил внимание на эту твою картину. Не мог бы ты совсем скупо обозначить здесь образ этого феномена?

По десяти критериям Грушина это будет выглядеть так.

Круг интересов: Общий диапазон интересов тогдашних россиян позволил сказать, что по кругу своих устремлений и интересу к различным сторонам жизни страны и мира масса советских людей выглядела в те годы развитой и активной. Этого не скажешь о настроениях носителей крамолы. Низкая включенность в различные сегменты жизни тогдашнего социума является следствием их бросающегося в глаза недовольства жизнью, остро осознаваемой растущей неспособнос-

ти государства платить по векселям социальных обещаний. Как правило, крамольники – люди с узким диапазоном общественных интересов. *Морфология «крамольного» сознания:* Менталитет этих людей оказался перегружен знаниями заимствованиями «извне» под действием советской, зарубежной пропаганды, слухов и молвы. Роль собственного опыта здесь была минимальной. Несамостоятельность сознания будет влиять на выбор картины мира. Многие носители крамолы станут считать источником зла СССР не столько вследствие осознанного противостояния советской системе, сколько под влиянием бытовых разговоров, во многих случаях «бухтенья и куража». *Уровень знаний* был низким вследствие отсутствия свободы доступа к информации и невысокого уровня образования. Крамольники часто и заметно путались во всем, что выходило за пределы опыта их собственной жизни. *Способность суждения*, вследствие низкого уровня знаний, оставляла желать лучшего. *Ценностные ориентации* отражали явную сосредоточенность «крамольников» на ценности справедливости, равенства, на общих условиях выживания в тесной привязке к собственной жизни, несли на себе печать недовольства и критики, как частных условий жизни, так и советской системы в целом. *Отношение к собственному обществу:* среди носителей крамолы было мало сознательных, стойких оппонентов власти, кто относился к своей отрицательной позиции осмысленно. Преобладали бузотеры и житейски неустроенные лица. Особо резкой была персонифицированная, отчужденная, критика вождей, политических лидеров страны, Н.Хрущева, в первую очередь. *Эмоционально-психологический тонус*, самочувствие явно указывают на недовольство, тревожность, беспросветность жизни и пессимистические ожидания с нею связанные. *Реактивные способности* - большинство сюжетов, связанных с дестабилизацией и нарушением баланса внутренних состояний, крамольники предпочитают не держать «себе на уме». *Структура сознания в терминах дифференцированности взглядов:* поскольку едва ли не каждое «антисоветское высказывание» оспаривает общепринятые политические и идеологические каноны, то факт демонстрации плюрализма не вызовет сомнений. Чтобы ни говорили их авторы, они говорили и думали не так, как все. Но сознание «крамольников» оставалось акцентуированным. Его носители сплотились вокруг отрицательного отношения к определенному числу сторон советской действительности, в частности, к тому, что лозунг Коммунистической партии «Все для человека» не действовал, постоянно нарушался по вине власти. *Цельность – разорванность:* крамольное массовое сознание (не стационарное, не стабильное) обидой не

назовешь, но и сознательным вызовом оно тогда не являлось. Это временный выход из реальности, где строили коммунизм, но с большими шансами на возвращение в эту реальность. Были и «невозвращенцы», но, по всей вероятности немного. Ведь нередко, по свидетельствам историков, перелопативших не одну тысячу поднадзорных дел, осужденные крамольники в своих жалобах на строгость приговора писали о том, что никогда не имели антисоветских настроений и в доказательство приводили собственную биографию, отвечающую тогдашним критериям советскости. И это не было их заискиванием перед властями.

Эклектика взглядов и идей – таков диагноз антисоветских высказываний, подвергавшихся преследованиям в 1960-е гг., который был поставлен российскими историками (В.Козлов, О.Эдельман и др.). Он совпадает с моей социологической экспертизой разномыслия авторов этих высказываний.

И ты сам, и многие твои друзья относятся к когорте «шестидесятников». Как бы ты определил это социально-политическое и нравственное образование? Каковы его критерии, границы? Почему среди твоих ровесников одни стали «шестидесятниками», другие – нет?

Разномыслие для меня – индикатор двух широко разлитых в обществе умонастроений, одно из которых – постепенное осознание того, что социалистическая идея принятая, было, людскими массами (человеком) гаснет, теряет свою энергию; второе – предчувствие того, что на место угасающей приходит новая идея. По моему мироощущению, которое я постарался отразить в книге, послевоенный период советской истории, вплоть до смерти Сталина, связан с первым из этих умонастроений, хрущевское время – со вторым. Разумеется, что все это очень индивидуально, лично, блуждает и пропадает в лабиринтах ментальности разных людей, и не всегда выходит на поверхность бытия. Апофеоз советского разномыслия – шестидесятничество. Шестидесятники опирались на парадигму разномыслия в том понимании, которое я предложил и постарался обосновать в книге.

Большую часть шестидесятников можно четко разделить на две категории. Одни существовали внутри системы, играли по ее правилам и часто использовали эти правила для улучшения системы (например, Георгий Арбатов, Федор Бурлацкий). Они старались обустроить коммунистическую идею таким образом, чтобы она жила и не мешала людям нормально жить [11]. Другие, намеренно находились вне системы, не признавали ее правил и в том или ином виде противостояли ей. В этой среде вызревали диссиденты, чей нравственный

выбор был связан с поиском формы сохранения себя, своей свободы в общественной ситуации, когда быть свободным во внешнем мире не удавалось никому, включая даже Генсека ЦК КПСС. Для них главный вопрос, состоял в том, как жить, оставаясь при этом порядочным человеком [10].

Петербургский журналист Д.Травин после длительного интервью со мною, написал, что Б.Фирсова нельзя отнести ни к той, ни к другой категории. Он все время пытался синтезировать правила системы, по которым играл как номенклатурщик, с творческими устремлениями, важными для него как для личности. С каждым годом, вплоть до начала перестройки, делать это становилось все труднее, и Фирсов сознательно терял одну за другой номенклатурные позиции, стремясь сохранить себя как представителя интеллектуальной профессии и человека [9].

Долгое время я твердо верил, если не в лучезарное, то вполне достойное будущее своей страны, и старался его приблизить. Жалею ли я об этом? Вычеркиваю ли себя из советского периода моей жизни, значительная часть которой была пронизана иллюзиями и ожиданиями перемен к лучшему. Со всей определенностью отвечаю, нет, не жалею и ничего не вычеркиваю. Я отождествляю себя с советскими шестидесятниками и разделяю складывающееся мнение о результатах их побед и поражений. Они разрушили атмосферу единомыслия, в которую долгое время была погружена страна, они же смогли обозначить варианты движения общества на грани XX и XXI веков. Драма шестидесятников не столько в их компромиссах и даже не в умеренно-наивных планах совершенствования социализма с человеческим лицом, «робких альтернативах», продиктованных «детским позитивизмом», сколько «в самоограничении, обернувшимся ограниченностью следующих поколений, – изживать которую еще очень долго [3, с. 160]. Кассационной жалобы на приговор, вынесенный Вайлем, я подавать не стану ввиду согласия с вердиктом. К тому же я сужал себя ради успеха в малых, частных делах, отстаивал идеалы советской духовности, иной раз присоединяясь к мнению «За границу охотно едет тот, у кого здесь в душе пусто» (А.Твардовский).

Категория разномыслия применима ко всему спектру отношения людей (индивидов, групп) к миру или в первую очередь речь идет об отношении к политике, социальному устройству, идеологии?

Ко всему спектру. Здесь нет предмета для спора. Мой акцент на разномыслии в сферах политики, социального устройства, идеологии связан с тем, что в этих случаях от советского че-

ловека требовались особые усилия для открытого выражения вольнодумства, для демонстрации независимости ума, твердости собственной точки зрения.

Верно ли я понимаю, что разномыслие – норма, оно существует во всех странах, при всех режимах, но инакомыслие – в тоталитарных государствах...

Да, верно, если понимать под инакомыслием (диссидентством) форму *открытой* защиты конституционных прав и свобод. Диссиденты не были организованной политической оппозицией, которая имела программу и план действий. Диссидентов было *немного*, что лишний раз указывало на трудности преодоления государственного страха, в котором граждане прожили несколько десятилетий. С другой стороны, оно свидетельствовало, что действия государства – нарушителя прав и свобод могут быть оспорены. Человеческий дух побеждал всемогущее государство.

По критериям порядочности, которые, которые всегда сохраняли свое императивное значение, хороший человек всегда оставался тем, кто, несмотря на свои изъяны и недостатки, поступал по совести, кто мог совершать ошибки и заблуждаться, но делал это искренно, а не корысти ради, кто в решающий момент не продавал, не опускал глаза долу, не отворачивался, не прятал руку за спину, а протягивал ее как знак внутренней готовности и желания придти на помощь. Порядочный поступок становился мерилom достоинств человека. Неслучайно, что микросреды, где царил дух порядочности и поддерживался культ хороших людей, часто оказывались ячейками порождения диссидентского движения. Собственно там и возник новый этос отношения человека и государства. «Как жить, сохраняя ощущение того, что ты, несмотря на все творящееся вокруг, остаешься порядочным человеком?» – такой вопрос задаст себе Людмила Алексеева, одна из выдающихся советских диссиденток, в оттепельные годы на заре шестидесятилетнего движения и даст на него ответ: «Я веду себя в соответствии с собственным представлением о том, что хорошо и правильно, а что неприемлемо».

Твои сторонники в трактовке права людей на разномыслие четко обозначены в книге, но скажи, с кем ты полемизируешь? Или с чьей стороны ты ожидаешь несогласие?

Повторю то, что сказал об этом в предисловии к книге. Я всегда испытывал и испытываю особый интерес к личным документам и свидетельствам событий прошлого. Потому «без страха» ходил по «минным полям субъективности» ради

поиска фактов, работавших на мое собственное восприятие и понимание прожитой жизни, будучи к тому же убежденным в особой роли единичного, случайного в историческом процессе. Я субъективно, но не предвзято, подошел к отбору авторов мемуаров и воспоминаний. Это – люди, чья нравственная позиция во многом совпадает с моей, чьи взгляды являются опорой моего мирочувствия, кому я доверяю больше, чем продолжающим лгать официальным источникам и персонам. Разномыслие – надежный способ иммунной защиты от пандемии разновременного вранья, окутавшего Россию. Особые меры я предпринял для защиты от моих современников, которые пишут так, что никого и ничего до них не было. В итоге появился солидарный дискурс послевоенной эпохи, основанный на растущем во времени скептицизме ее восприятия. Преимущества этого дискурса и в звучании голоса автора, и в бережном отношении автора к голосам своих современников. Я сознательно пошел по пути синтеза чужого и собственного дискурса. Солировать мне было бы трудно...

Теперь о тех, с кем я спорю. Строго говоря, ни с кем, если иметь в виду конкретных лиц. Я пытаюсь построить баланс, навести мост между двумя типами понимания человека советского. Сообразно первому – человек советский представляет некую особь, чье поведение и мышление полностью определено гегемоническим дискурсом. Идеология здесь тотальна, она перешла в повседневный быт (пример Леонида Ионина: в 1937 г. на льдине, в районе Северного полюса, дрейфовали четыре полярника-папанинца, один из них, беспартийный радист Кренкель выходил из палатки на лютый мороз, когда трое остальных проводили собрание ячейки ВКПб). Особь формируется целиком и полностью условиями государства-Левиафана. Как следствие она предсказуема, то есть полностью детерминирована режимом, внешними условиями, и укладывается в схемы, которые бывает трудно опровергнуть. Второй тип понимания – личностный. Огрубляя, его можно представить так: поливалентные в своих отношениях с миром люди находили способ оставаться людьми, опираясь на «разрешенные» системой формы взаимодействия, создавали практики повседневности, позволявшие выживать.

Истина и в этих случаях находится где-то посередине. Одинаково вредны, как эйфория перед всем советским, так и увлечения обществоведов паталогоанатомией советского общества. Многие феномены советской жизни не поддаются однозначной интерпретации. Считается, например, что лицемерие было универсальной характеристикой советского социума. Аргументируется это распространенностью двоемыслия

и ссылками на Дж. Оруэлла и Р. Арона. Однако лицемерия во многих случаях могло и не быть, люди часто не могли разобратся в себе. Кроме того, ими разыгрывались роли, что было характерно для повседневного существования. Массы людей скрывали этим свое отношение к происходящему, тем более что быть героями все не могли. Героизм был уделом меньшинства. Но я не считаю разыгрывание ролей признаком сильно выраженной общественной патологии, если принять, что жизнь человека постоянно сопровождается нравственными сделками и компромиссами. В ряде ситуаций, типичных для советской жизни прошлых лет, было бы полезно говорить не столько о двоемыслии как деградации, сколько о сокрытии собственных мыслей как защитном механизме личности. Лицо и маска не обязательно противостоят друг другу. Отделить человеку себя от роли часто невозможно, о чем писал И.Кон в своей новомировской статье «Люди и роли» (1970, №12). Маска всегда скрывала истинное лицо, но не всегда обезличивала. Пожизненный максимализм, постоянная жесткая оппозиция состояний человека вместо естественного различения и гибкого выбора ролей – нонсенс! Не случайно часть диссидентов (С.А. Ковалев и др.) покоробил призыв А.И.Солженицына «Жить не по лжи!». В условиях вегетарианского тоталитаризма этот призыв невозможно было соблюсти. Ложью были пронизаны все виды общественных отношений, начиная от участия в голосовании и кончая сдачей экзаменов по марксизму-ленинизму или выходом на коммунистический субботник.

Говоря иначе, я решил еще раз поставить вопрос о том, кто мы такие, что с нами делать. Термин или калька *Ното Soveticus* меня до известной степени сковывал. То же о термине «*сталинская личность*». Что это такое? – спрашивал я не один раз себя. Найти правильный ответ мне помог один из консультантов моей книги, историк Олег Кен, безвременно ушедший из жизни поздней осенью 2007 года. Он прозорливо заметил, что это – кальки, рыночные бренды периода перестроечной России. Названия эти были оправданы, если советская власть, и только она, непрерывно давала предписания относительно мыслей и действий, доводя их до конца, чего не было в реальности. К тому же и сам автор, подбодрил меня Кен, такую идею опроверг своими примерами и ссылками на практики разномыслия поколения отцов и детей. В повседневных размышлениях, в результате рефлексии различных сторон жизни возникали вспышки, выбросы человеческой энергии, которые долгое время реверберировали, пока обязательно кто-то не повторял поступок, а то и подвиг

предшественников. Разномыслие это и неодолимое движение от кого-то к кому-то, от чего-то к чему-то, это и повседневная борьба человеческого ума за изменения к лучшему. Его своеобразная платформа – социальная трансформация форм мышления, порождение собственного взгляда на вещи.

Твоя апология разномыслия понятна. Но все-таки проиллюстрируй, объясни, что ты имеешь в виду под этой трансформацией.

На протяжении второй половины 1940-х гг. и в 1950-х гг. жизнь, в которую вступили следом за отцами их дети, я и мои сверстники, продолжала озаряться светом иллюзий и надежд, навеянных верой в социалистическую и коммунистическую идею. Парадоксально, но в то же время, как для отцов, так и для детей, началось обрушение «великой идеи». В многосложном процессе преодоления идеологии коммунизма под влиянием драматической истории страны я наметил несколько *точек необратимости* развития этого процесса.

Одна из таких точек - *круговая оборона семьи*. Это – неизученный феномен, но семья оборонялась от атак и агрессии сталинского времени, а впоследствии ошибок и нападок других правителей, которые часто не знали, что творили, разными способами вмешиваясь в жизнь людей, пытаясь поставить ее под контроль. Отцы и матери непоротого поколения, уберегая своих детей от тяжести и грубости времени, скрывали мерзкие стороны жизни, спасая тем самым юношеские души от слишком ранних конфликтов с окружающей жизнью. Вторым способом защиты детей в конце хрущевского времени стали семейные инвестиции в их образование. Революция состояла в том, что постепенно складывалась новая социальная структура с людьми, большинство которых считали образование высшей ценностью. Идеология здесь явно теснилась, отступала, ибо люди предпочитали инвестиции в себя заботам об общем благе.

Вторая точка – *снижение потенциала жертвенности* во имя светлого будущего. Война, унесшая жизни миллионов людей, трудности послевоенной поры, низкая платежеспособность власти в том, что было связано с обещаниями мирной, справедливой и зажиточной жизни в условиях выстрадавшего мира, все это имело своим следствием рост самооценности собственной жизни в глазах массы людей и осознание права на распоряительство ею в целях сохранения самих себя. В 1946 г. на долю займов приходилось 24% государственного бюджета, в 1952 г. – 42%! О том, что грядет очередной Лежественно-загадочным голосом извещал страну диктор Левитан: во столько-то часов текущего дня будет передано особой

важности сообщение от имени ЦК партии и Правительства. Случалось такое ежегодно в первых числах мая, но все знали, что сегодня начнется ограбление населения страны. С каждым таким случаем вера в человечность идеологии коммунизма выветривалась.

Третья важная точка – *препятствия на пути усвоения идеологемы труда* в социалистическом обществе, согласно которой труд являлся делом чести, доблести и героизма. Уже в шестидесятые годы в представлениях массы рабочих и служащих ценность высокого заработка начала выходить на лидирующее место в системе ценностей труда, материальное и индивидуальное стало теснить и преобладать над духовным и общественным.

Четвертая и далеко не последняя точка необратимости (об остальных читатель узнает, если прочтет книгу) – *обнажение конфликта поколений*, социокультурных наследий и ценностей. О проблеме отцов и детей заговорили накануне 1961 года. В декабрьском номере «Юности» за 1960 г. Станислав Рассадин опубликовал статью, в заголовок которой вынес изобретенное им слово «Шестидесятники». Статья дала повод говорить о том, что автор-злоумышленник противопоставляет детям отцов. Сам автор будет отрицать «крамолу». «Злополучная» статья посвящалась не более как книгам о молодом поколении страны, написанным молодыми авторами, где ореол «благородной нравственности строителей коммунизма» превращался в холодный нимб, а они (молодые герои прозы и драматургии) были готовыми отвечать за свою судьбу, опираясь на воспитание правдой. Был ли искренен Рассадин, отрицая в полемике с партийными ортодоксами-критиками, что он не намеревался своим текстом противопоставлять отцов и детей? Ответом будет: «Да!». Вскоре после выхода статьи в свет, В.Корнилов, поэт совсем из другого лагеря, чем официальные критики рассадинской статьи, принес стихотворение с посвящением Рассадину, кажется так и неопубликованное (цензура тогда «такое» не пропустила) [7]. Дружество двух литераторов надолго расстроила «глупая ссора». То, что здесь «учуял» Корнилов и прямолинейно выразил - это драма, общая не только для двух людей, но и для страны. Выходило, что противостояние, неизбежное при любом общественном переломе, обнажилось:

ОТЦЫ И ДЕТИ

С.Рассадину

Говорят отцы: Что делать, дети?
Нас нелепо развела судьба:
Мы стояли насмерть за идеи,

Вы стоите – за самих себя.
Мы, как сталь, а вы как будто окись,
Будто вышли из другой руды.
Мы росли и верили: жестокость –
Это – проявление доброты.
Потому и не пытались спорить,
Принимали долю, не ропща...
Знали: выжить и мечту построить
В мире можно только сообща.
И с усмешкой отвечают дети:
– Хватит с нас идей и медных фраз.
Мечется двадцатое столетье,
Может, и живем в последний раз.
Вот и все. На том поставим точку.
Сами стройте церковь на крови.
Хватит скопа. Дайте в одиночку
Наглотаться воли и любви.
И не ожидайте, не поможем!
Разве – после дождинка в четверг...
Мы не больно на отцов похожи,
Мы похожи на двадцатый век

26 декабря 1960 г.

Рассадин сберег стихи, будучи убежденным в том, что они продолжают ему нравиться. Я включил их в книгу, твердо веря, что в скором времени молодая поэзия XXI века вернется к вечному спору отцов и детей. Люди, чье сознание прошло через эти точки необратимости, преодолевая влияние канонов коммунистической идеологии, могут считаться носителями разномыслия, характерного для эпохи, о которой идет речь в моей книге. По этой причине стихотворение Корнилова для книги – знаковое!

Можно ли найти в работах советских социологов, опубликованных до перестройки, следы, признаки разномыслия? Если нет, то о чем это говорит?

Вопрос неточен. Разномыслия могло быть больше! Но власть сильно мешала разными способами. Об одном из таких способов ты написал мне в своем недавнем письме очень точно: «Я хочу сказать, что первые поколения советских социологов – это мощные личности и сильные самостоятельные ученые... отсутствие цитирования советских авторов в Западной литературе – не их вина, но их беда. Это – не индикатор низкого качества исследовательской деятельности первых социологов, а следствие политики «железного занавеса», который для со-

циологии *не был поднят* даже в годы детанта и позже, вплоть до начала середины 90-х».

Мне остается принять от тебя эстафету и добавить следующее. В основе моего понимания истории послевоенной социологии лежит конфронтация естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху) характера возникновения (порождения) и развития социальных наук. Господствовала неестественная форма управления социологией (по аналогии с другими сферами), знаменовавшая собою полную зависимость ученых и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной. Вмешательство инстанций (режима) в деятельность профессионального сообщества было постоянным, оно – предпосылка «урезанного» существования науки и всех ее компонентов.

Свободой духа, так отличавшей диссидентское движение, не обладали ни советская социология, ни основная масса профессиональных социологов на старте возрождения своей науки. Во многом это объясняется тем, что и возрождавшаяся дисциплина, и ее горячие поборники находились в цепком плену государственной идеологии, представленной советским вариантом теоретического марксизма, предлагавшего ограниченный взгляд на общество и его развитие. Выход за «красные флажки» учения и обращение к иным теоретическим представлениям и взглядам на общество, был сопряжен с рядом опасностей, угрожавших самой возможности продолжения творческой научной деятельности. Но даже если отвлекаться от усиленного политического и идеологического контроля, то не удастся сбросить со счетов действие еще двух важных факторов. Один из них – *вера* в справедливость марксизма как учения об обществе, привитая в результате длительного идеологического и образовательного воздействия. Второй – *относительно слабая осведомленность* о немарксистских взглядах на развитие общества, а в ряде случаев неграмотности в том, что касалось истинной сложности и разнообразия взглядов мировой социологической науки на свой предмет. В этом смысле переход к плюрализму социологического объяснения мира и развития собственного общества происходил медленно и часто внутри сознания самого исследователя. Внешняя, публичная сторона процесса, связанная с преодолением власти марксистских догм, была весьма незаметной, протекая, если не в сложных, то в опосредованных, непрямых формах. Например, пытаясь очистить социологическое знание от идеологических наслоений, социологи сокращали ссылки на догмы, избегали подробных цитат.

Влияние марксистских догм я бы рискнул назвать *первопричиной* относительного медленного развития коллективной ментальности социологов в направлении оппозиционного противостояния истмату как единственно правильному научному мировоззрению. Данным тезисом я не пытаюсь умалить роль Маркса как ученого, оставившего след в сокровищнице, как любили говорить в советское время, мировой социально-философской мысли. Даже самые критически настроенные социологи не могли избежать влияния многих марксовых концепций, тем более что они были органической частью их философского или иного другого профессионального образования и мировоззрения. Однако советская обществоведческая (социологическая) мысль оставалась длительное время в противоестественном состоянии – она оставалась *искусственно замороженной* с помощью марксистской методологии вплоть до середины 80-х гг. И потому, советская социология как наука (прозрения отдельных ученых, осмысливших все до конца, здесь не будут играть ведущей роли) «не решила своей главной задачи, связанной с типологической идентификацией советского общества, не предсказала неизбежность ожидавшей его трансформации».

Несвобода социологической мысли - первая и самая важная причина того, что история «поручила» диссидентство представителям других обществоведческих дисциплин, например, философам, историкам, представителям иных свободных профессий. Как бы подкрепляя этот исходный тезис, исследователи пишут, что среди последних было больше беспартийных, чем среди первых социологических когорт. Либеральные идеи в большей мере циркулировали в среде беспартийных. С другой стороны, существовало «призрение» за результатами социологических исследований. Малейшее проявление политической нелояльности вело, как правило, к отлучению ученого от собранных данных и их анализа. Опасение, что исследовательская деятельность может быть приостановлена в любой момент, делало социологов менее «оппортунистичными» в сравнении с другими обществоведами.

Сказалось ли это на широте социологического воображения, на общей картине современного общества (мира), на сегодняшнем менталитете социологов?

Да, сказалось. Несмотря на изменившиеся условия, наша наука сегодня с отставанием осмысляет опыт минувшего века, уступая не только художественной литературе, но и истории. В свою очередь отечественные историки лишь с недавнего времени стали погружаться в глубины «советского», с опозданием

приступив к формированию своего взгляда на наше недавнее прошлое. Этому есть объяснение, которое нелишне повторить: многолетние идеологические табу надолго вытолкнули многие представления в тень исторического, социологического, более широко – обществоведческого сознания, повлияли на нашу способность к рефлексии быстро развивающегося социального знания... Не потому ли наше теперешнее заостренное восприятие прошлого (бесчеловечный режим), которое было вброшено в сознание народа в перестроечное время, оказалось не единственно возможным, далеко не абсолютным?

Именно такой вопрос поставили перед собой историки Саратовского университета и доказали его правомерность, выпустив в свет сборник работ американских историков, посвященных сталинизму [1]. Эту книгу я бы советовал прочесть всем социологам. В частности, там говорится, что большевистский надзор за настроениями населения не просто и не только российский феномен, а вспомогательная функция политики современной эпохи, одним из вариантов которой является тоталитаризм. Автор этой «индульгенции» М.Фуко – один из беспощадных исследователей современной цивилизации. Он писал, что тем и отличались современные государства от традиционных, что стремились изменять сознание и мировоззрение подданных, «управлять людьми», а не просто «править» землями. «Исторически сложилось так, что процесс, приведший в XVIII веке к политическому господству класса буржуазии, прикрывался установлением ясной, кодифицированной и формально элитарной юридической структуры, которая стала возможной благодаря созданию режима парламентского, представительского типа. Но развитие и распространение дисциплинарных устройств стало обратной стороной, темной стороной этих процессов» [15, с. 325]. В итоге нормализующая власть становится одной из основных функций современного общества. «Судьи нормальности окружают нас со всех сторон. Мы живем в обществе учителя-судьи, врача-судьи, воспитателя-судьи и «социально-го работника-судьи; именно на них основывается повсеместное господство нормативного; каждый индивид, где бы он ни находился, подчиняет ему свое тело, жесты, поведение, поступки, способности и успехи» [15 с.448-449].

Тезис ясен. А где и в чем связь разномыслия с ментальностью, исследования которой ты начал во время работы в Институте Кеннана?

Мне здесь поможет Умберто Эко [16]. Его позиция, открывающая путь к изучению ментальности, состоит в том, что мы, как не в состоянии существовать без питания, сна, так не

способны осознать, кто мы такие, без взгляда и ответа Других. Буквально: можно ополоуметь, живя в социуме, где все и каждый, едва ли не каждый, систематически нас не замечают и ведут себя так, будто нас на свете нет. Самый трагический для истории случай, когда круг Других (с которыми особь себя соотносит) сужен до пределов группы, клана, племени, партии, этноса, а остальные являются в мягком варианте «не нашими», а в brutальном агрессивном варианте – «варварами» и не воспринимаются как человеческие существа.

Ну а теперь, одна ссылка на мое недавнее исследование ментальности. Оно позволило установить, что многие россияне до сих пор знают «чужое» лишь понаслышке. Их ментальная конструкция это, прежде всего, «мы – они». Все остальные люди, то есть «не свои» – «чужие» и неправильные, равно как и их мысли. На каком-то этапе это вполне естественно. Проблема в том, что значительная часть нынешних жителей Российской Федерации (часть социологов здесь не составит исключения) за пределы этого этапа не вышла. Один из экспертов моего проекта заявил: Россияне ищут несхожестя или сходство всегда. Сходство/несхожестя выступает в роли оценочной категории: «Молодец, это – по-нашему!». Эксперт не раз слышал от своих российских оппонентов: «Вы мыслите не по-нашему», «Такая логика – не наша». Это маркирование служит в российской научной этике заменой аргументов.

Значит, ты хочешь сказать: Да, мы – «другие», но нам надо знать, что думают о нас представители дальнего, а теперь и ближнего зарубежья, их суждения, мнения, оценки часто демонстрируют полезное для нас разномыслие?

Именно это! Рефлексией, анализом всего, что имело место в жизни советской страны, за рубежом всегда занимались очень серьезные люди – политические деятели, журналисты, представители социальных и гуманитарных наук. Конечно, писали они с разных позиций, с разной степенью объективности/тенденциозности, реакционности/прогрессивности. Понять плюрализм и принципиальную несводимость их точек зрения сравнительно нетрудно, если принять во внимание разнохарактерные вызовы, которые постоянно бросала миру советская страна. Однако слушать мир и слышать все, что он говорит и думает о стране победившего социализма, в СССР было не принято. Тем более не считалось правилом реагировать на мировой общественное мнение. Отгородившись по воле своих вождей от остальной части планеты «железным занавесом», страна жила в состоянии изоляции и потому едва ли не все произносимое «*извне*» по поводу нашего неодолимого

движения к коммунизму «изнутри» чаще всего расценивалось не иначе как очередное (дежурное) проявление антисоветизма. Не могу сказать, что эти оценки, как правило, предлагавшиеся «сверху» наталкивались на серьезное сопротивление «снизу». Хотя, к чести мирового сообщества, подчеркну это особо, по прошествии многих лет, оно не один десяток лет прозорливо поднимало вопросы огромной важности, затрагивавшие коренные особенности развития советской социальной системы и требовавшие рефлексии на всех ее уровнях. Если очистить проблему от набивших оскомину идеологических споров, то придется признать, что зарубежная социальная (политическая) мысль обладала одним решающим преимуществом в дискуссии с марксизмом, возведенным в ранг государственной общественной теории. Она была свободной!

Кстати, в этом качестве она во многом сформировала, если не теорию, то понятийный язык описания и анализа советской системы, неуклонно двигавшейся к своему историческому финалу. Критика и преодоления *культы личности* не равноценны искоренению *сталинизма* и уничтожению почвы, на которой он произрастает. Сознаемся в том, что о сталинизме первым заговорил Запад, призывая нас называть вещи своими именами. Одна из самых по своему значению трагически по своему содержанию книг «Архипелаг Гулаг» была написана в начале 1970-х годов. Однако главная солженицынская тема начала звучать уже в довоенные годы в зарубежных изданиях мемуаров и воспоминаний людей, которым чудом удалось бежать из советского лагерного плена, а также в работах деятелей первой волны русской эмиграции, представлявших в прошлом оппозиционные по отношению к большевикам партии.

Оттуда же в 1960-е пришло слово «диссидент», как обозначение движения против тоталитарного режима в социалистических странах. В очередное издание «Политического словаря» у нас это слово впервые вошло в 1978 г. Империалистическая пропаганда, говорилось там, обозначает этим термином «отдельных «отщепенцев», которые становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным (разведывательным и пропагандистским) центрам. Чтобы убедить читателей в своей правоте, автор упомянутого словаря решил прибегнуть к авторитету Л. Брежнева, который, в свою очередь, решил сослаться на высший авторитет – «наш народ», требующий, «чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, ... пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что мы принимаем, и будем

принимать в отношении их меры, предусмотренные законом». В своем ключе высказался и Ю. Андропов, один из создателей карательной психиатрии – принудительного лечения разно- и инакомыслия. Для него диссидентами были люди, побуждаемые политическими идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, национальными вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев, психической неустойчивостью [4]. Возвращаемся на круги своя!

Ты пишешь: «Совершив переход с социетального уровня на уровень действий и поступков отдельного человека, я обрел поддержку в высказываниях и воспоминаниях моих ровесников, чьи жизненные впечатления я уверенно разделяю и считаю их верными». По твоему мнению, насколько заметны в численном отношении были эти группы?

Выше я говорил о двух категориях шестидесятников: принимавших систему по ее правилам и умевших использовать их для совершенствования, и находившихся вне системы. Себя я не отношу ни к той, ни к другой категории. Я постоянно пытался синтезировать правила системы, по которым играл как номенклатурщик, но стремился сохранить себя как ученого. Система упорно стремилась многоцветие жизни свести исключительно к черным и белым тонам, внутри нее постепенно выкристаллизовывались «нужные люди», занимавшиеся «тем, что положено и как положено». При этом вне системы оставались их антиподы: «не те люди», занимавшиеся «не тем, чем положено и не так, как положено». Число антиподов непрерывно росло, приближаясь к критическому значению. Когда все мы оказались в числе антиподов, система рухнула. Наверное, в тот момент нас оказалось очень много, едва ли не большинство, а «правильных» людей меньшинство. И сегодня власть снова движется по тому же пути, аккуратно составляя списки «наших и не наших». Впору садиться за стол и писать историю разномыслия в пост-советской России.

Прежде чем ты углубишься в эту новую работу, пожалуйста, ответь на три моих последних вопроса. Первый: я понимаю, что обсуждаемая книга – итог некоего интегрального подхода к освоению нашего прошлого, что в ней нашли применение методы анализа социума, встречающиеся в разных науках, и все же мне хотелось бы «оприходовать» твою работу по нашему социологическому департаменту. Уместно ли говорить о том, что это книга по социологии массового сознания советского общества?

Классификаторы, которыми мы пользуемся для «оприходования» социологических работ, далеки от совершенства.

В моем случае речь идет о советском этапе *генезиса* российской личности. Каковы окончательные результаты этого генезиса, сказать трудно, но все-таки разномыслие изменило советского человека, помогло разрушить броню принудительного единодушия, в которую страна была закована репрессивным сталинским режимом. И хотя в сути своей современный человек остался уязвимым, ничуть не прибавив эмоционально, душевно, интеллектуально, но все же след от высвобождения энергии разномыслия остался в форме обертонов нового мирочувствия – «длящегося отторжения от какой бы то ни было единой доктрины, общей идеологии, от маршрутовки строем» [3, с. 11–12].

Мой второй вопрос: «Одно из достоинств обсуждаемой книги я вижу в ее «автобиографичности». Каким образом ты искал меру в том, чтобы, с одной стороны, действительно передать многое из пережитого, с другой – не расплескаться в этом начинании?»

Искал на ощупь. Боялся оказаться слишком назойливым в том, что касается опыта собственного разномыслия. Объяснять эту рефлексию задним числом трудно. Я пока не готов раскрывать мою «творческую лабораторию».

Жаль, но мы исчерпали лимит, отведенного нам пространства в «Социологическом журнале» и настало время для заключительных фраз. Что бы ты хотел сказать в заключение нашей беседы?»

Альтернатива диссидент – конформист, о которой мы продолжаем чаще всего говорить, обращаясь к советскому прошлому, не исчерпывает ни социальных позиций, ни психологического склада людей. Одно состояние умонастроений я бы рискнул вписать между этими вечными антагонистами. Это случай, когда ты еще не можешь бросить вызов социальному порядку, идеологии, «верхам», но уже не хочешь пассивно следовать велениям власти, бездумно принимать существующий *status quo* и слепо верить в справедливость господствующих в стране социальных взглядов и учений. «Неправдой искривлен мой рот», написал когда-то Мандельштам. Лжецами мы не рождались, но становились ими под влиянием господствующих правил советской жизни. Впрочем, святости в отношениях с истиной и правдой не хватало не только государству, но и гражданам. Потому все мы, не только свидетели-праведники, невинные жертвы обмана, но также прямые и косвенные участники свершений, заблуждений и преступлений своего времени.

Оценку моему разномыслию, если оно было, пусть выскажут читатели моей книги и журнала. Как человек советский

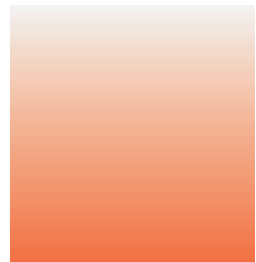
я искал и находил свою меру и форму приятия правил советской жизни, а также свою меру и форму отчуждения от них. Какими бы они ни были, я никогда от них не откажусь.

Литература

1. Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период» – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева) / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М.Фирсов и И.Г.Киселева.– СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.
3. *Вайль П.* Карта родины. М.: КоЛибри, 2007.
4. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Кн. 2. М.: Издательство МИК, 1991. С.243–244.
5. Качество населения Санкт-Петербурга / Отв. ред. Б.М.Фирсов. СПб Филиал Ин-та социологии РАН. – СПб., Ч. 1 Ч. 2. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1993, 1996.
6. Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции / Под ред. Б.М.Фирсова. – Л.: Наука, 1981.
7. *Рассадин С.* Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них. М.: ТЕКСТ, 2004. С.25–26.
8. Словарь синонимов русского языка; в 2т. Л.: Наука, 1971. Т 2. С. 347.
9. *Травин Д.* Борис Фирсов. Мир за фасадом // Дело. 2006.13 нояб.
10. *Травин Д.* Людмила Алексеева. Вызов системы // Дело. 2006. 21 авг.
11. *Травин Д.* Федор Бурлацкий. Устроитель коммунизма // Дело. 2007. 12 февр.
12. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. – СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.
13. *Фирсов Б.М.* Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977.
14. *Фирсов Б.М.* Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972.
15. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
16. *Эко У.* Пять эссе на темы этики. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2000. С.8-9.

Опыт автобиографического анализа

Докторов Борис Зусманович (р. 1941) — российский социолог, доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, независимый исследователь и консультант, Почетный доктор Института социологии РАН (Москва).

Окончил математико-механический факультет ЛГУ и аспирантуру того же факультета. Пять лет (1968–1973 гг.) работал в социологической группе кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы. С 1973 года по 1994 год работал в социологических институтах АН СССР/РАН (ленинградские сектора Института социологии АН СССР, Институт социально-экономических проблем АН СССР, петербургский филиал Института социологии РАН). Одновременно в 1988–1993 годах был сотрудником ВЦИОМ (ныне Левада-центр). С 1994 года живет в США.

Научные интересы: исследования общественного мнения, эмпирические методы социологии, история опросов общественного мнения в США и СССР/России, история американской рекламы, современная история российской социологии, развитие российского Интернета.

Опубликовано около 500 научных работ. Член редколлегии журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев». Постоянно сотрудничает с рядом российских социологических журналов и сайтов.

Б.З. Докторов: Я ЖИВУ В ДВУЕДИНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹⁷

Когда я еще не знал слова «социология»

Борис Зусманович, расскажите, пожалуйста, из какой вы среды, кто ваши родители?

Мы с сестрой родились в Ленинграде за две недели до войны. Если кратко определить социальную принадлежность моих родителей, это творческая интеллигенция. Отец, Докторов Зусман Львович, окончил Ленинградскую академию художеств по классу живописи. Не знаю, как складывалась его карьера, но перед войной, в военные годы и короткое время после войны он был руководителем Ленинградского издательства «Искусство». Под его редакцией вышло много книг по искусству, плакатов, от-

¹⁷ Докторов Б.З.: «Я живу в двуедином мире...» (интервью Н.Я. Мазлумяновой) // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.

крыток. В 1948 году он умер. Моя мама, Пушкинская Александра Сауловна, окончила, возможно, я ошибусь в названии, Институт истории искусств в Ленинграде, среди ее преподавателей были выдающиеся специалисты: Иван Иванович Солертинский, Юрий Николаевич Тынянов и другие. Всю жизнь она работала библиотекарем очень редкой специализации: помогала художникам, режиссерам в оформлении спектаклей и фильмов. Они приходили и говорили, к примеру, что им нужно посмотреть, как одевались знатные венецианцы в XVI веке или какая мебель стояла в публичных домах Германии в 1920-х годах. Надо было найти книги или фотографии... работа сложная, творческая... Мама умерла, когда мне было 25 лет.

Каковы были основные интеллектуальные (и не только) влияния на вас в ранние годы?

Прежде всего — классическая литература, проза, русская и западноевропейская. Второе, хотя в послевоенные годы родители продали много книг по искусству, что-то дома осталось, и потом — много смотрел у мамы в библиотеке. Третье, что для того времени было нечастым, драматический театр — знакомства мамы помогали. Школа дала необходимое образование, не более того.

Как вы учились в школе, что вас тогда интересовало? Кем хотели быть и почему, как выбирали вуз?

Учился всегда хорошо, но про особые интересы что-то не помню. Основное время — во дворе: футбол, позже — баскетбол. К десятому классу как-то незаметно полюбил математику. Почему? Наверное, потому что в начальной школе любил разгадывать ребусы. Никто не влиял, никто не объяснял. Сестра действовала «правильно»: продолжив семейную традицию, она поступила на искусствоведческий факультет Академии художеств и, начав еще в студенческие годы работать в Эрмитаже, не оставила его. Я же выбрал математикомеханический факультет ЛГУ.

У меня были, если были вообще, самые смутные представления о математике и о том, кем я буду. Но летом 1959 года, когда выбор был сделан, и осталось «лишь» сдать вступительные экзамены, случилось то, что во многом повлияло на мои интеллектуальные интересы.

Ряд лет мама сдавала меньшую из наших двух небольших комнат двум студентам. К одной из них приехал из Москвы ее будущий муж, выпускник МГУ, физик-ядерщик. Было жарко, и мы с ним поехали купаться на Ржевку, тогда это был

пригород Ленинграда. Трамваем добирались долго, возможно, около часа в одну сторону... По дороге этот молодой физик рассказал мне о двух книгах. Первая — «Что такое жизнь с точки зрения физики?», написанная Эрвином Шредингером, выдающимся физиком XX века. Вторая книга — «Эварист Галуа. Избранник богов», ее автор — физик Леопольд Инфельд, работавший с Эйнштейном. Поступив в университет, я сразу отыскал в библиотеке эти книги и в течение ряда лет многократно их перечитывал.

Книга Шредингера, физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. И еще — она познакомила меня с позитивизмом, это была моя первая встреча с философией. Вторая книга — о гениальном математике Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Возможно, эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых, к истории науки. Хотя к тому времени я прочел много книг из серии «Жизнь замечательных людей». Похоже, все началось с романа Тынянова «Кюхля».

Легко ли вы поступили в университет? Как шла учеба, чем увлекались?

Поступил легко, с первого раза и без какой-либо «поддержки». И учеба давалась легко, но, видимо, во мне постоянно шел поиск чего-то своего. При поступлении я записался на отделение теоретической механики, мне казалось, что это ближе всего к кибернетике, о которой тогда много говорили. Но меня зачислили на математику. После второго курса я все же перешел на теоретическую механику, но диплом защищал по кафедре теории вероятностей и математической статистики. На первом курсе по вечерам слушал на философском факультете лекции по психологии. Не помню, почему возникло такое желание. Я прослушал два курса выдающегося психолога Льва Марковича Веккера: это было введение в психологию человека и что-то по теме «человек-машина», кибернетическое.

Под впечатлением этих лекций и посещения семинара по математической теории автоматов я, скорее всего на третьем курсе, написал заметку для стенгазеты по кибернетическим мотивам ряда статей тогда опального психофизиолога Николая Александровича Бернштейна. Она пригласила недавно выпускнику факультета Олегу Михайловичу Калинин, пригласившему меня поговорить. Его интересы охватывали

многие разделы статистических методов, применявшихся в биологии. Формально мы никак не были связаны, и поскольку я специализировался в теоретической механике, то даже курсовые работы не писал у него. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, и постепенно возник биометрический семинар, находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались несколько раз в неделю и говорили до ночи. Так формировался круг моих интересов — математические методы биологии. Прежде всего, приемы измерения корреляции, работы Роланда Фишера и Карла Пирсона.

Как шла студенческая жизнь?

В целом, легко и беззаботно. Мой финансовый бюджет складывался из стипендии, после третьего курса — повышенной, репетиторства и обычной для большинства студентов-математиков тех лет полставки лаборанта в какой-либо лаборатории... скромно, но на жизнь хватало.

Один случай, произошедший, когда я был первокурсником, многому меня научил. С двумя приятелями мы пошли на овощную базу разгружать овощи. Работы целый день не было, а к вечеру нам достался огромный пульмановский вагон с картофелем. Наступила ночь, оставалось совсем немного, но мы выдохлись и ушли, сказав, что утром быстро доделаем. Ночью вагон освободили другие, они и получили все деньги. А нам было сказано: «Беретесь — делайте».

Ездил на студенческие летние стройки, после одного из старших курсов — на три месяца на целину. Тогда оборвалась, не успев расцвести, моя комсомольская карьера. Меня сделали начальником вагона, но по дороге в Целиноград «разжаловали» за игру в карты, хотя вообще-то я картежником не был. Ряд последних студенческих и первых аспирантских лет активно участвовал в создании одного из первых в СССР физико-математических интернатов при университете. Это была известная в городе школа № 45. Я там и преподавал.

Оказал ли кто-то из преподавателей или студентов на вас особое влияние в научном плане, а может быть, в этическом?

При ответе на этот вопрос значительно труднее остановиться, чем начать... преподаватели и старшие студенты влияли на меня, больше и некому было. Нам преподавали первоклассные специалисты. Алгебру — выдающийся математик, профессор Дмитрий Константинович Фадеев, математическую статистику — академик Юрий Владимирович Линник. Ряд курсов

по теоретической механике и историю механики читал интеллигентнейший профессор Николай Николаевич Поляхов. Он был деканом, и это фактически гарантировало качественную профессиональную подготовку студентов и формирование высоких этических принципов. Однажды на лекции по геометрии академика Александра Даниловича Александрова, тогдашнего ректора университета, один из студентов бросил реплику легкой антисемитской направленности. Александров попросил его встать и спросил: «Вы знаете, кто делает математику в антимире?» — и сам ответил: «Там ее делают антисемиты».

Наиболее сильное влияние оказал на меня уже упоминавшийся Олег Калинин, высококлассный математик, пассионарная личность с высокими нравственными принципами, антидарвинист и философ, бесконечно далекий от марксизма. Наш биометрический семинар был (и остается) уникальным дискуссионным форумом. На нем неоднократно выступал ученый-энциклопедист, биолог широкого профиля, теоретик и историк науки Александр Александрович Любичев; иногда встречи проходили в неформальной обстановке дома у Калинина. Выступали Раиса Львовна Берг, выдающийся генетик и известный в те годы «подписант», Лев Николаевич Гумилев, разрабатывавший тогда свою концепцию этногенеза.

Видимо, в 1963 году на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в то время для советских психологов математический метод — факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. От биологии и медицины я «соскользнул» в психологию; обозначилось движение в сторону социологии.

А что еще вас занимало в те годы, кроме науки?

Трудоголиком я был всегда, но, знаете, в 20 лет с небольшим сил много, все успеваешь. Читал я очень быстро, потому успевал прочесть многое в транспорте, в том числе художественную литературу: классику, молодых писателей, журналы. Осенью 1964 года, за несколько месяцев до окончания университета, я женился на однокурснице, Людмиле Дмитриевне Поварковой. Мы вместе уже более сорока лет.

У нас была большая компания — мои друзья и друзья сестры. Зимние выходные дни и каникулы мы несколько лет проводили в «будке», летнем домике Анны Андреевны Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом. Перефразируя известный слоган, моя сестра говорила: «Спасибо Анне Андреевне за наше счастливое детство». На класс старше нас с сестрой

училась Анна Каминская, внучка второго мужа Ахматовой, известного искусствоведа Николая Николаевича Пунина. Прошло много лет, но наша дружба сохранилась. Как-то Аня дала мне письмо к Ахматовой одного из величайших математиков XX века Андрея Николаевича Колмогорова — в то время он интересовался математическим анализом стихосложения. К письму, в котором говорилось о значении поэзии Ахматовой для Колмогорова, прилагался отпечаток его статьи. От меня требовалось «по-простому» объяснить Ахматовой ее содержание, что я и сделал, сопровождая ее из Комарово в Ленинград. Подарок Анны Андреевны за мой «труд» навсегда остался со мной. Она показала мне, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к Смольнинскому собору, то это белоглазое здание Франческо Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но он был обнаружен поэтом.

Что было после окончания университета?

Диплом я писал по математической статистике под руководством Калинина. Исследовались некоторые схемы дискриминантного анализа, метода, позволяющего разделять изучаемые совокупности: это могут быть виды растений или животных, могут быть социальные группы. Результаты были опубликованы в «Вестнике ЛГУ» в 1967 году, это моя первая публикация.

Когда дело подходило к завершению университета, в декабре 1964 года, достаточно естественно возник вопрос об аспирантуре. В общем, было ясно и с тематикой: математическая статистика с уклоном в биологию, медицину или психологию. Поскольку я оставался в той же среде, продолжал заниматься теми же проблемами, моя жизнь с началом аспирантуры мало изменилась. Я только стал еще больше времени проводить в Публичной библиотеке.

Отдельные встречи с Палеем переросли в регулярные неформальные обсуждения проблем психологии личности и специфики измерения в психологии. Он объяснял мне логику и технологию психологических экспериментов, я обрабатывал его измерения статистическими методами, мы обсуждали полученное и двигались дальше. Меня все больше интересовал факторный анализ. Этот метод — развитие корреляционного анализа, но здесь центральным является вопрос не о величине зависимости между наблюдаемыми признаками, но о природе латентных, скрытых факторов, детерминирующих наблюдаемые корреляции.

Задачи, решавшиеся Палеем, были частью междисциплинарного проекта комплексного изучения человека, проводившегося под руководством выдающегося советского психолога Бориса Герасимовича Ананьева. Факторный анализ как нельзя более соответствовал концептуальному замыслу Ананьева, более того, использование методов многомерного статистического анализа предусматривалось постановкой многих поисковых задач.

В мои аспирантские годы в стране наблюдалось оживление биометрических исследований, прерванных известной сессией ВАСХНИЛ 1948 года, и восстанавливались психометрические исследования, фактически запрещенные в СССР в 1930-е годы. Мне повезло: в Публичной библиотеке оказались классические книги Луиса Терстоуна и других создателей теории и практики применения факторного анализа. Это была англоязычная литература, насыщенная формулами, и скорее всего эти обстоятельства были причиной того, что их не убрали из фондов в послевоенное время. Кстати, в Ленинградском отделении института математики АН СССР хранился журнал, позже ставший для меня одним из основных информационных источников, — “Public Opinion Quarterly”.

После написания мною необходимого набора программ для, как тогда говорили, машинной обработки (сегодня все это есть в стандартных статистических пакетах) ряд психологов, психиатров и медиков начали применять этот мощный познавательный аппарат. Мир профессионалов — узкий, кто-то меня находил, к кому-то я обращался. Отсутствие в Ленинграде специалистов по факторному анализу вынуждало меня изучать как собственно математические и вычислительные, так и историко-методологические аспекты метода. Этот опыт оказался крайне полезным.

Вы сказали, что начали «скольжение» в сторону социологии; и когда же вы начали ей заниматься? Как это произошло?

В июне 1967 года, за шесть месяцев до окончания аспирантуры, состоялось распределение. Я смотрел на это как на рутинное мероприятие, но оно оказалось определяющим в мой жизни. Мне единственному была предложена работа вне Ленинграда, в Архангельске — при том, что всем, даже приезжим, нашлось место в ленинградских НИИ и учебных институтах. Распределение я не подписал.

Начал искать работу. Позиции были, но всюду меня просили принести документ, который я по определению принести не мог: освобождение от распределения. Завершился 1967 год, я уже начал подумывать о работе в Архангельске. Но в

один прекрасный день в начале февраля 1968 года я случайно встретил Галину Саганенко; теперь она известный социолог, доктор наук и профессор, а тогда — недавняя выпускница матмеха, работавшая в команде Владимира Александровича Ядова. Она сказала, что есть такой социолог — Андрей Григорьевич Здравомыслов, ему нужна консультация по обработке какой-то информации. И дала мне его домашний телефон.

Не имея никакого представления о том, где работал Здравомыслов, я позвонил ему, и он назначил мне встречу на каком-то совещании в Большом зале главного здания университета. Наше знакомство состоялось, и после пары минут разговора он попросил меня прийти в Таврический дворец. Не уверен, что я тогда знал, что в этом здании размещалось. Я пришел, и человек в военной форме дал мне пропуск и объяснил, как пройти на кафедру марксистско-ленинской философии.

Деталей я сам не знаю, но буквально через три-четыре дня я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы (ВППШ) при обком КПСС. В это трудно поверить: еврей, беспартийный был принят на работу в закрытое идеологическое учебное заведение. Я до сих пор испытываю благодарность к А.Г. Здравомыслову за сделанное им более тридцати лет назад, и рад тому, что у нас сохраняются дружеские связи. Так я «приземлился» в социологии, даже не представляя, что это за поляна. Это было 12 февраля 1968 года.

Постепенно я становлюсь социологом

Как дальше развивались события? Что происходило в последующие годы?

В то время Здравомыслов возглавлял кафедру и руководил сложным социологическим проектом — изучался бюджет времени партийных работников. На рубеже 1960–1970-х годов сотрудники кафедры провели ряд опросов на предприятиях города; в содержательном отношении они продолжали классический проект советской социологии — «Человек и его работа». Во всех этих исследованиях я отвечал за математическую обработку результатов.

Сейчас нередко можно услышать, что в партийных школах работали малообразованные и зашоренные люди. Безусловно, были и такие, однако оценка системы преподавания и уровня преподавательских кадров этих учебных заведений должна быть более дифференцированной. На нашей кафедре были люди, придерживавшиеся ортодоксального марксизма,

но были и те, кто обладал прогрессивными по тем временам, либеральными социально-политическими взглядами. В научном и человеческом отношении на меня наиболее сильное влияние оказал тогда доктор юридических наук, профессор Юрий Яковлевич Баскин, читавший историю философии.

Опять случилось все не по правилам: сначала я стал социологом — по возложенным на меня обязанностям — и только потом начал изучать социологию. Я пришел в Ленинградскую высшую партийную школу (ЛВППШ), имея примитивнейшие представления о социальном мире и никаких — о социологии. Прослушал вводный курс Здравомыслова и читал все, что можно было найти по этому предмету. Одновременно с участием в социологических проектах я сначала вел курс математики, а через несколько лет уже смог проводить семинары по философии.

В ЛВППШ было не более десяти комсомольцев. Меня избрали секретарем комсомольской организации; в начале 1970-х я стал членом КПСС.

Что было с вашей кандидатской диссертацией?

Завершать диссертацию было некогда: новая область исследований, необходимость содержать семью — в 1967 году у нас родился сын, и жена ушла с работы; поэтому я продолжал заниматься репетиторством и вечерами ездил по ученикам. К тому же обозначилась еще одна проблема: в 1967 году из матмеха выделился факультет прикладной математики; по логике вещей мне надо было бы защищаться там, но создание совета по защитам затягивалось.

Осенью 1969 года у меня возникло решение оформить все, что делалось в области методологии и применения факторного анализа, в виде диссертации по психологии. По вопросам факторного анализа мне консультироваться было не с кем, и, кроме того, я никогда не читал диссертаций и не представлял, какой должна быть ее структура. Одной из принципиальных трудностей было и то, что фактически я не умел писать. Дипломная работа математиков обычно была не более 15 страниц, в основном заполненных формулами, курсовые — еще короче.

Мне повезло. В начале января 1970 года проводилась Всесоюзная перепись населения, и меня выделили работать переписчиком; кажется, месяца на полтора. На обход квартир ежедневно уходило не более двух-трех часов, остальное время я писал, точнее — учился писать. Иногда по одной-две страницы в день, но появлялся навык письма, и текст постепенно увеличивался. В конце апреля или начале мая у меня состо-

ялся разговор с Палеем; я просил его быть моим титульным руководителем, но он отказался. Палей много лучше меня понимал, что, поскольку факторный анализ был большой новинкой и на кандидатскую степень претендовал человек без базового образования, требовалась более мощная поддержка, чем он мог оказать.

Я отправился к Б.Г. Ананьеву, который знал меня со слов Палея и по небольшим выступлениям на его семинаре. В 1966 году Ананьев рекомендовал мою статью по истории применения факторного анализа в СССР для публикации в журнале «Вопросы психологии» и напечатал одну из моих работ в издававшемся под его редакцией периодическом издании «Человек и общество». За несколько минут он пролистал текст, сказал, что надо добавить, и согласился быть титульным руководителем. В течение лета я все завершил и в начале осени снова пришел к Ананьеву. Он посмотрел текст и предложил переплести его и выходить на защиту. Защита состоялась в конце декабря 1970 года, и через три месяца у меня был диплом кандидата психологических наук. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека».

Вы продолжали и после защиты заниматься факторным анализом?

Я консультировал психологов и социологов по применению факторного анализа и сам в более поздних работах старался использовать этот метод, но целенаправленно им уже не занимался. Возрастала моя преподавательская нагрузка в ЛВПУ, и я все более погружался в организацию социологических исследований.

Кроме того, при изучении истории факторного анализа я заинтересовался работами Гальтона, Пирсона, Спирмена и ряда других биологов и математиков, заложивших основы корреляционного анализа. Мне хотелось понять, как происходила трансформация наблюдений естествоиспытателей в математические конструкции и как математика отзывалась на задачи практики, более того — начинала по-своему детерминировать направленность содержательных — биологических и психологических — исследований. У меня был собственный, не манифестировавшийся план подготовки докторской диссертации по истории корреляционного анализа. В 1975 году я опубликовал по этой теме обстоятельную историко-научную статью, пару раз выступал в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, но потом эту работу пришлось законсервировать.

Как долго вы работали в партийной школе?

Штатным сотрудником я был до 1 сентября 1973 года, то есть до прохождения по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в ленинградские сектора Института социологических исследований АН СССР. Но еще несколько лет я оставался преподавателем на почасовой основе, читал лекции по социологии массовой коммуникации, по психологическим аспектам управления и другие курсы.

Затем у меня был шести-семилетний перерыв в преподавании, но я снова начал читать лекции в ЛВППШ в первые годы перестройки, уже будучи доктором наук. Это была заметная нагрузка по кафедре прикладной социологии и социальной психологии, и мне предложили подать документы на представление к званию профессора. Это было летом 1991 года. Через пару месяцев произошел ГКЧПистский путч, прекратила существование КПСС и, как следствие, ЛВППШ, но мои бумаги успели пройти через ВАК. Минувя доцентскую ступеньку, я стал профессором прикладной социологии и социальной психологии. Партийная школа была преобразована в институт, начавший готовить специалистов по управлению, и я недолго преподавал там.

Вы много лет были связаны с ЛВППШ. Почему в 1973 году вы ушли оттуда?

В 1970 году сотрудники кафедры под руководством Здравомыслова, а также группа социологов из других научных подразделений города провели многоцелевое социологическое исследование, посвященное участию рабочих в управлении делами коллектива. Его результаты оказались неожиданными для областного комитета КПСС, и это ускорило образование небольшой группы по разработке системы, предназначенной для изучения общественного мнения; предполагалось исследовать работающее население Ленинграда.

Для того времени это было сложным и неизведанным делом, кроме того, все работы были в высшей степени конфиденциальными. Реализацию этого проекта можно было поручить лишь человеку, знавшему особенности партийной работы и обладавшему доверием высшего партийного руководства города. Таким критериям в полной мере удовлетворял Борис Максимович Фирсов.

Я познакомился с Фирсовым при проведении упомянутого выше социологического исследования 1970 года и был «командирован» к нему для работы над указанной системой. Около двух лет я работал с ним, не будучи формально его сотрудником. Встреча с Фирсовым во многом определила мою

дальнейшую жизнь. До отъезда в Америку мы почти все годы работали вместе: встречались утром, работали по много часов, надолго задерживаясь на работе, продолжали наши дискуссии по дороге в метро и уже из дома уточняли по телефону детали следующего дня. Когда мы познакомились, я подходил к своему тридцатилетию и по опыту жизни во всем ему уступал. Но никогда он не давал мне повода, даже намека, воспринимать его как начальника, а себя как подчиненного. Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших последующих встреч. А их было много и в России, и в Америке.

Никогда не читала о ленинградских опросах общественного мнения.

Не читали, потому что мы не писали... Факт проведения опросов общественного мнения не популяризировался, хотя о нем знали специалисты. Однако результаты мы вообще не имели права публиковать, ни в научных изданиях, ни в прессе.

Первый «залп» созданной системы зондажей мнений прозвучал в апреле 1971 года. С разницей в неделю было проведено два опроса, в которых выяснялось отношение работающего населения Ленинграда к решениям XXIV съезда КПСС. Вся полевая фаза исследования была сжата до 24 часов, утром начало опроса, в первой половине следующего дня — оперативный отчет. А ведь тогда никаких факсов, мобильных, персональных компьютеров не было. Наши первые опросы обрабатывались на счетно-перфорационной технике. Затем изучалось отношение к XXV и XXVI съездам КПСС, итогам пятилеток, основным положениям брежневской конституции 1977 года, измерялась аудитория средств массовой информации.

Теперь я иногда думаю: зачем проводились эти опросы? Политического, идеологического, собственно управленческого эффекта они не могли иметь в силу доминирования политики центра. Не публикуя результаты опросов, партийные функционеры не использовали их даже в пропагандистских целях. Остается допустить одно: видимо, у отцов города оставалась надежда на то, что опросы выявят абсолютное согласие населения с планами развития страны, заявлявшимися на съездах КПСС, обнаружат полную уверенность рабочих и служащих в верности и эффективности социально-экономической политики государства и т. д. И, не видя этого в итогах зондажей, руководство города предпочитало не публиковать и не обсуждать полученные результаты. Так ли это?

Недавно Фирсову удалось разыскать в одном из архивов Петербурга около 20 томов, содержащих итоги нашей работы... появилась надежда на то, что сделанное три десятилетия назад можно будет опубликовать. Вот уж, действительно, машина времени, встреча с молодостью...

С началом опросов общественного мнения ясно, а когда и как они завершились?

Весной 1975 года в Ленинграде на базе ряда академических подразделений был создан Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР и все ленинградские сотрудники Института социологии были переведены туда. При всей видимой целесообразности такого политико-научно-ведческого решения московских и ленинградских властей оно было и концептуально, и организационно неудачным. После относительно недолгого периода, когда ИСЭПом руководил профессор Гелий Николаевич Черкасов, экономист и специалист в области социологии труда, институт возглавил политэкономист профессор Ивглаф Иванович Сигов. Он был партийным функционером и фактически не понимал ни назначения, ни логики академической науки, не задумывался о том, что успехи в деятельности института могли быть лишь следствием высокой квалификации и самостоятельности его сотрудников.

Создателем и первым руководителем социологического отдела был В.А. Ядов, но в ИСЭПе он оказался не востребованным ни как ученый, ни как организатор науки. Он вынужден был уйти; после него руководство отделом поручалось экономистам с азбучными представлениями о социологии и с недостаточно развитыми нравственными принципами. Институт становился все менее академическим, тематика исследований постоянно менялась в зависимости от конъюнктуры, стремление к поиску новых методологических концепций и методических построений пресекалось указанием на их немарксистский характер, проводилось четкое разделение на «своих» и «чужих», вводилась жесткая цензура на публикацию материалов.

К началу 1980-х годов принципиальные изменения произошли в представлениях «отцов города» об изучении общественного мнения, начал пропадать даже тот небольшой интерес к зондированию мнений горожан, который был у них на рубеже 1960–1970-х. По явно сфабрикованному делу в октябре 1984 года Фирсову был вынесен строгий партийный выговор и рекомендовано сменить работу. Реально опросы общественного мнения были прекращены, скорее всего, в 1982 году, ну

а после изгнания Фирсова из ИСЭПа его сектор был разогнан. Я многие годы был заместителем заведующего сектором, но кандидатура нового руководителя нашего подразделения со мною даже не обсуждалась.

Какой научный интерес вы видели в этих опросах?

Поначалу — никакого. Я говорил, что после защиты кандидатской по факторному анализу решил обстоятельно заняться историей математической статистики. Кроме того, наша команда была небольшой, работы было много, так что в первое время собственной научной тематики, привязанной к проведению опросов общественного мнения, у меня не было. Не было и никаких представлений о том, где я смогу публиковаться. В аспирантские годы я напечатал несколько статей в математических и психологических изданиях. В годы работы в ЛВПШ вышла лишь небольшая статья по шкалированию совместно с А.Г. Здравомысловым и... брошюра по вычислению процентов для чисел от 1 до 100. Сейчас трудно поверить, но 30 лет назад это было необходимо.

К своей теме я пришел во второй половине 1977 года.

И что же вас заинтересовало?

Поскольку мне приходилось заниматься практически всем кругом вопросов, связанных с обеспечением качества результатов опросов, у меня возникло стремление к поиску языка, на котором опрос можно было бы описать как измерительную цепь. Я знал о существовании науки метрологии, занимающейся философскими, методологическими и математическими проблемами измерения, и начал прикидывать возможности применения метрологических концепций и правил к совокупности всех операций, которые производит социолог при изучении общественного мнения. Оказалось, что значительное число проблем, встречающихся при создании опросного документа, обосновании и реализации выборки, выборе методов сбора и обработки эмпирической информации, могут быть сформулированы на языке метрологии. Мне это показалось интересным и само по себе, и в силу того, что здесь я мог опираться на свои знания математики.

Постепенно выявлялись барьеры, мешавшие моему движению. Прежде всего, следовало смириться с тем, что меня будут критиковать за приверженность к позитивизму, обвинять в отступлении от марксизма. В конце 1970-х Фирсову и мне говорили, что мы под «зонтиком областного комитета КПСС протаскиваем буржуазные галлаповские методы». Во-вторых, предстояло найти удобную модель процесса измерения обще-

ственного мнения на языке метрологии и показать, что предлагаемый подход действительно плодотворен. В третьих, я не имел права обращаться к материалам наших опросов. Было хорошо уже то, что мне разрешили писать в открытой печати об участии в опросах общественного мнения ленинградцев. Четвертая проблема — это крайне ограниченная возможность детально обсуждать специфические методико-инструментальные проблемы. В те годы я знал и ценил работы Бориса Андреевича Грушина, но искал и поддерживал контакты не с исследователями общественного мнения, а с разработчиками проблем методики; прежде всего это были москвичи. Тогда я стал, думаю, самым «московским» из ленинградских социологов. Я поздно пришел в социологию и поздно начал заниматься «своей темой»; в Москве я встретил людей, которые были моложе меня, но их опыт в методических вопросах явно не уступал моему. Мне было интересно с ними встречаться, я учился у них. Прежде всего, назову Владимира Андреевича Косолапова, Ольгу Маслову, Елену Петренко, Галию Татарову...

Наиболее близок мне тогда оказался Франц Шереги: он был единственным, кто регулярно проводил опросы общественного мнения по заказам ЦК ВЛКСМ и при этом целенаправленно занимался методическими исследованиями. Он был и остается в стороне от московской социологической «тусовки», и даже люди, близко соприкасавшиеся с ним, по-настоящему не оценили его обостренного социального чутья и замечательных человеческих качеств.

После двухлетней возни и многократной переделки летом 1979 года вышла моя небольшая книга, в которой рассматривались общие вопросы надежности измерения в социологическом исследовании и пунктирно намечалась привязка этих построений к отдельным этапам сбора и анализа данных. Многие вопросы измерения общественного мнения я тогда для себя трактовал в рамках понятий метрологии, но в книге на это не было и намека. Не было там и ни малейшего указания на то, что автор многие годы занимается изучением общественного мнения.

Моя уверенность в плодотворности метрологического подхода к измерению общественного мнения принципиально возросла после прочтения классической книги Хэдли Кэнтрила «Измерение общественного мнения». Тогда я не мог предположить, что через четверть века начну заниматься историей американских опросов общественного мнения и напишу его сыну, профессору Альберту Кэнтрилу, о том, что считаю себя учеником его отца.

В следующем году была опубликована статья, в которой стремление к анализу проблем надежности в опоре на общие положения метрологии было заявлено уже в названии. Более того, сегодня я в этой статье нахожу некоторые размышления по поводу тех концепций историко-наукovedческого плана, которые я стал развивать в начале нового столетия при изучении творчества Джорджа Гэллапа.

Расскажите, пожалуйста, о своем участии в исследованиях драматического театра.

Где-то в сентябре — начале октября 1973 года (по времени это совпало с уходом из ЛВПШ) я вошел в группу «Социология и театр», созданную кандидатом искусствоведения, сотрудником Ленинградского Института театра музыки и кинематографии Виталием Николаевичем Дмитриевским. В этой группе все было необычно, от состава и организации работы до тематики и характера деятельности.

Парой месяцев раньше меня в нее вошли социологи (с 1975 года мы стали работать в ИСЭП АН СССР) Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков, и немного позже — наш коллега по ИСЭП Леонид Евсеевич Кесельман. Каждый из нас в то время уже имел солидный опыт проведения социологических исследований. Затем к группе присоединились ведущие ленинградские театроведы доктора искусствоведения Анатолий Яковлевич Альтшуллер и Юрий Михайлович Барбой, а также специалист в области экономики театра Борис Николаевич Кудрявцев. После переезда Дмитриевского в Москву руководителем нашей команды стал Б.М. Фирсов.

Заказчиком и финансистом исследований было Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества (ВТО), но наша группа была скорее артелью, чем некоей административной структурой. Ежеквартально каждый из нас оформлял контракт с ВТО, и по завершению их мог спокойно выйти из этой структуры. Но такого не было, объединение социологов и театроведов просуществовало более десяти лет.

Исследования носили многоплановый характер, но главным делом был социолого-театроведческий мониторинг драматического репертуара города. Сейчас мне самому в это трудно поверить, но свыше десятилетия группой высококвалифицированных ленинградских театроведов и театральных критиков ежегодно оценивались все новые постановки драматических театров. В нашу задачу входила организация экспертизы, разработка необходимого измерительного инструментария, обработка и анализ полученной информации и, возможно, самое трудное, доведение до театров итогов экспертизы.

Первые обобщенные итоги нашего социолого-театроведческого анализа обсуждались, скорее всего, на стыке 1974–1975 годов. Были главные режиссеры театров, члены Правления Ленинградского ВТО, председательствовал известный актер Ю.В. Толубеев, обладатель всех высших профессиональных званий и государственных наград. Прошло тридцать лет, и я уже не помню наших первых результатов, но невозможно забыть саму атмосферу той встречи. Обсуждение было очень напряженным, подвергалась сомнению сама возможность измерения качества театральных спектаклей, в высшей степени критическими были замечания руководителей театров по поводу наших выводов относительно конкретных постановок. Не могу вспомнить выступления Г.А. Товстоногова и других «главных», но помню эмоциональное выступление И.В. Владимирова, возглавлявшего театр им. Ленсовета. Он разнес все наши построения и не верил ни одному из выводов... именно тогда я впервые осознал, что сердце расположено в левой части груди...

По-моему, к взвешенной оценке наших трудов призывали К.Ю. Лавров и ряд театроведов, участвовавших в экспертизе и знавших суть нашей методики... нашу команду сохранили, предоставив нам право продолжить исследования. Постепенно наш социолого-театроведческий мониторинг был принят театральным сообществом, и нередко театральные критики ссылались на наши результаты в подтверждение своих наблюдений и выводов о конкретных спектаклях или о деятельности того или иного театра.

До конца 1970-х в мою задачу входило изучение надежности наших экспертных процедур и обработка первичной информации. В те годы я еще не совсем отошел от увлечения факторным анализом, и потому в ряде моих публикаций рассматривались результаты применения этого метода для типологизации театральных постановок. До начала работы в группе «Социология и театр» у меня был очень узкий взгляд на тематику и методы социологии. Обсуждение принципиальных возможностей и конкретных приемов изучения театрального репертуара, объекта, весьма непростого для измерения, способствовало формированию того видения теоретико-эмпирических проблем социологических исследований, которые позже оформились в диссертационной работе.

В начале второй половины 1980-х вслед за общими социальными изменениями начал меняться театр, трансформировалась жизнь театрального сообщества, и наши социолого-театроведческие поиски как-то прекратились.

Последнее десятилетие в России

К началу 1980-х годов вы профессионально определились, стали социологом. Чем были заполнены десять с небольшим лет перед отъездом из России?

Подготовкой и защитой докторской диссертации, выполнением ряда интересных проектов, активно публиковался и участвовал во многих конференциях.

Когда вы приступили к работе над докторской диссертацией?

В начале 1980 года ученый совет ИСЭПа предоставил мне годовой отпуск для написания диссертации. Была одобрена тема, связанная с надежностью результатов исследования общественного мнения.

Первое обсуждение диссертации состоялось летом 1982 года. Текст был сырым, мне набросали много замечаний. Приятного в этом было мало, но через несколько месяцев я «оклемался» и заново переписал работу, придав ей принципиально иную структуру. Все стало выглядеть логично и компактно.

На повторном обсуждении работу рекомендовали к защите. Но как раз в то время началось создаваться «дело» против Фирсова, усилилось тотальное давление на сотрудников социологического отдела, и вокруг моей диссертации сложилась патовая ситуация. Защита предполагалась в Москве, в Институте социологии; но дирекция ИСЭПа и руководство отдела организовали большую бюрократическую игру: получение рекомендации Совета института заняло более полугода. Правда, потом все шло достаточно быстро, и в апреле 1985 года состоялась защита. Позитивное ВАКовское решение было получено в октябре.

Что вам удалось сделать в докторском исследовании?

По совету знающих людей в заголовке диссертации я воздержался от термина «метрология», а в тексте несколько приглушил экстремизм своей заявки. По сути же, доказывалась эффективность метрологических концепций для обеспечения надежности результатов при опросах общественного мнения. Мне думается, что и сейчас, два десятилетия спустя, многое из сделанного остается значимым, оригинальным и содержит импульс для дальнейших теоретических разработок.

Одним из принципиальных итогов работы было создание «метрологической карты исследований общественного мнения», рассматривавшейся мною как знаковая модель процесса

сбора первичной информации и прием упорядочения информации о погрешностях, накапливаемой в ходе методических поисков.

Метрологическая интерпретация процесса интервью при измерении мнений респондентов позволила впервые задаться вопросом о возможности построения математической теории опросных методов. Ответ был положительным. Тогда я не усматривал в моих построениях глубокого методологического смысла, не видел в них указания на наступление нового этапа методической культуры. Это пришло позднее, в моих историко-методологических исследованиях.

А были какие-либо практические выходы?

Были, но их «съели» наступившие сразу после моей защиты времена, в частности — переход к рыночной экономике. Так, в начале 1980-х мы с Фирсовым изложили нормативный подход к организации опросов общественного мнения, включавший определенную типологизацию опросов и описание системы шагов, обеспечивающих осуществление всех операций по сбору и анализу первичной информации в течение определенного временного интервала. Это было не афишировавшееся нами изложение нашего организационного опыта. Во второй половине 1980-х, когда в СССР начали создаваться первые независимые социологические центры, но еще не было рыночной системы отношений, возникла необходимость в обосновании стоимости проведения опросов. Тогда на базе этих построений я предложил первую методику расчета стоимости опросов. Развитие рыночных механизмов формирования стоимости исследований перечеркнуло идею нормативности, но это явление временное. При балансировке отношений «спрос-предложение» в рыночной нише изучения общественного мнения организаторы опросов и потенциальные клиенты обратятся к той или иной модификации нормативного определения затрат на проведение опросов.

Иначе, чем я предполагал, сложилась и судьба российских почтовых опросов, технологию которых я анализировал на рубеже 1970–1980-х годов. В серии исследований мне удалось показать возможность получения высокого уровня возврата и доказать перспективность использования почтового опроса в крупных городах. Но во второй половине 1990-х российские социологи и полстеры начали активно осваивать различные формы Computer-Assisted Telephone Interviewing (CATI), теряя при этом из виду наличие иных приемов опроса. Причина ясна, CATI — это прежде всего оперативность.

Чем вы занимались после защиты докторской?

Несмотря на то, что психологическая атмосфера в ИСЭП была ужасной, общий уровень научных изысканий постоянно снижался, и была очевидна невозможность продолжать методолого-методические исследования, я остался работать в институте.

Я привык к Академии наук и задумывался о сохранении моей небольшой группы молодых, но уже опытных исследователей: Ольги Бурмыкиной, Аллы Корниенко, Натальи Нечаевой и Вячеслава Сафронова. После вынужденного ухода Фирсова из ИСЭП и завершения пятилетнего плана всем сотрудникам сектора было предложено подумать о переходе в другие подразделения отдела. Члены моей группы решили «пробиваться» вместе. Так мы оказались в секторе, занимавшемся социалистическим соревнованием; трудно назвать тематику, менее подходящую для академического института и наших исследовательских установок. Правда, с руководителем этого сектора Валерием Константиновичем Потемкиным, у меня была договоренность: социалистическим соревнованием мы не занимаемся. Он свое слово сдержал.

Вы все про науку..., а участвовали ли вы в каких-либо общественных начинаниях?

Да, всегда, и относился к этому серьезно. Во второй половине 1970-х в ИСЭПе я пару лет редактировал стенгазету и научился писать заметки. Со временем я развил эти навыки, и сейчас, когда пишу для газет, редакторы правят мало. Одно время я был руководителем Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации. Работы было много. За пару лет были созданы филиалы Ассоциации в Пскове, Новгороде и Петрозаводске. Поддержку получали создававшиеся в Ленинграде независимые исследовательские структуры. Тогда это все было новым; люди приходили ко мне за советами, и в сложных случаях я руководствовался простым принципом: не можешь помочь — не мешай.

Вы уезжали в США, будучи сотрудником ИСЭП?

Нет, в начале 1989 года в Ленинграде был воссоздан филиал Института социологии АН СССР, который возглавил Б.М. Фирсов, и моя группа была преобразована в сектор, которым я руководил до отъезда в Америку. Еще в ИСЭП мы приступили к изучению экономического сознания, в новом институте этот проект был завершен. В выборе этой тематики было стремление откликнуться на первые перестроечные реформы и опереться на опыт многолетнего исследования эколо-

гического сознания, проводившегося в первой половине 1980-х годов совместно с венгерскими, эстонскими и литовскими социологами. Нашей задачей было определить зависимость между отношением людей к только возникавшим элементам неосоциалистической экономики и их восприятием различных этапов истории СССР. Итогом деятельности сектора стала небольшая коллективная монография, содержащая ряд интересных предметных и методических находок.

Когда от коллективной темы пришлось отказаться и каждый сотрудник сектора стал работать в своем направлении, мне удалось немного окупнуться в прошлое: около года я занимался дореволюционными социо-экономическими исследованиями русских ученых. Если бы не революция 1917 года, то это направление могло дать импульс изучению общественного мнения населения России по достаточно широкому кругу социально-экономических и нравственных проблем. Думаю, что у меня будет возможность опубликовать некоторые из полученных результатов.

Как вы начали работать во ВЦИОМе?

1 сентября 1988 года мне позвонил руководитель сети по сбору данных ВЦИОМа Яков Самуилович Капелюш. Он сказал, что через несколько дней в Ленинграде будет Татьяна Ивановна Заславская, и просил встретиться с нею. Создавалась общесоюзная сеть по сбору данных об общественном мнении, и мне было предложено организовать Северо-западное отделение ВЦИОМа. В конце года мы приступили к проведению опросов в Ленинграде и ряде областей Северо-запада страны.

Пару лет я возглавлял нашу группу из четырех человек, а потом передал руководство Николаю Владимировичу Ядову. С тех пор много воды утекло, в 1994 году группа превратилась в российско-финскую компанию «Той-Опинион», но три человека, начинавшие со мною, продолжают работать вместе.

Отойдя от организационной работы, я остался во ВЦИОМе на позиции научного сотрудника, провел ряд методических исследований и опросов по экологической проблематике. Несколько лет работы во ВЦИОМе оказались для меня очень плодотворными. Я лучше узнал Б.А. Грушина, с которым до того встречался лишь как с оппонентом по докторской диссертации, понял его отношение к делу: это — горение. Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой и группой его учеников-коллег, сильных социологов, многие годы до ВЦИОМа занимавшихся философией и культурологией. Я увидел, что такое фабрика по проведению опросов общественного мнения.

Были ли еще какие-либо проекты, которые вы завершили перед Америкой?

Долгая цепочка различных обстоятельств выстроилась так, что в первой половине мая 1990 года в Хельсинки я встретился с Ларри Хассоном, руководителем крупной международной маркетинговой компании РИСК (International Research Institute on Social Change), штаб квартира которой располагается в небольшом швейцарском городе Нион. РИСК проводил исследования в 17 странах, в том числе в 12 европейских государствах, США, Канаде, Бразилии, Японии, Южной Африке.

В начале января следующего года Ларри попросил меня организовать его переговоры с Заславской. В середине мая эта встреча состоялась в Москве, и началась подготовка полевой фазы исследования. В августе-сентябре 1991 и в мае-июне 1992 года были проведены два опроса, репрезентировавшие европейское население России. Сложная процедура многомерного шкалирования и типологизации, проведенная РИСКом, позволила определить социокультурный образ России и рассмотреть его совместно с ценностными синдромами населения более десяти стран Европы. Основные результаты этого проекта были опубликованы Г.С. Батыгиным в «Социологическом журнале». Это публикация мне особенно дорога, она — последняя до отъезда в Америку. Год назад я сказал бы, что все это — лишь прошлое, но сейчас воздержусь от подобного суждения. В конце 2004 года неожиданно для себя я вернулся к этой теме и теперь задумываюсь о ее развитии.

Как отнеслись ваши друзья, коллеги к тому, что вы решили уехать в США?

В начале 1990-х общество спокойно относилось к эмиграции, уже не было системы осуждения отъезжающих, их проработки на партийных собраниях, увольнений и тому подобного. Окружавшие меня и мою жену люди знали, что мы собирались к сыну, и эта причина рассматривалась как естественная. И все же, конечно, было трудно сообщать о моем отъезде тем, с кем меня связывали годы, в некоторых случаях — десятилетия совместной работы и дружественных отношений.

1 марта 1994 года я попросил Фирсова прогуляться со мною, рассказал ему про наши планы... зашли в кафе, выпили по рюмке коньяку, и он сказал, что все сделает, чтобы у меня не возникло никаких дополнительных трудностей. Через несколько дней я сообщил о своем решении Ядову, он тогда был директором Института социологии РАН, жил в Москве, но

часто приезжал в Петербург; наша встреча состоялась у него дома в Петербурге Позвонил Заславской и сказал, что ощущаю необходимость ей первой из москвичей сказать об отъезде в Америку. Она среагировала очень по-родственному, не могу подобрать другого слова: «Жаль, когда уезжают друзья...». Когда сообщил обо всем Леваде, он сказал: «Мужества тебе, старик». Эти слова я помню постоянно.

Открытие Америки

Итак, вы в Америке...

Мы понимали, что раз решили ехать, то надо все делать быстро: раздумья и затяжки лишь усугубляли бы тяжесть нашего состояния. Продали, что можно было продать, взяли шесть баулов и поехали. Через день мы — моя жена, теща и я — приземлились в Сан-Франциско.

Конечно, нам очень помогли сын и невестка, приехавшие в Америку за два года до нас. Они сняли для нас квартиру, привезли необходимую мебель, потихоньку вводили нас в новую среду. Положительным фактом было то, что они работали — оба в СССР получили специальность программиста, — но именно в силу этого они не знали трудностей иммигрантов старшего возраста и не могли сопровождать нас при посещении массы служб, с которыми встречается человек, прибывший в новую страну. Моего английского хватало, чтобы отвечать на вопросы чиновников и заполнять бесконечные анкеты, чрезвычайно усложняющие жизнь приезжих.

Вспоминать первые годы — дело очень трудное: множество событий, но не это главное затруднение. Память многое запирает, не дает возвращаться к тому времени...

И как же вы начинали...

Наше прошлое никого не интересует в Америке, все надо начинать с нуля. Индивидуальные свойства и советская закалка не дали нам утонуть, хотя в некоторые моменты все казалось беспросветным. Американская жизнь строится по иным правилам, чем российская: больше свободы действий и выше уровень личной ответственности. После некоторых раздумий я осознал, что получение американского образования — оптимальный путь постижения американской действительности. Кроме того, мне хотелось учиться, мне это было интересно.

Через год мы получили статус резидентов штата Калифорния и приобрели право фактически бесплатно учиться в кол-

ледже; мы с женой воспользовались этим. Плата за семестр составляла один доллар. Учебники в Америке дорогие, но можно получить специальную программу, по которой колледж оплатит до 70% расходов на книги. Для этого, правда, надо было быть «полным студентом», то есть изучать четыре-пять семестровых курсов. Так мы и сделали. Жене вскоре предложили работу бэби-ситтера (с правнучкой дважды Нобелевского лауреата Лайнуса Полинга), а я продолжил учебу.

Моими профильными курсами были те, которые предусмотрены программой подготовки специалистов начального уровня по организации бизнеса: accounting (нечто, соединяющее бухгалтерию и управление финансами малой фирмы), маркетинг, инвестирование, Word и Excell, элементы трудового права, Конституция Калифорнии и ряд других дисциплин. Очень полезной была последовательность курсов написания эссе: по сути, речь идет о выработке системы аргументации своей точки зрения. Без освоения этой программы учиться невозможно, ибо по каждому предмету приходится писать эссе. Были и курсы по выбору; я изучал историю искусств, астрономию, введение в экологию, введение в Интернет и еще что-то.

Учился я по вечерам, ряд предметов изучал в субботние дни и несколько — по телевидению. В американском колледже нет сессий, надо готовиться к каждому занятию. Студента, уличенного в списывании, почти наверняка исключают. Объяснять преподавателю, почему ты не выполнил домашнее задание, бесполезно. Однажды я забыл дома сделанную работу и сказал об этом преподавателю, оценившему меня как студента. Он спросил, хватит ли мне часа, чтобы ее привезти. Я успел; мы оба были довольны: я — что получил необходимый зачет, он — что убедился в моей честности.

Вы только учились или одновременно и работали?

В начале третьего года обучения я случайно узнал о калифорнийской программе семестровой поддержки студентов, специализирующихся по организации бизнеса; подал документы и получил ее. Надо было изучать курсы, указанные куратором программы, и потом обязательно устроиться на работу в течение трех месяцев. Программа полностью компенсировала затраты на учебники, оплачивала парковку в колледже и расходы на бензин и представляла еще кое-какие «бенефиты» (льготы).

Я полностью выполнил требования программы, и мне была предложена помощь в поиске работы. Одна из проблем заключалась в том, что, начиная работать, я и моя жена сразу теряли медицинскую страховку от штата, и в лучшем случае

я мог получить ее от работы лишь через шесть месяцев. Жить полгода без медицинской страховки мы не могли. Компромисс был найден: я согласился на любую работу, а куратор программы обещал договориться с работодателем о предоставлении мне страховки сразу.

Тогда что-то работало на меня: мне предложили место секьюрити в здании, расположенном в пяти минутах ходьбы от моего дома. Это огромное, свыше двадцати этажей, офисное здание, уникальное для нашей сейсмически беспокойной зоны. За все, что в нем происходит в часы работы двух секьюрити, они несут ответственность. Американские секьюрити — это не российские «качки»; их обязанности — «наблюдать и фиксировать». Наблюдать за приборами, показывающими состояние системы жизнеобеспечения здания, за входящими и уходящими людьми, за порядком на прилегающей территории. Каждые полчаса в специальной ведомости надо отмечать текущую ситуацию. Эта работа позволяла продолжать обучение в колледже: в ночную смену можно было читать учебники.

По своему социальному положению, доходу секьюрити — это нижний средний класс; со мною работали грамотные и ответственные люди. Помню, в ночные смены я дежурил с индусом-программистом, днем завершавшим обучение по магистерской программе. В один из первых дней работы он ошарашил меня вопросом: «Брис, ты любишь Сталина?» Оказалось, что в штат, где жили его родители, в совсем голодный год Сталин направил судно с зерном. Люди это помнят. Я долго работал с филиппинцем, летчиком-инструктором, приехавшим в Америку, чтобы заработать на спортивный самолет. Он сокрушался, что на ЯК ему не заработать.

Урок американской культуры преподавал мне мой «бригадир», афроамериканец, военный пенсионер. Как-то в воскресный день вышел из строя фонтан, струя била до восьмого этажа. В технической комнате воды было по колено, но я смог перекрыть воду. Мне казалось — в духе советской трудовой этики — что я сделал то, что надо. В понедельник Джордж отозвал меня в сторонку и сказал, что я совершил крупную ошибку. Заметив беспорядок с фонтаном, я должен был зафиксировать это в своем отчете и позвонить дежурному диспетчеру. Не более.

В качестве сертифицированного секьюрити я проработал три года. Потом обозначились какие-то просветы в моей жизни, и в середине апреля 2000 года я оставил эту работу. Уходил с грустью.

Возвращение в профессию

И все же возвращение в профессию состоялось...

Я живу в северной части Силиконовой долины, одном из мировых центров развития электронной сети, потому не удивительно, что меня в 1996–1997 годах заинтересовали социальные аспекты этого нового вида коммуникации и я, еще обучаясь в колледже, подготовил несколько проектов по этой теме, нечто типа российских «курсовиков».

В конце зимы 1999 года я предложил петербургскому социологу Роману Семеновичу Могилевскому провести в Петербурге семинар по проблемам становления Интернета в России. Его тоже интересовала эта проблематика, и идея была принята.

В июне 1999 года я закончил колледж, получил отпуск и впервые поехал в Россию. Семинар назывался «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии» — это был один из первых в стране форумов по социальным проблемам Интернета. 23 июня стало для меня началом нового этапа научных исследований.

Наиболее яркие впечатления о первой поездке в Россию?

Замечу, я побаивался первых встреч: пять лет я не занимался социологией, не видел и не читал новых книг, журналов, не участвовал ни в каких форумах. Но мои опасения оказались напрасны.

Я был в Петербурге и Москве, несколько раз выступил с докладами по интернетовской тематике. Виделся с большим числом людей, мне рассказывали о текущих проектах, дарили книги и журналы, я ходил по книжным магазинам и скупал все, относящееся к социологии. Привез в Америку свыше 40 кг книг... Поездка дала мне мощнейший заряд энергии.

1999 год оказался для меня памятным в силу еще одного обстоятельства: после пятилетнего полного «молчания» я заговорил. В Мичиганском университете вышла в свет книга о постсоветской элите, редактировать которую меня пригласил профессор Владимир Шляпентох. В Петербурге были опубликованы две небольшие статьи по российскому интернету и началось мое сотрудничество с питерским журналом «Телескоп». Тогда же появились мои первые заметки в русскоязычной прессе Америки.

Удалось ли вам в ту поездку договориться об участии в каком-либо проекте?

Я этого не планировал и об этом не мечтал. Однако итог моей поездки оказался много оптимистичнее, чем я предполагал,

и наиболее значимой была встреча с Еленой Серафимовной Петренко и Александром Анатольевичем Ослоном, с которыми до отъезда я проработал несколько лет во ВЦИОМе. В августе 1999 было решено совместно написать книгу о российском общественном мнении в последнем десятилетии XX века.

Было множество идей относительно концепции книги, огромный информационный массив давал для этого повод. В конце концов было решено по возможности воздерживаться от изложения собственных взглядов на состояние общественного мнения, но максимально полно отразить точки зрения россиян на важнейшие события той эпохи. В результате длительных обсуждений нам удалось найти новый подход к анализу состояния и динамики общественного мнения, который базировался на выделении важнейших точек на траектории развития социальных процессов, названных нами точками кульминации. В периоде президентства Б. Ельцина мы выделили около полутора десятков таких точек, и это позволило достаточно компактно охарактеризовать структуру и динамику мнений населения России в 1991–1999 годах. Книга «Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки» вышла в середине 2002 года.

Можно ли сказать, что ваша учеба в колледже вам ничего не дала, вы не использовали полученные знания?

Нет, нельзя. Я многое использовал и использую... образование всегда полезно. Но после поездки в Россию я понял, что профессию менять не буду (до этого я планировал заняться анализом mutual funds — паевых фондов). И, кроме того, началась работа над книгой об эпохе Ельцина. Эта деятельность не мешала моей работе секьюрити; в целом меня все устраивало.

Гэллапиада

На рубеже веков вы изучали Рунет и методы онлайн-опросов, в 2002 году вместе с Ослоном и Петренко опубликовали книгу об эпохе Ельцина, а летом этого года у вас вышла монография о пионерах изучения общественного мнения в Америке и России. Как произошел прыжок из настоящего в прошлое?

Прежде всего, Наталья, вам большое спасибо за помощь в работе над историко-биографической книгой «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина». Общение редактора с автором, знаю на собственном опыте, далеко не сахар, тем более — если автор живет в Америке и весь обмен текстами и мнениями происходит по электронной почте. Теперь ответу на ваш вопрос.

После возвращения из моей второй поездки в Россию в январе 2000 года меня стали спрашивать о прогнозах предстоящих в том году президентских выборов. Я рассказывал о результатах исследований ВЦИОМа, ФОМа, но мои собеседники, бывшие советские граждане, сомневались в том, что возможно прогнозировать итоги избирательных кампаний по опросам с небольшими выборками. Чтобы усилить свою позицию, я пошел в библиотеку и выписал таблицу с прогнозами Гэллапа начиная с 1936 года. Затем написал небольшую заметку о его опыте и опубликовал ее в русских газетах Сан-Франциско и Филадельфии. До этого я, естественно, читал некоторые работы Гэллапа, но ничего не знал о нем как об ученом и человеке. В ноябре 2001 года должно было исполниться 100 лет со дня рождения Гэллапа, и я решил написать серьезную биографическую статью о нем и о том, что было им сделано.

Постепенно собственно историко-методическая работа — анализ становления современной технологии опросов общественного мнения — переросла в историко-наукоеведческую и биографическую. Меня начало интересовать не только то, что было сделано Гэллапом, но и процесс его творчества. Приходилось одновременно углубляться в прошлое опросов в Америке и знакомиться с историей и культурой страны. Скажем, для меня был в значительной степени новым тот факт, что опросная технология много лет складывалась в маркетинговых исследованиях и что до того, как Гэллап стал проводить опросы общественного мнения, он многого достиг в изучении эффективности рекламы.

Когда приступаешь к новой теме, быстро обрастаешь материалом. Я начал анализировать творчество и жизнь Гэллапа во второй половине февраля 2000 года, а к концу года уже опубликовал ряд статей в «Телескопе» и в изданиях ВЦИОМа и ФОМа. Процесс пошел...

В чем были первичные трудности вашего историко-наукоеведческого поиска?

Наиболее сложными были и остаются две проблемы: определение цели историко-наукоеведческих размышлений и создание отвечающей этой цели методологии. Первые ответы на эти вопросы, которые для начала меня устраивали, я нашел сразу. Но многие важные аспекты историко-наукоеведческих поисков пришлось рассматривать уже в процессе сбора и анализа материала. Более того, вопросы, на которые, мне казалось, я ответил, всплывают снова и требуют поиска более обстоятельных ответов.

Еще одна трудность — это язык изложения исторической фактуры и выводов. Все предыдущие годы я занимался жесткими методами социологии: формализованные опросники, измерение, математическая обработка. Здесь мне пришлось осваивать новую нишу — биографический метод, историко-культурологический анализ. Я понимал, что надо искать иной стиль изложения результатов исследования, но я не знал, каким он должен быть. В таких случаях хочется обратиться к традициям, воспользоваться опытом тех, кто ранее разрабатывал историко-биографическую тему в отечественной социологии. Конечно, мне знакомы работы российских социологов о творчестве Питирима Сорокина, Макса Вебера, Пауля Лазарфельда, Георга Зиммеля, но я не находил в них того, что искал. Эти работы сфокусированы на изучении творчества социологов-теоретиков и на анализе трансформации одних социальных идей в другие. В моем случае я имел дело с научной, аналитической деятельностью иного рода, и мои герои в первую очередь интересовались не углублением социальных теорий, а поиском эмпирических методов изучения социума. Это была не среда академической, университетской науки, но иной мир, близкий к бизнесу и политике.

И как вы выпутывались из этой неопределенности?

Я не могу сказать, что выпутался, но рабочее решение было найдено. Во-первых, мне припомнился краткий разговор с Б.Г. Ананьевым о моей кандидатской диссертации, когда он рекомендовал мне трактовать факторный анализ как результат миграции научных методов. Вряд ли я в то время мог понять, что Ананьев имел в виду, и все же на завершающей фазе работы над текстом попытался описать многомерный факторный анализ как синтез решения проблем, возникавших в биологии, психологии и математической статистике, и показать, что этот метод есть итог творчества специалистов разных научных направлений. Когда, читая первые материалы о Гэллапе, я увидел, что технология проведения опросов общественного мнения отражает опыт первоклассных ученых, работавших в разных направлениях науки, я понял, что должен использовать совет Ананьева.

Второе, оказалось, что эйнштейновские критерии «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», которые я учитывал в своих метрологических построениях, полезны и при изучении импульсов, пружин развития технологии изучения общественного мнения. Первый из этих критериев подчеркивает целостность, внутреннюю обоснованность теории, второй — указывает на то, что теория должна согласовываться с опытом.

Моему знакомству с этими критериями и пониманию их ценности я прежде всего обязан неформальным беседам с известным историком науки Борисом Григорьевичем Кузнецовым, автором книг об Эйнштейне, Ньютоне, Галилее, Бруно и о становлении современной научной картины мира. Через двадцать лет после окончания этих бесед я начал вспоминать их содержание.

Есть еще один методологический принцип, который я сформулировал для себя. Мне представляется, что историк науки должен уважать людей, чье творчество он изучает, и может (должен) быть пристрастным. Рационализм обеспечивает объективность, но без пристрастности нет внутреннего импульса к поиску.

На одной из лекций в Российском университете дружбы народов, читавшихся в апреле 2004 года по программе повышения квалификации преподавателей социологии, я рассказал об одном ощущении, иногда испытываемом мною во время работы: мне кажется, что из лежащих рядом книг Гэллага и Кэнтрила — друживших при жизни — исходит некий поток тепла, благодати. После лекции ко мне подошла доктор философских наук, профессор из Якутии У.А. Винокурова и сказала, что этот мой контакт с книгами вписывается в традиционные этические представления якутов.

В этом году вы написали еще одну книгу — «Отцы-основатели: история изучения общественного мнения», вдвое большего объема, чем «Первопроходцы мира мнений». Я знаю, что у вас материалов на эту тему еще больше... Вы готовы написать об этом и третью книгу?

Да, Наташа, эта вторая книга сделана при огромной вашей помощи, и вы знаете, насколько сложна ее структура и как много в ней героев. Она охватывает более чем двухвековой период становления технологии опросов общественного мнения и заглядывает в ближайшие десятилетия. Хотя в книге 25 листов, в ней не хватило места для многих фактов, тем более для рефлексий, которые я просто зажимаю в себе... мне кажется, что читателям интереснее и важнее факты, сведения, чем авторские рефлексии... В книге «присутствуют» почти триста человек, внесших свой вклад в изучение общественного мнения. Столь обстоятельного и детального рассмотрения истории опросов нет даже в американской литературе. И одна из причин такого положения дел — моя независимость от тех или иных корпоративных интересов и ограничений, накладываемых организациями, распоряжающимися грантами. Я сам финансирую свою работу.

Готов ли я написать и третью книгу? Я работаю над ней постоянно. Рукопись уже включает свыше 50 авторских лис-

тов, но я не знаю, хватит ли у меня сил и куража завершить работу. К тому же есть еще одна проблема. Первая книга опубликована при поддержке Фонда «Общественное мнение», вторую издает Центр социологических исследований, возглавляемый Францем Шереги. Но я не уверен, что найду издателя на труд в 60 или более листов.

Интересно, о чем она. Новые подробности того же, о чем первые книги? Новые персонажи? Новые обобщающие идеи и выводы на перспективу?

Это — в основном о Гэллапе, почти все о нем. Конечно, есть и Роупер, Кроссли, Кэнтрил. Есть много персонажей, через которых раскрывается личность и профессионализм Гэллапа. Например, там много об Огилви, Рубикаме, других людях из мира рекламы... большая глава об учителях Гэллапа в университете... Я сейчас почти о каждом, чье имя упомянуто в первых книгах, мог бы написать главу, причем она естественно вписалась бы в эту книгу. Гэллап был центром многих коммуникационных сетей. Он был стопроцентным американцем, но немного не от мира сего — идеалист, человек, бесконечно увлеченный своим делом и верящий в то, что его деятельность поможет усовершенствовать общество... Г.С. Батыгин таких людей называл «придурками».

Как бы вы охарактеризовали жанр ваших книг?

Это история и биография опросов общественного мнения. История, так как попытался выделить и проанализировать основные события семи десятилетий современных опросов общественного мнения. Биография — поскольку в них рассказывается о жизни и творчестве отцов-основателей выборочной технологии измерения мнений. Ими же заложены основы профессиональной этики и профессиональных стандартов деятельности полстеров.

В какой мере тема ваших книг отражена в специальной американской литературе? И в чем их новизна?

В литературе можно выделить два направления: работы по технологии, методике, организации опросов общественного мнения и различные исследования исторического характера. Публикаций на эти темы множество. Но эти два направления почти не пересекаются. Нет ни одной серьезной работы, где все сделанное, например, Гэллапом трактовалось бы как целостное образование, как части единого и по сути неделимого творческого наследия. Я же рассматриваю изучение общественного мнения как результат сложного и длительного, почти двухвекового, процесса, детерминированного особен-

ностями политической и экономической системы США. При этом деятельность отцов-основателей трактуется как поиск ответов аналитиков на вызовы бизнеса, политики и журналистики. В моих книгах используются материалы, ранее не публиковавшиеся в США: архивные документы, переписка с учеными, знавшими героев книги и работавших с ними, другие редкие документы.

Насколько эта тема актуальна?

Я ощущаю, что сейчас прекрасное время для анализа прошлого американских опросов общественного мнения. Во-первых, еще живы те, кто работал с отцами-основателями, и есть возможность многое узнавать из первых рук. Во-вторых, многие ранее неизвестные документы прошли первичную обработку в архивах и теперь стали доступны исследователям. В-третьих, пришло время, необходимое для спокойного научного анализа прошлого. История — дальнзорка, она должна смотреть на события и их участников с некоего удаления.

Вы работаете один или вам кто-нибудь помогает?

Работаю я один, в буквальном смысле этого слова. Чаще всего исследователи работают в каких-то коллективах, встречаются, обсуждают планы и сделанное с руководством и коллегами, проговаривают первичные выводы с друзьями, докладывают что-то на конференциях и т. д. Я лишен этого, но у меня есть свой канал общения — электронные письма небольшому числу коллег-друзей. Иногда я даже не жду ответа по существу, ведь нередко и сам еще не могу сформулировать четкий вопрос; просто проговариваю самые общие соображения и предположения. Для меня ценна сама возможность высказаться, и я пользуюсь ею. Во время поездки в Россию я стараюсь делать доклады, сообщения о своей работе и обсуждать ее с теми, кто проявляет к ней интерес.

Вместе с тем должен сказать, что мне помогали и помогают многие люди. Например, в начале моей работы ФОМ финансировал проект «Америка присматривается к новой России», в частности, я имел право приобретать книги, необходимые для изучения гэллаповской тематики. Значительную помощь в анализе наследия Гэллапа и опыта изучения общественного мнения в США оказала мне профессор Клара Григорьевна Барбакова, создатель и до недавнего времени ректор Тюменского государственного института мировой экономики, управления и права. В 2001 и 2003 годах в Тюмени состоялись «Гэллаповские чтения», включавшие научные доклады, а также лекции для студентов и аспирантов.

Трудно переоценить внимание ко мне и реальную помощь издателя и главного редактора петербургского журнала «Телескоп» Михаила Илле. Он предоставил мне идеальные условия для публикации материалов историко-научно-исследовательских исследований. За период с 2000-го по 2004 год только по этой тематике я выпустил 11 статей общим объемом почти в 20 печатных листов.

Знают ли о вашей работе дети Гэллапа, других основоположников изучения общественного мнения?

Знают, кстати, все они пошли по стопам своих отцов и стали исследователями общественного мнения. Джордж Гэллап-сын ознакомился с рядом моих текстов и положительно отозвался о них. Альберт Кэнтрил прислал интересные материалы о своем отце Хэдли Кэнтриле. Статья об Арчибальде Кроссли была написана в сотрудничестве с его дочерью Хелен. Дочь Луиса Бина прислала распечатку 300-страничного биографического интервью с ее отцом. Много ценнейших материалов мне дали письма тех, кто более полувека назад работал с пионерами изучения общественного мнения.

Вы живете в небольшом городке, где вы достаете нужные книги, как находите необходимую научную информацию?

В Фостер-Сити проживает около 30 тыс. человек, по главной улице, упирающейся в Сан-Францисский Залив, весь город можно пройти за час. Здесь нет ни университета, ни колледжа. Но есть библиотека, являющаяся частью сети из нескольких десятков региональных библиотек. Единый компьютерный каталог, в который можно войти из домашнего компьютера, позволяет заказать книгу из любой библиотеки этой сети. Ее привезут в городскую библиотеку и дадут домой на три недели; обычно срок пользования можно продлить. Если в региональной сети необходимой книги нет, библиограф pošлет запрос в общенациональную сеть, и книгу пришлют опять же в мою библиотеку.

Все архивы, библиотеки имеют интернетовские сайты, и потому легко найти зацепки, краткие сообщения о хранящихся документах. На запросы по электронной почте я получаю исчерпывающие ответы и условия оказания помощи. Чаще всего высылаются ксерокопии документов и счет. Я отсылаю подтверждение и чек.

Еще один канал — сетевые книжные магазины и сетевые библиотеки. Старые книги по социологии в amazon.com и других онлайн-книжных магазинах более чем доступны — нередко они оказываются дешевле почтовой пересылки. Через неделю-две книга у вас дома. Часто это даже не откры-

вавшиеся книги, но бывают и с подчеркиваниями, иногда без суперобложки, это все не мешает делу. У меня приличная библиотека... Как-то я купил книгу Роупера через amazon — она оказалась с роуперским автографом. Пытался узнать, кому же он ее надписывал, но пока не смог... понимаете, личная книга маэстро...

Онлайновая библиотека questia.com содержит свыше 700 тыс. наименований и имеет прекрасную поисковую систему: 100 долларов в год — и читай круглосуточно. Журнал “Time”, при очень недорогой подписке открывает онлайнновый доступ ко всем выпускам начиная с двадцатых годов. Будучи членом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, я имею доступ ко всем номерам необходимого в моей работе журнала — “Public Opinion Quarterly”. Так что в моей деревне работать можно, надо лишь активно использовать возможности современного информационного сервиса.

А что вы могли бы сказать о помощи с американской стороны?

Если кратко, то без помощи значительного числа американских ученых и обычных людей, я ничего бы не сделал.

Так, первую публикацию о Гэллапе мне хотелось иллюстрировать фотографией дома, в котором прошли его детство и школьные годы. Поиски в Интернете не дали результата, и я написал письмо на сайт города Джефферсон, штат Айова, где расположен этот дом. Письмо было переслано чудесной женщине, краеведу Валерии Огрен, которая не только указала мне сайт, на котором размещалась фотография дома Гэллапа, но и выслала копии энциклопедических статей о городе и старые материалы местных газет о Гэллапе.

В одном из газетных материалов я прочел несколько слов о том, что Гэллап был американцем в десятом поколении. Я нашел сайт The Gallup Association, уже свыше ста лет занимающейся историей семьи Гэллап, и отправил электронное письмо Джону Гэллапу, одному из руководителей этой ассоциации. В ответ я получил бесценный подарок — книгу с результатами генеалогических поисков, охватывающих 15 поколений огромного клана Гэллапов.

Еще один пример эффективной помощи относится тоже к началу моего исследования, когда необходимо было понять характер образования Гэллапа. Я отправил запрос в архив Университета Айовы с просьбой указать, какие курсы изучал Гэллап и какие степени он получил. В ответ мне прислали в подарок, это было подчеркнуто, копию документа, в котором перечислялись все предметы, изучавшиеся Гэллапом, и полученные им оценки. Сразу возник другой крайне важный воп-

рос: кто вел эти курсы? Ответ на повторный запрос содержал фамилии преподавателей по большому числу курсов. Детальное рассмотрение биографий профессоров и преподавателей Гэллапа (этот процесс занял около четырех месяцев) приблизило меня к пониманию корней гэллаповского творчества и многое прояснило в его деятельности.

Не успев закончить вторую книгу об истории изучения общественного мнения в Америке, вы приступили к разработке новой темы — истории изучения рекламы и уже опубликовали об этом две статьи в «Телескопе». Чем вас привлекли исследования рекламы, считаете ли вы эту тему достаточно «академичной»?

Скорее, не приступил, но смог продолжить; я заинтересовался этой темой, когда начал знакомиться с прошлым опросов. Правда, тогда я не видел в ней самостоятельного значения. К тому же изменилось не только мое отношение к ней, она объективно укрупнилась. Приведу один пример.

Еще лет десять назад лишь крайне небольшая группа специалистов знала о том, что уже первая президентская кампания Франклина Рузвельта (1932 года) имела, говоря современным языком, аналитическое сопровождение. Вышедшая в 2002 году книга об Эмиле Хурье позволила узнать это многим. На год раньше вышла небольшая работа о том, что еще в 1920 году один из создателей американской рекламы Альберт Ласкер помог республиканцу Уоррен Хардингу стать президентом Америки. Тем самым Ласкер заложил основы политических рекламных кампаний. Чуть уточнил Это было сделано им за два года до того, как Уолтер Липпман написал свою классическую книгу «Общественное мнение». В 1924 году другой очень известный создатель рекламы Брюс Бартон привел к победе Кальвина Кулиджа. Первое серьезное исследование этой избирательной кампании было опубликовано пару лет назад. Суммируя сказанное, становится понятным, что изучение рекламы — тема специальных академических поисков.

Изучение современной истории русской социологии

Вы подробно рассказали о ваших исследованиях по истории американских опросов, а с русской реальностью все ясно?

Если бы... На мой взгляд, сделано крайне мало для воссоздания истории изучения общественного мнения в СССР/России. Нет научной периодизации этого процесса, нет сколь-нибудь представительного перечня имен аналитиков, изучавших теорию самого

феномена и анализировавших методические проблемы опросов населения, нет даже достойной библиографии работ по этому кругу вопросов. Это тем более непонятно и обидно, что живые и продолжают активно работать многие первопроходцы изучения общественного мнения, люди, много помнящие и, думаю, готовые сотрудничать с теми, кто возьмется изучать эту тему.

А вы сами не хотели бы?

Есть объективные трудности. Во-первых, я еще не завершил исследование биографии Гэллага и истории становления культуры, технологии проведения опросов общественного мнения в Америке. Во-вторых, трудно изучать происходившее и происходящее в СССР/России, живя в Америке. Надо постоянно встречаться с людьми, работать в библиотеках, вести архивные поиски.

И все же потихоньку осваиваю новую для меня область — историю современной российской социологии. Начало было положено при работе над книгой об общественном мнении в эпоху Ельцина. В ее заключительную главу включены мои интервью с Александром Ослоном и Георгием Сатаровым.

Осенью 2004 года я опубликовал объемную статью о творчестве Б.А. Грушина. Это попытка посмотреть, как в СССР начиналось проведение опросов общественного мнения. Положительные отзывы на эту статью дали основание редакционному совету журнала «Телескоп» ввести новую рубрику по истории современной российской социологии, которую предложили вести мне. В этом году удалось провести по электронной почте и опубликовать пространные интервью с Б.М. Фирсовым, Я.И. Гилинским, В.А. Ядовым и Л.Е. Кесельманом, вышла также подборка воспоминаний об одном из пионеров изучения общественного мнения в СССР Я.С. Капелюше. Сейчас ведется беседа еще с четырьмя исследователями. Если все сложится как задумано, года через полтора будет завершена большая работа, листов на 40, о судьбах российских социологов. Но и здесь есть высокая степень неопределенности: в журнале интервью будут постепенно выходить, но найду ли я возможность издать книгу?

Интервьюирование по электронной почте — работа очень объемная и сложная даже чисто технически... Вы занимаетесь множеством тем, что побудило вас взвалить на себя еще и эту? Вы хотите воссоздать историю российской социологии, сделать серию портретов «интересных людей» или здесь есть что-то еще?

И то, и другое, и третье. Изучение американской истории опросов и судеб американских аналитиков общественного мне-

ния подвело меня к понимаю неких закономерностей в развитии научного творчества. В частности, меня интересует личное и внешнее (социальная среда) как факторы деятельности социального исследователя. Такие задачи надо решать в рамках кросскультурного и историко-биографического анализа.

Я помогаю моим респондентам писать автопортреты. Пишут они, но я – «ставлю свет», многое предлагаю, задаю вопросы, задаю структуру текста. Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны. Я, прежде всего, опрашиваю тех, кто успешен, кто много сделал, кому есть, что сказать, кто умеет говорить... Я заинтересован получить ту информацию, которая важна для истории социологии, для раскрытия образа. Акцент – на том, что человек сделал, и на том, как, почему ему удалось это сделать. Мне нужны не просто описания, но рефлексии по поводу прожитого и сделанного.

Так получилось, что наше с вами интервью растянулось на несколько месяцев: первые вопросы я вам отправила 25 января 2005 года. За это время вы закончили и подготовили к печати две книги по истории общественного мнения, начали два новых проекта — по истории российской социологии в портретах современников, назовем так, и истории американской рекламы, тоже в лицах. Кроме того, вышла большая статья об исследованиях общественного мнения в нашем журнале, множество публикаций в других изданиях, тезисы к конференциям... Вы работаете с такой интенсивностью, что невольно возникает вопрос: это проявление внутренней потребности, помноженной на редкий темперамент, или вас все же подстегивает необходимость заработка?

Наташа, вы лучше меня знаете, что публикации в России и заработок – вещи несовместимые. Если совсем искренне, то судьба дала мне шанс что-то сделать, что-то изучить и поделиться найденным с другими. И я не имею права этот шанс упустить... возраст, смерть близких мне людей обостряют это чувство... жизнь ограничена. Хочешь что-нибудь сделать, делай это именно сейчас, американцы говорят: right now.

Я всегда старался работать целеустремленно, агрессивно. Иначе не стоит и связываться. У меня всегда были две-три темы, интересовавшие меня и заставлявшие читать новое, что-то искать. Это не было связано с тем, что я делал в институтах, не было связано с моей заработной платой. Было трудно публиковаться, но я все равно это делал.

Я выстрадал право делать сейчас только то, что мне кажется важным, нужным, в чем есть новизна, что представляется мне необычным... и я не думаю, принесет мне это деньги или нет... Я делаю уникальный продукт (если говорить в марке-

тинговых категориях), который — мне кажется — рано или поздно потребуется рынку (интеллектуальному) ...одновременно я понимаю, что я могу долго ждать..., но чтобы все же дожидаться, надо это время приближать... Как? Публиковаться, презентовать, рекламировать... Для этого надо всегда иметь что-то в запасе, работать не только на настоящее, но и в ящик письменного стола..., потому и приходится работать каторжно.

Вы один из немногих российских социологов, занимающихся и анализом современных проблем, и историей. В чем вы видите смысл такой деятельности?

Отчасти это произошло случайно, но теперь я понимаю, что мне всегда в равной мере были интересны прошлое и настоящее. В своих исторических исследованиях я пытаюсь «утолщить» настоящее, то есть перетащить из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. При изучении настоящего я не могу освободиться от мысли о том, что оно — лишь точка в развитии различных процессов.

Испытываете ли вы ностальгию по России?

Я живу в двуедином пространстве... электронная почта, глобальное телевидение, телефон действительно делают мир маленьким. Но, естественно, российская реальность мне ближе, роднее... Я выработал тот режим жизни, при котором я не ощущаю ни ностальгии (если и есть, то не по стране, а по друзьям), ни комплекса отшельничества, хотя само это отшельничество есть.

Иногда меня спрашивают, не хочу ли я вернуться в Россию. В силу многих обстоятельств, прежде всего — семейных, я загнал мысль о возвращении так глубоко в подсознание, что она фактически не посещает меня. Я смог построить вокруг себя относительно сбалансированный мир, найти решение многих проблем, с которыми ежедневно встречается человек. Эти решения далеко не оптимальны, но все же этот мир я уже знаю, он позволяет мне профессионально работать. Для меня это крайне важно. И в этом смысле, какая разница, где жить? Я стараюсь все делать, чтобы не отрываться от дорогого для меня российского социологического сообщества. Я — российский социолог, живущий в Америке.

Борис Зусманович Докторов, российский социолог, с 1994 года живущий в США, начал в 2004 году на страницах «Телескопа» чрезвычайно важное дело, требующее продолжения и развития. Он подхватил эстафету Геннадия Батыгина, чья книга о социологии 1960-х годов [1] может быть символически названа «В круге первом». Инициативу Докторова я назову «В круге втором». Связь этих «кругов» – поколенческая. В батыгинской книге представлено поколение шестидесятников, в «Телескопе», благодаря неукротимой энергии Бориса, зазвучали голоса представителей разных поколений советских, а теперь уже российских социологов. Они осмысливают не столько зарождение социологии в послесталинское время, сколько свою жизнь, прошедшую под знаком социологии. В итоге окажется возможным проследить судьбы людей, а вместе с ними коллективную судьбу науки, увидеть ее такой, какой она оказалась в обстоятельствах XX века.

А теперь «в порядке очереди», так говорили в советское время, «Телескоп» дает слово тому, кто разворочил «социологический муравейник», разговорил «молчунов» и приподнял завесу над событиями их личной жизни и профессиональной карьеры как части истории нашей многострадальной науки. Замечу, что настоящее интервью Бориса Докторова во многом дополняет рассказанное им «Социологическому журналу» [2].

Борис Фирсов

Б.З. Докторов: МНЕ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ И САМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ...¹⁸

Оконтуревание «круга два»

Борис, в какой мере твои историко-социологические опыты над нами, твоими респондентами, продолжают рефлексию движения нашей науки в историческом времени, начатую Г. Батыгиным? Историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?

Геннадий Семенович Батыгин раньше многих других осознал, что прошлое советской социологии нельзя понять, не обратившись к людям, формировавшим ее основы. Их рассказам о себе и о событиях, в которых они участвовали, он придал статус свидетельских показаний о былом. Книга увидела свет в 1999 году, когда я уже жил в Америке. Мы виделись с ним несколько раз после

¹⁸ Докторов Б.З.: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б.М. Фирсову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. №3. С. 2–13.

выхода книги, переписывались, но эту его работу не обсуждали. Я не предполагал, что через несколько лет сам займусь этой темой, и уж никак не думал, что Геннадия вскоре не станет.

Сейчас, интервьюируя наших коллег и размышляя над их ответами, я вспоминаю не только книгу Батыгина, но и однодневный семинар, организованный им в марте 1994 года. То была встреча ветеранов социологического движения, мы ездили на нее с тобою, я – «по благу», в качестве наблюдателя. Оставался месяц до моего отъезда в Америку, и мне хотелось увидеть всех классиков нашей социологии. Помню грустный тон тех выступлений. Говорилось о личном, наболевшем, о том, что, по мнению выступавших, должно присутствовать в истории нашей науки. Потому, безусловно, мои интервью и в рациональном, и в эмоциональном отношении – продолжение работы Батыгина.

В чем особенность твоего подхода по сути к той же вселенной людей, событий, фактов, обстоятельств?

Батыгина, как я понимаю, прежде всего интересовала судьба российской социологии, меня – судьбы российских социологов. Темы близкие, родственные, но все же различные. Соглашусь с твоей идеей двух кругов, но отмечу, что они не концентрические.

Принципиально различны наши методы опроса: у Геннадия это личное интервью, проводившееся либо им, либо его сотрудниками. Мои интервью – это многомесячный обмен вопросами-ответами по электронной почте. Это беседа коллег, давно знающих друг друга. Я и мои респонденты можем уточнять вопросы и ответы на них, возвращаться к старым темам, реагировать на неожиданные повороты в дискуссии. Мои интервью много более пространные, чем интервью Батыгина; все они не менее двух листов; это – интервью-мемуары.

Историческое исследование Батыгина было продолжением опыта его собственных многолетних методологических поисков и размышлений о социологии как науке, а также его практики редактирования «Социологических исследований» и «Социологического журнала». Отправным для моего обращения к истории российской социологии и интервьюированию коллег – это звучит парадоксально – стало изучение биографий первого поколения американских полстеров и анализ ряда ключевых моментов в истории становления опросов общественного мнения в Америке.

Еще один важный момент: интервью Батыгина, вошедшие в книгу, состоялись в 1990-х годах, мои – на десятилетие позже. За это время в российском обществе возникли новые

«стандарты» открытости, доверительности, и, думаю, это проявляется в моих беседах. Наконец, отмечу еще один факт, детерминирующий атмосферу коммуникации: Батыгин находился рядом с большинством своих респондентов: встречался с ними в стенах Института социологии РАН, на заседаниях различных научных советов, редколлегий и т. д. Я уже двенадцать лет живу в Америке, и мои встречи с российскими коллегами носят редкий, эпизодический, для меня – праздничный характер. Все это откладывает отпечаток на форму и содержание моего общения с респондентами.

Повторюсь, историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?

Не вижу много историй, скорее их мало, особенно если говорить об изысканиях, построенных на анализе архивных материалов, документов, перепро чтении советской классики. Пока я не думаю о том, какая из существующих трактовок истории советской социологии мне ближе, этот вопрос актуализируется, когда моя коллекция интервью разрастется и я приступлю к их анализу. Сейчас я многое читаю, но хотелось бы искать, создавать «мою» историю, черты которой просматриваются в имеющихся интервью. Прекрасно понимаю, что эта история может оказаться излишне «субъективной», ведь у меня нет возможности для работы в архивах, для поисков новых документов. В целом, мне еще трудно увидеть границы моей работы, она лишь началась.

Можно ли сказать, что «круг второй» – это перипетии, выпавшие на долю социологов разных поколений во второй половине минувшего века?

Это абсолютно точно. Моими героями являются, прежде всего, социологи двух поколений: твое, родившееся на рубеже 1920–1930-х, и мое, родившееся в первой половине 1940-х годов. Первые уже приобрели свое поколенческое имя – «шестидесятники», вторых я пока называю по созвучию «шестидесятилетними». Эти поколения многое роднит, в частности то, что основная часть наших жизней прошла именно во второй половине прошлого века. Очевидно, при изучении жизненного пути ученого личностный подход давит над поколенческим, и все же творчество социолога невозможно рассматривать вне судьбы его поколения.

Почему тебя потянуло в лабиринты судеб, биографий, жизненных историй твоих коллег по социологическому оружию?

Некую предрасположенность к движению в эту сторону я ощущал, но именно ты и Владимир Александрович Ядов под-

толкнули меня к этому в конце 2004 года после опубликования в «Телескопе» моей статьи о Борисе Андреевиче Грушине [3]. Ты писал: «Так никто еще о нас не писал», а реакция Ядова содержала такие слова: «Я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии». Что мне оставалось после этого делать?

Более того, независимо от ваших реакций у Михаила Евгеньевича Илле возникла идея создания в «Телескопе» постоянной рубрики по современной истории российской социологии. Он предложил мне вести ее, и такое предложение показалось мне очень заманчивым.

Ты был моим первым респондентом. Закончив оформлять текст нашей беседы [4] отправив его Илле, я сразу же написал Якову Ильичу Гилюнскому и предложил ему «поговорить». В Питере тогда был час ночи, а может быть и позже, но уже через миг я получил ответ: «Давай». Мы быстро сделали интервью, оно стало вторым материалом в складывавшейся рубрике. Мне хотелось побеседовать с Ядовым, но я боялся, что ему будет трудно писать. Однако я ошибся, он с удовольствием вспоминал и о многом написал. К настоящему моменту опубликованы также пространные интервью с Леонидом Евсеевичем Кесельманом, Еленой Эмильвной Смирновой и Романом Семеновичем Могилевским. «В ящиках моего письменного стола» есть завершенные, почти завершенные и только начатые интервью с известными российскими социологами.

Как ты отбираешь своих респондентов?

Вопрос следует сформулировать чуть иначе: «Кого ты спрашиваешь?», ведь дело не только в том, с кем мне хотелось бы поговорить, но и в том, кто откликнется на предложение.

В поиске потенциальных «жертв» я руководствуюсь двумя критериями. Прежде всего, стараюсь обращаться к людям успешным, многие годы работающим в социологии и много сделавшим в своей области. Пока я интервьюировал лишь тех, кого давно знаю, с кем меня связывают давние дружеские связи. Во всех опубликованных интервью я обращаюсь к моим собеседникам на «ты», и это для меня крайне важно. И для читателя это определенный знак доверительности, открытости в общении. В ближайшее время будут завершены интервью с респондентами, с которыми я не настолько хорошо лично знаком, но в любом случае это люди, известные в нашем профессиональном сообществе.

Второй критерий – «технологический», наличие у человека электронной почты и умение ею пользоваться. Конечно,

данный критерий лишает меня возможности поговорить с рядом интересных специалистов, но я не могу ориентироваться на проведение личных интервью. К тому же существует ряд преимуществ электронного интервьюирования над традиционным – «под диктофон».

Большинство людей, к которым я обращаюсь, положительно относится к моей затее. Есть и отказы, их причины, как правило, – загруженность текущей работой или трудности в использовании электронной почты. Отношусь к этому спокойно. Во-первых, к большинству из этих людей я всегда могу обратиться снова. Во-вторых, я не ставлю перед собою задачу сбора большого массива биографий, максимум 20–25. Ведь поговорить с коллегами – лишь часть задуманной работы, предстоит еще проанализировать интервью и что-то сказать о судьбах российских социологов. В-третьих, я в принципе не могу одновременно вести большое число интервью, один из принципов моей работы – их быстрая публикация. Илле делает почти невозможное: уже более года в каждом выпуске «Телескопа» не менее двух печатных листов предоставлено моей исторической рубрике. Но оказывается, и этого мало. У меня есть договоренность с «Социологическим журналом» о публикации у них интервью, ищущих и другие возможности, например, онлайн-публикации.

И в чем научная цель этой кропотливой собирательской работы? Можно ли сказать, что это попытка по-новому заниматься социологией социологии?

Не замахиваюсь на принципиально новое для социологии социологии, все проще и конкретнее. Полагаю, что все историки российской социологии пишут главы одной очень важной и объемной книги о прошлом нашей науки, развивавшейся в моменты «социотрясений», не прекращавшихся в России/СССР на протяжении прошлого века. Если смогу написать хотя бы один параграф этого коллективного фолианта, то буду считать, что не зря работал.

В социологии мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь

Социологами рождаются или ими становятся? Социология – это призвание? профессия? способ мышления? взгляд на мир и общество?

Если не социологом (это относительно новая профессия), то социальным мыслителем, обществоведом надо родиться, тогда при благополучном стечении обстоятельств из человека может получиться сильный специалист. Говоря о рождении,

я имею в виду раннюю социализацию. Одних с детства интересует механика мироздания, других – притягивает к себе механика общества, третьих – механика автомобиля.

Я не готовил себя к исследованию общества. В школьные, студенческие годы не участвовал во «внекухонных», «внезастных» обсуждениях социальных, общественных проблем. Не помню, чтобы я искал какие-либо книги обществоведческой направленности или с нетерпением ожидал свежую газету, хотя художественную литературу, а позже – специальную читал активно и целеустремленно. Обучаясь в университете свыше восьми лет математике – студенческие годы и аспирантура – я интересовался разными областями этой науки и разными направлениями применения математической статистики. Много читал по общим проблемам кибернетики, биологии и генетики, меня интересовали некоторые вопросы физики, а также ее истории и философии, начинал знакомиться с основами психологии, но ни обществоведение, ни вопросы текущей политики в стране меня не занимали. Это явно не было моим.

Скажу однозначно, для меня социология – не призвание. Но некоторые направления социологии постепенно стали сферами моей профессиональной деятельности. А сегодня социология, естественно, задает и мой взгляд на мир и общество.

По каким основаниям ты считаешь себя социологом?

Сначала отвечу несколько метафорически. Много лет назад Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают лишь разработку методологии этой науки и написание ее истории. Все остальное – применение положений и методов социологии. Исходя из сказанного, я, конечно же, социолог, ибо долгие годы занимался анализом методолого-методических проблем этой науки, а в последнее время – ее историей.

От социологии ждут ответы на вопросы об устройстве и функционировании общества, но, чтобы найти эти ответы, социология должна обладать необходимым познавательным инструментарием и осознавать себя в качестве развивающейся и имеющей перспективу науки. Последнее возможно, если наука обладает прошлым, традициями, а ученые, работающие в ней, знают и ценят сделанное предыдущими поколениями. Мною опубликовано определенное количество работ, в которых анализируется отношение людей к социальным проблемам, но прежде всего круг моих научных интересов на протяжении почти четырех десятилетий включал различные инструментальные, методические проблемы, а в самые последние годы – комплекс историко-научоведческих вопросов.

Думаю, что сказанное позволяет мне самому числить себя по социологическому цеху.

Как уживаются, ладят Докторов-социолог и Докторов-человек?

Суть этого вопроса я вижу в том, чтобы попытаться оценить, как во мне соотносится профессиональное и личностное. Если совсем кратко, то с трудом, но пока уживаются. Серьезных конфликтов нет. Если более развернуто, то надо говорить об их взаимовлиянии, о длительном и явно не завершившемся процессе. Я долго, уже работая в должности социолога, считал себя математиком-прикладником, обрабатывавшим социологическую информацию. Но к концу семидесятых начал осознавать себя частью социологического сообщества. И это чувство, видимо, настолько во мне окрепло, что в Америке, когда все пришлось начинать заново и рассматривался вариант возвращения в математику (например, работа программистом), я постарался снова встать на социологическую тропу. Сейчас я вижу, как мои интервью с российскими коллегами не оставляют меня «холодным», они многое меняют во мне самом.

Ты не любитель «высоких» тем, потому спрошу о более привычных вещах – о природе, специфике твоих интересов к теории, методологии и методам в процессе социологической деятельности. Чему ты отдавал предпочтение, конструируя самого себя как исследователя (теоретика, методолога, эмпирика)?

Я сам до конца этого не знаю. В отличие от тебя, Грушина, Здравомыслова, Ядова, большинства моих ровесников и младших по возрасту коллег я всегда шел от метода, а не от социальной проблемы. Мне повезло в том, что я сотрудничал с людьми, которым верил в профессиональном и гражданском отношении, и мне не надо было ломать себя; надо было просто честно помогать им. Меня долго удивляло то, что с помощью математики и жестких методов (опрос) можно получить что-то вменяемое, интерпретируемое о мире социальных отношений.

Все началось с бесед с ленинградским психологом Иосифом Марковичем Палеем, когда вдруг (для меня) обнаружилось, что факторный анализ, то есть некая трансформация корреляционной матрицы, позволяет строить содержательные модели психологических явлений. Тогда я был студентом 3–4 курса и смотрел на математику как на аксиоматическую науку, выводы которой имели жесткое логическое обоснование. Мне долго не верилось в интерпретируемость математических схем. Происходило это еще и потому, что я не знал истории возникновения факторного анализа, видел в нем лишь итог «механического» перенесения математических методов в пси-

хологию личности. Я не задумывался о возникновении базовой идеи корреляционного анализа, и рассматривал коэффициент корреляции как некий математический конструкт, обладавший определенными формальными свойствами. Но когда я узнал, что корреляционный и факторный анализ возникли как продолжение дарвиновских воззрений на изменчивость живых организмов, и обнаружил, что создателями этих математических технологий были Гальтон, Пирсон и Спирмен – люди, решавшие реальные биолого-психологические проблемы, я поверил в интерпретируемость результатов математической обработки эмпирической информации. Этот вывод имел для меня расширительное значение, он не замыкался на методологии факторного анализа.

Затем мне открылась проблематика ложной (*spurious*) корреляции, корни которой восходят (или нисходят?) к опытам Менделя и в разработке которой участвовали классики генетики. Я и сейчас помню огромное интеллектуальное наслаждение, полученное при чтении тех довольно сложных математико-биологических текстов. Тогда же я начал открывать для себя философию и историю математики: ее развитие от понятия числа до абстрактных философских рассуждений о различных геометриях.

Я не очень рефлексировал по поводу того, что скрывалось за цифрами, которые мы получали в зондажах мнений ленинградцев, проводившихся в 1970-х годах: общественное мнение или иная фракция массового сознания. Мое позитивистское сознание удовлетворялось тем, что в цифрах, которые я приносил в начале моей социологической карьеры Здравомыслову, а позже – тебе, вы находили смысл, повод подумать, увидеть нечто знакомое и новое. Для меня то, что обнаруживалось, было общественным мнением, и я долго не мог понять до конца слов Игоря Семеновича Кона: «Борисы, что вы измеряете? Ведь общественного мнения нет».

Я думаю, что все дальнейшее, что мною делалось: попытка разобраться в природе надежности социологического измерения; стремление к обоснованию метрологического подхода к трактовке этой проблематики; эксперименты с технологией почтового опроса; поиски типологии социологических вопросов, а потом – опросов общественного мнения; наконец, работы по многомерной типологии разных срезов общественного сознания – было вызвано стремлением найти ответы на вопросы о феноменологии эмпирических методов. Что-то помогло мне сохранить то радостное ощущение, которое я испытал впервые при обнаружении интерпретируемости математических построений.

Каждый социолог в процессе своих поисков открывает нечто для себя и для других. Скажи, пожалуйста, твои открытия уже позади, или ты к ним еще двинешься?

Для себя – точно нет, историко-научоведческие проекты, которыми я занимаюсь: американский и российский еще лишь набирают силу. Иногда я чувствую дикую усталость, тащить все одному безумно тяжело. Однако когда мне открывается что-то новое, усталость отступает, я вновь начинаю сезон охоты и через какое-то время вижу предмет своего анализа иначе, глубже и с еще большим числом проблем, чем виделось раньше. Меняется моя оценка сделанного, и меняюсь я сам.

Для других? Пусть другие и скажут. Я смотрю на развитие науки как на процесс, в ходе которого каждый честно работающий человек что-то в нее (науку) привносит. Но что? Проясняется лишь много позже. В начале 1980-х я сформулировал некую теоретико-эмпирическую конструкцию, названную метрологической картой общественного мнения. Иногда мне кажется, что эта штука пригодится в будущем.

Ниже я расскажу о моей «гэллапиаде»; полагаю, что она не только для российских ученых, но для всего полстерского сообщества открывает много забытых имен и объемно представляет начало истории опросов общественного мнения. Мне показалось оправданным ввести понятие пост-гэллаповских технологий изучения общественного мнения; вдруг я не ошибся? Думаю, мне удалось найти новый жанр в подаче истории социологии. Его характеристики – сплав научности и занимательности; я не считаю историю науки скучным делом и хотел бы, чтобы ею многие интересовались. Приятно удивлен, но мои тексты, размещенные в Интернете, передираются «по-черному», иногда с сохранением авторства, иногда – без. Нередко получаю электронные письма от незнакомых мне людей... им интересно читать про тех, о ком я пишу, и нравится, как пишу.

Прыжок в историю

Сначала ты увлекся математикой и психологией, а позже – социологией. Почему остановил свой выбор на последней, какие отношения сохранил с предшествующими «влюбленностями»?

В духе твоего вопроса отвечу: «С любимыми не расставай-тесь...», а теперь поясню сказанное.

Если математику понимать как язык для формулировки определенного рода проблем и поиска их решения, то я давно отошел от нее. Тем не менее я не только без дрожи, но с

радостью читаю статьи по выборочному анализу, по методам типологии и по ряду других направлений социологии, прогностических математикой.

В самом начале 90-х я пару лет сотрудничал с International Institute for Social Change, несколько десятилетий наблюдавшим (и продолжающим наблюдать) социокультурные изменения в значительном числе европейских государств и ряде стран других континентов. Важнейшим элементом этого мониторинга является продуктивный метод типологии стран, синтезирующий в себе факторный анализ и многомерное шкалирование. То обстоятельство, что я понимал мельчайшие детали этого метода, дало мне возможность участвовать в проекте и сделать статью о месте России в социокультурном пространстве Европы [5], на которую было довольно много ссылок. Я не забыл ряда разделов высшей математики и уже здесь, в Америке, думая о смене профессии, сдал достаточно сложный экзамен, включавший вопросы аналитической геометрии, дифференциального и интегрального анализа.

Труднее с отношением к психологии, ведь мой интерес распространялся на достаточно узкую предметную область этой науки (в какой мере математические методы позволяют описывать, понимать совокупные свойства личности), и, прекратив контакты с психологами, я фактически «депрофессионализировался». Вместе с тем, перефразируя одну немецкую поговорку, скажу: «Что выучит Гансик, то знает Ганс». Время, затраченное на чтение специальных работ по психологии личности и творчества, не пропало. Значит, то была подготовка к нынешним биографическим исследованиям.

Итак, твои сегодняшние исторические работы – это развитие старых научных интересов в области психологии. А какое отношение к ним имеют твои методические исследования?

Мои исследования по истории выборочного опроса возникли не сами по себе, но в процессе поиска аргументов в защиту этого метода изучения общественного мнения. Когда я вернулся из поездки в Россию в январе 2000 года, меня стали расспрашивать о прогнозах предстоявших в том году президентских выборов. Я рассказывал о результатах исследований ВЦИОМа, ФОМа, но мои собеседники, бывшие советские граждане, сомневались в том, что итоги избирательных кампаний возможно прогнозировать по опросам с небольшими выборками. Чтобы усилить свою позицию, я пошел в библиотеку и выписал таблицу с прогнозами Джорджа Гэллага, начиная с 1936 года. Затем написал небольшую заметку о его опыте и опубликовал ее в русских газетах Сан-Франциско

и Филадельфии. До этого я, естественно, читал некоторые работы Гэллапа, но ничего не знал о нем как об ученом и человеке. В ноябре 2001 года должно было исполниться 100 лет со дня рождения Гэллапа, и потому я решил написать биографическую статью о нем. Постепенно собственно историко-методическая работа – анализ становления современной технологии опросов общественного мнения – переросла в историко-научную и биографическую. Меня начало интересовать не только сделанное Гэллапом, но и процесс его творчества.

Изучение творчества Гэллапа заставило меня познакомиться с общими приемами историко-биографических поисков, и через несколько лет приобретенный опыт помог мне начать исследование судеб российских социологов. Биографические исследования носят комплексный характер: в них есть элементы по-настоящему захватывающих исторических поисков, в них присутствуют черты изысканий в области психологии личности, они предъявляют особые требования к языку изложения. Именно поэтому наиболее глубокие и содержательные биографии ученых созданы историками, психологами и литераторами. По ходу дела мне многое пришлось осваивать, но все же исходным импульсом моих биографических штудий были задачи, касающиеся методики социологических исследований.

Как в этих исторических исследованиях ты проводишь границу между прошлым и настоящим?

Если кратко, то эта граница – постоянно меняется, и при приближении к ней она каким-то образом извещает меня о себе.

Еще в начале 2005 года я для себя как-то противопоставлял, разделял изучение судеб американских и российских социологов. Отчасти это происходило потому, что в России я изучаю моих современников, лично знакомых людей, а в Америке – фокус исследований сконцентрирован на судьбах тех, чей наиболее активный период творчества протекал в 20–50-е годы прошлого столетия. Ни одного из них я, к сожалению, не знал лично. Однако прошедший год убедил меня в условности жесткого членения времени и пространства при изучении биографий людей, которых, по большому счету, следует считать современниками и коллегами. Хэдли Кэнтрил – один из американских основоположников изучения общественного мнения – был в Москве, где компетентные товарищи ему объяснили, что партия и без опросов все знает об интересах и чаяниях народа. Только «железный занавес»

не позволил Грушину встретиться с отцами-основателями, а в твоих воспоминаниях о Гэллапе отмечается, что мэтр был готов к сотрудничеству с советскими аналитиками общественного мнения. Недавно я узнал, что и Геннадий Васильевич Осипов встречался с Гэллапом в 70-х годах.

Помню свои сомнения по поводу названия первой статьи о Гэллапе, шесть лет назад опубликованной в «Телескопе» [6] – «Дж. Гэллап – наш современник», ведь она писалась в связи с приближавшимся столетием со дня рождения ученого; я специально искал аргументы в обоснование подобной трактовки гэллаповского наследия. Не знаю, убедил ли я читателей в оправданности такого видения наследия Гэллапа, но мне оно показалось обоснованным. Во всяком случае, перебирая множество вариантов, я все же использовал это название и для моей первой небольшой книжки о Гэллапе, вышедшей в Тюмени в 2001 году [7]. Проблема соотношения настоящего и прошлого в историческом исследовании продолжает интересовать меня и сейчас. Во всяком случае, монография об американских пионерах изучения общественного мнения, вышедшая в этом году, открывается параграфом «Историческая книга о современниках» [8].

Занятия историей выработали у меня новое отношение к времени: все детерминируется пониманием настоящего. Я убежден, что нет «гладкого», «гомогенного», «постоянного» настоящего. Настоящее видится мне как огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации. У США – непрерывная история, ее не переписывали при смене генеральных секретарей КПСС, и потому прошлое в изучении общественного мнения в этой стране нужно начинать издалека. Мой отсчет времени идет с ранней формы американской демократии – «городского собрания Новой Англии». А вот работы земских статистиков или «Тенишевский проект» [9] слабо повлияли на развитие советской социологии. Потому для США «городское собрание Новой Англии» – это часть настоящего, а для России опыты земских статистиков – достойное внимания прошлое.

Когда я узнал, что Гэллап – американец в десятом поколении, я застыл как гончая, чувствующая близость зайца или лисицы и испытывающая радость предстоящей погони. Для меня настоящее «растянулось» на десять поколений.

Настоящее должно быть «толстым», многогранным, плотным, потому при анализе, скажем, событий 1930–1960-х годов я стараюсь вводить в свой рассказ как можно большее число акторов – и тех, кто жил, действовал в то время, и тех, кого уже не было в живых. Тем самым я расширяю,

утолщаю настоящее. Раньше мне было сложно обосновать свое понимание «геометрии» настоящего, но постепенно видение прошлого стало более четким, и оно стало основополагающим для меня при написании указанных выше книг по истории опросной технологии.

Одна из проблем биографического анализа – «личность и поколение». Как ты ее прокомментируешь?

Очень давно я обстоятельно изучал литературу о научных сетях, это было хобби, любопытство, а вот – пригодилось.

Мне повезло, изучение творчества Гэллапа и процесса становления опросной технологии сразу подвело меня к необходимости изучения обширнейшей коммуникационной сети. Сначала я понял, что раскрытие истории опросных методов невозможно без анализа судеб их создателей, но вскоре стало очевидным, что этого мало. Гэллап, а также трое других «отцов-основателей» практики регулярного зондирования мнений американцев – Арчибальд Кроссли, Хэдли Кэнтрил и Элмо Роупер – поддерживали друг с другом добрые отношения. По роду своей деятельности каждый из них общался с огромным количеством людей: коллеги по зарождавшемуся сообществу полстеров, университетские ученые, исследователи рынка, политики самого высокого уровня, ведущие журналисты и издатели, представители крупного бизнеса и лидеры рекламной индустрии. Главные герои моей исторической работы были ровесниками, но среди тех, с кем они контактировали, были люди старше их и младше. Однако в широком плане все они принадлежат к одному поколению; вместе они заложили основы технологии изучения общественного мнения и, более широко, определили место этих исследований в политической культуре Америки.

Но и этого оказалось мало для понимания природы коммуникационных сетей и решения одной из моих главных поисковых задач – определения того, как возникла опросная технология. Так, Гэллап, Кэнтрил и ряд их коллег в своих воззрениях на эмпирические методы и в своем понимании природы психологических процессов использовали теоретические и инструментальные достижения первых поколений американских психологов, многое перенявших у немецких классиков психофизиологии и английских биометриков. Таким образом, именно движение по линиям коммуникационных сетей является одним из наиболее эффективных приемов утолщения настоящего.

Понимание необходимости изучения личности исследователя, его внутри- и межпоколенной коммуникации, возникшее

при анализе американской истории, стало важным моментом в разработке программы интервьюирования моих российских коллег. Проведенные «электронные беседы» намечают ряд коммуникационных сетей, характерных для этого сообщества, и позволяют оценить «толщину» настоящего российской социологии. Предварительный анализ материалов опубликованных и завершающихся интервью дает право предполагать, что эти сети – достаточно бедные, а слой настоящего – по историческим меркам – тонкий.

Как ты объяснишь свой крен в сторону истории социологии, не важно, советской или американской?

Занятия историей становления опросной технологии позволили мне синтезировать многие аспекты своего многолетнего исследовательского опыта. Давно, когда ты еще только задумывал делать свою книгу по истории советской социологии и опрашивал экспертов, я писал тебе, что историей прежде всего должны заниматься люди, на собственном опыте познавшие, как формируется социологическое знание. Поскольку я занимался выборкой и методами сбора информации, участвовал в поисках формулировок вопросов, сам подготовил и провел множество зондажей... постольку у меня есть не только «книжные» знания всех тех проблем, которые стояли перед отцами-основателями и которые решались ими, но я многое «чувствую пальцами». Знание их биографий и их работ, знакомство (по переписке) с людьми, которые были с ними знакомы, в какой-то момент позволили мне начать «обсуждать» с моими героями многие профессиональные вопросы. Я как бы веду с ними диалог, и потому занятия историей доставляют мне огромную радость.

В 2004 году я читал лекции в Российском университете дружбы народов на курсах для преподавателей, многие были с докторскими и кандидатскими степенями. В одной из лекций я говорил о моем отношении к моим героям и сказал, что, когда предо мною на столе лежат рядом книги давно умерших людей, которые в жизни были друзьями, я чувствую поток тепла от этих книг. Знаешь, тишина возникла в аудитории, ну, видимо, думали, «крыша поехала»... но после лекции ко мне подошла Ульяна Алексеевна Винокурова, профессор социологии из Якутии, выпускница Ленинградского психфака. Она сказала мне, что мои наблюдения соответствуют традиционной этике и философии якутов. По ее мнению, души людей, о которых я пишу, предохраняют меня от совсем уж больших ошибок. Действительно, иногда я вынужден что-то писать в гипотетическом плане, но потом

нахожу документы, подтверждающие мои гипотезы. Такое было уже несколько раз.

В рецензии на мою книгу «Первопроходцы мира мнений» [10] Дмитрий Михайлович Rogozin написал, что характер книги (то есть то, как я «бурю» прошлое) может стать предметом самостоятельного науковедческого рассмотрения и пособием по реконструкции не только логических схем и интерпретаций, но и эмоциональной компоненты научного поиска. Мне приятно, что он обратил внимание на стиль моего подхода к постижению прошлого, хотя я этот стиль не манифестировал.

В историко-биографических исследованиях многое зависит не только от материалов, на которых авторы исторических портретов строят свои выводы, но и от установок этих авторов по отношению к их героям. Опять же, где проходит граница между объективностью и субъективностью?

На мой взгляд, при создании биографий – пусть это звучит парадоксально – пристрастность является основой объективности, она «первее». Без пристрастности нет внутреннего импульса к поиску, а уважение к тому, о ком пишешь, не позволит идти против фактов. Рационализм – это часть технологии биографического метода.

Деятельность людей, добившихся выдающихся результатов, внесших значительный вклад в культуру человечества, как правило, многогранна, их жизнь редко развивается монотонно. При описании их жизненного пути приходится что-то выбирать и ярко высвечивать, а что-то оставлять в тени; уже поэтому такие повествования субъективны. Субъективны они и потому, что исследователь всегда неравнодушен к своим героям, и не надо скрывать пристрастность, только она способна сделать выводы биографа основательными и справедливыми. Есть «Мой Пушкин» Марины Цветаевой, есть «смуглый отрок» Ахматовой, есть Пушкин Андронникова, Вересаева, Гершензона, Лотмана, Модзалевского, Цявловского, Эйдельмана... и это воспринимается нормально. И я – пристрастен. Я пишу о Гэллапе и других моих героях так, как не напишут другие, в частности – американские авторы. Я излагаю свое понимание истории и поведения, свое видение жизни личности.

Но вообще природа историко-биографических исследований крайне сложна. Я стараюсь осмыслить свою работу, перечитываю книги наиболее близких мне российских «научных портретистов» Д.С. Данина, А.П. Зубова, Б.Г. Кузнецова, В.П. Манфреда М.Г. Ярошевского и др., читаю американскую

литературу. Надеюсь, придет время, и я смогу для начала сам себе четче ответить на вопросы по методологии биографических поисков.

«Гэллапиада»

Гэллапа ты «зацепил» случайно; но ведь можно было написать статью и переключиться на другую тему. Однако ты погрузился в эту... почему?

Пожалуй, тема Гэллапа для меня сейчас самая интересная, я готов о ней говорить когда угодно и сколько угодно... ну, городской сумасшедший... Почему погрузился? Так карты легли, так звезды встали... существовали внешние и внутренние причины. Главная: в нашей семье сложились такие обстоятельства, что я должен был быть постоянно дома, я не мог ни искать работу в других штатах, ни соглашаться на лекции в России. К тому же я не видел предложения, которое могло бы занять меня на несколько лет, но понимал, что размениваться на мелкие, краткосрочные проекты не имею права.

Я не сидел, подперев голову кулаком, и не думал о том, чтобы такое сотворить... но чтение ряда исторических книг, ознакомление с биографическими словарями, «ползание» по Интернету показывало, что, несмотря на известность Гэллапа, ничего серьезного, обстоятельного – в моем понимании – о нем написано не было. Мне сразу стало ясно, что Гэллап – сложная личность и многогранный ученый, но как личность он не исследовался вообще, а его творчество департаментализировалось. Для одних он был журналистом, для других – исследователем прессы и рекламы, для третьих – отцом изучения общественного мнения.

Кроме того, сам процесс становления выборочной технологии предстает в постепенно открывавшихся мне работах – а их совсем немного – весьма схематично. Он трактуется как механическое перенесение опросной технологии, использовавшейся в маркетинговых исследованиях, в область электоральных зондажей и проблемных опросов общественного мнения.

Отмечу еще две слабости в существующих описаниях истории и предыстории опросов. Во-первых, даже при суммировании, обобщении наиболее серьезных исследований в этой области у меня не складывалось целостной картины возникновения опросной технологии, скорее виделся холст с отдельными монохроматическими пятнами на нем. Во-вто-

рых, эта картина смотрелась как интерьерная, на ней было мало фигур, и они выглядели статичными, схематичными. В целом, панно не напоминало даже известной репинской картины «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».

Безусловно, если бы в тот момент я находился в круговерти опросов и постоянно ощущал приближение дня сдачи очередного отчета, то не обратил бы внимания на бедность, лоскутность изображения прошлого, но я был свободен от подобной текучки.

Чем ты объяснишь недостаток внимания американских специалистов к обсуждаемой нами сейчас теме?

Главная причина – объективная, это «врожденная дальнорочность» истории как науки. Я не имею в виду именно американских специалистов. Художнику, пишущему большое полотно, нужно отходить от мольберта, чтобы воспринять картину целиком, историку необходима временная дистанция, чтобы увидеть интересующий его процесс в своего рода успокоившемся, хотя бы слегка «остывшем» состоянии. Регулярные опросы общественного мнения в Америке начались в середине 1930-х годов, то есть по меркам истории совсем недавно. Кэнтрил умер в 1969 году, Роупер – в 1971-м, Гэллап – в 1984-м и Кроссли – в 1985 году; и хотя сделанное ими высоко оценивалось уже в 1950–1960-х годах, скорее всего «нормальный» историк еще несколько лет назад чувствовал бы некоторую скованность при анализе наследия этих исследователей. Приведу примеры, на мой взгляд, отчетливо иллюстрирующие сказанное.

До того, как Гэллап, Кроссли и Роупер приступили к электоральным опросам, а это было в 1936 году, в штабе Демократической партии работал Эмиль Хурья [10], который был старше их на десяток лет; своими исследованиями мнений избирателей он помог победить демократам на выборах 1930 года и Франклину Рузвельту – стать президентом в 1932 году. Хурью называли «секретным оружием» демократов и вашингтонским оракулом, он внес заметный вклад в изучение истории и методологии соломенных опросов и консультировал Гэллапа по вопросам выборочного анализа. Однако к концу XX века имя Хурья фактически оказалось забытым, и лишь вышедшая в 2002 году книга историка политики профессора Мелвина Холли «переместила» Хурью из прошлого в настоящее.

В истории американской рекламы есть две легендарные фигуры: Альберт Ласкер [11] и Брюс Бартон [12]; своей де-

ятельностью они не только прочертили магистральные направления развития этой индустрии и особенности движения американского потребительского рынка, но активно формировали современный образ жизни населения страны. Однако до самого последнего времени лишь немногие историки рекламы и политологи знали, что два этих рекламиста заложили основы политического пиара и практику взаимодействия американского политического истеблишмента с электоратом, более широко – общественным мнением населения. Причем делали это, отталкиваясь от своего понимания механизмов влияния рекламы на сознание людей и базируясь на своих представлениях, социологических по сути, о поведении населения в потоках массовой информации. Тогда это были пресса и начинавшее свою жизнь радио.

По итогам выборов 1920 года республиканский кандидат Уоррен Хардинг стал президентом страны и Кальвин Кулидж – вице-президентом. Избирательную кампанию первого разрабатывал Ласкер, второго – Бартон. Через четыре года Бартон помог выиграть президентскую кампанию Кулиджу, а еще четыремья годами позже – Герберту Гуверу. Но лишь в этом тысячелетии вышли первые книги, в которых целенаправленно анализируется деятельность Ласкера и Бартона в качестве политических консультантов.

Кажется, я вовремя оказался в правильном месте: сейчас происходит научное освоение тематики, непосредственно включающей вопросы изучения политических установок американцев и проникновения информации о них во властные структуры и общественное сознание. Несомненно, работы в архивах республиканцев и демократов откроют очень многое в предыстории исследований общественного мнения.

Итак, дальноркость истории, что еще?

Отмечу излишнюю департаментализацию науки, следствием которой является узость представлений исследователей о предмете разрабатываемого ими научного направления. Во-первых, дают традиции. Во-вторых, специалист часто судит о границах научного направления, в котором он работает, исходя из своих непосредственных наблюдений. Он «забывает» о том, что, возможно, всего несколько десятилетий назад его области деятельности вообще не существовало. В-третьих, есть множество стереотипов, осложняющих историко-научоведческие разработки, в частности, тяжело анализировать то, что в равной степени относится к прошлому ряда наук. Так, в блистательном культурологическом исследовании Стивена Фокса об американской рекламе и ее создателях политическая

реклама Ласкера и Бартона лишь упоминается; что вполне естественно для всего замысла книги. Или Дэвид Мур, известный полстер и автор одной из наиболее обстоятельных работ о становлении опросов общественного мнения, лишь обозначает тот факт, что Гэллапом, Кроссли и Роупером было многое сделано в области изучения рынка.

Я не принадлежу к ни к каким из американских школ историко-методологических исследований, потому свободен от существующих в них традиций; я не вижу межпредметных границ. На мой взгляд, подлинный прорыв в понимании социальных и инструментальных составляющих прошлого в изучении общественного мнения произойдет тогда, когда им займутся профессиональные историки и науковеды и будут вести свои разработки в междисциплинарной парадигматике.

Итак, ты вошел в эту воду... каким стилем ты поплыл?

Главное, не было страха воды... в начале 1970-х, когда я еще работал в Ленинградской высшей партийной школе, меня заинтересовало творчество Карла Пирсона, философа, математика и биометрика. Я многое прочитал о нем, получил микрофильмы его работ и продумывал план статьи на эту тему. Однако реализовать эту затею так и не пришлось. Собираясь в Америку, я выбросил несколько толстых папок конспектов и большую коробку микрофильмов, но некий опыт сбора и анализа историко-биографического материала у меня сохранился.

Хорошо, что я не представлял, в какую объемную и сложную тему я входил, иначе, может быть, и не рискнул бы ей заняться. Я понимал, что возникнут трудности информационного характера, ведь нельзя серьезно работать над биографией кого-либо, ориентируясь лишь на опубликованное. Но опыт научной работы подсказывал, что поиск новых фактов о Гэллапе (тогда я думал только о нем) и о развитии опросной технологии – это лишь часть дела, ощущалась необходимость синтетической методологии изучения творчества ученого и предмета, который он развивал. Мне были знакомы работы российских социологов о творчестве П. Сорокина, М. Ковалевского, М. Вебера, П. Лазарфельда, Г. Зиммеля, но в них не было того, что мне было нужно. Эти работы сфокусированы на изучении творчества социологов-теоретиков и на анализе трансформации одних социальных идей в другие. Я изучаю научную, аналитическую деятельность иного рода. Гэллап и другие мои герои в первую очередь интересовались не углублением социальных теорий, а поиском эмпирических методов изучения социума. Это была не среда академической, универ-

ситетской науки, но мир прикладных исследований, близкий к бизнесу и политике.

Помощь пришла из далекого, казалось, былшем заросшего, прошлого. Мне припомнился краткий разговор с выдающимся советским психологом Борисом Герасимовичем Ананьевым по поводу моей кандидатской диссертации. Более трех десятилетий назад он рекомендовал мне трактовать факторный анализ как результат миграции научных методов. Вряд ли я в то время мог серьезно понять, что Ананьев имел в виду, но все же на завершающей фазе работы над текстом попытался описать многомерный факторный анализ как синтез решения проблем, возникавших в биологии, психологии и математической статистике, и показать, что этот метод есть итог творчества специалистов разных научных направлений. Читая первые материалы о Гэллапе, я увидел, что технология проведения опросов общественного мнения отражает опыт первоклассных ученых, работавших в разных направлениях науки, и понял, что пришло время воспользоваться советом Ананьева.

Второе: оказалось, что эйнштейновские критерии «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», которые я учитывал в своих метрологических построениях, полезны и при изучении импульсов, пружин развития технологии изучения общественного мнения. Первый из этих критериев подчеркивает целостность, внутреннюю обоснованность теории, второй – указывает на то, что теория должна согласовываться с опытом. Моему знакомству с этими критериями и пониманию их ценности я, прежде всего, обязан неформальным беседам с известным историком науки Борисом Григорьевичем Кузнецовым, автором книг об Эйнштейне, Ньютоне, Галилее, Бруно и о становлении современной научной картины мира. Прошло двадцать лет после окончания этих бесед, но я помню их дух и содержание.

Сформулировав для себя общие принципы историко-наукovedческих поисков, я начал активно копать в разных направлениях. Одновременно приходилось осваивать в буквальном смысле азы истории и культуры Америки.

Не пришло ли время подвести хотя бы первые итоги работы над «гэллапиадой»?

В течение пятилетки, в значительной степени отданной историческому и методологическому анализу зарождения и развития опросной технологии изучения общественного мнения, мне удалось продвинуться в понимании этой темы. Я дошел до самых истоков этого процесса – возникновения американского института демократии и президентских выборов. Рассмотрел более чем столетнюю историю соломенных

опросов, выявил корни опросных методов и узнал, как и кем они были перенесены в маркетинговые исследования. Установил связь возникновения опросов общественного мнения с развитием американской журналистики и детально «прозвонил» многие участки истории современных гэллаповских методов измерения установок. В самое последнее время прошлое заставило меня заглянуть и в будущее; так возникла идея движения от гэллаповских технологий к тому, что я называю пост-гэллаповскими.

Я начал с изучения работ Гэллапа, чтения многочисленных интервью с ним, и мне удалось найти очертания весьма обширной коммуникационной сети, в которой он был одной из центральных фигур. В процессе работы оказалось возможным нарисовать портреты не только отцов-основателей практики регулярного изучения общественного мнения, но и большого числа менее известных участников этого значимого для культуры XX века политического и научного феномена.

Итоги проведенных исследований представлены в десятках статей, опубликованных в «Телескопе», ряде московских научных журналов и в прессе, а также в двух книгах. [8, 10].

Мне всегда везло на встречи с интересными людьми

В виртуальном «Театре драмы и социологии» ты играешь главную роль в пьесе «Жизнь Бориса Докторова». Вообрази себя среди участников твоей социологической «драмы»: «начальников», «учителей», «коллег», «учеников», «оппонентов»... Что можно сказать о людях каждого из названных амплуа применительно к твоей жизни в социологии? Кто на тебя оказал наибольшее влияние, кем ты дорожишь и по сей день, сверяя по нему время и путь?

Спасибо, вопрос очень нужный. Замечу лишь, что названный тобою «Театр драмы и социологии» не виртуальный, а самый что ни есть реальный. Мне повезло на встречи с интересными людьми, и именно через такие встречи мне проще всего рассказать о своей жизни.

Мы с сестрой родились в Ленинграде за две недели до начала войны. В конце сентября мама отправилась с нами в эвакуацию, в Новосибирск. Вернулись мы ровно в день Победы. Мой отец, Докторов Зусман Львович, окончил в Ленинграде Академию художеств, был художником и редактором книг по искусству. Он умер в 1949 году. Мать, Пушкинская Александра Сауловна, имела искусствоведческое и библиотечное образование и многие годы работала сначала в библиотеке Академии художеств, в позже – в Театральной библиотеке. Как и многие семьи после войны, жили мы очень скромно.

Мама привила мне вкус к чтению достойной литературы, к серьезному изобразительному искусству и к драматическому театру. Я многое прочел в школьные годы и видел ряд лучших для того времени спектаклей. Мне это очень многое дало, но не в плане выбора профессии; я вообще не помню, чтобы я обсуждал с мамой эту тему.

Учился я всегда хорошо, ровно, и лишь в старших классах начал отдавать предпочтение математике. И хотя мало что о ней знал, после окончания школы, это был 1959 год, я решил получить математическое образование. Вполне возможно, что моя профессиональная жизнь сложилась бы иначе, чем это произошло в действительности; многое определил случай.

Ряд лет мама сдавала меньшую из наших двух небольших комнат в коммуналке двум студенткам. Летом, когда я оканчивал школу и уже думал о поступлении в Университет, к одной из них приехал из Москвы ее будущий муж, выпускник МГУ, физик-ядерщик. Было жарко, и мы с ним поехали купаться на Ржевку, тогда это был пригород Ленинграда. Трамваем добирались долго, возможно, около часа в одну сторону... По дороге этот молодой физик рассказал мне о двух книгах. Первая – «Что такое жизнь с точки зрения физики», написанная Эрвином Шредингером, выдающимся физиком XX века. Вторая книга – «Эварист Галуа. Избранник богов», ее автор – физик Леопольд Инфельд, работавший с Эйнштейном. Поступив на математико-механический факультет, я отыскал в библиотеке эти книги и в течение ряда лет многократно их перечитывал.

Книга Шредингера, физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. И еще – она познакомила меня с позитивизмом, это была вообще моя первая встреча с философией. Вторая книга – о гениальном математике Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Возможно, эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых, к истории науки. Хотя к тому времени я прочел много книг из серии «Жизнь замечательных людей».

Тебе было интересно учиться, у вас были сильные преподаватели?

Да, с первого дня и до последнего. Матмех с его суперспециалистами научил меня работать и привил основы этики «производственных» отношений. Тогда там царил дух взаимовзаимности преподавателей и студентов. Я вышел с факультета

без боязни общения со старшими, без трепета, часто сопровождающего отношения «студент–профессор».

Мне посчастливилось учиться в высокоинтеллектуальной среде. Базовые предметы нам читали авторы классических учебников, специалисты, имена которых навсегда закреплены за доказанными ими теоремами и предложенными методами. В таких условиях студенты быстро растут, легко осваивают не только сложные схемы доказательств и приемы решения различных проблем, но и логику, культуру мышления.

Один из основных курсов нам читал выдающийся алгебраист Дмитрий Константинович Фадеев, курс геометрии – тогдашний ректор, член-корр. АН СССР Александр Данилович Александров, гидроаэромеханику – профессор Сергей Васильевич Валандер, математическую статистику – академик Юрий Владимирович Линник. В историю теоретической механики нас вводил профессор Николай Николаевич Поляхов – декан и специалист по теории летательных аппаратов. Это были не только ведущие в стране специалисты в своих разделах математики, но и ученые с широким кругозором и высокими этическими стандартами.

Меня привлекла прикладной аспект науки. Исходно я был зачислен в группу математиков, но на втором или третьем курсе выбрал в качестве специализации теоретическую механику; мне казалось, что это поможет мне заниматься кибернетикой, идеи которой меня интересовали. Скорее всего, именно поэтому я тогда же прослушал на философском факультете введение в психологию человека и что-то на тему «человек-машина»; эти предметы вел Лев Маркович Веккер, признаваемый сейчас выдающимся советским психологом.

Скорее всего на третьем курсе я написал заметку для стенгазеты по кибернетическим мотивам статей тогда опального психофизиолога Н.А. Бернштейна. Она приглянулась недавнему выпускнику факультета Олегу Михайловичу Калинин, пригласившему меня поговорить. Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что Калинин, высококлассный математик, пассионарная личность с высокими нравственными принципами, антидарвинист и философ, бесконечно далекий от марксизма, оказал на меня очень сильное влияние. Формально мы никак не были связаны, и поскольку я специализировался в теоретической механике, то даже курсовые работы не писал у него. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединился еще несколько человек, и постепенно возник биометрический семинар, находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались тогда, когда хотели, и

обсуждали наши проблемы до ночи. Так формировался круг моих интересов – математические методы биологии.

Наверное в 1963 году на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Палей; его внимание привлек новый в то время для советских психологов математический метод – факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. От биометрики я «соскользнул» в психологию; движение в этом направлении вскоре привело меня в социологию.

В декабре 1964 года я закончил университет и поступил в аспирантуру. В моей жизни мало что изменилось, продолжал заниматься математической статистикой с уклоном в биологию, медицину и психологию. Отдельные встречи с Палеем переросли в регулярные обсуждения проблем психологии личности и специфики измерения в психологии. Он объяснял мне логику и технологию психологических экспериментов, я обрабатывал измерения статистическими методами, мы обсуждали полученное и двигались дальше.

Да, видно, что ты не готовил себя к тому, чтобы стать социологом, но все-таки стал им. Опять случай?

В июне 1967 года, за шесть месяцев до окончания аспирантуры, состоялось распределение. Я смотрел на это как на рутинное мероприятие, но оно оказалось определяющим в моей жизни. Мне единственному была предложена работа вне Ленинграда, в Архангельске – притом, что всем, даже приезжим, нашлось место в ленинградских НИИ и учебных институтах. Распределение я не подписал.

Начал искать работу. Позиции были, но меня просили принести документ, который я по определению принести не мог: освобождение от распределения. Завершился 1967 год, и я уже подумывал о работе в Архангельске. Но в один прекрасный день, в начале февраля 1968 года, я случайно встретил Галину Иосифовну Саганенко; теперь она известный социолог, доктор наук и профессор, а тогда – недавняя выпускница матмеха, работавшая в команде Ядова. Она сказала, что есть такой социолог – Андрей Григорьевич Здравомыслов, ему нужна консультация по обработке какой-то информации. И дала мне его домашний телефон.

Не имея никакого представления о том, где работал Здравомыслов и что такое социология, я позвонил ему, и он назначил мне встречу на каком-то совещании в Большом зале главного здания университета. Наше знакомство состоялось, и после пары минут разговора он попросил меня прийти в Таврический дворец. Не уверен, что я тогда знал, что в этом

здании размещалось. Я пришел, и человек в военной форме дал мне пропуск и объяснил, как пройти на кафедру марксистско-ленинской философии.

Буквально через три-четыре дня я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы (ВППШ) при обкоме КПСС. В это трудно поверить: еврей, беспартийный, без обществоведческого образования был принят на работу в закрытое идеологическое учебное заведение. Я и сейчас испытываю благодарность к Здравомыслову за сделанное им почти сорок лет назад и рад тому, что у нас сохраняются дружеские связи. Так я «приземлился» в социологии, даже не представляя, что это за поляна. Это было 12 февраля 1968 года.

С людьми, которых я встретил в ВППШ, меня связывали долгие годы совместной работы и хорошие человеческие отношения. Особо отмечу Ларису Петровну Абрамову и профессора Юрия Яковлевича Баскина, советы которого не раз служили мне той самой «соломкой», которую надо подстелить, чтобы не очень ушибиться. Через пять лет я ушел из штата ВППШ, но продолжал там преподавать. В начале перестройки, уже будучи доктором наук, я читал там несколько социологических курсов. В начале 1970-х в ВППШ я вступил в КПСС, а в 1991 году, имея большой стаж – почти два десятилетия – преподавательской работы, получил звание профессора прикладной социологии и социальной психологии.

От математики ты сразу «нырнул» в социологию, но кандидатскую защитил по психологии...

Первый год моей работы прошел в освоении азов социологии и философии. Прослушал вводный курс Здравомыслова и читал все, что можно было найти по этому предмету. Одновременно с участием в социологических проектах я сначала вел занятия по математике, а через пару лет мне было доверено проводить семинары по философии.

Хотя факторный анализ не был темой моей аспирантской работы, в силу ряда причин осенью 1969 года у меня возникло решение оформить в виде диссертации по психологии все то, что было мною сделано в области методологии и применения этого метода. Трудности были: не с кем консультироваться по вопросам факторного анализа; я никогда не читал диссертаций, даже не представлял их структуры. К тому же мне пришлось учиться писать обычные, «гуманитарные», тексты – раньше я писал лишь короткие, заполненные формулами.

В начале января 1970 года проводилась Всесоюзная перепись населения, и меня командировали работать переписчи-

ком, кажется, месяца на полтора. Появилось время писать. Весной у меня состоялся разговор с Палеем; я просил его быть моим титульным руководителем, но он отказался. Палей много лучше меня понимал, что, поскольку факторный анализ был большой новинкой и на кандидатскую степень претендовал человек без базового образования, требовалась более мощная поддержка, чем он мог оказать.

Мне поверил Ананьев, знавший меня со слов Палея и по небольшим выступлениям на его семинаре. Кроме того, в 1966 году он рекомендовал мою статью по истории применения факторного анализа в СССР (получается, что я начал интересоваться историей методов сорок лет назад) для публикации в журнале «Вопросы психологии» и напечатал одну из моих работ в выходявшем под его редакцией издании «Человек и общество». За несколько минут Ананьев пролистал текст, сказал, что надо добавить, и согласился быть титульным руководителем. В течение лета я все завершил и в начале осени снова пришел к Ананьеву. Он посмотрел текст и предложил выходить на защиту. Защита состоялась в конце декабря 1970 года, и через три месяца у меня был диплом кандидата психологических наук. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека».

И потекли твои годы в социологии...

...о которых, думаю, ты мог бы все рассказать сам, ибо это было время нашей совместной работы. Когда мы начинали, мне слегка перевалило за тридцать, а ты подходил к своему сорокапятилетию, но твой жизненный опыт был несоизмеримо богаче моего. Ряд первых лет формально я не был твоим «подчиненным», ты работал в Институте социологии АН СССР, я – в ВПШ. Ведь все началось с того, что меня выделили в помощь тебе для создания в Ленинграде системы оперативного изучения общественного мнения. Уверен, если бы мы сразу не сработались, никакая партийная дисциплина не могла бы принудить нас к сотрудничеству, тем более – заставить так выкладываться. В значительной мере это произошло, потому что ты никогда не подчеркивал своего «начальственного» статуса, за что я тебе бесконечно благодарен. А так как с 1 сентября 1973 года, когда я перешел из ВПШ в Институт социологии, и до моего отъезда мы фактически все время работали вместе, я могу сказать, частично отвечая на твой вышезаданный вопрос, что у меня никогда не было «начальников» в общепринятом смысле этого слова.

В ИСЭП АН СССР в лучшие времена Ядов был нашим коллегой, признаваемым и уважаемым руководителем направ-

ления, но я никогда не воспринимал его как начальника. А после вынужденного ухода Ядова были временщики, которые вели себя как начальники, но все это было грустно и смешно и никакого отношения к делу не имело.

Несомненно, мое становление как социолога в значительной мере связано с работой в группе «Социология и театр» – переключка с «театральной формулировкой» твоего вопроса, – начавшейся осенью 1974 года и завершившейся в конце 1980-х. Мне нравилась и артельная форма организации нашей работы, и люди, с которыми я сотрудничал, и, естественно, тематика исследований. Когда я вошел в группу, там уже пару месяцев работали театровед Виталий Николаевич Дмитриевский и социологи Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков. Позже к нам присоединились Леонид Кесельман и очень сильная группа театроведов и театральных критиков: Анатолий Яковлевич Альтшуллер, Юрий Михайлович Барбой и Борис Николаевич Кудрявцев. Поначалу ты был нашим главным консультантом, потом – руководителем, но опять же не начальником. В ВПШ и в первые годы нашей работы по изучению общественного мнения я в основном отвечал за организацию сбора информации и ее обработку. Здесь я впервые участвовал в очень широком и неформальном обсуждении проблем театра и социологическом изучении многих аспектов театральной жизни.

Работа в группе «Социология и театр» оказалась для меня принципиальной еще в одном отношении. Я начал публиковаться в 1967 году, это были результаты моего дипломного проекта, и в аспирантские годы подготовил ряд статей. За время работы в ВПШ я опубликовал всего одну небольшую статью со Здравомысловым и – смешно сейчас говорить – брошюру по вычислению процентов для чисел от 1 до 100. Трудно поверить, но 30 лет назад это было необходимо. Результаты наших опросов общественного мнения мы вообще не имели права оглашать, а вот наблюдения за театральной жизнью – можно было. Участниками группы было многое опубликовано, и я тоже активно использовал эту возможность; обсуждал методические вопросы, «прикрывшись» театральной тематикой. Во всяком случае, в автореферате докторской диссертации по проблемам обеспечения надежности исследований общественного мнения приведено много статей театральной направленности.

Напомни, в каком году ты защитился...

Защитился – в апреле 1985 года, через пару недель после прихода к власти М. Горбачева, но путь к защите был долгим.

В начале 1980-х наш партийный куратор Борис Константинович Алексеев, думаю, много сделавший для становления опросов общественного мнения в Ленинграде, разрешил мне использовать мои же методические разработки в задумывавшемся докторском исследовании. Он поднял шлагбаум... потом был отпуск для подготовки диссертации, потом обсуждение, в котором мне набросали много замечаний, затем полная переделка структуры и текста. Наконец, почти годовая борьба с дирекцией ИСЭПа и руководством отдела за право уточнить название диссертационного исследования, по сути – переставить пару слов. Все это было в 1983–1984 годах, когда происходил разгром ленинградской социологии, когда Ядова и тебя выставили из института, и я с небольшой группой сотрудников работал в секторе социалистического соревнования.

Здесь уместно вспомнить, что в те годы началась, а затем успешно и радостно продолжалась моя работа с Ольгой Николаевной Бурмыкиной, Аллой Владимировной Корниенко, Наталией Александровной Нечаевой и Вячеславом Владимировичем Сафроновым. Я всегда с большим теплом вспоминаю их и благодарен им, прежде всего, за понимание и помощь. Именно с ними я расширил свой социологический опыт, перешел от исследований методолого-методических к содержательным. Речь идет о нашем быстром вхождении в изучение отношения людей к лишь начинавшим складываться в стране новым формам экономики.

Вообще вторая половина 1980-х была для меня весьма плодотворной и интересной: исследование по академической тематике, работа во ВЦИОМе, участие в различных научных форумах в стране и за рубежом, преподавание и активная общественная деятельность на посту одного из руководителей ленинградской социологической ассоциации. Было много планов, я набирал скорость движения по избранному профессиональному направлению, но мне пришлось резко ее сбросить. До нуля...

Я понимаю, речь идет об отъезде в Америку. Но ты не сказал об «оппонентах», а ведь ни одна драма не обходится без злодеев, «бармалеев», неужели их не было?

Конфликты были, но людей, которых мне приятно вспоминать, несоизмеримо больше, чем тех, которые, а у меня есть основания это утверждать, стремились нанести мне вред. Все происходило в Институте социально-экономических проблем АН СССР в начале 1980-х. Это те же завистливые и близорукие в научном отношении люди, которые вынудили уйти из института Ядова и тебя. Их имена я не стер из памяти,

и если придется писать о ленинградской социологии конца прошлого века, назову их. При этом полагаю, что меня не особо зажимали в силу одной простой причины: я занимал очень невысокую позицию в административной структуре института и не рвался наверх.

И один в поле воин

Много раньше тебя в Америку эмигрировали Владимир Шляпентох, Дмитрий Шалин и Эдуард Беляев. Все вы живете в одной стране, но ваши американские судьбы различны. Они вошли в университетскую среду США, у тебя – другая траектория жизни.

Да, это так, но мы нашли друг друга. В первые годы моей американской жизни Владимир Шляпентох привлек меня к редактированию книги по российской элите [13], сейчас мне доставляет удовольствие научное сотрудничество с Дмитрием Шалиным. На сайте <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/international_programs.html> созданного им Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) он выделил страницу под проект по истории российской социологии, и мы вместе его разрабатываем. Получилось своеобразное американское расширение ленинградской социологической школы. Теперь материалы, в основном знакомые читателям «Телескопа», «Социологического журнала» и «Журнала социологии и социальной антропологии», будут иметь более широкую, в том числе – международную аудиторию.

О чем бы ни шла речь: о предмете изучения, о контактах с Россией, о способах жизни в науке и т. д. – в твоей судьбе много интересного, хотя мало кому дано найти в себе столько сил и энергии для сохранения научной формы в обстоятельствах, аналогичных твоим...

...Приехали мы – Люся (моя жена), ее мама и я – в Америку в конце апреля 1994 года. Главная причина – за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах.

К моменту нашего приезда он и его жена уже работали и потихоньку входили в американскую жизнь. Это – прекрасно, но, с другой стороны, они были очень заняты, и нам пришлось все осваивать самим. Когда я приехал, мне было 53 года: не юноша, но для американской пенсии – слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести нача-

ла эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье, фуд-стемпы (квазиденьги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь.

В Силиконовой долине, в северной части которой мы живем, многие русские занимаются программированием или тестированием программ. Я тоже мог бы, но мне не хотелось перечеркивать все прошлое, я подумывал заняться маркетинговыми исследованиями и потому поступил в колледж. Люсе предложили быть эбзи-ситтером. Мы начали как-то ориентироваться в окружающем мире.

Я обнаружил хорошую программу для студентов колледжей, специализировавшихся в организации бизнеса, получил ее и выполнил все предписания. Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом – приобретя опыт – по субботам и воскресеньям. Многие не любят работать в эти дни, но мне, наоборот, они нравились: спокойнее, чем в будни, и можно готовиться к занятиям.

В колледже я потихоньку включился в науку; американская образовательная система стимулирует индивидуальную работу. Обосновав важность темы, я сделал пару проектов по тогда только зарождавшемуся российскому Интернету и, изучая курс инвестирования, увлекся методологией mutual funds (паевые инвестиционные фонды, или ПИФы), о которых в России, естественно, ничего не слышал.

Вскоре мне попала на глаза книга по истории американских ПИФов, из которой я узнал, что лучшим американским менеджером в этой области считается сэр Джон Темплтон (род. 1912), признаваемый одним из крупнейших современных финансистов и выдающимся филантропом. Я мог бы проскочить мимо этого нового для меня имени, но штаб-квартира глобальной инвестиционной кампании «Франклин–Темплтон» расположена в 15 минутах ходьбы от моего дома, и поэтому я знал фамилию Темплтон. Кроме того, в этой фирме тогда работала моя невестка.

Многое из сделанного сэром Джоном было следствием его исторического оптимизма. Он предвидел послевоенный рост японской экономики, и, когда акции японских предприятий ничего не стоили, стал покупать их. Последующий промышленный бум в этой стране принес ему и тысячам вкладчиков

его ПИФов огромные доходы. В 1997 году он издал 500-страничную книгу «Всеобщие законы жизни» (Worldwide Laws of Life), в которой изложил принципы своей философии оптимизма. Я прочел книгу и, как это ни покажется странным, поверил сказанному. Видимо, тогда ничего другого мне не оставалось. В начале ноября 1997 года я отправил в благотворительную организацию The Templeton Foundation письмо с предложением разработать цикл лекций по теме «Уроки оптимизма для России».

Переписка текла вяло, но в августе 1988 года мне сообщили о том, что мое письмо переслано консультанту Фонда по российским программам доктору Деклану Мерфи. Мы начали активно строить планы, но ничего из задуманного реализовать не удалось. Кончилось тем, что в начале 1999 года Деклан, к тому времени я уже подружился с ним и его женой (позже они приехали в Петербург и были у тебя в Европейском университете), пригласил меня на организованную им при поддержке Фонда Темплтона конференцию в Вашингтоне. Там я увидел сэра Джона и впервые после отъезда услышал серию серьезных сообщений о событиях, происходивших в России. До этой конференции я думал, что моя социологическая карьера завершилась, ведь пять лет я не занимался наукой. Но в Вашингтоне понял, что еще не все потеряно. Я вернулся домой с некоторым зарядом оптимизма.

И этот оптимизм помог?

Да, надо верить в то, что делаешь.

Я уезжал из России, имея с собою лишь один электронный адрес – Кесельмана; во второй половине 1998 года он начал меня возвращать в наш профессиональный цех. Летом 1999 года я закончил колледж, взял отпуск и поехал в Россию. Поездка была связана с участием в одном из первых в стране семинаров по изучению социальных проблем Интернета, организованном Могилевским. Мои выступления были развитием того, что я делал в колледже. Позже я опубликовал ряд статей по тематике Интернета, но затем включился в другую работу, продолжавшуюся почти два года.

Александром Анатольевичем Ослоном, Еленой Серафимовной Петренко и мною был проанализирован огромный массив данных, собранных ФОМом за десять лет и отражавших отношение населения России к важнейшим событиям эпохи Ельцина; эта работа завершилась книгой [14]. Наши московские встречи и постоянная переписка давали множество поводов задуматься не только о российской современности, но и об американском прошлом, которым я стал потихоньку заниматься на рубеже веков. Кстати, первый опыт изучения истории сов-

ременной российской социологии и интервьюирования моих коллег был приобретен именно при написании этой книги. В нее вошел краткий очерк о возникновении практики опросов в СССР и деятельности Грушина, а также интервью с Ослоном и Георгием Александровичем Сатаровым.

В общем, ты начал снова заниматься социологией...

В начале 2000 года я ушел с работы. У меня намечались приглашения от российских вузов читать лекции, я участвовал в проведении полевых исследований, и можно было искать американские гранты для изучения России. Однако семейные обстоятельства перечеркнули эти перспективы. Более двух лет я не мог сосредоточено заниматься наукой.

В последний день апреля 1999 года у Саши была обнаружена редкая форма меланомы, и через пару недель в госпитале Стэнфордского университета он был прооперирован. Затем последовали еще три операции, и в октябре – радиационное лечение. Мы знали, каково это заболевание, но надеялись, что лечение поможет. Однако в мае 2001 года рентген обнаружил метастазы внутри тела. Началось очень трудное лечение: все его мысли и силы были направлены на борьбу с болезнью. Нашей задачей была всесторонняя помощь Саше, но нередко его мужество поддерживало нас. В августе 2002 года его не стало... Все произошло поздним вечером, а следующим утром его дочке исполнялось четыре года, и она с нетерпением ждала этого дня. Мы спросили у бывшего в те трагические часы с нами батюшки, как объяснить ей отсутствие папы. Он просил нас сказать ей, что ангелы забрали папу на небо. Так мы и сделали...

...извини, я понимаю, как трудно тебе это сейчас писать...

... но, думаю, иначе читателям не была бы понятна логика моих действий. Теперь ясно, почему в то время я не мог и не могу сейчас покидать дом часто и более чем на пару недель. В семье – четыре поколения женщин, и я – единственный мужчина. Мне надо было превратиться в «надомника», и я им стал.

Ты доказал, что наукой можно успешно заниматься, «глядя из Фостер-Сити». Как это тебе удалось?

Ты – единственный из моих друзей и коллег, кто был в Фостер-Сити, видел, как мы живем.

В городе проживает 30 тыс. человек, и его главную улицу, прорезающую весь город, можно пройти за час. Здесь нет ни университета, ни колледжа. Но есть библиотека, являющаяся частью сети из нескольких десятков региональных библиотек.

Единый компьютерный каталог, в который можно войти из домашнего компьютера, позволяет заказать книгу из любой библиотеки этой сети. Ее привезут в мою городскую библиотеку и дадут домой на три недели; обычно срок пользования можно продлить. Если в региональной сети необходимой книги нет, библиограф пошлет запрос в общенациональную сеть, и книгу пришлют опять же в мою библиотеку.

Все американские архивы, библиотеки имеют интернетовские сайты, и потому легко найти зацепки, краткие сообщения о хранящихся там документах. На запросы по электронной почте я получаю исчерпывающие ответы и условия оказания помощи. Чаще всего высылаются ксерокопии документов и счет. Я отсылаю подтверждение и чек.

Еще один канал – сетевые книжные магазины и сетевые библиотеки. Старые книги по социологии в “Amazon.com” и других онлайн-овых книжных магазинах более чем доступны – нередко они оказываются дешевле почтовой пересылки. Через неделю-две книга у меня на столе. Часто это даже ни разу не раскрытые книги, но бывают и с подчеркиваниями, без суперобложки – это все не мешает делу. У меня приличная библиотека... Как-то раз мне даже досталась книга Роупера с его автографом.

Онлайновая библиотека “Questia.com” содержит свыше 700 тыс. наименований и имеет прекрасную поисковую систему: 100 долларов в год – и читай круглосуточно. Журнал “Time” при очень недорогой подписке открывает онлайн-овый доступ ко всем выпускам начиная с 1920-х годов. Будучи членом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, я имею доступ ко всем номерам необходимого в моей работе журнала – “Public Opinion Quarterly”. Так что и в моей деревне работать можно, надо лишь активно использовать возможности современного информационного сервиса.

Электронная почта, вошедшая в повседневность всех американских исследователей, позволяет мне общаться со многими «носителями» ценнейшей информации о становлении опросной технологии и практики изучения общественного мнения в Америке. В моем архиве сотни писем, в том числе от детей отцов-основателей (давно ставших известными аналитиками мнений), от людей, некогда работавших с последними, от современных ученых. Обнаруживая интересную мне книгу или статью, материал в Интернете, я часто сразу пишу автору, задаю ему вопросы, иногда прошу прислать мне оттиски труднодоступных журнальных статей. В Америке это нормальный механизм научного сотрудничества.

Самая большая трудность в работе – это отшельничество, отсутствие возможности для постоянного нормального общения с коллегами. Это касается и моих исследований прошло-

го американских опросов, и изучения истории российской социологии. Ведь обычно многое из того, что представлено в наших статьях, книгах, предварительно в той или иной форме проговаривается на семинарах и в неформальных беседах с коллегами. Мне все заменяет электронная почта; я не могу сказать, что у меня очень много корреспондентов, но связь с большинством из них регулярная. Смерть Валерия Борисовича Голофаства лишила меня многого. В наших письмах мы обсуждали не частности биографического анализа, но дух этого научного направления. Иногда мне было важнее отправить ему письмо, то есть высказать нечто, чем получить его ответ.

Для меня поездки в Россию – драгоценная возможность непосредственного общения, я стремлюсь встретиться с как можно большим числом коллег, выступить на семинарах, рассказать о том, что делаю. Уже несколько раз за последние годы я по приглашению профессора Клары Григорьевны Барбаковой читал лекции студентам разных университетов Тюмени. Общение с такой аудиторией дает мощнейший импульс для работы. И вообще в том регионе я ощущаю сильное позитивное космически-гуманитарное воздействие.

Для меня работа – это не только деятельность, но и общение; я веду постоянный диалог и со своими героями, и с будущими читателями. Отчасти это общение – для меня терапевтическое: погружаясь в него, я забываю про окружающий мир. В текстах моих статей и книг я привожу множество деталей не только потому, что уже знаю многое, но и чтобы помочь читателю лучше понять, почувствовать людей, о которых пишу, и если эти детали представляются лишними, то лишь потому, что мне не удалось создать такой контакт. Может он родится при повторном чтении?..

Не удержусь от соблазна задать вопрос, традиционно адресуемый маститым авторам: Над чем вы работаете сейчас, Борис Зусманович?

После возвращения в социологию я постоянно много публиковался, но особенно продуктивным оказался 2005 год. В июне при поддержке Фонда «Общественное мнение» вышла 10-листовая книга «Первопроходцы мира мнений», а в декабре была закончена работа над 500-страничной рукописью «Отцов-основателей». Здесь неоценимую помощь оказал Франц Эдмундович Шереги, еще в самом начале моих историко-научоведческих поисков по-дружески сказавший мне: «Пиши книгу, я ее издам».

Обе книги готовились к печати совместно с Наталией Яковлевой Мазлумяновой, сотрудницей Института социологии

РАН и первоклассным редактором. Целый год между Москвой и Фостер-Сити летали электронные послания: мои тексты в одну сторону и редакционные замечания – в другую. Я очень благодарен ей за все сделанное.

Помимо книг в «Телескопе» и московских журналах были опубликованы ряд статей о прошлом и будущем опросной технологии, а также серия материалов по истории российской социологии. Такая интенсивность работы в последние годы вызвана рядом обстоятельств: приобретен опыт историко-биографических исследований, накоплен огромный материал, выработан определенный стиль письма, сложилась моя коммуникационная сеть. И, возможно, главное – именно в последние пару лет я в полной мере осознал, что я свободен в своей деятельности. Подобного чувства свободы я никогда не испытывал.

Такого темпа работы, какой был в 2005 году, мне сейчас не сохранить, да и надо ли? Необходимо оглядеться и уточнить стратегию... Во-первых, две названные книги были сделаны так быстро потому, что они – фрагменты внушительного, почти в 50 авторских листов, текста, над которым я работаю свыше четырех лет. Значит, предстоит найти способы для публикации многого из того, что уже написано. Во-вторых, у меня есть архивные материалы, которые не публиковались даже в Америке. Их надо изучить и описать. В-третьих, уже в самые последние месяцы обнаружился ряд сюжетов для новых раскопок; смогу ли я ими заняться? В-четвертых, в конце прошлого года я приступил к углубленному анализу становления американской рекламы. Ранее эта тема освещалась мною лишь в одном ключе: рассматривались предпосылки и первые опыты маркетинговых исследований, в которых зародилась технология изучения общественного мнения. Но в этой теме есть и другой аспект: она позволяет подойти к изучению истории формирования политических, более конкретно – электоральных установок. Наконец, набирает обороты проект по истории российской социологии, надо уточнять его содержание и думать о подготовке книги.

Планов много, сохранится ли, как говорит Ядов, кураж?

Да, твоя судьба необычна. Нередко человек в подобной ситуации невольно отдаляется, отходит от прежних профессиональных интересов и коллег. Что скажешь по этому поводу?

Прошло более десяти лет после моего отъезда, но я считаю себя российским социологом, живущим в Америке. Конечно, моя судьба – нелегка, непроста; но ведь каждый скажет: жизнь прожить – не поле перейти. Мои профессиональные

пристрастия и добрые отношения с людьми, с которыми я работал десятилетиями, общий оптимизм помогли мне выстоять и, надеюсь, уже в последние годы сказать что-то новое в науке. Меня это радует.

Литература

1. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999.
2. Докторов Б.З. «Я живу в двуедином пространстве...» // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.
3. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп. 2004. № 4. С. 2–13.
4. Б.М. Фирсов «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп. 2005. № 1. С. 2–12.
5. Докторов Б.З. Россия в Европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
6. Докторов Б. Дж. Гэллап – наш современник: к 100-летию со дня рождения // Телескоп. 2000. № 2. С. 2–18.
7. Докторов Б.З. Джордж Гэллап – наш современник. Тюмень: ТИ-МИЭП, 2001.
8. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-составители Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.
10. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
11. Докторов Б. Альберт Ласкер: «Я – всего лишь апостол очевидности» // Телескоп. 2005. № 6. С. 40–51.
12. Докторов Б., Мазлумянова Н. Рекламист в Америке – больше, чем рекламист. Телескоп . 2006. № 2. С . 26–37.
13. The new elite in post-communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doktorov. College Station , Texas: Texas A&M University Press, 1999.
14. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Любой социолог, рассматривая 17-летний период жизни человека, попытался бы разделить этот временной интервал на этапы. Рискну и я поступить также, хотя применительно к себе это требует немалых душевных затрат. Критерии выделения этапов — качественные изменения в характере «другой жизни» и серьезные трансформации предметного поля исследований.

Б.З. Докторов: ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДНЕЙ ДРУГОЙ ЖИЗНИ¹⁹

...Но время зло для памяти моей...

Ш. Азнавур

В конце 2010 г. я написал воспоминания о том, как, будучи математиком по базовому образованию, входил в социологию [1]. Прочитав их, Л.А. Козлова сказала, что это может быть интересно и социологам, надо лишь приглушить некоторую «математическую» ауру. Однако мне показалось, что в данном случае дешевле сшить новое, чем перелицовывать старое. Так появилась эти заметки; уже не о 70-х, но о событиях последних двух десятилетий.

Я не перечеркиваю и не отбрасываю все, что было со мною до приземления в аэропорту Сан-Франциско 30 апреля 1994 года, но, очевидно, тот день разделил мою жизнь на «до» и «после». Началась

¹⁹ Докторов Б. Шесть тысяч другой жизни // Социологический журнал. 2011. №2. С. 76-95.

другая жизнь, и я сам должен был становиться другим. Тогда я ничего этого не мог понять, не мог предвидеть, возможно, лишь чувствовал. Однако это движение началось сразу и не прекращается.

Недавно я начал писать короткие «рассказики» о моей американской жизни. Один из последних — называется «Шесть тысяч дней». Приведу его с небольшим сокращением.

«Готовы ли вы пролистать 6000 ваших последних дней? День за днем, без пропусков? Дней радостных и трагических, наполненных событиями и как бы пустых, долгих и коротких, когда все шло «в масть» и когда все складывалось наперекосок, дней, долго ожидавшихся и как бы случайно оформившихся, дней приобретений и дней-потерь? Трудно представить, что такое 6000 дней. Привычнее измерять протяженность годами. Это более 16 лет.

Могли ли вы представить 16 лет назад, что к сегодняшнему дню ваша жизнь будет разматываться так, как это было в действительности? А хотели ли бы вы, чтобы все произошло так, как произошло? Чего больше: дней, которые не хотелось бы вспоминать или которые вы готовы вспоминать и вспоминаете? Существует то, что выше наших сил, выше наших возможностей, и потому многое происходило не потому, что мы так хотели. Однако мы обязаны и это впустить в свою жизнь. Но многое произошло, потому что мы что-то сделали не так или вообще не сделали.

Почему я называю именно 6000 дней? Записывая события моего первого дня в Америке я произвольно зафиксировал не только дату, но отметил: «День первый». Так и повелось, и прошедшее 2 октября оказалось 6000-м днем.

Могу ли я пролистать дни от № 1 к № 6000 или наоборот? Формально — да, день за днем. Или почти день за днем, иногда я не мог фиксировать происходящего. Но счетчик дней все равно «тикал».

Хочу ли я пролистать эти состоявшиеся 6000 дней? Сейчас, пожалуй, нет... но, может быть, когда-нибудь я приму хорошенько «для храбрости» и загляну в них... а пока лишь бегло просмотрю».

Пишу эту статью в начале июня 2011 года, к шести тысячам дней в Америке «приплюсовалась» еще пара сотен, это уже более 17 лет «другой жизни». Содержание нескольких толстых амбарных книг задает каркас моего повествования, объективизирует его. Большого в них нет. Это не дневник, скорее — вахтенный журнал; в нем лишь факты. Еще один источник информации — хранящаяся в компьютере длинная таблица; заполняемая с осени 2002 года. В первом

столбце дата, во втором — содержание сделанного за день. Два-три предложения, но их уже около трех тысяч.

Почему я веду записи? Вахтенный журнал — по давней привычке, начал его летом 1985 года, свыше четверти века назад; он всегда в моей сумке. Таблица — форма самоотчета. Я нигде не «служу» и не должен отчитываться за сделанное, но сам хочу это знать.

Третий информационный источник — переписка с друзьями, коллегами, многими людьми, ценные советы которых я использую в моей работе. Точно оценить количество писем невозможно, не ошибусь, сказав — несколько тысяч. В них-то и есть детали, частности происходившего, мое отношение к событиям, размышления, настроение.

Настоящая статья — не мемуары. Она — продолжение моих историко-социологических работ, попытка на базе имеющейся биографической информации дать пример возвращения социолога к профессиональной деятельности и формирования его исследовательского поля.

Начало пути к себе

Любой социолог, рассматривая 17-летний период жизни человека, попытался бы разделить этот временной интервал на этапы. Рискну и я поступить также, хотя применительно к себе это требует немалых душевных затрат. Критерии выделения этапов — качественные изменения в характере «другой жизни» и серьезные трансформации предметного поля исследований.

Через полтора месяца после приезда в Америку мне исполнилось 53 года, к тому времени я четверть века проработал в социологии, почти десять лет был доктором наук, имел тридцатилетний преподавательский опыт и звание профессора и воспринимал себя членом профессионального социологического сообщества. Но более пяти последующих лет я был полностью оторван от какой-либо науки, и мой возврат к исследовательской деятельности был весьма проблематичным. Потому слова «путь к себе» имеют простую, операционализацию. Подразумевается возврат в профессию.

В моем «вахтенном журнале» изредка все же прорывается настроение первых лет американской жизни. В записях 1000-го дня (22 января 1997 г.) есть слова: «Это гнетет ежедневно. Никогда не думал, что жизнь так сложится». И еще через 66 дней — то же настроение, но и какое-то облегчение: «Безумно тяжело. Не думал о такой судьбе и таком повороте. Было

очень тяжело. Но потом успокоился. Что-то нашел в себе...». Поскольку несколько лет я измерял время прожитыми днями, постольку и границами этапов выбраны дни.

Этап первый (дни: 1–1796) — освоение нового социокультурного пространства и поиск самоидентификации.

Этот период начался 30 апреля 1994 года, когда я с женой Людмилой, она тоже математик и многие годы проработала в социологии, и ее мамой прилетели в Америку, и закончился 30 марта 1999 года. Без месяца — пять лет. Он включил освоение новой географии и привыкание к новому климату, переход от жизни в столичном Ленинграде/Петербурге к жизни в крошечном калифорнийском городке Фостер-Сити (30 тыс. человек), резкое сокращение коммуникационной среды, вхождение в неизвестное социокультурное пространство, знакомство с магазинами и ценами, с врачами и лекарствами, с телефонными справочниками, с новой обыденностью. Через несколько дней после приезда я заглянул в ближайшую библиотеку, меня попросили показать водительские права и были удивлены, что у меня их нет. Я спросил, могу ли я «брать» (to take) книги на дом, меня поправили — «to borrow» (одалживать, т. е. с возвратом) и попросили лишь принести русский паспорт и любой почтовый конверт, на котором указаны моя фамилия и адрес.

На 14-й американский день я записался в ближайшую языковую школу для взрослых; сначала мы с Люсей ходили туда пешком, но на 18-й день я сдал письменный экзамен по правилам движения, а на 81-й — с первого захода, не водив машину в России, экзамен по вождению. Сын отдал мне свою старую машину, и мы стали посещать другую, лучшую школу. Через год жизни в США, став резидентом штата, я получил право учиться бесплатно (\$1 в семестр) в public колледже. Обучение продолжалось четыре года и дало мне очень многое для понимания американской жизни и себя.

Еще по российской жизни я был знаком с рядом ведущих «советологов» Стэнфорда, расположенного в полчасе езды от меня. Я посетил несколько их семинаров, меня приглашали на домашние parties, но я сразу понял, что этот университет и немного более удаленный Беркли мне «не светят». Не надеялся и не просил о помощи. Возраст, «сверхквалификация» и отсутствие американского опыта работы стали основной причиной того, что мои резюме не имели положительного отклика. Чтобы выжить, получать «велфэр» — программу государственной помощи, включавшей «фудстемпы» (купоны для оплаты в магазинах продуктов питания), пользоваться

государственной медициной и т. д., я должен был работать в системе survival (для выживания) работы, представляемой государством безработным. Там белого, здорового мужчину практически невозможно встретить. Поскольку я учился в колледже, я мог работать там неполную неделю, лишь два дня.

В начале августа 1996 г. (после 800 американских дней) я случайно прочел объявление о том, что студенты, специализирующиеся по Business Administration, что и было моим направлением, имеют возможность воспользоваться специальной программой финансовой поддержки, если у них достаточной высокой средней балл успеваемости и если они согласны учесть в своих учебных планах требования государственного Центра занятости. Я удовлетворял первому требованию и согласился изменить перечень предметов, намеченных для изучения в осеннем семестре: включил в него Excel и дополнительный курс Accounting. Поддержка включала оплату всех учебников (не менее 400 долларов) и необходимого канцелярита, покрытие расходов на бензин при посещении колледжа и приобретение семестрового ваучера на право парковки в кампусе.

В мои обязанности входило хорошо учиться и в течение трех месяцев после завершения семестра устроиться на работу. Первое зависело лишь от меня, второе — нет. Отсутствие опыта работы стало для меня непреодолимым барьером. Я позвонил сотруднице Центра занятости и сказал, что готов на любую работу, если моей жене дадут сразу, а не через полгода работы, медицинскую страховку. Думаю, это было одним из самых правильных решений в моей жизни. Через пару дней мне позвонили и спросили, согласен ли я работать секьюрити. Ничего не спрашивая, я согласился. Оказалось, что место моей работы — огромное 23-этажное офисное здание... в трех минутах от моего дома. Пройдя инструктаж и получив нарядную форму, я 30 марта 1997 г. (на 1068-й день) впервые за время пребывания в Америке вышел на нормальную работу. Это привнесло позитивные качественные изменения в нашу жизнь и позволило мне хоть немного раскрепоститься.

Контракт с Центром занятости был выполнен полностью, и в августе 1997 г. я получил его высшую награду — звание Alumni Super Star. Это были бронзовая настольная звезда, грамоты от представителя нашего избирательного округа в Конгрессе США, калифорнийского сенатора и члена законодательной ассамблеи штата, в которых ключевыми словами были: “The People of the State of California salute your indomitable spirit in overcoming the odds”. И, конечно, — поцелуй от cover girl, вручавшей мне все это в переполненном зале.

Программа подготовки по Business Administration включала множество предметов, в том числе — курс по методам инвестирования. Меня сразу привлекла своей элегантностью схема mutual funds (в России — паевые инвестиционные фонды), и я стал читать специальную литературу, планируя написать о них эссе по курсу и когда-нибудь статью для российского читателя. Так я познакомился с деятельностью сэра Джона Темплетона, выдающегося американского финансиста и филантропа, первого, кто стал инвестировать в разрушенную войной промышленность Японии. В начале октября 1997 г. я наткнулся на изданные под его редакцией «фолианты» *Looking Forward* и *Worldwide Laws of Life*. Их суперидея — оптимизм правит миром и сознанием человека. В той ситуации, в которой я уже долго пребывал, мне ничего не оставалось делать, как поверить ему. 7 ноября 1997 г. (1288-й день) я отправил в The John Templeton Foundation заявку на грант для разработки курса лекций «Законы оптимизма для России». Через три месяца Фонд попросил меня развить и конкретизировать мою заявку, а еще через некоторое время пришло письмо от доктора Деклана Морфи, которому было поручено связаться со мною и по-возможности помочь мне. В то время по поручению Фонда он изучал вопрос поддержки Бизнес школы Петербургского университета и занимался поиском денег на восстановление усадьбы Бобринских на Галерной улице.

К сожалению, Морфи не удалось этого сделать, но в благодарность за то, что я познакомил его с рядом интересных людей в России, он пригласил меня поучаствовать в конференции «Будущее Свободы в России», которая проходила 16 февраля 1999 г. (1754-й день) в Вашингтоне. Там он представил меня сэру Джону, которому было около 90 лет, и я впервые после отъезда из России услышал рассказы людей о происходившем в стране. Тогда я понял, что все это интересно мне в исследовательском отношении и уже во время полета из Вашингтона подумал о возвращении в профессию и о восстановлении моих связей с российскими социологами. Но я не мог знать, что через месяц с небольшим все мои планы придется пересмотреть и от многого отказаться.

Этап второй (дни: 1796–3074), когда не исследования были главными в моей жизни.

В первый день этого временного интервала (30 марта 1999) у моего сына Саши была операция в Стэнфордском госпитале по удалению жировика в районе виска; на следующий день анализ показал — злокачественная опухоль. Время вновь раскололось: «до» и «после»; в вахтенном журнале: «Все черно».

Потом было еще несколько операций, радиационная терапия, специальная система питания. Его жена вынуждена была уйти с работы, моя жена с утра до вечера была с ними, я — на подхвате: куда-то поехать, что-то купить. В середине апреля 2000 г. я прекратил работу секьюрити, на нее не оставалось времени. Нас всех заряжало мужество и оптимизм Сани. Но чуда не случилось, в конце августа 2002 г. его не стало. Был вечер, приехал батюшка, пришли друзья...

...На следующий день Лизуше исполнялось четыре года, как любой ребенок, она ждала этого дня, в детский сад, куда она ходила, был заказан клоун... если бы такой сюжет включил в свое произведение писатель, его обвинили бы в дурном вкусе, но так все и было. Лишь клоуна попросили дать представление парой дней позже. 28 сентября 2002 г. было «40 дней». Эту точку я назначаю окончанием этого этапа жизни и началом новой, очень трудной поры. В январе 2003 г., описывая свою жизнь Б.М. Фирсову, я отмечал: «...это все, дорогой друг, внешняя часть жизни. Во внутреннюю я сам боюсь забираться. <...> Но дома мы пытаемся быть в форме, не скулить и не жаловаться друг другу...».

Поиски темы

И все же, и в рамках второго этапа, особенно его первой части, т. е. до конца 2001 г., я пытался следовать соображениям, к которым пришел в Вашингтоне.

Мне пришлось несколько раз учиться писать. Первый раз, как и все, — в школе. Второй раз — через десять лет после ее завершения. При обучении на математико-механическом факультете ЛГУ (1959–1964 гг.) и в следующие три аспирантских года я писал короткие тексты с формулами и небольшим числом слов-связок, типа: обозначим, докажем, покажем и т.д. Но в 1969 г. я задумал защитить диссертацию по психологии, и тогда пришлось учиться писать заново. Сначала одну-две страницы в день, потом полегчало.

Третий раз — вскоре после приезда в США. В июне 1994 г., на 101 день «другой жизни», я «взял» (пример русско-американского жаргона, от глагола to take) в школе для взрослых простенький вечерний курс по подготовке обзоров, статей, эссе по изучаемым в школе, колледже предметам, назывался он громко — academic writing. Речь шла о выборе темы, подборе литературы, составлении плана текста. Все это я слышал в 7–8 классах, но здесь все излагалось жестче, и что важно — подчеркивалось, что планирование должно исходить

из заданного объема текста. Особое внимание придавалось выбору заголовка, нам объясняли, что он «продает текст». Конечно, в процессе работы можно уточнить заголовок, придумать новый, но начинать текст без заголовка нельзя. Все это подействовало на меня магически. Теперь я пишу, как учили, иначе не могу.

Американская система обучения предполагает написание студентом большого числа эссе по разным предметам. Для многих студентов английский — *second language*, и потому преподаватели не очень журят за ошибки, но крайне строги при оценке логики текста, аргументации авторской позиции. Начинал я в колледже с «изложений», т. е. пересказывал содержание прочитанных текстов и как-то их комментировал. Потом — эссе на разные темы: о конституции Калифорнии, здоровом образе жизни, творчестве Павла Филонова (история искусств) и жизни Коперника (астрономия) — и многое другое. На третий год учебы после уточнения профиля обучения пришло время для написания работ по темам, которые студент может сам предложить профессору или получить от него. Мне милее было первое.

Интернет появился у меня в сентябре 1998 г. Живя в одном из городков Кремниевой долины, я не мог не погрузиться в сетевую культуру и постепенно начал анализировать российский Интернет. Это дало мне темы для специальных проектов и курсовых работ. Поэтому, когда Р.С. Могилевский, с которым я активно переписывался по электронной почте, попросил меня подумать об организации в Петербурге какой-либо конференции, на которую он был готов меня пригласить, мы быстро договорились о том, что вынесем на нее обсуждение вопросов развития российского Интернета. Через четыре дня после возвращения из Вашингтона я отправил ему письмо с обоснованием темы, и все «завертелось».

2 июня 1999 г. я окончил колледж, сфотографировался в мантии и шапочке с кисточкой и через две с половиной недели отправился в Россию. В аэропорту Пулково я оказался спустя без малого 1900 дней после того, как из него улетел в Америку. Мне хотелось бы описать встречи с родными, друзьями и коллегами, но это увело бы меня далеко от основной темы.

Конференция, организованная Могилевским, называлась «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии» (23 июня 1999 г.), в ней участвовали не только петербургские ученые, но и несколько финских специалистов. Это был один из первых в России форумов, на котором социологи и исследователи рынка обсуждали круг вопросов распространения и использования Интернета.

Перечень моих публикаций, приходящихся на американский период, открывается книгой о формировании элиты в России и в ряде стран СНГ и Восточной Европы в постперестрочный период. К работе над ней в качестве соредактора меня вскоре после приезда в Америку привлек В.Э. Шляпентох. Она вышла весной 1999 г. [2]. А первые работы в России были опубликованы в специальном выпуске «Петербургского журнала социологии», включившего доклады на указанной конференции. Там были и две мои статьи: «Российский интернет: новое русское чудо» и «Российский политический Интернет». Я планировал продолжить анализ российской части всемирной паутины, но в то время не обнаружил стабильного интереса к этой теме со стороны моих российских коллег. Если говорить об интернетовской тематике, то именно с тех пор я отслеживаю развитие технологии онлайн-опросов.

Через несколько дней, уже в Москве, состоялась, для меня — историческая, встреча с А.А. Ослоном и Е.С. Петренко в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ). Был просто разговор «за жизнь» и немного о науке. Эта беседа оживила наши дружеские отношения и породила необычную для того времени форму сотрудничества. В начале августа 1999 г. мы договорились о совместной работе над книгой, обобщавшей результаты опросов ФОМа за весь период президентства Бориса Ельцина. Были две встречи в Москве, но в основном работа шла через электронную почту.

Мне представляется, что эта книга предлагает одно из наиболее полных описаний состояния и динамики общественного мнения россиян в последнее десятилетие завершившегося столетия. С методологической точки зрения — это попытка найти метод компактного представления данных об общественном сознании населения по важнейшим для общества социально-экономическим и политическим проблемам. Напомню, то было время распада СССР и образования СНГ, гайдаровских реформ, горячего октября 1993 г., первой чеченской войны, победы Ельцина на выборах 1996 г., прихода к власти Владимира Путина. Книга вышла летом 2002 г. [3].

«Гэллапиада»

Итак, до начала осени 2002 г., т. е. фактически более восьми лет американской жизни, я или вообще был вне социологии, или пробовал заниматься разными проектами, отыскивая собственную исследовательскую нишу. Я еще не знал, что она была найдена весной 2000 г.

«Гэллапиадой» я называю уже десятилетний период изучения биографии Джорджа Гэллапа (1901–1984) и проблематики, фокусированной на прошлом американских опросов общественного мнения. Однако моя погруженность в изучение этой тематики менялась во времени. Это было связано с особенностями моей жизни и динамикой научных интересов.

Все «завязалось» в начале второго этапа моей американской одиссеи, после возвращения из России. Окружающие — бывшие советские граждане — расспрашивали меня о многом, в частности, кто победит на президентских выборах в марте 2000 г. Ссылаясь на результаты опросов ВЦИОМа и ФОМа, я говорил о весьма вероятной победе Путина. Но люди не верили в то, что по данным опросов тысячи с небольшим человек можно точно предсказать поведение электората. Исчерпав все статистические аргументы в пользу использования небольших научно-организованных выборок, я решил обратиться к опыту истории электоральных прогнозов. В библиотеке нашел книгу с результатами прогнозов Гэллапа и написал небольшую статью. Один из моих соседей — Феликс Дозорец, в то время работал в сан-францисской русской газете «Взгляд», и я попросил его прочесть написанное. Помимо ряда ошибок, на которые он мне указал, Феликс попросил меня написать немного собственно о Гэллапе. Полистав несколько «Who is who», я нашел базовую биографическую информацию, внес ее в текст статьи и отправил материал во «Взгляд». 17 марта 2000 г. (2149-й день) она была опубликована в этой газете, и через четыре дня — в филаделфийском «Посреднике». Его редактировал эмигрировавший несколько позже меня харьковский социолог Юрий Неймер. Так родилась моя «гэллапиада».

Поняв, что в 2001 г. будет столетие со дня рождения Гэллапа, я ускорил сбор данных и написал статью о нем для питерского журнала «Телескоп». Обнаружив, что Гэллап признается классиком исследования рекламы, я расширил область научного поиска и начал изучать процесс возникновения рекламы в США и становление научного анализа ее эффективности. Потому в тот же год в «Телескопе» и нескольких российских и русскоязычных газетах Америки были опубликованы материалы о Гэллапе-полстере и Гэллапе — аналитике рекламы.

В начале декабря тюменский социолог К.М. Барбакова, создавшая в Тюмени удивительный институт нового типа, пригласила меня прочесть студентам цикл лекций по изучению общественного мнения. В процессе уточнения программы возникла идея о проведении первых Гэллаповских чтений в Сибири. Они состоялись в начале февраля 2001 г. К ним была опубликована брошюра, содержащая биографические данные

о Гэллапе и краткий анализ его наследия [4]. На семинаре присутствовали мои московские коллеги: З.Т. Голенкова, В.Т. Култыгин, В.А. Мансуров, Г.Г. Татарова, Ж.Т. Тоценко; их поддержка начинавшейся «гэллапиады» оказалась для меня чрезвычайно ценной.

Обстоятельства дома заставили меня надолго отказаться от всех дальнейших поездок. «Гэллапиаде» отдавалось лишь несколько часов в день, и все же до весны 2002 г. объем материалов по истории опросов общественного мнения рос стремительно. Не проходило и недели, чтобы я, сидя безвылазно в моей «деревне», не получал ценнейшей информации.

На рубеже веков бурно развивалась американская часть Интернета, возникла поисковая система Google и появились феерические возможности для отыскания, пусть разрозненных, но ценнейших данных. Набрал силу сайт amazon.com, на котором можно было недорого покупать старые, а мне именно такие и нужны были, книги. Появились платные онлайн-вые библиотеки. Через городскую библиотеку я мог за чисто символические деньги получать для чтения редчайшие книги из других библиотек страны. Неожиданно для меня на мои запросы о помощи материалами, воспоминаниями активно откликнулись многие американские специалисты очень высокого уровня, университетские библиотеки и архивы. Ассоциация семьи Гэллапов подарила мне книгу по генеалогии рода Гэллапов, одного из старейших в Америке.

В моральном плане важной для меня была поддержка Джорджа Гэллапа-мл.. В начале 2003 г. я сообщил ему о том, что мною написан ряд статей о Гэллапе (одна из них была переведена на английский) и отметил, что предполагаю продолжить мою работу. Вот его ответ от 10 июля 2003 г.: «Dear Professor Doktorov. Thank you for the sensitive and thoughtful profile you did in my father, Dr. George Gallup, in March. The entire Gallup family read the article with great interest and appreciation. With best wishes, Sincerely, George Gallup, Jr.». Потом были и другие его письма.

Этап третий (дни: 3075–3729) — погружение в историю опросов общественного мнения.

С марта по май 2002 г. работа над «гэллапиадой» шла крайне медленно, а потом до конца сентября вообще остановилась. Когда в начале зимы 2002 г. я начал возвращаться к прерванным исследованиям, я понял, что в сложившихся обстоятельствах невозможно продолжать поиски «своей» темы, нужно сконцентрироваться на чем-то уже обнаруженном. Максимальную свободу в работе обещала постепенно

складывавшаяся историческая тематика. Мое сотрудничество с питерским журналом «Телескоп» началось осенью 1999 г., а с октября 2002 г. публикации в нем стали частыми и превратились в существенную часть моей жизни. Я не знал, как будет развиваться проект по истории опросов общественного мнения, но решил одновременно с анализом и описанием поступавшей информации опубликовать в «Телескопе» серию статей о пионерах опросной технологии. Один за другим появились тексты об Элмо Рупере, Арчибальде Кроссли, Хедли Кэнтриле и Эмиле Хурье, кроме того, множество коротких эссе были специально написаны для размещения в Интернете.

К концу 2002 г. одновременный анализ прошлого и новейших опросных технологий позволил подойти к рассмотрению длительного процесса становления исследований массовых установок; его начало было отнесено в XVII век и обозначен характер его развития в наступившем столетии. Так возникло представление о догэллаповских, гэллаповских и постгэллаповских опросных технологиях и культурах отношения к общественному мнению. Меня очень поддержали слова В.Б. Голофаста: «...в твоём замечательном городишке, слишком райском в обзорных снимках, которые я видел, ты ухитряешься писать очень хорошие статьи. Я только что прочел твои постгэллаповские упражнения в “Телескопе”. Это замечательный и, конечно, очень важный и информативный текст. Красота, как ты все же удержался от связки с социологией, которая для нашего мышления стала слишком дежурной и именно в твоей теме — мешающей».

К концу весны 2004 г. — в какой-то степени неожиданно для меня — сложился манускрипт — объемный структурированный текст по истории опросов общественного мнения, его «домашнее имя» было «Гэллапиада». Возникли помыслы о книге, но чтобы они приобрели организационное оформление, нужно было на какое-то время отойти от этой тематики. Так случилось, что в апреле, а потом на рубеже июня-июля того года я был в Москве и Петербурге, читал лекции, выступал с докладами, встречался с большим числом коллег.

Этап четвертый (дни: 3730 — 4039) — «с Грушиным и Гэллапом».

Пробывание в России немного «отодвинуло» меня от «гэллапиады», я осознавал, что надо поворачиваться к домашней тематике. Особое значение имела встреча с Б.А. Грушиным (13 апреля 2004 г.) у него дома. Он подарил мне очередной том своего «четырёхкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным проектом. Опыт изучения био-

графий американских полстеров, многообразные российские впечатления, приближавшийся 75-летний юбилей Грушина стимулировали меня начать писать статью о нем. Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», вошедшие в «Эпоху Ельцина» можно будет быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа». Грушин был тогда в Америке и, получив от меня журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я мог с легкой душой отправить текст статьи моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним. Фирсов ответил: «Так мы друг о друге не писали..», Ядов написал: «Прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии. Совмещая в своем сознании статью о Гэллапе и “пост...”, я думаю, что хорошо бы тебе подготовить и опубликовать у нас свою книгу».

В то время я уже вернулся к «гэллападе», объем рукописи перевалил за полтора миллиона знаков, и тогда я решил сократить имеющийся текст до 25 авторских листов и готовить книгу. 14 ноября 2004 г. было написано письмо в ФОМ с предложением организовать в следующем году в Москве конференцию в связи с 70-летием гэллаповских опросов и 45-летием — грушинских и издать к конференции книгу об американских пионерах опросов общественного мнения. Через два дня пришел ответ Е.С. Петренко: «Твое предложение мне кажется о-о-очень заманчивым...». 3 декабря она сообщила, что книгу в 25 листов подготовить за короткий срок нереально, но можно ориентироваться на 10–12 листов. Кроме того, она заметила, что в заявке на книгу я «совсем упустил из виду» грушинские проекты и всесоюзные опросы В.Э. Шляпентоха.

Я принял предложение ФОМа, и в первых числах декабря началась работа над книгой под названием «Первопроходцы мира мнений», в котором явно просматривалась связь с названием книги Грушина: «Мир мнений и мнение о мире». 8 декабря мне написала Н.Я. Мазлумянова: ФОМ попросил ее стать редактором моей книги и завершить работу к концу декабря. В этих обстоятельствах было решено составить книгу из пяти глав: о Гэллапе, Роупере, Кроссли, Кэнтриле и Грушине.

Наша работа шла непрерывно: когда в Москве была ночь, в Америке — день, и наоборот. В последних числах декабря текст книги был готов, редактирование завершилось в сере-

дине января 2005 г., и несколько позже сложилось окончательное название: «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина». Затем был еще один цикл редакционной работы и подготовка рукописи к изданию. В середине июня книга увидела свет [5].

В поле двух предметных областей

Выход этой книги зафиксировал произошедшее изменение в направленности моих исследовательских интересов: от методологии социологии к истории. Одной из первых это заметила Петренко. На последней фазе работы над «Первопроходцами» она писала мне: «Я думаю, ты очень умно выбрал социо-историко-графическую стезю. Она и никем сегодня не занята, и ароматом тайны пропитана, и на популярность обречена». С выходом этой книги завершился четвертый этап моей «другой жизни», и начался следующий, на котором доминирующими стали именно историко-социологические исследования.

Этап пятый (дни: 4040–5025) — это тысяча дней (с 21 мая 2005 г. до 31 января 2008 г.) углубления «гэллапиады» и вхождения в историю советской/российской социологии. Благодаря единству методологии этих различных в предметно-объектном отношении проектов, они разрабатывались одновременно. В одном случае речь шла об истории исследований рекламы и становлении опросных технологий, в другом — о недавнем прошлом и настоящем российской социологии, но в обоих случаях внимание фокусировалось на биографиях творцов этих научных направлений.

Завершив рукопись «Первопроходцев», т. е. еще до выхода книги, я вернулся к своей исходной задумке — издать книгу, рассказывающую подробно о возникновении современной технологии и культуры изучения общественного мнения и людях, причастных к этому. Материалов было много, их надо было лишь извлечь из толстого манускрипта «Гэллапиады», еще раз проанализировать поступившие из разных архивов документы и снова окунуться в тот мир. Возникло и рабочее название книги: «Отцы-основатели».

В начале декабря 2004 г. Ф.Э. Шереги, с которым меня связывают многолетние и очень глубокие дружеские отношения, написал мне, что готов издать эту книгу и пригласить Мазлумянову для ее редактирования. Таким образом, только что развязавшись с первой книгой, она, к моей радости, согласилась поработать со второй. Механизм работы был отлажен: я высылал Мазлумяновой готовые главы, она отправляла мне

прочитанное и откорректированное. В октябре 2005 г., т. е. через год после начала работы, книга была завершена, и в апреле 2006 г. — опубликована [6].

Но гэллаповский проект не закончился. Более глубокое проникновение в прошлое опросов и творчества Гэллапа предполагало направленное изучение истории американской рекламы и зарождения маркетинговых исследований. Полтора года ушло на разработку этой проблематики и подготовку серии статей о творчестве известных копирайтеров и исследователей рекламы; тексты регулярно публиковались в «Телескопе». Когда в один из своих приездов в Москву я рассказал Шереги о том, что продолжаю «гэллапию», он сказал: «Пиши книгу, я издам». Работа над рукописью началась во второй середине июня 2007 г., и в начале сентября я смог передать для редактирования — естественно, Мазлумяновой — первую часть написанного. Книга, названная «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов» [7] получилась очень объемной, свыше 33 авторских листов. Все типографские работы завершились в конце марта 2008 г.

В начале 2009 г. эта книга получила российскую национальную премию в области развития общественных связей по номинации «Лучшая работа по теории» — «Серебряный Лучник». Награждение, состоявшееся 28 января, напомнило мне церемонию далекого 1997 г.; присвоение звания Alumni Super Star. Но вместо поцелуя «красотки» была большая бутылка «Царской» водки; Америку ей не довелось увидеть.

Теперь — о вхождении в изучение прошлого советской/русской социологии, начавшемся после публикации статьи о Грушине. Импульсом было цитированное выше письмо Ядова и предложение издателя и главного редактора «Телескопа» М.Е. Илле: подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Я принял его предложение и сразу же написал небольшую заметку «История есть, только если она написана». Отчасти то была краткая программа нового раздела журнала, но в большой степени — форма убеждения самого себя в том, что эта работа нужна.

Единственным способом для меня окунуться в прошлое отечественной социологии были интервью с теми, кто работает в ней. Но интервью не личное, а через электронную почту. Априори невозможно было оценить работоспособность этого метода, однако знание методологии интервьюирования и опыта американских полстеров, проводивших массовые онлайн-опросы, давало мне определенную надежду на успех.

В «Телескопе» № 1 за 2005 г. было опубликовано первое биографическое интервью с Б.М. Фирсовым. Беседа с ним,

я одновременно начал интервью и с другими социологами. Так сложилась практика работы: одни интервью завершались и сразу публиковались, другие — продолжались, третьи — начинались. В какой-то момент пространства «Телескопа», выходящего шесть раз в год, стало не хватать для размещения биографических бесед. Они стали публиковаться в «Социологическом журнале» и в ФОМовском журнале «Социальная реальность».

Сначала моими собеседниками были те, кто пришел в социологию в конце 1950-х — в 1960-х годах, но уже в 2007 г. респондентами стали и социологи, начинавшие свою деятельность в застойные и предрестречные годы. Это расширило поле обсуждавшихся в интервью проблем и подвело к некоторым историко-методологическим выводам.

Первое. В октябре 2007 г. в тезисах, представленных на одну из конференций в Тюмени, я предложил концепцию, согласно которой возникновение советской социологии в годы «оттепели» трактовалось не как возрождение, а как ее второе рождение. Это утверждение вытекало из собственно исторического анализа и аргументировалось ссылками на мнения опрошенных социологов. Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас». Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии...». Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения». Ядов в своем письме (11 октября 2007 г.) отметил: «...Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново».

Второй результат, ставший базовым для моих дальнейших историко-социологических исследований, касался строения российского социологического сообщества. Была предложена «лестница поколений», включающая все поколения работающих социологов.

Весной 2005 г. началась наша совместная с Д.Н.Шалиным, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-

Begec, работа над онлайн-овым американско-русским проектом «Международная биографическая инициатива» (The International Biography Initiative; <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>). Сейчас — это крупнейшая из известных мне коллекций биографического материала о советских/русских социологах и представительное собрание работ по методологии биографического метода.

В раскаленном поле борьбы за Белый дом

Возможно, и в 2008 г. главным для меня делом оставалось бы интервьюирование российских социологов и изучение прошлого отечественной социологии, но вмешались внешние обстоятельства. 4 января страшнейший шторм затопил дом моей невестки. Занимаясь несколько дней откачиванием воды, а потом — будучи постоянно начеку и слушая сообщения комментаторов о погоде и заодно о начавшемся президентском марафоне, я задумался о том, что неплохо бы осуществить его социологический мониторинг. В то время я по заказу ФОМа занимался анализом новых опросных методов, но 14 января отправил Ослону и Петренко письмо с предложением приступить к отслеживанию хода борьбы за Белый дом. Их согласие обрадовало меня. Таким образом оказалось, что, справившись с потоком воды, я надолго оказался в мощном информационном потоке.

Этап шестой (дни 5025–5819) — объективно — короткий и субъективно — мгновенный. Книга, отражающая итог проделанной работы, начинается словами: «В первые дни 2008 года у меня не было даже смутной идеи заняться мониторингом начинавшейся тогда в США президентской избирательной кампании. Но вскоре такая идея появилась, потом решение было принято, и у меня началось весьма необычное время. Ночи стали короткими, утра — ранними, а дни — долгими. Но их постоянно не хватало. Недели не отделялись одна от другой выходными, а специфическая тепло-мягкая погода Северной Калифорнии, где я живу, не позволяла, выглянув в окно, замечать переход весны в лето, а лета — в осень» [8]. Осень того года была жаркой во всех отношениях, некоторые новостные сайты приходилось посещать по несколько раз в день.

Сбор информации, начавшийся 1 февраля, в целом завершился в середине ноября, когда Барак Обама был избран президентом и общество осознало свершившееся. На этой 10-месячной фазе работы было две главные заботы: не упустить ценные факты и комментарии заслуживающих внимания

специалистов, а также найти место для новых сведений в постоянно разраставшемся архиве данных. Мне не приходилось читать что-либо по методологии ежедневного социологического мониторинга столь многоаспектного процесса, как президентская избирательная кампания, поэтому приходилось самому, отталкиваясь от общих представлений о динамике электоральных установок, разрабатывать теоретическую схему (семантику) этого архива. Опробовав несколько вариантов, я пришел к заключению о том, что координатная сетка архива должна быть операционализацией будущей схемы анализа электорального процесса и электоральных установок. Так что книги еще не было, но в каждую ее будущую главу или параграф заносилась соответствующая «эмпирия» и делались краткие поясняющие тексты.

В работе использовались некоторые подходы, найденные при мониторинге общественного мнения россиян в эпоху Ельцина. Прежде всего, осуществлялся поиск «критических точек» в развитии наблюдаемых процессов, то есть таких событий, которые либо детерминируют ощутимые изменения в происходящем, либо итожат, вбирают в себя многие составляющие этих процессов. Но если при изучении восьмилетней динамики установок россиян особые «событийные точки» располагались в прошлом и на момент анализа уже были зафиксированы историками и политологами, то в мониторинге президентской кампании в США 2008 года критические, или опорные, моменты следовало определять сразу же (сегодня!). Во-вторых, постоянно учитывалась непрерывность исторического (хронологического) и логического (предметного) в самом механизме избирательной борьбы, а значит — в описании всего происходящего. В-третьих, шел поиск «удаленной точки обзора» и соблюдался принцип: больше фактов и меньше комментариев.

В январе 2010 г. я начал анализ и описание собранной информации. Если книги по истории опросов и рекламы базировались на материалах «базовой» рукописи и серии биографических очерков, то в данном случае текст писался с «нуля». В этом есть положительные моменты — написанное ранее не «давит», но есть и негативные: жалко оставлять без внимания собранный эмпирический материал, т. е*. становись к нему менее, чем следовало бы, критичным. Помимо отслеживания динамики электоральных установок в рамках мониторинга изучались особенности использовавшихся новых приемов опроса и уделялось особое внимание аналитическим разработкам, в которых избирательная кампания 2008 г. трактовалась как «точка» в семидесятилетней истории изучения

американскими полстерами президентских выборов. Другими словами, мониторинг, подобно «гэллапиаде», тоже был историческим исследованием, но применительно к настоящему.

В июле, когда большая часть рукописи была готова, к ее редактированию был подключен опытнейший специалист А.А. Черняков. Тексты летали над океаном по многу раз. И вот, наконец, 3 апреля 2010 г. от него пришло долгожданное сообщение: «Боря, вы будете смеяться, но мы закончили работу над текстом». Через два дня рукопись (34 авторских листа) была отправлена в ФОМ для подготовки к изданию; из типографии книга вышла в конце декабря.

Настоящее

Этап, начавшийся 6 апреля 2010 г. (5820-й день), назову «настоящим». Он продолжается свыше 400 дней, но я не знаю, когда и в силу каких обстоятельств он завершится.

Исходно мне казалось, что пришло время для суммирования всего прочитанного и написанного мною по истории российской социологии, потому работе над книгой по этой тематике было отдано все время до начала зимы. Сейчас, перечитывая почти законченную рукопись, я вижу, что это повествование о большой четырехпоколенной (представителей следующих поколений я не интервьюировал) профессиональной общности. Она — о времени и людях.

В начале мая 2011 г. А.Н. Алексеев, в последние годы много делающий для фиксации и анализа событий, протекающих в нашем профессиональном сообществе, решил собрать воедино все проведенные мною биографические интервью. Я давно задумывал сделать подобное, но все не мог решиться. За пару недель мы вместе все сделали, и результат удивил даже для меня. За шесть лет опубликовано 39 интервью, общий объем этого материала — 76 авторских листов. Эта коллекция интервью разослана большому числу социологов, и в ближайшее время она будет выложена на одном из специализированных сайтов.

Тот факт, что Гэллуп был американцем в десятом поколении, подвел меня к пониманию важности изучения предбиографии моих героев. Смерть в последние годы ряда известных ученых, во многом определивших развитие советской/российской социологии, заставляет задуматься об их постбиографиях. Постепенно сформировалось представление о судьбе человека — к этой теме меня подвели публикации Ю.М. Беспаловой — как о композиции его предбиографии,

биографии и постбиографии. В рамках этой концепции уже написаны очерки о Гэллапе, Грушине и Леваде. Это труднейшая историко-социологическая тема, замыкающаяся на сложный комплекс нравственных категорий.

Получила продолжение и «гэллаппиада». В начале моего обращения к этой теме меня поддержала Е.И. Башкирова, создавшая и многие годы возглавлявшая исследовательскую фирму РОМИР. По-моему, Башкирова была первой, кто представлял российских полстеров в ассоциации «Гэллап Интернэшнл», созданной Гэллапом в 1947 г. При ее содействии моя первая статья о Гэллапе была переведена на английский язык и размещена на сайте РОМИРа. Прошло свыше десяти лет, и в октябре 2010 г. я узнал, что А.В. Милехин, руководитель исследовательского холдинга РОМИР и региональный директор «Гэллап Интернэшнл» по Восточной Европе и СНГ, начал готовить конференцию этой глобальной организации в Москве. Я сразу обратился к нему с предложением издать к конференции книгу о Гэллапе на русском и английском языках. Предложение было принято, но времени на воплощение моей задумки было крайне мало. Работа развивалась по отлаженной процедуре: я готовил текст книги, Мазлумянова редактировала его, и готовый текст отсылался в Болгарию, где работал опытный переводчик. В таком «треугольнике» за четыре месяца была подготовлена на двух языках книга «Джордж Гэллап. Биография и судьба» [9]. 2 мая 2011 г. она была презентована участникам конференции, приехавшим из более чем 60 стран.

* * *

Несколько лет назад в письме к одному из моих друзей, заметившему мою публикационную активность, я написал, что как социолог я заметно моложе всех моих коллег. Ведь после долгого молчания, которое с большой вероятностью могло и не закончиться, я в 1999 г. начал все сначала. Но никому не советую воспользоваться моим опытом...

Литература

1. Докторов Б.З. Так случилось или так должно было случиться // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д. Эпштейна и др. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 195–212.

2. The New Elite in Post-Communist Eastern Europe / Edited by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doktorov. Texas A&M University Press, 1999.
3. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение». 2002.
4. Докторов Б.З. Джордж Гэллуп — наш современник. Тюмень: ТИМИЭП, 2001.
5. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллупа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.
6. Докторов Б.З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006.
7. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008.
8. Докторов Б.З. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. М.: Изд-во «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011. С. 18.
9. Докторов Б. Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во «ООО Полиграф — Информ». 2011; Doktorov B. George Gallup. Biography and Destiny. Moscow: ООО “Poligraph-Inform.” 2011.

Научное издание

Докторов Борис Зусланович

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ**

В 9-ти томах

ТОМ 3

БИОГРАФИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

*Корректурa Бориса Никифорова
Макет издания Евгения Чичилова*

Издатель:
Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.

**Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47
E-mail: info@sheregi.ru**

**Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН
E-mail: delo@isras.ru**

Тираж: 500 экз.